

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Сборник научных трудов

Нестор-История
Санкт-Петербург
2009

УДК 316.334.56
ББК 6.0.5

Печатается по решению Ученого совета
Социологического института РАН

Редколлегия сборника научных трудов СИ РАН:

И.И. Елисеева, чл.-корр. РАН, д.э.н., профессор,
засл. деятель науки РФ; *А.А. Клецин*, к.соц.н.;
Г.В. Еремичева, к.ф.н.; *А.Г. Щелкин*, д.ф.н., профессор.

Петербургская социология сегодня. Сборник научных трудов
Социологического института РАН. — СПб.: Нестор-История, 2009. —
386 с.

ISBN 978-5-98187-392-8

В сборнике представлены результаты современных и ретроспективных исследований научных сотрудников Социологического института РАН в области методологии и истории социологии, изучения биографического фонда, социального неравенства и социокультурных изменений.

Для социологов, историков, экономистов и методологов науки.

© Социологический институт РАН, 2009
© Издательство «Нестор-История», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
-----------------------	---

Методология и история социологии

<i>Г.И. Саганенко.</i> Микро- и макросреда в методологии эмпирических исследований	13
<i>Г.В. Каныгин.</i> Анализ качественных данных и проблемы перехода к оперированию понятиями в социологическом исследовании	41
<i>В.В. Козловский.</i> Цивилизационные вызовы современности	55
<i>Р.Г. Браславский.</i> Сетевой подход в современном цивилизационном анализе: изменение парадигмы	68
<i>А.Г. Щелкин.</i> Николай Тимашев — энигма русской социологии. Инновационный потенциал книги Н. Тимашева «Великое отступление»	83

Биографический фонд: практика исследования линии жизни

<i>О.Б. Божков.</i> Биографический фонд: методологические проблемы социологического анализа	93
<i>К.С. Дивисенко.</i> Биографический фонд как исследовательский ресурс социокультурных изменений	113
<i>Н.Н. Цветаева.</i> Логика жизни и логика идеологии через призму советской эпохи	131

Опыт изучения социального неравенства

<i>Г.В. Еремичева, Е.П. Евдокимова, Н.Р. Корнев, С.Н. Изнатов, Е.М. Порецкина.</i> Социальное неравенство в странах постсоветского пространства (сравнительный анализ ситуации в России и Беларуси)	145
<i>Н.Л. Русинова, Л.В. Панова, В.В. Сафронов.</i> Факторы дифференциации здоровья в Санкт-Петербурге: социальный капитал и экономические неравенства	172
<i>Т.З. Протасенко.</i> Опыт социологического мониторинга поведения населения в кризисных ситуациях (по материалам опросов общественного мнения в Санкт-Петербурге).....	223

**Социологический анализ в преобразовании общества:
ретроспектива и современность**

Б.И. Максимов. Двадцать лет исследования и со-творения транс-
формаций 241

И.И. Травин, Е.М. Порецкина. Опыт исследования повседневной
жизни петербуржцев в 1993–2001 гг. 266

А.С. Мищенко. Социологический анализ условий труда учёных в
институтах РАН..... 277

М.Г. Мацкевич, А.В. Родионова. Локус контроля и атрибуция от-
ветственности (на примере общероссийских опросов и опроса
петербургских студентов) 289

Социология девиантности и социального контроля

Я.И. Гилинский. Конструирование девиантности: проблематиза-
ция проблемы 327

М.М. Русакова. Влияние перенесенного в детстве сексуального
насилия на вовлечение женщин в проституцию..... 345

И.Н. Гурвич. Употребление психоактивных веществ в России: ме-
тодические и организационные проблемы установления уровня
и оценки динамики 360

Context 374

Summary..... 376

Сведения об авторах 384

ВВЕДЕНИЕ

Настоящим изданием Социологический институт РАН возобновляет выпуск научных трудов. Это событие совпало с 20-летием выхода ленинградских социологов из Института социально-экономических проблем АН СССР и образования в 1989 году в Ленинграде филиала Института социологии АН СССР. Приближается и еще одна памятная дата — 10-летие завоевания коллективом статуса самостоятельного института Российской Академии наук.

Сегодняшнее российское общество переживает один из самых показательных эпизодов собственной биографии. Постсоветская Россия как бы заново и небеспорно вписывается в тот порядок вещей, который раньше третирувался прежними идеологами как «инородный», как «другой мир». Страна ищет современный формат присутствия в эпохе модерна и постмодерна. Без адекватного понимания Современности и того, что мы есть в этой Современности, вызовы истории могут оказаться достаточно драматичными.

Перед отечественной общественной наукой стоит задача построить модель эффективной жизнедеятельности России в открытом мире. Очевидно, что из всех общественных наук именно социология находится в долгу перед российскими ожиданиями и надеждами. В то же время именно социология обладает исключительным научным потенциалом для выполнения этой насущной и важной миссии. Как пишет П. Штомпка, «социологические идеи обретают непосредственную практическую силу, когда доходят до гражданского

общества... Изменять сознание людей значит изменять их действия и изменять их общество»¹. Социология — это язык, на котором мы мыслим и конструируем общество.

Двадцать лет служения социологии — срок вроде бы не большой. Но какие это были годы! И если миссия социологии — быть зеркалом общества, то понятно, что это зеркало не могло не отразить и то, что со смешанным чувством называют «эпохой перемен», «русским транзитом». Социальное время наложило отпечаток на отечественную социологию.

В сборнике получили отражение исследования по методологии и истории социологии, приведены ретроспективные обзоры изучения динамики важнейших социальных процессов и новейшие результаты, полученные научными сотрудниками СИ РАН.

Сборник открывается статьей профессора Г.И. Саганенко «Микро- и макросреда в методологии эмпирических исследований». Выбор методологической темы как одной из первостепенной, далеко не случаен. Методология — это культура мышления социолога. И сегодня именно в этом направлении осуществляется поиск новых ресурсов и возможностей для социологии. Как справедливо пишет А. Малинкин, «Если речь идет об исследовательской методологии социолога, то подразумевается индивидуальное, субъективное видение социологической методологии представителем научного сообщества, в особенности — видение того ее сегмента, который социолог твердо усвоил и успешно отработал в своей исследовательской практике. В самом общем смысле — это учение о способах профессионального поведения (стратегиях и тактиках), о методах и методиках сбора, обработки, анализа и утилизации социальной информации»². Статья профессора Г.И. Саганенко посвящена осмыслению понимания методологии в современной социологии. Ключевой аспект статьи — обобщение опыта «качественной», «гуманистической» социологии, в рамках которой автор работает в последнее время, соединение микро- и макросреды исследования.

В статье Г.В. Каньгина «Анализ качественных данных и проблемы перехода к оперированию понятиями в социологическом исследо-

---

¹ *Штомпка П.* Изменяющаяся роль социологии и социологов в посткоммунистических обществах (тезисы доклада) // Ежегодная конференция сообщества профессиональных социологов «Современная российская социология в контексте общественных тенденций». 25–26 ноября 2005 г. С. 2.

² *Малинкин А.* Полипарадигмальный подход в социологии: мнимый выход из мнимой дилеммы // Логос. 2005. 2 (47). С. 102.

вании» речь идет о самом, пожалуй, уязвимом звене в современном построении социологического знания. Как мольеровский герой г-н Журден долго не подозревал, что он говорит «прозой», так и многие социологи не подозревают, что их ждут аналогичные открытия. С той лишь разницей, что г-н Журден практически ничего не терял от своего незнания, в то время как современный социолог, не работающий в формате сегодняшних Web-технологий (Html. Xml и др. программы) лишается преимуществ «электронной коммуникации» и компьютерной обработки данных.

Цивилизационные вызовы современности, стоящие как перед российским обществом в целом, так и перед российскими социологами, в частности, обсуждаются в статье профессора В.В. Козловского. Эту тему развивает Р.Г. Браславский, в статье которого «Сетевой подход в современном цивилизационном анализе: изменение парадигмы» представлен обзор новейших концепций теории цивилизации. Статья интересна тем, что в ней раскрывается значимость и перспективность такой темы, как цивилизационная идентичность России. Очевидно, что международное самоутверждение нашей страны должно строиться на всесторонне проработанной концепции о природе современной цивилизованности.

Статья профессора А.Г. Щелкина «Николай Тимашев — энигма русской социологии» имеет подзаголовок «Инновационный потенциал книги Н. Тимашева “Великое отступление”». В этой работе речь идет о до сих пор по настоящему «нерасшифрованной» части теоретического наследия крупнейшего социолога «русского зарубежья» — наследия, представленного в его работе “The Great Retreat” (1946). Анализ творческой лаборатории Н. Тимашева тем более поучителен и захватывающ, что непривычен и парадоксален сам подход Н. Тимашева к советской истории России. Ученый рассматривает Сталина как могильщика коммунизма и объясняет мотивы «Великого отступления» от Утопии.

Своеобразным ноу-хау петербургского Социологического института РАН можно считать создание и функционирование Биографического фонда (БФ СИ РАН). Эта тема в предлагаемом сборнике раскрывается в трех статьях. В первой из них, статье О.Б. Божкова «Биографический фонд: методологические проблемы социологического анализа», исследовательский пафос направлен на один из критически трудных вопросов, относящихся к «технике» социологического освоения реальности. О.Б. Божков представляет читателю ситуацию, с которой встречается здесь исследователь: трудноуловимость проблемы контекста, издержки «самопрезентации» авторов биографий (преувеличение, умолчание и

проч.), — одним словом, головоломки, с какими обычно сталкивается социолог, работающий с «человеческим, слишком человеческим» материалом. Специалисты, занимающиеся «переводом» естественного языка, с помощью которого субъекты описывают и осмысливают свой опыт, на язык понятий, доступных компьютеру и социологической калькуляции, называют это направление «анализом качественных данных» (АКД), о чем говорится в уже упомянутых статьях Г.И. Саганенко и Г.В. Каньгина.

Другую сторону медали БФ рассматривает К.С. Дивисенко в статье «Биографический фонд как исследовательский ресурс социокультурных изменений». Ровесник института, фонд за 20 лет действительно стал ресурсом, где аккумулированы биографии, интервью, дневники, воспоминания самых различных слоев российских граждан, через биографии которых просвечивает тренд советской и постсоветской истории.

Примером исследовательского подхода к материалам БФ может служить статья Н.Н. Цветаевой «Логика жизни и логика идеологии через призму советской эпохи». В центре внимания автора стоит вопрос, почему многие жертвы сталинских репрессий и других эксцессов тоталитарно-советской системы, испытавшие на себе все тяготы административно-командной системы, так некритично относятся к этим трагическим страницам отечественной истории.

Современные исследования посвящены проблеме социального неравенства. В частности, интересный и несколько парадоксальный по выводам материал представлен в статье Г.В. Еремичевой и др. «Социальное неравенство в странах постсоветского пространства (сравнительный анализ ситуации в России и Беларуси)». Более положительное, чем в России отношение к рынку и демократии в Беларуси, выявленное авторами статьи, не должно вводить в заблуждение. Это может означать, например, что россияне освободились от «демократической» и «рыночной» экзальтации и смотрят на эти реалии и готовы их осваивать более прагматично и без иллюзий. В то время как у белорусского населения такого опыта нет, или еще нет.

Петербургская тематика в разрезе социального неравенства представлена в социологическом исследовании Н.Л. Рушиновой и др. «Факторы дифференциации здоровья в С-Петербурге». Острейшая проблема исследуется под углом зрения таких существенных причин как «социальный капитал» и «экономические неравенства».

В статье Т.З. Протасенко «Опыт социологического мониторинга поведения населения в кризисных ситуациях» на материалах опросов

жителей Санкт-Петербурга выявлены растущие ожидания населения в отношении того, что органы местного самоуправления в условиях текущего кризиса могут и должны взять на себя значительную долю властных функций.

Цикл статей, в которых так или иначе представлена активная позиция социолога в понимании и преобразовании социума «эпохи перемен», открывает работа Б.И. Максимова «Двадцать лет исследования и со-творения трансформаций». Это своеобразная биография становления российского общества 1990-х годов, его самосознания, написанная социологом, включенным в качестве наблюдателя и соавтора в жизнь трудовых коллективов тех бурных лет.

В статье И.И. Травина и Е.М. Порецкиной «Опыт исследования повседневной жизни петербуржцев в 1993–2001 годах» использована солидная теоретическая база для понимания природы и динамики поведения людей в условиях экономического кризиса на рубеже XX и XXI столетий в России. Опираясь на постулаты концепций социальных сетей, теории риска Бека и Лумана, авторы приходят к далеко не тривиальным выводам о значении самооценки для выживания личности и выбора ею линии поведения в обстановке социальной турбулентности и неопределенности.

Российская наука в условиях перемен — тема статьи А.С. Мищенко «Социологический анализ условий труда ученых в институтах РАН». На базе массового двухлетнего (2004 и 2005 гг.) обследования научных работников петербургских институтов РАН автор приходит к тревожному выводу: «несмотря на предпринимаемые государством меры по реформированию РАН и улучшению положения ее сотрудников, достичь кардинального улучшения условий их труда не удалось. Совершившийся мировой экономической кризис может привести к новому ухудшению этих условий». В статье даются рекомендации на основе обобщения мирового опыта.

Понимание источников личностной мотивации людей в обществе является непременным условием объективной картины всякого, а тем более меняющегося, модернизующегося социума. В социально значимой статье «Лocus контроля и атрибуция ответственности» М.Г. Мацкевич и А.В. Родионова исследуют на примере общероссийских и петербургских опросов, какой «тип отсылки» при объяснении биографических проблем и неудач предпочитают россияне в условиях современной России. Авторы опираются на новейшие концепции по этому вопросу, что само по себе представляет исследовательский и познавательный интерес.

Социология девиантности и социального контроля — одно из направлений, развитие которого прямо связано с демократизацией, гласностью и открытостью нашего общества. В острой и дискуссионной статье профессора Я.И. Гилянского «Конструирование девиантности: проблематизация проблемы» акцентируется внимание на важной социологической проблеме — трактовке понятия и феномена преступности/девиантности в зависимости от исторического и ментального состояния общества.

В статье М.М. Русаковой «Влияние перенесенного в детстве сексуального насилия на вовлечение женщин в проституцию» освещается одна из болевых проблем современного общества, изучение которой стало возможно лишь в постперестроечный период. Кроме обзора публикаций по данной теме, автор приводит результаты собственных исследований, отмечая неоднозначность вывода о влиянии негативного сексуального опыта в детстве на последующее занятие проституцией. Социальное значение имеет заключение автора статьи о распространенности насилия в отношении детей.

В статье И.Н. Гурвича обсуждается проблема получения достоверных статистических данных о таком латентном явлении, как употребление психоактивных веществ. Автор представляет опыт организации мониторинга, который был реализован как пилотный проект в СЗФО, подчеркивая трудности распространения этого опыта на всю Россию.

В сборнике получили отражение не все направления научной работы СИ РАН. В частности, в этом выпуске трудов не представлены глубокие и значимые научные исследования, которые ведутся в Институте по социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений; социологии власти и гражданского общества; социальной психологии.

Надеемся, что научные труды Социологического института РАН будут встречены с интересом коллегами, равно как и всеми заинтересованными читателями, которые, как и авторы этого сборника, не исчерпали лимита веры и надежды на достойное будущее своего Отечества.

Редколлегия

**МЕТОДОЛОГИЯ
И ИСТОРИЯ
СОЦИОЛОГИИ**

Г.И. Саганенко,
galina@IS2604.spb.edu

МИКРО- И МАКРО-СРЕДА В МЕТОДОЛОГИИ ЭМПИРИЧЕСКИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация: В статье представлена новая методологическая идея — утверждение наличия двух принципиально разных дополнительных систем обоснования эмпирического познания в социологии, настоятельности их дифференциации и понимания их специфики. Одна система — *традиционная*, когда суть эмпирического познания обсуждается «внутри» рамок и логики некоторого обобщенного социологического исследования. При этом методологические разработки о выстраиваются по этапам эмпирического исследования и скорее описывают «рецептуру» их реализации, чем обсуждают проблемность достижения адекватного, значимого, эвристического социального знания.

Вторая система связана с пониманием принципиальной значимости социальной макро-среды, «внешней» по отношению к непосредственному исследованию. Макро-среда влияет через следующие «макро-элементы»: «социальную эпоху», «социологию» и «социологическое сообщество»; «исследователя», «респондента», «метод», «ресурсы» и др.

Введение в методологический оборот значимости социальной макро-среды позволяет достичь определенной полноты в осознании потенциала и качества социологического познания. Влияние на исследование социальной макро-среды имеет универсальный характер, осознание этого момента представляется принципиально важным не только для социологии.

Ключевые слова: внутренняя (микро) и внешняя (макро) системы обоснования, микро-контекст исследования, статистическая исследовательская парадигма, формально-логические обоснования, процесс и этапы социологического исследования, социальная макро-среда исследования, макро-субъекты исследования, социальная эпоха, социология, Социологическое сообщество, социальное время, исследователь, респондент, заказчик, метод исследования, методология открытых вопросов, средства исследования, средства технической поддержки, компьютерная система ВЕГА, качественные исследования.

О системах осмысления производства эмпирического знания в социологии

Отечественная социология вступила на новый путь осмысления методологии эмпирического познания одновременно с первыми эмпирическими исследованиями в СССР в начале 60-х годов прошлого века. Движение шло по двум направлениям — по пути разработки методологии на примере конкретных исследований и систематического освоения количественных методов.

В каждом эмпирическом исследовании считалось обязательным тщательно прописывать методологическую часть — что, как и почему будет делаться. Просто ссылками на опубликованные работы было не обойтись — отечественных публикаций фактически не было, а западных мы не знали по причине их недоступности. Было также твердое убеждение в том, что научность и доказательность социологии определяется масштабом использования количественных методов. Вскоре на пустых книжных полках появился первый отечественный продукт — «Количественные методы в социологических исследованиях», подготовленный новосибирцами в 1964 году (репринтное издание тиражом 600 экземпляров)¹.

Одной из популярных методологических разработок стала монография «Человек и его работа» (под редакцией А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова, 1967 г.)², получившая широкую известность в стране и за рубежом (была переведена и опубликована в пяти странах). Влияние этой книги на отечественную социологию было очень значительным. К тому же книга была издана центральным издательством «Мысль», огромным для молодой социологии тиражом — 9500 экземпляров и разошлась по всей стране. Многие социологические лаборатории провели собственные исследования отношения к труду, повторив в целом и идеологию, и технологию оригинального исследования.

На заре отечественной социологии эта работа выступала в трех амплуа:

- при посредстве социологических методов в ней дотошно и доходчиво разбиралось отношение к труду молодых рабочих, описывались содержательные результаты пионерного исследования;

---

¹ Количественные методы в социологических исследованиях. Новосибирск: СО АН СССР, 1964.

² Человек и его работа: социологическое исследование / Под ред. А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова. М.: Мысль, 1967.

- впервые были прописаны общие вопросы методологии эмпирического исследования применительно к конкретной проблематике. На примере этого исследования социологи могли учиться грамотно выстраивать исследование. До сих пор представленная в книге операционализация понятия «отношение к труду» выступает одним из самых удачных методических примеров при обучении социологов этой методологической норме;

- долгие годы служила для массы начинающих социологов учебным пособием при освоении статистических методов, способов методологического обоснования, презентации материалов эмпирического исследования: раздел «Статистический аппарат анализа первичных данных» оказался краткой, насыщенной и качественно изложенной презентацией основных элементов обработки данных и до сих пор не потерял своего статуса канонической и полезной работы.

Коллеги новосибирцы, работая в научном Академгородке, острее других понимали важность приобщения к мировой социологической культуре и наладили процесс переводов зарубежной социологической классики. Благодаря новосибирцам стремительно продвигалось и освоение математических методов в отечественной социологии.

Первая специализированная всесоюзная конференция в Сухуми в 1967 г. «Количественные методы в социологии» определила магистральный путь отечественной методологии на 5-10 лет. Тогда казалось, что можно добраться до сути эмпирических данных, внедряя в них все более «глубинными» методами: осваивали факторный анализ, методы распознавания образов, кластерный анализ, многомерную типологию, многомерное шкалирование и пр., и пр. Математические методы захватили умы новоиспеченных социологов: занимались самостоятельно, организовывали курсы лекций, включали математиков в штат своих подразделений, проводили математические школы.

Потом наступил «методологический поворот» — обратили внимание на исходные данные, стали разбираться, что же за материя они представляют, и занялись теорией измерения. В 1967 году был опубликован перевод книги «Основы теории измерений» П. Суппеса и Д. Зинеса³, и отечественные методологи на десятки лет застряли в этой идеологии — как сейчас представляется, малопродуктивных теоретических построениях, так и не обеспеченных эмпирическими формулами. Некоторые социологи до сих пор отталкиваются от этой теории в своих представлениях проблематики измерения.

³ Суппес П., Зинес Дж. Основы теории измерений. М., 1967.

С запуском в стране прикладной социологии появилась потребность в целостном изложении процедурных основ эмпирического исследования. Начали с перевода американского учебника П. Гуда и Д. Хатта⁴, а потом стали появляться отечественные работы — В.А. Ядова (ротапринтное издание, 1968)⁵, А.Г. Здравомыслова⁶ 1969 г., Ю.П. Воронова⁷, 1974 г. Коллеги из социалистических стран также с большим интересом и продуктивностью начали осваивать исследовательскую методологию и вскоре в СССР были переведены несколько их удачных учебников — «Процесс социологического исследования» (перевод с немецкого)⁸, «Эмпирическое социологическое исследование» (перевод с болгарского)⁹. Владимир Александрович Ядов оформил свои эмпирико-методологические построения и выпустил полноценную книгу в издательстве «Наука» — Социологическое исследование: методология, программа, методы¹⁰ (1968, 1972) (переработанные издания этой книги затем выходили в 1987, 1993, 1995, 1998, 1999, 2003, 2006, 2007 гг.). Под редакцией Г.В. Осипова было подготовлено два издания «Рабочей книги социолога» (1976¹¹, 1982¹²).

Пришла волна интереса к качеству и надежности первичных данных, которая ознаменовалась выходом работ В.Э. Шляпентоха (1973)¹³, Г.В. Осипова и А.П. Андреева (1977)¹⁴, Б.З. Докторов (1979)¹⁵, Г.И. Саганенко (1979)¹⁶. Затем наступило время осознания важности осмысления

⁴ Good W., Hatt P. *Methods in Social Research*. New York; Toronto; London, 1952.

⁵ Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Тарту: ТГУ, 1968.

⁶ Здравомыслов А.Г. Методология и процедура социологических исследований. М.: Мысль, 1969.

⁷ Воронов Ю.П. Методы сбора информации в социологическом исследовании. М.: Статистика, 1974

⁸ Процесс социологического исследования / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1975.

⁹ Михайлов С. Эмпирическое социологическое исследование / Пер с болг. М.: Прогресс, 1975.

¹⁰ Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М.: Наука, 1968.

¹¹ Рабочая книга социолога / Под редакцией Г.В. Осипова и др. 1976.

¹² Рабочая книга социолога / Под редакцией Г.В. Осипова и др. 1982.

¹³ Шляпентох В.Э. Проблемы достоверности статистической информации в социологических исследованиях. М.: Статистика, 1973.

¹⁴ Осипов Г.В., Андреев А.П. Методы измерения в социологии. М.: Наука, 1977.

¹⁵ Докторов Б.З. О надежности измерения в социологическом исследовании. Л.: Наука, 1979

¹⁶ Саганенко Г.И. Социологическая информация / Под. ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1979.

качества всего методологического построения — В.Б. Голофаст (1981)¹⁷, Г.И. Саганенко (1983)¹⁸, В.И. Паниотто (1986)¹⁹, Г.С. Батыгин (1986)²⁰.

Что касается относительно новых методологических разработок в монографическом исполнении, то среди них отметим презентацию методологии качественных исследований (В. В. Семенова, 1995)²¹, попытки окончательно разобраться с идеей вопроса в социологических анкетах — Д.М. Rogozin (2002)²², типологический анализ (Г.Г. Татарова, 1993, 2002²³), Б.З. Докторов подробно ознакомил нас с планетой по имени Гэллап (2005–2009)²⁴.

Попробуем оценить характер и стиль методологических работ отечественных социологов. Поскольку род научной критики в стране отсутствует, некоторое представление можно составить по обзорным работам. Единственно, что оказалось доступным — это написанная О.М. Масловой глава «Методология и методы» в книге «Социология в России» (1995), посвященная становлению отечественной социологии в основных ее департаментах²⁵. Данная глава составила 53 страницы (приводится по первому изданию), из них почти 8 страниц составила библиография.

В самом тексте можно выделить три части. В процентном отношении они представлены так: 53% приходится на период от О. Конта и Л.И. Мечникова до советских работ 20-х–30-х годов; 30% — на методологические поиски отечественной социологии на новом этапе, стартовавшем в 60-х годах XX века; 17% — на новейшие дискуссии по поводу качественно-количественных оппозиций. Анализируемая разработка оказалась скорее историографической, чем аналитической.

---

¹⁷ Голофаст В.Б. Методологический анализ в социальных науках. Л.: Наука, 1981.

¹⁸ Саганенко Г.И. Надежность результатов социологического исследования. Л.: Наука, 1983.

¹⁹ Паниотто В.И. Качество социологической информации. Киев: Наукова думка, 1986.

²⁰ Батыгин Г.С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М.: Наука, 1986.

²¹ Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.

²² Rogozin Д.М. Когнитивный анализ опросного инструмента. М.: Фонд «Общественное мнение», 2002.

²³ Татарова Г. Типологический анализ в социологии. М.: Наука, 1993.

²⁴ Докторов Б.З. Реклама и опросы общественного мнения в США. История зарождения. Судьба творцов. М.: Центр социального прогнозирования, 2008.

²⁵ Маслова О.М. Методология и методы // Социология в России. М.: Издательство «На Воробьевых», 1996. (Второе переработанное издание вышло в 1998).

В презентации соединены/не разделены два жанра — хронологический и предметный. Смешение теоретической и эмпирической социологии уравнило две методологические коллизии, что не позволило проследить за становлением как теоретической мысли, так и эмпирической методологии (которую было намерение обнаружить в этом исследовании). Повествовательный, а не проблемный характер изложения не позволил выявить сильные стороны, а также значительные перекосы или упущения в отечественных разработках по методологии исследований. Работа создавала представление, что социологическое развитие в стране как бы шло непрерывно с середины XIX века, как бы незамеченным оказался провал в социологии примерно в 30–40 лет (с конца 1920-х годов) перед возрождением социологии в 1960-х годах.

Квалификация этого же периода до 60-х годов в последней книге А.Г. Здравомыслова представлена иной: «В большинстве стран с начала XIX века не прекращался процесс накопления социологического знания — знания общества о самом себе... В российской культуре социальная проблематика осмыслялась не столько в научной, сколько в художественной форме, и научная деятельность в области социологии не подкреплялась вплоть до 60-х годов XX столетия»²⁶.

В заключение у автора, О.М. Масловой, прозвучал отнюдь не оптимистический общий вывод — время осмысления потенциала исследовательского поиска *все еще не настало*. «Вопросы о том, как получают знание, на котором базируются ответы (о том, *что* и *почему* происходит в обществе — модификация Г.С.), чаще вызывает корпоративную тревогу, чем систематические исследования в области методологии» Но, видимо, чтобы не потревожить патриотизм некоторых коллег, автор предпочла в финале перейти «на позицию умеренного оптимизма»²⁷.

Прошло еще почти 15 лет после выхода того издания и аналитической работы о состоянии методологии, мы по-прежнему можем предъявить лишь «позицию умеренного оптимизма». По эмпирической методологии так и не появились работы обобщающего аналитического характера, нет обзорных исследований, не зародился институт критики, не видно новых концептуальных поворотов в методологической парадигматике, мало новых методологических монографий, утешаемся переизданиями работ прошлых лет.

---

²⁶ *Здравомыслов А.Г.* Социология: теория, история, практика. М.: Наука, 2008. С. 15.

²⁷ *Маслова О.М.* Методология и методы. С. 74.

Сформулировав такой серьезный диагноз, попробуем предъявить собственные методологические разработки в качестве некоторого развития и уточнить ситуацию в отечественной методологии.

О характере разработок в отечественной методологии

Отечественная социология, пытаясь утвердиться в лоне серьезных наук, потратила много усилий, чтобы доказать научный характер и соответствующее качество социологического знания. Многие мои коллеги, включая и автора данной статьи, пытались подобраться к смыслу получаемого социологического знания преимущественно на пути логико-формального обоснования, все более сложных формальных и математических построений. Социальный контекст выстраивания/получения знания даже не упоминался.

Спустя многие годы можно посмотреть, какие доказательные конструкции мы использовали и от каких исходных позиций мы начинали двигаться. Возьмем для анализа работы трех отечественных методологов — В.А. Ядова, Г.С. Батыгина и автора данной статьи — Г.И. Саганенко. У Г.С. Батыгина получалось так: «Обоснование является специфическим познавательным процессом, отражающим взаимопереход и взаимосвязь идеальных объектов научного исследования»²⁸. Или же: «Будем трактовать обоснование достаточно широко ... как комплекс логико-теоретических процедур, правил и эвристик (неявных допущений), которые регламентируют переход от фактологической информации к научному знанию и практическим решениям»²⁹ и далее продолжают такие же построения, не обеспеченные никакими эмпирическими процедурами.

Фактически только в конце книги Геннадий Семенович упоминает социолога в качестве фактора познавательной деятельности, собираясь «осмыслить роль творческого компонента познавательной деятельности применительно к повседневной работе социолога, проблемам формирования подлинной культуры научного мышления»³⁰.

В книге «Лекции по методологии социологических исследований» (1995) «научная» жесткость автора еще более впечатляющая:

---

²⁸ Батыгин Г.С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. С. 11.

²⁹ Там же. С. 12

³⁰ Там же. С. 202.

«Методология социологического исследования как технологический процесс. Безличность социологического знания. Четыре постулата научного этоса: универсализм, всеобщность, бескорыстие, организованный скептицизм. Правильность как критерий достоверности социологических данных...»³¹.

В своей методологической монографии (Саганенко, 1983) я с первых страниц заявляю: «Надежный результат складывается из многих элементов: разработки четкой концептуальной схемы, включающей обоснование социальных переменных; применение добротного инструментария, который призван обеспечить надежные исходные данные по выбранным переменным, обоснования выборки и соблюдения ее принципов; правильной методической организации самой процедуры обследования; тщательной первичной обработки данных для последующего их анализа на ЭВМ; применения соответствующих характеру данных математических методов и адекватной интерпретации его результатов; рассмотрения выявленных фактов в одной общей системе понятий и, в конце концов, в рамках теории»³². В принципе далее 190 страниц монографии можно было бы и не писать, поскольку «исчерпывающие» установки уже были сформулированы.

Еще в первой монографии 1977 года по изучению статической оценки качества первичных социологических данных, автор этой статьи была в мучительных раздумьях на тему — как это так получается, что у нас в руках уже есть какие-то данные, к изучению качества которых мы вот только сейчас и приступаем. Совет от В.А. Ядова был получен, и раздел о первичных данных в монографии 1983 г. был начат с пассажа: «Мы начинаем анализ проблемы с того момента, когда содержание исходных признаков, по которым будет исследоваться явление, в достаточной степени установлено и тем самым открываются возможности обсуждать вопросы на более строгом языке...»³³. Выходит, что были опущены важнейшие моменты, связанные со «стартом» и выбором, и осмысление начато фактически с середины.

Обратимся к тому, что говорил ведущий отечественный методолог Владимир Александрович Ядов по поводу начальных интенций взаимодействия социолога с социальной реальностью и исследованием в книге «Социологическое исследование: методология, программа, мето-

---

³¹ Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований. 1995.

³² Саганенко Г.И. Надежность результатов социологического исследования. С. 4.

³³ Там же. С. 29.

ды» (1995): «Говоря о методологии и методах социологического исследования, мы должны, конечно, уяснить, каков предмет социологии как науки... Его движение зависит от двух решающих факторов: прогресса самого научного знания, с одной стороны, и меняющихся запросов общества, социального запроса, с другой»³⁴. Тут, пожалуй, можно было бы задать уточняющий вопрос: а куда делось само меняющееся общество, в котором масса чего старого исчезла и масса чего нового появилась.

В.А. Ядов объявляет: «Ключевой единицей анализа становится то, что называется «событием», действием социальных агентов»³⁵. И еще через несколько страниц: «Понятие социальной общности представляется нам ключевым в определении предмета социологии, потому что содержит решающее качество самодвижения, развития социального целого»³⁶. Так что же является «ключевой единицей» — «событие» или «социальная общность» и надо ли вообще номинировать единственное что-то на такое звание? Далее говорится — нам следует разобраться с взаимосвязью теории и эмпирического знания, с проблемой расчленения (так!) социологии на фундаментальную и прикладную, осознать необходимость в развитии специальных социологических теорий, уяснить, что же представляет собой фактуальная основа социологического знания и далее предлагается общий анализ ключевых блоков программы теоретико-прикладного социологического исследования... На этом пути мы почерпнули много полезного, но убедительного методологического знания у нас не получилось — возможна ли в такого рода построениях исчерпывающая доказательность и «неумолимость» итогового эмпирического социологического результата? Или на самом деле мера научной условности на каждом шагу значительна, никаким образом она не оценивается, и результат в конечном итоге может быть и таким, и принципиально другим?

Как видим, во всех построениях, описанных нами в научных книгах (а к названной компании можно присоединить еще и ряд других основательных методологов, например, Б.З. Докторова, В.И. Паниотто, И.Ф. Девятко и др.), представлена масса логически выстроенных, вроде формально убедительных конструкций. В значимость их мы безусловно верили, хотя они были достаточно абстрактны и не вполне понятны. В этих как бы научно строгих системах обосно-

---

³⁴ Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара: Самарский университет, 1995. С. 5–6.

³⁵ Там же. С. 13.

³⁶ Там же. С. 18.

ванности абсолютно не фигурировали такие «мелочи», как «эпоха на дворе», «социология» (в ее актуальном состоянии), «исследователь», «респондент», «деньги» и т.п.

Кстати, идея «денег» не существовала вообще. Мы были бюджетной организацией, и, как наш руководитель, В.А. Ядов, добывал нам право осуществлять очередной глобальный проект и, соответственно, иметь на это разные ресурсы — дюжину ставок, зарплаты, годы на реализацию проекта, грузовик анкет (действительно такое было — везли из Москвы тираж методик для исследования «Ценностные ориентации») и пр., и пр. — такие вопросы нас вообще не затрагивали. Так что идея «презренных денег» в те годы никак не входила в наши представления о методологии эмпирических исследований и о зависимости от таковых качества получаемых нами результатов.

Будучи математиком по образованию (специальность «теория вероятностей и математическая статистика») и дотошно занимаясь 25 лет качеством и статистической обработкой данных в секторе В.А. Ядова, я давно и сознательно отошла от той наивной установки — поймать «синюю птицу» беспрекословной и окончательной научности в социологии. Сейчас основная моя методологическая идея иная — не установка на всеобщий универсализм позиций, а попытка разобраться в сферах компетентности и релевантности отдельных методов, в настоятельности совмещения разных методов, в условности фактически всех методолого-методических понятий и процедур — и репрезентативности, и измерения, и повышения надежности, и корреляций, и классификаций и пр., и пр. Вывод, который меня вполне устраивает — через сбор эмпирических данных и их анализ мы получаем лишь определенные свидетельства от/о социальной реальности. В этих свидетельствах неизбежно представлен мой собственный жизненный опыт, аппарат, которым я владею, мое умение добиваться доверия аудитории и отдельных респондентов, используемые мною компьютерные ресурсы, опыт взаимодействия с разными типами эмпирических данных.

О необходимости новых методологических координат

На фоне расширения тематического поля отечественной социологии и интереса к эмпирическим методам актуализируется потребность осмысления накопленного отечественной социологией арсенала иссле-

довательских методов, методологического осмысления социологического познания и социологического знания.

Парадигматика, которая традиционно была представлена в методологии эмпирических исследований, — процесс исследования, методы сбора информации, выборка, математические методы анализа, качество первичной информации и выборки, адекватность и эффективность математических моделей — принципиально не пересматривалась в отечественной социологии. Однако появлялись новые подходы, технологии, инструменты — координаты социологического мышления, потенциал разных типов социологических исследований, текстовые и визуальные исследования, акционистская социология, влияние динамичности и характера эпохи на технологию, масштабы и результаты исследования, осознание самостоятельного статуса исследователя, респондента, метода, средств в реализации социологического предприятия и многое другое. Нужна была более сложная система представления эмпирического знания в социологии, поиск более эффективных объяснительных конструкций.

Представляется, что одной из принципиальных методологических конструкций является разделение исследовательской среды на две разных компоненты: (а) традиционная, внутренняя, можно сказать «корпоративная», среда обоснования и реализации исследования и (б) макроконтекст исследования, «внешняя» среда исследования, находящаяся за рамками непосредственного исследования, но оказывающая на него принципиальное влияние. Остановимся на описании значимости этой дихотомической коллизии, элементному наполнению ее составляющих.

Внутренний контекст методологического осмысления

Поскольку внутренняя среда и ее элементы являются объектом систематического изучения и многочисленных публикаций в отечественной методологии, позволим себе здесь лишь немного затронуть суть и содержание этой компоненты.

Существует несколько способов систематического анализа социологических методов. В отечественной методологии преобладают три подхода к осмыслению/описанию данной методолого-методической проблематики: (а) «исследование как процесс»; (б) классификация и описание различных методов, имеющих общее наименование сбора данных (среди таковых в отечественной методологии обычно выделя-

ются «опрос», «наблюдение», «анализ документов») и анализ данных; (в) разделение методов на качественные и количественные, уточнение их специфики.

Первый тип презентаций хорошо разработан и в существующих описаниях более всего соответствует идеологии исследований в виде массовых репрезентативных опросов (Ядов 2005, 1998, 1995; методические разделы большинства учебников по общей социологии).

Второй жанр работ — описание отдельных методов — здесь представлены систематическим образом в виде монографий: методы сбора информации — глубинное интервью, фокус-группы (С. Белановский и др.); проблематика вопросов/опросов (Д. Рогозин и др.); первичные данные как проблема и методы измерения и оценки их надежности (Ю. Толстова, Г. Саганенко, Б. Докторов, И. Девятко, В. Паниотто и др.); проблемы и методы анализа совокупности первичных данных (Г. Татарова, А. Крыштановский и др.).

Третий жанр работ — разделение методов/стратегий на качественные и количественные. Проблематика в большинстве случаев проводится представителями качественного подхода, их исследования направлены на конституирование независимого статусного пространства, презентацию специфики/потенциала качественной методологии/идеологии, на проблемы размежевания и одновременно взаимодополнительных отношений качественных и количественных стратегий/подходов (В. Ильин, А. Готлиб, Г. Саганенко, Е. Смирнова-Ярская, Н. Васильева и др.).

При наличии значительной методологической работы в отечественной и зарубежной социологии следует отметить их своего рода «внутренний» характер — обсуждение методологических проблем, потенциала социологических подходов и методов, социологического исследования проводится в контексте внутридисциплинарных коллизий, а точнее, через обсуждение методолого-методических рамок социологического исследования, его отдельных этапов. Методологические построения как бы находятся «внутри» исследовательского процесса, описывают коллизию некоего обобщенного типа эмпирического исследования, не выходя за его рамки. Общий социальный макро-контекст исследования проекта никак не учитывается ни в общеметодологических разработках, ни в отдельных типах исследования, ни в конкретном исследовании.

Социальный макро-контекст социологического исследования

Существует множество категорий, которые так или иначе, прямо или косвенно затрагиваются в осмыслении социального/социологического познания, но не имеют самостоятельного статуса в социологической методологии и потому разработки, их затрагивающие, не аккумулируются в общей системе методологического знания.

Речь идет о том, что каждое исследование осуществляется в обществе, в контексте действия множества значимых факторов. Обосновывать и учитывать только «внутренние» факторы исследования, без учета макро-социальной среды, совершенно недостаточно. Требуется выделить эти самостоятельные макро-элементы социальной среды, проводить методологический анализ их значимости и воздействия на познавательную ситуацию. Необходимо разрабатывать как общие идеи, так и фокусировать внимание на необходимость учета состояния и значимости факторов в конкретной исследовательской ситуации.

Среди элементов «макро-контекста» нами выделяются как принципиальные следующие категории: «социальное время», «социальная реальность», «социология», «исследователь», «респондент», «метод», «средства», «заказчик» и др., которые представляют методологические макро-системы, влияющие, так или иначе, на масштабы, способы реализации исследования, характер получаемых результатов, а все вместе создают внешнюю макросреду исследования. Поскольку таковые влияют на реализацию социологического исследования, их можно считать «участниками» исследования, «субъектами», «макро-субъектами» исследования, тем более, что часть таких макро-элементов имеет непосредственно субъектную природу — в них так или иначе представлены люди. Применительно к отдельным «макро-элементам» полезно проанализировать такие аспекты, как их методологический статус, множественность их презентаций, их образы и аналоги в методологических работах разных исследователей, практически значимые разработки, взаимодополнительные отношения их друг с другом.

Представим краткое пояснение анализируемых макро-методологических категорий:

(1) «Социальная реальность» (ее специфика, в отличие от реальности, которую изучает физика, математика, химия и другие несоциальные науки);

(2) «Социальная эпоха» (как определяющая глобально и локально принципиальные

параметры человеческого существования в некоторый интервал времени, состояние ума и представлений в обществе, конкретные особенности жизни человека, семья, иных социальных субъектов, характеристики качества населения и др.);

(3) «Время» (физическое, календарное, социальное);

(4) «Социология актуальная» (уровень ее актуального развития, разработанные теории и аппарат, моды и предпочтения в ней существующие, включенность национальной социологии в общемировой контекст);

(5) «Социальная проблема» (социальная коллизия или проблема, выбранная для данного исследования);

(6) «Исследовательская проблема» (сформулированная в отношении выбранной для исследования социальной коллизии);

(7) «Исследователь» (как лицо физическое и/или нормативное, как профессионал, обладающий конкретным исследовательским потенциалом и др.);

(8) «Инструментарий» (сюда входит достаточно широкий и разнообразный круг единиц, используемых для методического обеспечения исследования — в общем виде это все инструменты и методы для сбора и анализа информации, включая анкеты, путеводители для интервью, методы выборки, методы шкалирования количественных данных, классификации и обработки текстов, методы анализа первичных и вторичных данных и др.);

(9) «Респондент» (если он включен в ситуацию исследования — субъект, который обеспечивает исследователя/исследование первичной информацией, обладающий разнообразными особенностями, владеющий разными информационными и интеллектуальными ресурсами и др., открывающий через себя мир частной жизни, жизнь сообществ, специфику социальных групп и социальных коллизий, что собственно «питает» работающего социолога);

(10) «Материальные средства» (физические, интеллектуальные, коммуникационные средства, статусные ресурсы, находящиеся в распоряжении исследователя);

(11) «Финансовые средства» (суммы, доступные для проекта, условия их расходования).

Методологический анализ влияния «макро-субъектов»

Коротко представим наше понимание отдельных методологических макро-систем.

«Социальное время»

Каждая социальная эпоха открывает одни возможности и сужает, а то и полностью закрывает другие возможности для социального познания. «Социальное время» влияет на масштаб и характер исследования — в разные «конкретные эпохи» имеются разные возможности ставить и изучать социологические вопросы, проводить социологические исследования. За последние двадцать лет принципиально поменялись различные макро-условия, определившие наши новые возможности изучать, а также лишившие социолога определенных привилегий прежней эпохи. Отечественная методология фактически не поставила на повестку дня самостоятельное осмысление «социального времени» в качестве «методологического участника» исследования.

Отметим коротко основные коллизии социального времени, существенно или принципиально меняющие нам характер, технологию исследования, взаимодействие с исследователя со своим детищем — исследованием.

«Ситуация на дворе» меняет возможности получать объективную информацию. В частности, стали трудными некогда безобидные вопросы (например, о зарплате/доходах), снижается доступность и качество государственной статистики. Социальное время меняет отношение людей к участию в опросах и иных исследованиях.

Социальное время присутствует в исследованиях своим темпом, динамикой общественной жизни, определяя и темп социального исследования. Так, стабильное общество позволяло на разовые исследования отводить по 5-10 и даже более лет. Галопирующая нынче ситуация в России стремительно лишает значимости каждое отдельное разовое исследование.

Социальное время определяет и систему организации науки. Раньше в нашей стране эта система была другой — исследователи «сидели на бюджете», работали большими коллективами в структуре секторов, могли, не торопясь разворачивать крупномасштабные исследования.

Конкретное время присутствует в исследовании техническими и коммуникационными достижениями, которые предъявляет каждая эпоха.

Социальное время отражается на исследованиях актуальным этапом развития самой социологии. В нашей науке появляются новые объяснительные теории, разрабатываются новые методы, осваиваются новые технологические возможности, создается программное обеспечение.

Социальное время в России поменяло экономику (а с ней и методологию) эмпирических исследований, поделило исследования на коммерческие и фундаментальные, престижные и не престижные, «публичные» и «камерные».

Социальное время предъявилось в нынешней российской социологии ощутимым давлением западных стандартов в практике проведения эмпирических исследований, часть их в значительной степени неадекватна специфике российского исследовательского поля (к таковым мы относим опросы на дому, стандартизированные интервью).

Время присутствует как временная динамика и продолжительность жизни разных социальных процессов, явлений, социальных институтов, групп, характера поведения людей и др., их годовая, сезонная, месячная, недельная, суточная специфика и цикличность. И это, несомненно, влияет на сбор данных и получаемую первичную информацию.

Время присутствует в исследовании как физическое время — определенное количество дней, недель, месяцев или лет, которые планируются/заданы под реализацию конкретного исследования, определяя темп реализации этапов и глубину исследования в целом.

«Социология»

Социология как социальный институт — еще один тип самостоятельного субъекта, определяющий характер, возможности и результаты исследовательского проекта. В практике социологических исследований весьма ощутимо влияние «социологического сообщества», которое организует или нет систематическую коммуникацию профессионалов, поддерживает большую или меньшую степень критической профессиональной оценки, контроля, патронажа проводимой сообществом деятельности, создает или нет «климат» принятия/заинтересованности или отторжения/игнорирования «новичков» и «инноваций». Социологическое сообщество подвержено модам и предпочтениям, создает корпоративные субструктуры, использует корпоративные связи, «сбивается» в замкнутые группы и пр.

Социология может находиться на той или иной стадии развития, национальная социология может занимать или не занимать значимое

место в мировом социологическом сообществе, владеть или не владеть теми или иными ресурсами. Все это в целом влияет на исследовательский потенциал социологии и отдельных реализуемых проектов, должно приниматься во внимание при планировании и реализации конкретного исследования, интерпретации и обобщении получаемых результатов.

Есть еще такой значимый макросубъект, как конкретное социологическое сообщество. Социологические сообщества по своему организационному оформлению и творческому климату могут варьировать в широком диапазоне — от по-королевски щедрых, демократических, комфортных до местечковых, келейных, закрытых, со строгой субординацией функциональных структур.

«Исследователь»

Это комплексная методологическая категория, которая предполагает понимание множества существенных познавательных аспектов, определяющих в значительной степени характер исследования, специфику первичных данных, путь следования от первичных данных к конечным результатам, особенности итоговых результатов.

Реальные исследователи изначально имеют разный жизненный, профессиональный и экспериментально-исследовательский опыт, вырабатывают определенные исследовательские предпочтения, базируются на определенных исследовательских парадигмах, владеют разными возможностями, имеют разную доступность к тем или иным ресурсам, в том числе к информационным ресурсам, включая возможности контактов с разными категориями населения.

Исследователь, систематически практикующий в рамках стандартизированной парадигмы (именно к нему чаще всего относится образ «социолог с анкетой») — тем самым, имеющий значительный опыт разработок стандартизированных вопросников, обоснования/организации статистических выборок, выходящий в поле/вступающий в соприкосновение с социальной реальностью разовыми рейдами, владеющий опытом применения статистического пакета прикладных программ (например, SPSS), использования вероятностно-статистических методов, оценки устойчивости показателей и значимости их различий, получения специфических количественных результатов, их описания и интерпретации. Такой исследователь будет преимущественно выбирать и обосновывать такого рода исследования в своей исследовательской практике. «Ортодоксальный консенсус» — так номинировал Энтони

Гидденс приверженцев этого подхода, без энтузиазма отмечая значительную власть, сосредоточенную в руках этого сообщества.

Исследователь-акционист будет искать объекты для полевой работы, ему будет интересно наблюдать социальные ситуации и процессы «с близкого расстояния», идти по исследованию в определенном смысле одновременно с социальным процессом — с его развитием и развитием представлений об этом процессе и его познании.

Исследователь, предпочитающий общения с аудиториями респондентов и внимание к актуализациям респондентов за счет открытых вопросов — осознанно идет на общение с аудиториями, на получение огромной массы текстов, на непростые поиски значимых в ответах коллизий, на построение классификационных схем, на выявление относительной специфики разных временных, территориальных и иных социальных «точек». И главное — имеет шанс продолжить общение с аудиториями, иметь от них «обратную связь».

Рассмотрим, как в методологических работах упоминается идея исследователя и в каком качестве. Так, у Г.С. Батыгина в его ключевой работе «Обоснование научного вывода...» идея исследователя появляется к концу монографии (после рассмотрения глав о социальных показателях, концептуальном анализе, социальных фактах) — в десятистраничном разделе «Социальные роли» социолога: проблемы профессионализации». В определенном смысле речь «о социально профессиональных ролях социолога: что ждут от него и насколько он сам способен выполнять эти ожидания»³⁷.

Автор выделил две категории исследователей: есть социологи-непрофессионалы (тут имеются в виду «заводские» социологи) и есть представители академической науки (надо полагать, профессиональные социологи). Г.С. Батыгин считал, что «сформировавшаяся в стране «отрасль» непрофессиональной науки требует повседневной помощи ведущих учреждений, стандартизации исследовательской документации, разработки конкретных методических руководств, справочников, указателей». Отмечается и более удачный, с точки зрения автора, вариант интеграции науки и практики — социологические службы партийных комитетов, крупных НПО, функционирующие под научным руководством исследовательских учреждений³⁸. Говорится, что большинство социологов обременено профессиональными стереотипами — идут

---

³⁷ Батыгин Г.С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. С. 209.

³⁸ Там же. С. 210.

на поводу «интересных вопросов», или выступают как «социологи-всезнайки», для многих анкета выступает «идолом»³⁹.

В работе Г.С. Батыгина используется несколько оснований для типологии исследователей и сформулированы явные претензии к недостаточной профессиональности социологов. Однако при этом можно резюмировать — исследователю не выделяется самостоятельный методологический статус, предполагается это только некий виртуальный эталонный тип исследователя, все остальное для методолога — досадные отклонения от эталона.

Самарский социолог качественной ориентации Анна Готлиб использует образ и идею «рефлектирующий социолог»⁴⁰.

Петербургский социолог В.И. Ильин, работающий в парадигматике качественного подхода, видит позицию исследователя в следующих вариантах: «исследователь как игрок», «исследователь как разведчик», «исследователь как советник», «исследователь как политик», «исследователь как путешественник»⁴¹. Попробовав себя в разных жанрах, сам В. Ильин делает свой персональный выбор в пользу «путешественника» — «просто путешествует в ходе своих полевых исследований из одного социокультурного мира в другой и рассказывает в своих публикациях и лекциях, что он там увидел»⁴². Так или иначе, отечественные методологи отмечают разнообразие характера исследователя, типов его работы.

«Метод исследования»

В эту категорию входит много разных составляющих, по крайней мере, сюда относятся методы актуализации/фиксации первичной информации, методы измерения первичных признаков, методы формирования выборки и отбора единиц в непосредственное исследование, методы коммуникации с респондентами (если респонденты включены концептуальные рамки исследования), методы анализа системы собранной информации.

В данном тексте мы частично представим проблему метода с помощью интегрального понятия *«тип социологического исследования»*. Типы исследований можно выделять по множеству оснований. Одним

³⁹ Батыгин Г.С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. С. 216.

⁴⁰ Готлиб А.С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Изд-во Универс-групп, 2004.

⁴¹ Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Социополис, 2006.

⁴² Там же. С. 7.

из оснований типологии исследований выступает метод актуализации/сбора данных. Метод сбора данных определяет специфику, трудоемкость, времяземкость реализации основных блоков исследования, нагрузку на исследователя на разных его этапах. Особенности первичных данных определяют в значительной степени характер и содержание финальных результатов исследования, путь следования к ним. Не имея возможности систематически описывать разные целостные системы получения эмпирического социологического знания, коротко представим пример лишь одной познавательной системы.

Методология открытых вопросов

Методология открытых вопросов принципиально отличается от количественного и качественного исследований по своим познавательным, гуманистическим, коммуникационным аспектам. В качественном исследовании основным героем «социологической драмы» выступает «исследователь» — он-де путешествует, наблюдает и рассказывает (как у В. Ильина), это способ видения и выговаривания действительности (соответственно исследователем), это идея диалогичности (активность познающего и активность открывающегося), это сложность двухстороннего акта познания-проникновения (как у А. Готлиб).

Что касается нашего подхода с «эксплуатацией» открытых вопросов и включением респондентов в исследовательский проект, то наши познавательные задачи/результаты артикулируются существенно иным способом. Презентации и напряжения в таком исследовании двух типов участников — исследователя и респондентов — принципиально значимы и прописаны в разных местах и в разных видах познавательной и коммуникационной деятельности. В нашем случае исследователь перекладывает проблему первичной концептуализации некоторой значимой социальной коллизии/объекта на респондентов. С этой целью он действует следующим образом: (1) выбрав интересующую его социальную коллизию, создает привлекательный и полезный для рефлексии инструмент — вопросник с открытыми (и иными) вопросами; (2) «договаривается» с аудиторией — общается с аудиторией респондентов, создает у них мотивацию участвовать в обсуждении (поиске/записи ответов на вопросы анкеты) и тем самым готовность потратить на исследователя свои временные, интеллектуальные, информационные и эмоциональные ресурсы; (3) респонденты, формулируя и записывая текстовые суждения о разных сферах индивидуальной или общественной жизни, во-первых, сами получают «навар» — разбираются по сути

вопросов/формируют свои представления о значимом для себя объекте и, во-вторых, осуществляют основную для исследователя работу — дают частичные описания многообразных сторон изучаемого(ой) объекта/проблемы/своей жизни; (4) исследователь проводит трудоемкую работу — изучает вариацию высказываний респондентов по каждому вопросу, ищет фокусы внимания/акценты респондентов, концептуализирует обнаруженную систему акцентов, создает обобщенную картину объекта через представления респондентов. (В принципе при опросах «стационарных» групп имеется возможность вернуться в аудиторию к своим респондентам и показать/обсудить полученные результаты, и даже повторить или развить исследование).

Исследователь должен/может осуществить переход к социально значимым обобщениям и выводам за счет многократных итераций, должен описать процесс и результаты исследования привлекательным и убедительным текстом. Тем самым такая социология должна быть привлекательной и «*читателю*», знакомящемуся с нашими опусами. Читателем может быть и наш коллега по научному цеху, и эксперт, и обыватель. Мы полагаем, что наш текст «Представления молодежи о стране эпохи СССР» на материалах рефлексивного исследования окажется «читабельным» и для коллеги социолога, и читателя-неспциалиста⁴³.

Исследования, построенные на открытых вопросах, имеют несколько гуманистических эффектов. Прежде всего, они предлагают респонденту формат и условия для осмысления коллизий собственной жизни и окружающего общества, для приобретения определенного опыта социальной рефлексии, систематического вербализованного оформления своих собственных представлений.

Исследователь в таких исследованиях также получает нового типа исследовательский материал — имеет вербализованные свидетельства о социальной реальности, индивидуализированные презентации отдельных людей, получает множество первичных концептуализаций социальных процессов/объектов со стороны множества респондентов/экспертов, в конечном итоге выстраивает устойчивую картину социального процесса/ социальной коллизии на актуализациях «коллективного эксперта» — совокупности респондентов. Исследователь имеет базу для получения как содержательно, так и статистически доказательных результатов и выводов, в своих публикациях получает возможность

---

⁴³ Саганенко Г.И., Воронцова О.А. Представления молодежи о стране эпохи СССР // Социология. М., 2008. 4. № 27. С. 158–188.

иллюстрировать свои аргументы, предоставлять возможность звучать «голосам молчащих» — респондентам.

С макро-категорией «метод» находятся в наиболее активном взаимодействии такие «макро-единицы», как «исследователь», «респондент», «средства».

«Респондент»

В социологическом исследовании у «респондентов» («информантов» и др.), если таковые включены в исследовательский процесс, особая миссия. Так, если респондента привлекают к заполнению стандартизированного вопросника, тем более, если сбор данных проводится в рамках процедуры стандартизированного интервью (при которой респондент даже не видит целостного вопросника, не имеет возможности понять контекст задаваемых ему вопросов и пр.), то респондент здесь имеет минимальные возможности выступить как индивид, оказаться партнером исследовательского процесса, он только «инструмент», производящий данные для социолога, к тому же в специфическом формате и слабо отрефлексированной ситуации.

Если же респонденты участвуют в исследовании, строящемся на интервью, биографиях, дневниках, открытых вопросах, то они в определенном смысле становятся партнерами исследователя, делятся с исследователем своими временными, интеллектуальными, информационными ресурсами.

Специфика индивидуальных и групповых способов опроса

Можно отметить, что индивидуальные и групповые способы *опроса* имеют принципиально разные познавательные характеристики, разную автономию респондента, разные условия анонимности, разный кумулятивный результат. Вообще групповые опросы формируют/предъявляют особый тип респондента — *респондента группового*. Работа отдельного респондента в группе влияет на группу и работа/отношение группы к участию в опросе оказывает влияние на отдельного респондента. Оттого, удалось ли сделать аудиторию своим союзником, увлечь перспективой полезности/привлекательности отвлечения по проблеме, зависит качество полученного первичного материала. Анкеты на открытых вопросах в совокупности обеспечивают глубокие, полноценные суждения, позволяющие респонденту «открыть» самого себя для себя и исследователю «открыть» специфику ситуации через респондентов.

Групповые опросы в «стационарных» аудиториях имеют и особый акционистско-познавательный ресурс (который, кстати, никак не отмеченный в методологических работах) — такие опросы содержат принципиальную возможность для исследователя «обратной связи» с данной аудиторией респондентов, проведения повторных обращений, сравнительных исследований, уточнения и расширения исследовательских, коммуникационных, гуманистических задач с изучаемыми группами людей.

Надо отметить, что любое общение с аудиторией в рамках социологического опроса/ беседы/дискуссии — ограничено по времени, чаще всего это один или два академических часа. Ни одна социально-значимая сфера/тема/социальная коллизия (самореализация, здоровье, образование, повседневность, семья, взаимоотношения поколений и др.) не может быть достаточно основательно прояснена/освоена человеком в рамках такого короткого промежутка времени, хотя, несомненно, может дать достаточное количество данных исследователю и даже для докторской диссертации. Социальная коллизия «полезности» социологических «рейдов» для респондентов и аудиторий нигде не поднимается — миссия респондента, вроде бы, только в том, чтобы быть полезным социологу. Развивая и практикуя гуманистическую социологию, мы предпочитаем работу/коммуникацию со «стационарными» аудиториями, позволяющими респондентам (может быть, студенту или учащемуся в классе общеобразовательной школы) освоить отдельную социально-значимую сферу при систематической поддержке социологии.

«Средства»

Эта категория объединяет многообразные составляющие (включая методические, финансовые, технологические и др. средства, а также человеческие ресурсы), которые можно разделить на две группы — «средства материальные» и «средства технической поддержки».

«Средства материальные»

Проблема денег/ресурсов/средств в прежние времена вообще не принималась во внимание при обосновании масштаба исследования, как бы не существовала в принципе, по крайней мере, не присутствует в методологических построениях, в осознании самих исследователей. Идея ресурсов никак не включалась в представления о методологии эмпирических исследований и о зависимости качества получаемых нами результатов от таковых.

В новейшие времена не только для конкурсных проектов, но даже для бюджетной тематики мы начинаем калькулировать требуемые ресурсы в эквиваленте денежных сумм.

«Средства технической поддержки»

В данном случае отметим только особые возможности для качественных (в нашем случае базированных на текстах) исследований, которые обеспечивают специально разработанные для их поддержки и повышения их эффективности две *компьютерные технологии* ДИСКАНТ и ВЕГА. Эти продукты созданы в Санкт-Петербургском экономико-математическом институте РАН под нашим (Г.И. Саганенко) руководством в обеспечение нашего концептуального подхода и систематически опробованы на многих десятках исследованиях. В настоящее время проходят обкатку новые блоки системы ВЕГА. Программы предоставляют социальному исследователю разнообразные средства хранения информационных массивов исследований, их наращивания, сравнения, слияния, средства получения многообразных словарей, инструменты доказательной классификации массивов текстовых единиц, концептуального анализа сплошных текстов, структурного сравнения текстовых массивов и многое другое. Эти программы обеспечивают многообразную поддержку качественных (с текстовой и смешанной первичной информацией) исследований, возможности работать с цифровой (альтернативной и многоальтернативной, единичной и табличной) информацией.

«Средства технической/технологической поддержки» одновременно относятся к категории «методы исследования» и тем самым подтверждают методологическую идею о взаимодополнительных отношениях разных макро-факторов социологического исследования, о проблемности однозначного разнесения методологических категорий.

Программы и компьютерные системы поддержки социологических/социальных исследований разрабатываются и широко представлены в зарубежных исследованиях. Это работы N. Fielding, J. Fielding, U. Kelle, R. Popping, M. Agar, C. Zuell, P. Bazeley, L. Richards, C. Blackenridge, R. Burgess, A. Coffey, P. Atkinson, J. Creswell, N. Gilbert, U. Kuckartz. Начиная с монографии Ренаты Теш 1990, были подготовлены обзорные работы Э. Вейцманом, У. Келле, Г. Клейном, Н. Филдингом и др. Ежегодно проводятся конференции по проблемам, программам, перспективам компьютерной поддержки качественных, текстовых исследований. Существуют сетевые ресурсы на Интернетe, в частности CAQDAS.

Систематическое осмысление ресурсов, которые обеспечивает компьютерная система ВЕГА/ДИСКАНТ, показывает принципиальную значимость технических средств в достижении надежного социального знания, качественных свидетельств о состоянии социальной среды и представлений людей.

Считаем важным остановиться на описании программы поддержки качественных исследований ВЕГИ по трем основаниям:

- Факт отсутствия упоминания компьютерной поддержки в публикациях по отечественным качественным исследованиям говорит о своего рода «кустарности» работы исследователя, имеющего дело с текстовыми информационными массивами, и, тем самым, значительной случайности полученных им результатов. Ведь качественные исследования — это, как правило, значительные массивы текстовой информации. И потому считаем важной задачу презентации нашей работающей программы.

- Осознание значительного влияния технологии на результаты исследования. Считаем, что аналитический программный ресурс выступает активным «субъектом» исследования, обеспечивая исследователю/исследованию динамичность, глубину, широту, доказательность, надежность исследовательского поиска и др. Когда же у исследователя отсутствуют такого рода ресурсы, соответственно его аналитические возможности весьма ограничены и результаты случайны.

- В отечественной социологии есть значительная, правда, неосознанная, потребность в знакомстве с конкретной эффективной компьютерной системой в поддержку качественных исследований. Мы знаем минимум работ наших коллег, которые систематически рассматривали, разрабатывали и описывали компьютерные технологии (среди них А.А. Крыштановский, О.Б. Божков, С. Чесноков, А.Н. Чураков и немногие другие).

Методы анализа и компьютерной поддержки можно разделить на два широких класса — применительно к стандартизированным/количественным исследованиям (и эту тему компьютерного сопровождения мы не будем затрагивать) и применительно к качественным исследованиям.

Исследовательский потенциал компьютерной системы ВЕГА

В содружестве программистами СПб ЭМИ РАН разработан и описан значительный познавательный ресурс, который обеспечивает комфортная и эффективная компьютерная система поддержки качественных исследований, которую представляет собой отечественная система ВЕГА и которая в принципе доступна пользователям в нашей стране.

Методологические, методические, компьютерные и практические разработки, выполненные в рамках методологии открытых вопросов и анализа больших текстовых массивов, позволяют нам заявлять, что мы создали самостоятельную, полномасштабную, целостную исследовательскую технологию для изучения актуальных социальных явлений.

Данную технологию поддерживают следующие макро-элементы:

1) Наличие последовательной методологической концепции, систематически описывающей познавательный и гуманистический потенциал данного подхода⁴⁴;

2) Разработанная система открытых вопросов, описание их познавательного потенциала⁴⁵;

3) Множество опросных методик, построенных на системном использовании открытых вопросов (в частности, 15 методик на примере изучения сферы образования опубликованы⁴⁶).

4) Данного типа методики разработаны для изучения социальной тематики из сферы образования, наркомании, антинаркотической политики, здоровья, семьи, экологии, для мониторинга изменяющихся параметров трансформирующегося российского общества (ситуация отслеживалась регулярными панелями на интервале 1989–2000 гг.), для сравнительного изучения актуального состояния общества в восприятии жителей разных стран (России, Дании, Швеции) и др.

5) Разработана компьютерная система ДИСКАНТ/ВЕГА в поддержку исследований, базированных на текстах. Особо развиты возможности предусмотрены для исследований, построенных на структурированной текстовой информации, а именно — на анкетах с системным использованием открытых вопросов, обеспечивающих значительные массы текстовых суждений. Программа позволяет оперировать системой из множества автономных текстовых массивов, которую, по сути, представляет первичная информация такого рода исследований.

6) В рамках ВЕГИ (ДИСКАНТА) разработан особый (отсутствующий в других программах) аналитический инструментарий для проведения систематической, доказательной, оптимальной *классификации полных массивов* текстовых суждений. Инструментарий классификации позволяет находить и фиксировать фокусные темы/рубрики/разделы/

---

⁴⁴ Саганенко Г.И. Многообразие возможностей социологического изучения сферы образования. Кн. 2 / Под ред. Г.И. Саганенко. СПб: ГНУ «ИОВ РАО», 2005. С. 19–45.

⁴⁵ Там же. С. 46–72.

⁴⁶ Там же. Ч. 2. 2008. С. 184–186.

параметры в ответах респондентов (суждениях экспертов, материалах статей, текстовых описаниях характеристик объектов) и, в конце концов, выявлять «тематические» структуры в текстовых массивах и их вес. Система классификации позволяет двигаться итерациями — начинать с выявления простых, популярных или более понятных элементов в описаниях/ характеристиках изучаемой социальной коллизии (объекта, процесса), содержащихся в массиве текста/текстов, и в конечном итоге достигать некоторого его оптимального описания. Система позволяет сравнивать содержательные структуры для корреспондирующих вопросов/объектов/ массивов.

7) Опубликованы систематические описания программы, релевантных исследовательских методик, дополнительные возможности описаны в приложениях и инструкциях для пользователя⁴⁷.

Система ВЕГА содержит одновременно исходные тексты, классификаторы, результаты классификации, выводит соответствия классов и текстовых единиц по любому заданному условию.

Методологическая ценность данного продукта состоит в том, что он показывает существенную роль и конкретные возможности работы с качественными и иными данными, возможность влиять на получаемые результаты и, соответственно, входить в общий макро-контекст социологического исследования.

Заключение

В данной статье представлена эвристическая методологическая идея: одновременное существование в дополнительных отношениях двух познавательных сред — внутренней и внешней. Внутренняя среда — это традиционная парадигматика анализа процесса и методов исследования. Социальная макро-среда представлена системой значимых «участников», макро-субъектов эмпирического исследования. Выделена совокупность «макро-систем», которые влияют на характер, масштаб, результаты и качество исследования — в связи с этим мы называем их «субъектами» исследования. Проанализирован методологический статус каждого «макро-субъекта», многообразие его презентаций, специфика его влияния на социологическое предприятие. В качестве

---

⁴⁷ Саганенко Г.И. Многообразие возможностей социологического изучения сферы образования. Кн. 1. СПб., 2004; Саганенко Г.И. (науч. ред.) Многообразие... СПб., 2005; Саганенко Г.И., Каневский Е.А., Боярский К.К. Контексты эмпирического познания в социологии и возможности программы ВЕГА // Телескоп. 2008. № 6. С. 43–55.

наиболее продвинутых методологических разработок представлены отдельные тематические разделы: «социальное время», «социология, социологическое сообщество», «исследователь», «респондент», «ресурсы», «методы».

Отмечается универсальный характер идеи «социального макроконтекста» исследования и непосредственно отдельных познавательных «макро-субъектов» для различных областей социального и гуманитарного познания, тем самым обосновывается общенаучная значимость представленного подхода.

*Г.В. Каньгин,
genaka@inbox.ru*

АНАЛИЗ КАЧЕСТВЕННЫХ ДАННЫХ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА К ОПЕРИРОВАНИЮ ПОНЯТИЯМИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Аннотация: Проанализированы трудности методологии социологического исследования, развиваемой с помощью естественного языка. Предложен синтез процедур анализа качественных данных и онтологических методов управления знаниями в качестве конструктивной основы инструментария социолога, построенного на оперировании исследовательскими понятиями.

Ключевые слова: Анализ качественных данных, онтологические методы, литературная теория, оперирование понятиями в социологическом исследовании

Никто не должен бояться,
что наблюдение над знаками уведет нас от вещей:
напротив, оно приводит нас к сущности вещей.

Г. Лейбниц

Введение

Анализ качественных данных (АКД) — это конструктивная методология социологического исследования, в основе которой лежит кодирование нечисловой информации. С кодированием связана одна из главных методологических особенностей АКД — замена текстовых свидетельств информанта на систему кодов, иначе говоря, аналогов научных понятий.

Генезис этой замены кроется в тезисе: наука — это система взглядов, выраженная в понятиях. Этот тезис сжимает до одного высказывания результаты огромной интеллектуальной работы, выполненной

классиками, исследовавшими проблемы развития научного знания в его разнообразных социальных контекстах — коммуникационном, управленческом, воспроизводственном и др. Появлению современных компьютерных методов анализа нечисловой информации способствовали идеи и концепции Л. Витгенштейна, А. Гидденса, Ж. Дерриды, Р. Карнапа, М. Полани, К. Поппера, Ю. Хабермаса, М. Фуко и других ученых, разработавших свои системы философских представлений о языке науки, проверяемости научных выводов, конструктивности социальных теорий и пр. Один из современных исследователей, внесший значительный вклад в осмысление конструктивной методологии социального исследования, — У. Келле в числе эпистемологических основ АКД выделяет такие мировоззренческие системы как феноменологию, оксфордскую школу философии языка и герменевтическую философию¹.

Сегодняшний анализ нечисловой информации базируется на множестве компьютерных программ. В их число входят: AnSWR, AQUAD, Atlas.ti, Decision Explorer, Ethnograph, HyperResearch, Kwalitan, MAXqda, NVivo, QDA Miner, Qualrus, TextQuest, XSight, и др. Различные проблемы развития компьютерных методов качественного исследования рассматриваются в работах многих западных авторов, среди них П. Аткинсон, Х. Беккер, Е. Брент, Е. Вейцман, Г. Гиббс, Е. Герсон, К. Драсс, Дж. Зайдель, А. Коффи, Р. Ли, М. Лонкила, А. Льюинс, М. Майлс, Т. Мур, Б. Пфaffenбергер, С. Рагин, Л. Ричардс, Т. Ричардс, С. Сил, Р. Теш, Н. Филдинг, М. Фишер, Б. Холбрук, А. Хьюберман и др.

В работах отечественных авторов проблематика АКД как конструктивной методологии социологического исследования еще нешла должного отражения. Показательно, что в пионерных российских монографиях по методологии качественного исследования В. Семенов и А. Готлиб² не используется даже сам термин «качественные данные», выступающие в качестве конструктивной основы последующего анализа информации.

Исследования в области АКД во многом обусловлены существующей «познавательной ситуацией» в области социальной методологии, о которой еще сорок лет тому назад Я. Щепаньский писал: «язык социо-

---

¹ Kelle, U. Theory Building in Qualitative Research and Computer Programs for the Management of Textual Data // Sociological Research Online. 1997. Vol. 2. № 2. <http://www.socresonline.org.uk/2/2/1.html> (дата считывания 05.04.2008).

² Семенова В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998; Готлиб А. Качественное социологическое исследование. Познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004.

логии еще очень далек от окончательной стабилизации»³. Так же, как сорок лет назад современная социология вряд ли отвечает требованию научности, т. к. не имеет собственного инструментария, позволяющего аналитику в ходе социологического исследования вводить научные понятия и полноценно развивать теоретические взгляды на их основе с помощью веками отработанных принципов (тождественности, непротиворечивости, явного указания гипотез и т. д.). Основной методологический инструмент для социологии — текст и стоящий за ним естественный язык.

Широко известна критика естественно языковых построений, используемых для целей создания социальной теории. Из числа недавних публикаций на русском языке напомним монографию А. Давыдова⁴. Вдобавок к содержащимся в ней характеристикам словесных аналитических выкладок обратим внимание на выражение В. Радаева «ковыряние палкой в тумане»⁵. К этому же ряду подходит лазарсфельдовское словечко *imagegu*, которому трудно подобрать аналог в русском языке. В этом контексте термин М. Алле «литературная теория»⁶ радуется своей академической толерантностью.

Обратим внимание еще на два аспекта литературной теории в социологии. Во-первых, используя естественный язык в качестве инструмента теоретизирования, социологи дают весомый повод заподозрить себя в непрофессионализме. Профессионалы языка — лингвисты — для создания своих теорий о языке стремятся уйти от обращения к этому обыденному медийному ресурсу. Взамен предлагаются такие средства, как: словари, тезаурусы, онтологии, концептуальное моделирование, теории метафоры и прочие средства, призванные устранить принципиальные недостатки естественного языка в качестве научного инструмента — метафоричность, неконтролируемую контекстную обусловленность и т. п. К сожалению, социальные теоретики игнорируют этот вызов, наблюдаемый в смежной предметной области. Это пренебрежение вполне рефлексивируется лингвистами.

³ *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. Новосибирск, 1967. С. 21.

⁴ *Давыдов А.* Конкурентные преимущества системной социологии. М., 2008. Гл. 1 (электронная версия по адресу: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/324618.html>, считано 03.12.2008).

⁵ *Радаев В.* Возможна ли позитивная программа для российской социологии // Социологические исследования. 2008. № 7 (291). С. 26.

⁶ *Алле М.* Современная экономическая наука и факты // THESIS. 1994. Т. 2. Вып. 4. С. 12.

Например, Р. Фрумкина, резюмируя разнообразные конкретные наблюдения из областей лингвистики и психологии, ставит под сомнение возможность опытного обоснования социологических утверждений, безотчетно формулируемых на естественном языке⁷.

Во-вторых, вдумаясь в следующее утверждение И. Азаровой и ее коллег: «Для слов любой части речи можно подобрать такой контекст, в котором будут взаимозаменяемы слова, семантически не связанные друг с другом»⁸. Это еще не приговор всей литературной традиции в социологии, но весомый повод усомниться в состоятельности намерений социальных теоретиков, игнорирующих веками наработанный аппарат науки в виде аксиоматики, правил вывода, явно сформулированных гипотез и пр. в пользу «разъяснения» одних слов естественного языка через другие⁹.

Завершая наш краткий экскурс в проблематику АКД, выскажем мнение, что ее научный смысл лежит в поисках конструктивного ответа на фундаментальные вызовы социальной методологии. Вспомним А. Шюца: «действительно, самый серьезный вопрос, на который методология общественных наук должна дать ответ, состоит в следующем: как возможно сформировать объективные понятия и объективно верифицируемую теорию субъективно значащих структур?»¹⁰

Что такое «переход на оперирование с понятиями»?

Ответ на поставленный вопрос может быть весьма кратким: это замена вербального изложения, проще говоря, текста, на структурные отношения между терминами. Рассмотрим, как этот переход осуществляется в практике социологического исследования.

---

⁷ Фрумкина Р. Психология и лингвистика как контексты социального познания // Пути России: Проблемы социального познания / Под общ. ред. Д.М. Рогозина. М.: МВШСЭН, 2006. С. 144.

⁸ Азарова И., Митрофанова О., Синопальникова А. Компьютерный тезаурус русского языка типа WordNet. 2003 // http://project.phil.pu.ru/RussNet/papers/RussNet_dialog2003.pdf (считано 27.02.2009).

⁹ Каныгин, Г. Контекстно-ориентированный подход к построению теорий. СПб.: Норма, 2006.; Каныгин, Г. Текст как инструмент социального теоретизирования // Пути России: Проблемы социального познания / Под общ. ред. Д.М. Рогозина. М.: МВШСЭН, 2006. С. 144–160.

¹⁰ Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 372 (электронная версия по адресу: <http://www.rshu.ru/article.html?id=2713>, считано 10.10.2008).

Традиционным и на сегодняшний день наиболее распространенным способом введения аппарата научных понятий в канву социологического исследования является позитивистская методология. В этом случае естественноречевые суждения, полученные как непосредственно от информанта, так и предложенные аналитиком, сводятся к различного рода вполне научным представлениям, которые получили общее название количественных. Среди подобных представлений — координатное пространство, которое именуется признаковым; выборка; данные; статистические методы; шкалирование; отношение порядка и т. п. В чем особенность такого способа введения научных терминов в «тело» социальной теории? В общей форме — это сведение мнений о социальном сюжете, выраженных на естественном языке, к конструктивным терминам, развитым в предметных областях, возникших и развившихся вне проблематики социальных наук. Типичным приемом служит сведение полноценных социологических понятий *пол, возраст, социальное положение* и т. п. к виду переменных или данных, т. е. аналитическим инструментам, развитым для решения отнюдь не социальных проблем. Такое сведение называется операционализацией социологического понятия. Скажем, исследовательский термин *доход* переводится в формат переменной, принимающей целочисленные значения. Аналогично поступают с другими терминами — *возраст, трудовой стаж, любимый актер* и т. п.

Операционализация

При сведении понятия к операциональному виду «обрубаются» все структурные отношения термина, которые характеризуют его именно как предметное социологическое понятие. Скажем, понятие *доход* всегда предполагает наполняющие его смыслом связи — за какой период, чей, какие источники учтены и т. п. Эти структурные отношения во многих своих проявлениях могут оставаться в скрытом виде в голове исследователя и других акторов позитивистского исследования, частично их можно разыскать в тексте анкеты или другого документа, регламентирующего операционализацию.

Так как связи терминов остаются в голове социолога, то по мере выполнения научных проектов он набирается опыта и становится авторитетным специалистом в своей предметной области. К сожалению, такой позитивистский способ накопления информации не решает, по крайней мере, двух проблем. Во-первых, при накоплении концептуальной

информации в своей голове аналитику объективно становится все более трудно оперировать ею ответственно, иначе говоря, сохранять тождество терминов в многообразных контекстах их использования. Во-вторых, неявный вид знаний, получаемых социологическим гуру, принципиально затрудняет их использование другими акторами.

Позитивистский способ введения понятий на проверку приводит к невосполнимой потере информации. Неудивительно, что такие информационные утраты, возникающие уже на исходной стадии исследования, делают его дальнейший ход крайне конвенциональным. Не имея возможности проследить коннотации понятий, респонденты не просто не понимают, что от них хотят аналитики. Опрашиваемые лишены самой возможности понять. В таких условиях вряд ли стоит ожидать получения сколько-нибудь релевантной информации, даже если она облачена в форму данных. А вопрос о том, нужны ли в социологии математические методы, оказывается более чем риторическим.

Для операционализированных терминов, т. е. переменных, позитивистская методология предлагает развитый понятийный аппарат: деловая графика, статистика, математические методы и другие приемы. В то же время на собственно социологической стадии разработки понятийного аппарата позитивистская традиция оставляет социальному аналитику весьма традиционные общенаучные возможности, главной из которых, видимо, остаются текстовые формулировки.

Современные тенденции: онтологии предметной области

Наряду с анализом качественных данных одной из современных тенденций развития аналитического аппарата, приложимого в различных предметных областях, является построение онтологий¹¹, т. е. формальное явное описание терминов предметной области и отношений

---

¹¹ В этой статье мы основываемся на изложении проблематики онтологий, выполненном Натальей Ф. Ной (Natalya F. Noy) и Дэборой Л. МакГиннесс (Deborah L. McGuinness), которое можно найти по адресу http://protege.stanford.edu/publications/ontology_development/ontology101.html, а также в работе: Рубашкин В., Лахути Д. Онтология: от натурфилософии к научному мировоззрению и инженерии знаний // Вопросы философии. 2005. № 1. С. 64–81. Внимание автора на проблематику онтологий обратил В.Ш. Рубашкин на семинаре по корпусной лингвистике, состоявшемся 03.03.2008 в Институте лингвистических исследований РАН.

между ними. Онтология — это единая система понятий, практикуемых акторами, которым нужно совместно использовать информацию в определенной предметной области. Онтология строится на машинно-интерпретируемых формулировках основных понятий предметной области и отношений между ними. Онтологический инструментарий существует в виде компьютерных программ. Ведущими программными продуктами этого класса, называемыми онторедакторами, являются: Proteger-2000¹², Ontolingua-1997¹³, Chimaera-2000 и др.

Проблемная ориентация онтологий позволяет увидеть два направления развития, которые являются чрезвычайно важными и для социальной методологии: во-первых, отстранение от естественного языка в качестве средства «научного» описания социальных явлений; во-вторых, указание путей решения проблем оперирования огромной массой концептуальной информации, неизбежно возникающей при анализе социальных систем (например, городского населения, социальной структуры, социально-культурных различий и т. д.).

Рассмотрим, в чем состоят цели развития онтологических методов, а также то, каким образом ожидаемые результаты могут быть использованы для развития социальной методологии, в частности, качественного исследования.

Онтология: унификация представлений

Геометрия Эвклида строится на первопонятиях, аксиомах и правилах вывода, одинаковых для всех своих адептов. Также и сторонник онтологического подхода стремится реализовать идею одинаковости представлений, описывающих предметную область.

Онтология выражает собой совместное понимание структуры информации, воспроизводимое как людьми, так и компьютерными программами, и относится к определенной предметной области. Тем самым построение онтологии решает ключевую для любой предметной области проблему конструктивности: каким образом представить предметные знания таким образом, чтобы их «понятность» для компьютера гарантировала их осмысленность и для человека.

Применительно к социологии речь может идти о структурировании социологического знания, переходе от вербальных построений к

---

¹² <http://protege.stanford.edu>

¹³ <http://www.ksl.stanford.edu/software/ontolingua>

оперированию понятиями, воспроизводящих отношения определенной социальной дисциплины. В этом случае оказывается, что изучаемый феномен моделируется не по позитивистским образцам в виде данных, функционалов качества или мер близостей, а в моделях, структура которых разработана применительно к конкретному сюжету исследования. Если, скажем, вводится представление о доходе, то явно прописываются связи этого термина с другими понятиями: за какой месяц, член семьи или респондент, источники дохода, какие поступления считать доходом и т. д. Обратим внимание, что эти разъяснения проводятся не в виде текста, а в виде совокупности понятий.

Другими словами, понятие рассматривается не как отдельная переменная, а как совокупность связей, которые отличают его от другого понятия.

Онтология: повторное использование концептуальных наработок

Важнейшей целью создания онтологий служит организация повторного использования структурированных знаний, накопленных в предметной области.

Приведем типичные ситуации, связанные с накоплением и совместным использованием знаний, которые возникают в различных исследовательских проектах. Скажем, в академических исследованиях семейных проблем естественно ожидать детализированной разработки представления о семье. Не менее естественно стремиться применить это детализированное знание в других социальных исследованиях. На практике такого не происходит, причем причина не только в том, что автор «закрывает» свои наработки, а в практической неосуществимости самой идеи. Структуры, выявленные в ходе академического исследования, с их многочисленными связями, оказываются «замурованными в голове» исследователя и требуют для своего извлечения отдельной трудоемкой работы.

Еще один пример. Социологические анкеты неминуемо обращаются к общенаучным представлениям, скажем, времени (час, год, месяц), места в городской среде (район, квартал, место работы, учебы и т. д.), дохода (за какое время, из расчета на какого человека, из каких источников и т. д.). Эти представления в конкретных случаях имеют весьма разнообразные связи и свойства, которые существуют в определенных

контекстах. Скажем, если это район города, то, какова его транспортная доступность, как он представлен в существующих базах данных, какова цена жилья в этом районе, кто входит в состав администрации и многое-многое другое. Без учета своих контекстно-обусловленных связей, а они могут быть весьма многоплановыми, термин информационно обесценивается.

Переработка таких представлений для удовлетворения информационных потребностей каждого очередного исследования, во-первых, весьма трудоемка; во-вторых, во многом связана с многократным повторением уже сделанного; в-третьих, не просто чревата потерей каких-то связей и отношений, но всегда заведомо неполна.

Обратим внимание, что при обработке информации в терминах онтологий речь идет не о данных, в частности, социологических, а о знаниях, выраженных в виде предметных понятий. С точки зрения аппарата знаний, традиционные социологические данные — это специальная форма понятий, которые совершенно недостаточно структурируют отношения предметной области, для описания которой они используются. Поэтому автоматический перевод существующих массивов социологической информации в форму понятий просто невозможен, данные не сохраняют разнообразие отношений, существующих между понятиями.

Информацию, появляющуюся в социологическом исследовании, необходимо сразу накапливать в виде понятий, пока его акторы «находятся в теме».

Онтология: умолчания

Всякое утверждение, встречающееся в социологическом исследовании, скажем, теоретическая гипотеза о величине выборки или свидетельствование информанта, строится на умолчаниях. Умолчания — это подразумеваемые принципы, факты, образцы для подражания и т. д., которые не находят выражения в самом утверждении.

В проблематике онтологий умолчания — это исходные положения (принципы, представления, соглашения и т. п.), которые приняты в определенной предметной области. Поскольку умолчания не находят явного выражения в составе терминов, то их очень трудно менять. При каждом изменении нужно быть готовым к «перелопачиванию» всего корпуса представлений.

Скажем, смена времени с зимнего на летнее и обратно вызывает известные трудности в работе транспорта, различного рода планировании и т. д. Вспомним широко разрекламированную проблему 2000-го года, относящуюся к работе компьютерных систем. Вообразим, что произошло бы при замене системы счисления с десятичной на какую-то другую. Если кто-то думает, что «какая-то другая» система обязательно хуже десятичной, то вспомним, что в сутках 24 часа, кроме того, сутки еще измеряются двумя половинами по 12 часов каждая. И что будет, если ввести «более привычное» десятичное исчисление времени?

Эта проблема остро стоит в собственно информационных технологиях: перестройка базовых идей языка программирования приводит к переписыванию компьютерных программ на новых принципах. Отсюда при развитии аппарата онтологий стремятся явно формулировать умолчания, принятые в предметной области, имея в виду облегчение неизбежного процесса изменений системы представлений.

Для социологии решение проблемы умолчаний не менее важно, т. к. любой информант или аналитик имеет собственные умолчания, которые весьма трудны для анализа. Иначе говоря, любое умолчание, характеризующее позицию одного социального актора, является потенциальной причиной конфликта с другим социальным актором.

Онтология: предметное и операциональное знание

Существует еще одна важная практическая проблема научной методологии: как отделить представления, развитые в предметной области, от операционального знания? Рассмотрим пример. Прежде чем калькулировать доход по результатам опроса населения, социолог должен дать разъяснения того, что такое доход, скажем, на члена семьи или личный, за какой месяц или год и т. п. В таких разъяснениях аналитик использует как собственные термины, так и общепринятые представления. Цель подобных разъяснений — не выполнение актором каких-то определенных действий, скажем, вычисление дохода в виде арифметических операций, а однозначное описание ситуации. Именно в результате достижения этой цели становится возможным осуществление известных операциональных усилий. Важно, что подобные разъяснения имеют структурное выражение, но они не связаны с операциями, специфическими для данной предметной области. Например, при использо-

вании понятий в задачах изучения дохода семьи могут быть прописаны связи между терминами *семья, член семьи, месяц* и др. с тем, чтобы у участников опроса не возникало недоумений, как, собственно, считать *доход*. Калькуляция дохода не является специфической операцией, возникшей в связи с проблемами его изучения, в то время как состав и отношения между терминами таковыми являются. Однако считать *доход* все равно придется, поэтому наряду с предметными терминами аналитик вынужден применять уже готовые операциональные представления. Эти представления весьма разнообразны, и возникает проблема, как согласовать аппарат введения предметных понятий и оперирования ими с уже готовыми и многократно апробированными терминами.

В области методологии социологического исследования решение этой проблемы чрезвычайно важно при создании конструктивных исследовательских методик, которые сопрягают разъяснения конкретных ситуаций с контекстно обусловленными действиями акторов. Респондент знает, как считать, но он не всегда понимает, что считать.

В более узком контексте эта же проблема остро стоит перед разработчиками систем компьютерного интервьюирования. Дело в том, что они вынуждены моделировать представление о социологической анкете. А что такое анкета? Это инструментарий, который, по замыслу, должен поддерживать как концептуальные разработки социолога, так и заимствуемые им общеупотребительные термины. Другими словами, этот инструментарий должен описывать и структуры, стоящие за термином ДОХОД, и операции по его исчислению.

Онтология: эффективный анализ предметного знания

Существование предметной области в виде структур терминов позволяет ее эффективно анализировать различными методами. В частности, отпадает проблема анализа текста как неструктурированного потока символов. Именно по этому пути — замены традиционного текста, принятого в научных публикациях в качестве инструмента коммуникации — идут современные Web-технологии. Html, xml и др. форматы «интернетовского текста» — это уже не текст в традиционном понимании, а структуры, созданные под те или иные требования информационного развития. В дальнейшем эти структуры приспособляются для решения задач, стоящих в отдельных предметных областях.

Чем полезны онтологические идеи для науки социологии

Проблематика онтологий приведена в качестве примера подхода, который недвусмысленно ориентирован на создание средств оперирования понятиями. Онтологии вводят конструктивный аппарат, предназначенный для научной работы в весьма разнообразных предметных областях. Но проблема перехода на оперирование с понятиями — это проблема, которую решает каждая наука самостоятельно. Есть геометрия Эвклида, а есть механика Ньютона — это разные системы понятий. И в каждой науке возникает базовый вопрос, из каких соображений (принципов, допущений и т. п.) вводить отношения между понятиями? Этот вопрос оказывается ключевым как для онтологии, так и для социологии.

С моей точки зрения, если пытаться применить онтологические подходы к решению проблем оперирования научными терминами в рамках качественного исследования, особенно если его автор придерживается конструктивистских взглядов, то нужно учесть две особенности онтологических методов.

Во-первых, уже само название направления — «изучение бытия» — говорит о том, что возникающие концептуальные построения рассматриваются как выражение чего-то объективно существующего — «бытия», а не как инструмент его создания. В этой связи возникающий в области построения онтологий конструктивный научный аппарат вряд ли учитывает современные конструктивистские тенденции развития социальной методологии.

Во-вторых, несмотря на различие структурного аппарата онторедакторов, т. е. программных средств создания онтологий, и объектно-ориентированного программирования, первые все же во многом повторяют конкретные решения, развитые в области программирования. Например, аппарат связывания структурных и операциональных свойств исследовательских терминов.

Особенности качественного исследования и онтологии

При обращении к онтологическим методам, действительно, удается предложить систему понятий и отношений между ними, которая заменяет собой текст в качестве традиционного средства коммуникации.

Но... все такие предложения строятся на использовании сложившейся предметной области. Другими словами, предметная область подсказывает отношения между понятиями, которые составляют своеобразие каждого из подходов при построении онтологий. На первый взгляд, кажется, что такая «подсказка» вполне естественна и не следует ее оспаривать. Но обратим внимание на типичные исследовательские задачи, решаемые с помощью методов анализа нечисловой информации, используемых в качественном исследовании.

Во-первых, у качественной социологии нет определенной предметной области. Для обоснования этого утверждения вспомним широкие применения методов анализа качественных данных в медицинских исследованиях¹⁴. В ходе таких исследований информант, он же зачастую пациент, страдающий психическими расстройствами, излагает свои переживания, предчувствия, надежды, воспоминания и т. п., предметная связь которых совершенно проблематична. Другим подтверждением этого служит практика качественного исследования, в котором информант рассказывает о совершенно произвольных сюжетах своей жизни, причем делает это на своем языке¹⁵.

Во-вторых, все большую силу в современной социологии набирают тенденции изучения не «объективных феноменов», а способов их конструирования социальными агентами или акторами¹⁶. Конструктивистские методы, по самому смыслу конструктивизма, могут быть применены как в исследовательских методиках различных аналитиков, так и в социальной практике реальных акторов (общественных организаций, политиков, органов социального управления и др.). Поэтому социальный методолог, разрабатывающий такие методы, берет на себя, хотя бы частично, функции, выполняемые в позитивистских методах природой. Т. е. он должен предоставить научный аппарат, способный выразить чрезвычайно разнообразные конкретные ситуации и побуждающий социальных акторов использовать его в своей практике. Поэтому при развитии конструктивистской методологии на первый план

---

¹⁴ Charmaz K. Grounded Theory: Objectivist and Constructive Methods // Norman K. Denzin, Yvonna S. Lincoln (Eds.). Handbook of Qualitative Research. 2nd edition. Thousand Oaks, Ca.: Sage, 2000. P. 509–535.

¹⁵ Готлиб А. Качественное социологическое исследование. Познавательные и экзистенциальные горизонты.

¹⁶ Ясавеев И. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004; Гилинский Я. «...я начинал как чистый “уголовник”...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 2. С. 2–12.

выходит моделирование таких особенностей социального знания, как контекстная обусловленность, зависимость от актора и неизбежная противоречивость представлений, появляющихся в ходе конструирования социальной реальности различными социальными агентами.

В этих условиях кажется правдоподобным, что действия социальных акторов и объективные явления должны выражаться с помощью разных принципов и средств оперирования с понятиями. Не следует рассчитывать, что аппарат онтологий напрямую удовлетворит социального ученого, работающего в конструктивистской традиции. Приходится предлагать пути его конструктивного совершенствования и убеждать исследователей в практической необходимости «онтологического переуплощения» социальной методологии.

Тенденции развития онтологий социологического исследования

Мне кажется, что направлением эффективного развития средств оперирования с научными понятиями в социологическом исследовании, служит синтез идей и методов построения онтологий и конструктивного аппарата анализа качественных данных.

В частности, функции кодирования, применяемые в АКД и реализованные в виде компьютерных пакетов¹⁷, построены без использования обращения к предметной области. А соответствующие компьютерные пакеты находят широкое применение в качественных исследованиях. Однако функции кодирования также не свободны от недостатков, в частности, они имеют явно менее развитый аппарат установления отношений между понятиями в сравнении с онтологическими решениями.

Для того чтобы усовершенствовать аппарат кодирования качественного исследования, нами предложен контекстно-ориентированный анализ качественных данных¹⁸. С одной стороны, он развивает идеи поименования в качестве адекватного инструмента фиксации и воспроизведения социальных явлений. С другой — дает в распоряжение аналитика оригинальный аппарат установления отношений между понятиями, способствуя решению центральной проблемы перехода на научные рельсы в области социальной методологии.

---

¹⁷ Каныгин Г. Инструментальные средства и методологические принципы анализа качественных данных // Социология 4М. 2007. № 25. С. 77–98.

¹⁸ Каныгин Г. Контекстно-ориентированный подход к построению теорий.

*В.В. Козловский,
vvk_soc@mail.ru*

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация: В статье анализируется проблема цивилизационных вызовов современности, стоящих как перед российским обществом в целом, так и перед российскими социологами, в частности. Обсуждаются методологические вопросы цивилизационного обустройства России в условиях мирового общественно-экономического кризиса и отхода от проблемы выбора модели модернизации.

Ключевые слова: цивилизация, модернизация, глобализация, цивилизационный вызов современности.

Обращение к проблеме цивилизационных вызовов современности продиктовано совершенно новой ситуацией социально-экономического и культурного разлома в начале XXI столетия. Спустя 20 лет после исчезновения с карты мира советского государства впервые возникла стагнация мировой экономики и идеологии мировой экспансии. Парадигма (пост)модернизации во всех ее составляющих оказалась исчерпанной. Современный капитализм ищет поддержку у государства. Представления о спасительной миссии мирового и национального капитала, о стабилизирующем характере мировой и национальных культур, о мировом политическом и правопорядке натолкнулись на некие стихийные процессы цивилизационного типа. Именно они стали труднопреодолимым барьером в разрешении внезапного всеобщего современного кризиса. Эти процессы воплощаются, с нашей точки зрения, в цивилизационных вызовах современности и ответах на них.

Ядро цивилизационного вызова имеет двоякую противоречивую природу требований к современным обществам. Во-первых, это настоятельные требования к современным обществам соответствовать

достигнутым стандартам развития ради удержания стабильности, поддержания уровня жизни и процветания. Во-вторых, это требования к современным обществам сохранить собственную социально-культурную специфику в ходе адаптации к резко меняющимся условиям существования. Суммируя, это цивилизационная интеграция без унификации, универсализация цивилизационного порядка без утраты богатства локальных культур, и, наконец, глобализация без потери ресурсов для самореализации. Быть современным становится все труднее в рамках цивилизационного давления современности. Быть несовременным значит остаться на обочине и окончательно отстать.

Перечень цивилизационных вызовов современности включает целый ряд важных требований, угроз, рисков, опасностей, известных в социальных науках, как: макроисторические, транскультурные, транснациональные, конфессиональные и межрелигиозные, духовно-идеологические, суперинформационные (виртуализация), потребление, демографические, климатические, макроэкономические, геополитические, глобальные, региональные, локальные, технологические, технические, инновационные. Для содержательной артикуляции всего списка цивилизационных вызовов современности по отношению к российскому обществу и их социологической диагностике необходимо систематическое изучение и оценка новейших фактов текущей истории. Например, описание фреймов цивилизационной идентичности дает нам проследить принудительную силу доминирующих форм цивилизации.

В частности, автомобиль, компьютер и супермаркет являются фигурациями, определяющими современный стиль жизни, включенность в современную цивилизационную идентичность. Они маркируют ведущие векторы и контуры современной жизни не только горожанина, но жителя деревни, минимально контактирующего с миром. Революционизирующая роль современной цивилизации проявляется в механизмах включения и исключения в мировую экономику, политику, культуру. В миросистемной теории И. Валлерстайна этот механизм показан достаточно наглядно, но в ней были упущены эффекты локального ответа на цивилизационные вызовы современности, от которого зависит конфигурация самой современности каждого национально-государственного образования¹. Проблема цивилизационного противостояния и его воз-

---

¹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.

можных следствий обсуждается С. Хантингтоном². Наибольший интерес вызывают именно вопросы противодействия цивилизационным вызовам современности, а также проблемы ресурсов и затрат на успешное вхождение в современный цивилизационный процесс.

Насколько в таких условиях востребована социология, способна ли она подобрать ключи для решения вопросов цивилизационного характера современности. Возможно ли с помощью социологии найти верный путь выхода современных обществ и государств из острого кризиса и проектирования оптимальной программы будущего устойчивого развития страны.

В современной социологии цивилизация определяется в соответствии с целями исследования. В нашем случае цивилизация — это способ социальной (идеальной и материальной) интеграции различных культурных, духовных, хозяйственных и властных форм деятельности. Цивилизационный анализ сосредоточен на символических формах и их конфигурациях, но в отличие от культурологического подхода, распространенного в гуманитарных науках, цивилизационный анализ рассматривает культурные феномены в соотнесенности с социальными структурами и практиками. Цивилизация, таким образом, является социокультурным образованием: культурно сконструированной и институционально укрепленной структурой. В отличие от «классической традиции» сравнительного изучения цивилизаций, представленной именами Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, современный цивилизационный анализ имеет дело не только с цивилизациями как культурно-историческими типами и целостными системами, но и с любыми социокультурными феноменами, существующими в рамках этих систем. Одна из центральных проблем цивилизационного анализа заключается в определении степени и форм интеграции конкретных компонентов культуры, хозяйства и власти. Наряду с трактовкой цивилизации как социокультурного комплекса распространено в настоящее время заданное Н.Элиасом³ понимание цивилизации как процесса специфической трансформации человеческого поведения под влиянием структурных факторов. С опорой на работы этого немецкого социолога широко обсуждается проблема соотношения цивилизации и варварства применительно к современности.

В современных исследованиях цивилизационный анализ во многих случаях является частью комбинированных исследовательских стратегий,

---

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Аст, 2003.

³ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. В 2-х т. СПб.: Университетская книга, 2001.

в частности, он занимает важное место в культур-центристски ориентированных теориях модернизации и глобализации. В этих теориях цивилизационное устройство общества рассматривается как фактор, определяющий специфическую форму модернизации и включения страны в процессы глобализации. Примечательно, что при этом сами термины «модернизация» и «глобализация» начинают употребляться не в единственном, а во множественном числе. На сравнительный анализ цивилизаций опирается теория множества модернизаций и нескольких современностей, наиболее интересный вариант которой представлен в работах С. Эйзенштадта и его школы. В последнее время встречаются попытки синтеза цивилизационного подхода с другим важнейшим направлением в сравнительном изучении исторических систем — мир-системным анализом. Так, получает развитие идущая от Ф. Броделя концепция цивилизации как сети отношений — экономических, политических и культурных. Хотя в целом, следует отметить, отношения между цивилизационным и мир-системным подходами остаются напряженными, отмеченными острой обоюдной критикой. Р. Коллинз рассматривает цивилизации как зоны престижа, имеющие свой центр и периферию и более широкие, чем отдельные общества или государства.

Цивилизационный подход подчеркивает факт существования в современном мире большого разнообразия культурных традиций и институциональных структур*. В самом цивилизационном анализе выделяют два направления: социокультурное и институциональное. Социокультурное направление цивилизационного анализа сосредотачивается на символических формах, на том, как они проявляются в институциональных структурах и социальных практиках и как изменяются во времени и пространстве при сохранении преемственности и общности культуры. В институциональной версии цивилизационного подхода особое внимание уделяется характеру отношений между властью и собственностью и преобладающему типу социальной стратификации. Институциональный подход к цивилизационному развитию опирается на теоретическое наследие классиков социологии: идею азиатского способа производства К. Маркса и концепцию патримониального господства М. Вебера. Обе эти модели широко применяются для анализа современного российского общества, составляя жесткую оппозицию теориям модернизации,

---

* Полный спектр подходов цивилизационного анализа представлен в статье: *Браславский Р.Г.* Сетевой подход в современном цивилизационном анализе: изменение парадигмы (в настоящем сборнике).

транзита, неоконвергенции, любым другим однолинейным моделям социального развития. Концептуальная разногласия вызывает потребность разобраться в том, насколько обоснованы предлагаемые диагнозы российского общества, в каких отношениях они находятся к социальной реальности и друг к другу. Необходима проверка существующих положений и гипотез о существовании как универсальных, так и специфических черт цивилизационного устройства и развития российского общества.

На рубеже 1990–2000-х гг. российские социологи основное внимание обращали на проблемы переустройства и трансформации российского общества⁴. В конце первого десятилетия XXI в. обнаружилось явное отставание рынка социальных исследований и разработок от реальных запросов на изучение новых явлений внутри стабилизировавшегося было российского порядка. Соответственно резко падают бюджетные и внебюджетные расходы на социальные исследования. Спрос на социологическую продукцию сокращается. При этом растущий ком проблем выживания и неэффективных жизненных стратегий в обществе кризиса, спада производства и роста безработицы требует срочных ответов. Государству и обществу явно трудно справиться с наплывом неожиданных трудностей, болезненных ситуаций. Таково состояние дел и вещей в современном российском обществе. Мировое сообщество, в том числе ведущие страны, с трудом находят временные рецепты для решения текущих социальных и экономических задач. Отсюда вытекает прямой вопрос об актуальности социологии для понимания и участия в современности. Обладают ли социальные науки, соответственно социология, неким социологическим пониманием в решении острейших проблем современных обществ? Предлагаю такой поворот в обсуждении значимости и пользы социальных наук, мы хотим лишь направить внимание на смену вектора интересов в социальных и гуманитарных исследованиях. Ключевыми моментами являются разработка основных тематических направлений, новых продуктивных методов и дискурса исследований современности⁵. Наряду с этим появляется важное звено — широкая гамма практических и коммуникативных задач, решаемых на основе современного дизайна актуального социогуманитарного знания.

⁴ Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008.

⁵ Wagner P. A Sociology of Modernity. Liberty and Discipline. London: Routledge 1994; Wagner P. Theorizing Modernity. Inescapability and Attainability in Social Theory, London: Sage, 2001.

Миссия современного социального и гуманитарного знания покоится на фундаменте выявленной человеческой идентичности, сопричастности и солидарности. В отличие от предыдущих эпох — времен социогуманитарных исканий истины и покорения окружающего мира — современный этап развития научного социогуманитарного знания состоит в социокоммуникативном проектировании новых социальных практик (социальной реальности) в условиях смыслового многообразия личного и коллективного существования. Цель социогуманитарных наук — самопознание, самоидентичность и самоосуществление разнородных социальных субъектов. Поиск языка социогуманитарных описаний на деле происходит как ревизия прежних способов существования во имя современного цивилизационного обустройства и реализации значимых общественных проектов.

Одной из самых значимых для социальной теории и практики является тема собственности как условия и основы цивилизационного обустройства современной России. Цивилизационное устройство как интегрирующая совокупность рамочных общественных форм обеспечивает рациональное осуществление любой социальной и культурно значимой деятельности. Центральное место в них занимают отношения собственности, вокруг и на базе которых складываются многомерные общественные отношения цивилизационного участия в производстве и воспроизводстве индивидуальной и коллективной жизни. Именно собственность определяет границы личной и общественной свободы, служит источником развития и защиты личности и социума в современном обществе. От развитости отношений собственности напрямую зависит предоставление ресурсов на социально- и личностнозначимые проекты и программы. Отношения собственности формируют контуры и перспективы реализации индивида и группы (также пределы, отклонения, барьеры и т.д.), определяют тип общества (тип капитализма и др.), власти, своеобразие политического режима. Все это говорит в пользу разработки данной темы как слабо разработанной грани современного социологического понимания современности. Развернутое понимание собственности способно дать внятное представление о скрытых механизмах топтания на месте и неудачах в цивилизационном обустройстве российского общества, включая экономический рост, политическое участие, культурное, социальное и индивидуальное творчество.

Сложившиеся представления в социальных науках о традиционных обществах, включая индустриальное общество, занимают ведущее место в сегодняшней социогуманитарной терминологии, но

малоэффективны в интеллектуальном и эпистемологическом освоении текущей истории. Классические концепции, в частности структурно-функциональное, системное, да и не противоречащее ему феноменологическое объяснение социального и культурного пространства показали свою хроническую слабость в понимании и проектировании индивидуальной траектории жизни и осмыслении трансформации массового общества в современные транснациональные сообщества. Неофункционализм, драматургическая социология, социоанализ, конструктивизм, дискурсный анализ дают новое измерение современного общества, его повседневных практик и общественных форм. Они предлагают новый язык обнаружения, описания и объяснения разнообразных событий, стилей и способов жизни. Собственно, новые грани «социологического камня» современности кристаллизируются либо как совершенно новый, либо по-новому развернутый прежний дискурс, на основе которого раскрываются скрытые прежде формы социокультурного существования. Возможно, дискурсивное конструирование этих качеств и форм как раз и является способом социологического проектирования реальности. Мы наблюдаем сопряжение двух взаимозависимых процессов как двух событий: калейдоскоп меняющихся реальных событий и социокоммуникативный ряд (события их коммуникативного отстраивания). Речь идет о социокоммуникативном событии как самостоятельной коммуникативной реальности и коммуникативном действии. При этом возникает эффект социокоммуникативного взаимопорождения стилей жизни дискурсом, действием и отношениями (отношениями собственности по преимуществу в российском случае).

Актуальный социологический ответ на вызов цивилизационного развития связан прежде всего с существующими типами современности. Стандарты современной цивилизации синхронизируются в каждой стране благодаря своей уникальности и унифицированности. Принудительное освоение, а в ряде случаев адаптацию данных стандартов можно усмотреть в потоках современной миграции в большинстве регионов мира. Каковы они, каким образом укрепляются? Какова цивилизационная идентичность поколений различных национально-государственных общностей? На первый взгляд, социальная логика вещей, отождествляемая с технологиями их создания и использования, и есть вещный порядок социальной реальности, закрепляемой в жизненном опыте. Однако наряду с так называемым реальным опытом повседневности и способами позиционирования возникают разного рода фабрикация, суррогаты, имитации, подделки, симуляции дискурсов,

действий и отношений. Следовательно, схватить так называемую сущность социального порядка, скрытую природу власти и культурных практик оказывается труднодостижимым делом. Поэтому социологический анализ цивилизационного уклада позволяет разобраться в спектре форм исторического опыта и разнообразия повседневности. Цивилизационный уклад любого сообщества определяется массой вещей, которые структурируют личные и социальные практики: тело, дом, техника, язык, знания, деньги, одежда, пища, предметы развлечения и зрелища. Этим списком круг включенных в практики вещей не ограничивается. Появляются новые, например, компьютерные и виртуальные вещи. Инновации встраиваются в повседневность за счет механизмов социокультурного обустройства и проживания, в числе которых входят такие методы, как: изобретение, видоизменение, подражание, изоляция, игра, ритуал. Таким образом, проблематика цивилизационной динамики российского общества может быть наряду с темой собственности вторым важнейшим фокусом социокультурного изучения, и соответственно, гранью «социологического камня» современности.

Тема российской модернизации остается актуальной, однако теряет свою остроту⁶. На смену приходит проблема цивилизационного встраивания в современность, или формирование современности российского общества. Это, конечно, не поиски и следование подходящей модели модернизации, а обустройство современного цивилизационного уклада. Ключевым моментом смены стала вторая половина 2008 г., время публичного признания всеобщего кризиса экономики. Мнимые и реальные трудности глобального порядка проявились во всем, от административных потрясений, банкротств и падений корпораций до частных семейных коллизий. Тема кризиса заполонила страницы журналов, полосы новостей, виртуальное пространство. Парадоксальным образом этот поток страхов, угроз и опасностей встроился в общий тренд весьма органично и, можно сказать, оживил и добавил остроты монотонному ритму частной и публичной жизни.

Вышел из тени всеильный мировой и национальный финансово-банковский бизнес, который на поверку оказался спекулятивным, своекорыстным, эгоцентричным и беспомощным без поддержки государства, которое, думается, на время превратилось в печатную индустрию денег. Могущество рынка как регулятора экономического поведения, средства перераспределения капиталов и богатств внезапно сократи-

---

⁶ Российская модернизация: размышляя о самобытности / Под ред. Э.А. Паина, О.Д. Волконоговой. М.: Три квадрата, 2008

лось практически во всех сегментах хозяйственной деятельности в несколько раз. Упование на универсализм рынка и прогрессивную динамику роста сменилось прежде всего разочарованием населения, особенно тех слоев и групп, которые как собственники и занятые еще не обрели или уже утратили завоеванные позиции.

Политическая власть скорее вынужденно, чем по своей воле, оказалась заложником кризиса и ответственной за выход из него. Не на общество, а на государство легла полнота ответственности в новой для него роли и выразителя, и гаранта социальной справедливости в ситуации резкого экономического спада. На наших глазах в сфере политики непосредственно артикулируются интересы национальной экономики, или народного хозяйства, а также отдельных групп бизнеса и населения. Подобная избирательность в отстаивании и поддержке базовых групп интересов хорошо укладывается в концепцию государства как ведущего института регулирования хозяйства, рынка, демократии, социального неравенства. Идеология современного российского государства прежде всего опирается на принципы сбалансированной экономической и социальной политики, инновационного технологического и технического развития. То есть оно берет на себя роль инициатора новых национальных проектов, организатора и контролера основных секторов общественной жизни.

Между тем государство действует традиционно, артикулируя прежде всего интересы крупного капитала, сопровождая свои действия политическими и социальными акциями в защиту населения. Угрозы социальных взрывов и потенциального протеста заставляют государство брать на себя новые роли одновременно крупного банкира и предпринимателя, социального менеджера и дистрибьютора. Многократное усиление государства чревато объективным умалением гражданского общества, рост инфантилизма со стороны граждан, патернализма как общего умонастроения, и как следствие, снижением социальной и экономической активности.

Цивилизационная (транс)формация современного российского общества

Современные общества находятся в тисках перманентных трансформаций, непрерывных инноваций, волнообразных кризисов. Эти факты были отмечены П.А. Сорокиным в концепции социокульту-

турной динамики. Глобализация, постмодернизация, виртуализация отходят на задний план, поскольку они лишь усугубляют лихорадочность поиска ответов на ситуативные и стратегические проблемы. Глобальный характер экономических и финансовых потрясений резко повышает цену и риски принимаемых политических и хозяйственных решений.⁷ Наблюдается очевидный цивилизационный провал, точнее сказать перепад от, казалось бы, вполне устойчивой социокультурной матрицы сложившихся типов современного общества «риска», «второго модерна», «потребления», «знания» к новым формам общественного порядка. Происходит мощная трансформация цивилизационного миропорядка, которая втянет в свою орбиту максимально большое число участников. Избежать новой цивилизационной воронки смогут лишь те, кто не вкусил прелестей массового общества, искушений иллюзиями социоприродного господства и наслаждений неутолимого потребления. Они еще на пути к разочарованию в «прогрессе». Остальных ждет испытание разного рода трансформаций: упоение всеилием и бессилием политической власти, очарованность могуществом и слабостью транснациональных сетей в экономике и культуре, магия личной воли и безволия, фанатизм веры и безверия. Таковы вехи мятущейся цивилизации, во власти которой находится и современное российское общество.

Новое социокультурное и духовное пространство российского общества складывается спонтанно. Вместе с тем оно структурно и процессуально определяет ход всех системных формационных перемен. Термин формация после марксистских штудий об общественно-экономических стадиях исторического развития практически вышел из употребления в социальных науках. Цивилизационный анализ является более эвристичным способом анализа, так как включает изучение текущей современности. Вместе с тем формационные черты современных обществ рельефно проявляются в типе формативности коллективного поведения, в сконструированности форм знания и дискурса, ритуальности повседневногo опыта, в новых идеальных типах общества, в сходстве основных качеств властных элит, в конфигурации социального неравенства. Эти свойства весьма органично укладываются в рамки (транс)формационного становления новых цивилизационных оснований и образований. Чтобы развернуть и обосновать этот тезис, необходимо ревизовать содержание формационного подхода к современной истории. Следует отказаться от упрощенного

---

⁷ Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001.

экономизирующего толкования в пользу понимания цивилизации как (транс)формирующегося на собственных основаниях социокультурного единства. Цивилизация основывается на социокультурном, хозяйственном и политическом разнообразии.

Особенности культурной и духовной ситуации проявляются в темпах, характере структурных преобразований. Политически и экономические перемены в обществе наталкиваются на ментальные структуры, нормативно-ценностные системы, стереотипы поведения, идеологии и концептуализации. В целом весь спектр культурных и духовных практик, накопленных в обществе и власти, существенно модифицирует социальные структуры, институты и действия. Именно данный спектр придает национальную и региональную специфику общественной жизни, хозяйству, праву и власти.

По отношению к происходящим переменам в современном российском обществе в исследованиях традиционно присутствует элемент социальной и политической ангажированности. Можно выделить несколько характерных течений, в которых располагается практически весь корпус российских социальных ученых. Их позиции располагаются на спектре от позитивного (доходящего до апологии), критического (направленного на ревизию способов реформирования) до негативного (полного неприятия перемен). Налицо, безусловно, ценностное самоопределение ученого, которое служит фундаментом его аналитической деятельности, явно или неявно входит в состав презентуемого им экспертного знания и социальной информации, наконец, связывает узлами солидарности с идейными соратниками его локального профессионального сообщества. Внеценностное отношение к обществу и культуре как объектам исследования в данном случае либо отсутствует, либо занимает подчиненное положение.

Социологический диагноз социокультурных форм цивилизации может быть направлен на: а) выявление сформировавшихся экономических, социальных и культурных доминант, определяющих смысл и дух эпохи; б) описание уникальности типов дифференциации современных обществ; в) выяснение форм и способов социокультурного взаимодействия трансформирующихся современных обществ в условиях глобализации; г) составление симптоматики общественного развития на основе меняющихся моделей природопользования и потребления; д) определение основных параметров жизненных траекторий, моделей социального действия современного человека; е) соотнесение смысловых структур повседневного опыта с конституированными в социальной

науке стандартами жизни; ж) обнаружение инноваций, аномии и аномалий современного общества. Эти элементы социологического диагноза являются вполне адекватным набором показателей для характеристики эволюции культуры, культурных практик и духовной жизни.

Меняется вектор культуры. Традиционные религиозные и профессиональные регулятивы, бытовавшие в повседневной культуре образцы ослабевают. Происходит заметное смещение центра тяжести от доминировавших стандартов мономативной культуры и эталонов творчества к диффузной полиномативной децентрированной культурной среде. Этот сдвиг можно, на первый взгляд, квалифицировать как понижение уровня культуры, продолжение ее массовизации, деградацию. Более того, общее снижение качества культуры как творчества и как ценностно-нормативного регулятора доходит до своей крайности — обесцениванию (нейтрализации) культуры, с одной стороны, и гламуризации — с другой.

Консюмеризм приходит на смену подчиненному положению потребительской культуры. Гипермаркет, макдональдс, стадион, телеэкран, компьютер в широком смысле слова являются символами современного существования. Проблема идентификации все же не исчезает. Она возвращается новой навязанной потреблением ограниченной смыслом жизни. Политический и экономический каркас, удерживавший и поддерживавший все строение культуры, изнутри меняет свое содержание с национально ориентированного на глобальное. Возникает потребность в мировом языке, мировой экономике, мировом правительстве, мировой религии, мировом праве, мировой науке, мировом искусстве и т.д. Внутренние пространства национальных культур вливаются в среду заново формирующихся глобальных и глокальных культур. Вывод, который вытекает из наблюдения этих процессов, заключается в констатации неминуемой модернизации, стагнации и утрате традиционных форм российской культуры и цивилизации в начале XXI столетия.

Естественные перемены в социокультурном и цивилизационном развитии российского общества едва ли минуют общемирового тренда. Что умирает в культуре и цивилизации, что приходит на смену, что остается? Автономное существование социокультурных типов завершилось вместе с разрушением национальных государственных, политических и экономических границ. Экономические, финансовые, миграционные потоки в разных регионах мира служат прямым доказательством складывания нового цивилизационного порядка на основе перемешивания

и сосуществования разных культур и форм цивилизации.⁸ В частности, наблюдаемые типы региональной и глобальной интеграции, свидетельствует о динамичном культурном и цивилизационном обмене. Формирующееся глобальное пространство человеческих ресурсов (миграция, аутсорсинг, транснациональные сети) в бизнесе, политике, науке и образовании — все это говорит в пользу новой социокультурной карты и цивилизационного сдвига российского общества. Для эффективных ответов на разнообразные цивилизационные вызовы современности требуются совместные усилия исследователей, гражданского общества, власти и бизнеса.

---

⁸ *Castles St., Miller M.J.* The age of Migration. International Population Movements in the modern world. 4th edition. Palgrave Macmillan, 2009.

Р.Г. Браславский,
braslavru@yandex.ru

СЕТЕВОЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ АНАЛИЗЕ: изменение парадигмы*

Аннотация: В статье формулируются основные теоретические направления в современном цивилизационном анализе и рассматриваются изменения в его парадигме, связанные с использованием сетевого подхода.

Ключевые слова: цивилизация, цивилизационный анализ, парадигма, сетевой подход.

Цивилизационный анализ имеет долгую и разнообразную историю в социальных науках и сегодня представляет собой широкую совокупность теоретических и исторических подходов к сравнительному изучению цивилизаций. К настоящему времени сложилось несколько основных направлений цивилизационного анализа, которые можно было бы обозначить следующим образом: 1) теории происхождения цивилизации; 2) теории стадий эволюции и процесса цивилизации; 3) теории локальных цивилизаций, культурных макросистем и стилей; 4) теории многолинейного развития цивилизации; 5) теории цивилизаций как сетей отношений и социальных контактов; 6) теории «осевых» цивилизаций и нескольких современностей.

Каждое из вышеперечисленных направлений представляет собой определенный способ разработки цивилизационной проблематики, которая формировалась в социальных науках со второй половины XVIII в. вокруг двойного значения понятия цивилизации: сингулярного и плюрального. В дискурсе французских и шотландских просветителей

---

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-03-00475а.

практически безраздельно господствовало сингулярное понятие цивилизации, неразрывно связанное с концепцией прогресса. А. Фергюсон («Опыт истории гражданского общества», 1767 г.) сформулировал трехчастную схему общественного развития «дикость — варварство — цивилизация», которая во второй половине XIX в. была использована Л. Морганом («Древнее общество», 1877 г.) и Ф. Энгельсом («Происхождение семьи, частной собственности и государства», 1884 г.). В это же время произошло разделение проблематики, связанной с использованием термина «цивилизация» в единственном числе, на два направления: социально-антропологическое, в котором изучалась проблема перехода от ранних, первобытных обществ к обществам более сложным, цивилизованным; и социологическое, сосредоточившееся на исторически гораздо более поздних процессах формирования и развития современного общества. При этом сам термин «цивилизация» получил большее признание среди антропологов, нежели социологов.

В социологии XIX в. сингулярное понятие цивилизации было использовано в линейно-стадиальных теориях социальной эволюции, которая описывалась как последовательная смена одного, более низкого типа цивилизации другим, более высоким (в России, например, такие теории были созданы Л.И. Мечниковым, П.Л. Лавровым). Но, в общем, в социологии понятие цивилизации, вместе с понятием прогресса, было вытеснено на периферию дискурса понятиями «индустриальное общество», «капиталистическое общество», «социальная эволюция», позже к ним добавились понятия «современное общество» и «модернизация». Несмотря на то, что теории основоположников и классиков социологии — О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера и др. — обнаруживают преемственность с теориями цивилизации XVIII в., сам термин «цивилизация», даже если и продолжает ими часто использоваться, не получает строгой концептуальной разработки. Э. Дюркгейм, который посвятил понятию цивилизации несколько небольших, написанных совместно с М. Моссом статей, разрабатывал его уже не в сингулярном, а плюральном значении. При этом следует отметить, что если сингулярное понятие цивилизации социология трансформировала в разработанные ею новые термины, инкорпорируя в них многие его дескриптивные и ценностные коннотации, то понятие цивилизации во множественном числе воспринималось социологическим «мэйнстримом» как чуждое и отвергалось им как связанное с традицией романтизма и дискурсом анти- или контрмодерна.

Сингулярное понятие цивилизации было введено в социологический дискурс во многом благодаря разработанной Н. Элиасом теории процесса цивилизации («О процессе цивилизации», 1939 г.), в которой динамика структурной дифференциации и формирования государства связывалась с социально-психологическими трансформациями, делающими индивидуальное поведение все в большей степени подвластным внутреннему самоконтролю¹. В момент выхода в свет главный труд Н. Элиаса остался незамеченным, но его повторное издание в конце 1960-х гг. принесло автору широкую известность и признание. В своей книге Н. Элиас рассматривал процесс цивилизации применительно к изменению стандартов поведения и габитуса светских высших классов западноевропейского общества в период с конца средневековья. Но позже он сам и его последователи стали считать, что существует не один, а множество процессов цивилизации, протекающих в разных культурах, в разных по масштабу временных периодах, в разных социальных группах, что послужило основанием для проведения уже сравнительных исследований².

К 1970-м гг. относится начало «цивилизационного поворота» в социологии, явившегося реакцией на структурный функционализм и теорию модернизации³. Данное направление цивилизационного анализа связано, прежде всего, с творчеством С. Эйзенштадта, который обратился к изучению цивилизаций «осевой» эпохи (термин, заимствованный у К. Ясперса) с целью объяснения культурных и институциональных трансформаций, приведших к возникновению современности. В 1990-е гг. эта линия цивилизационного анализа нашла продолжение в теории нескольких современностей, разрабатываемой, помимо С. Эйзенштадта, также Дж. Арнасоном (J.P. Arnason), Б. Уиттроком (B. Wittrock), Дж. Деленти (G. Delanty)⁴.

---

¹ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. В 2-х т. СПб.: Университетская книга, 2001.

² *Mennell S. Civilizing Processes // Encyclopedia of Social Theory. 2004. SAGE Publications. 24 Dec. 2008 // http://www.sage-ereference.com/socialtheory/Article_n45.html.*

³ *Eisenstadt S.N. Studies of Modernization and Sociological Theory // History and Theory. Vol. 13. No. 3. Oct., 1974. P. 225–252; Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension in Sociological Analysis // Thesis Eleven. Aug. 2000. Vol. 62. P. 1–21.*

⁴ *Arnason J.P. Imaginary Significations and Historical Civilizations // Moderne begreifen. Zur Paradoxie eines sozio-ästhetischen Deutungsmusters. DUV, 2007; Idem. Communism and Modernity // Daedalus. Vol. 129. 2000; Delanty G. The Making of a Post-Western Europe: a Civilizational Analysis // Thesis Eleven. Feb. 2003. Vol. 72. P. 8–25; Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. № 1; Wittrock B. Social Theory and Global History: The Three Cultural Crystallizations // Thesis Eleven. May 2001. Vol. 65. P. 27–50.*

Плюральное понятие цивилизации, связанное с понятием культуры, получило разработку в традиции сравнительного изучения цивилизаций, с которым, прежде всего, и ассоциируется цивилизационный анализ. Это направление представлено теориями локальных цивилизаций, культурных макросистем и стилей, разрабатывавшихся с конца XIX в. целым рядом историков, антропологов и социологов, в их числе: Н.Я. Данилевский, Н.И. Хлебников, О. Шпенглер, А. Тойнби, П.А. Сорокин, А. Кребер, О. Андерле, Ф. Бэбби, К. Куигли, Р. Кулборн, В. Каволис, М. Мелко, С. Хантингтон и др.

Одно из направлений цивилизационного анализа связано с разработкой старой дихотомии «Восток — Запад» и акцентом на отношениях между экономическими и политическими институтами, властью и собственностью. Концептуальную основу для этого кластера теорий составили концепции «азиатского» способа производства К. Маркса и патримониального господства М. Вебера. Марксистское направление анализа во второй половине XX в. послужило основой возрождения теории восточного деспотизма К. Виттфогеля, даннического способа производства (С. Амин, Дж. Хэлдон), государственного способа производства Л.С. Васильева, политарного способа производства Ю.И. Семенова⁵. Веберовская концепция патримониализма была введена в современную социологию и политический анализ в конце 1960-х — начале 1970-х гг. работами Г. Рота и С. Эйзенштадта⁶. С тех пор она применялась для анализа политических изменений в незападных странах, в том числе и в России (Р. Пайпе)⁷. В российской социологии с 1990-х гг. в рамках «билинейного институционализма» получили развитие описания социальной эволюции России, включая ее постсоветский период, как «азиатского» или «незападного» типа цивилизационного развития (О.И. Шкаратан, С.Г. Кирдина, О.Э. Бессонова и др.)⁸.

⁵ *Васильев Л.С.* Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докпиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века / Отв. ред. Л.Б. Алаев. М., 1982. С. 60–99; *Семенов Ю.И.* Россия: что с ней случилось в двадцатом веке // Российский этнограф. 1993. № 20. С. 5–105; *Amin S.* Unequal Development. New York: Monthly Review Press, 1976; *Haldon J.F.* The State and the Tributary Mode of Production. London: Verso, 1993; *Wittfogel K.A.* Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. London, New Haven, 1957. 556 p.

⁶ *Roth G.* Personal Rulership, Patrimonialism and Empire-Building in the New States // World Politics. 1968. Vol. 20. № 2. P. 194–206. *Eisenstadt S.* Traditional patrimonialism and modern neopatrimonialism. Beverly Hills (CA): Sage, 1973.

⁷ *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М.: «Захаров», 2004.

⁸ *Бессонова О.Э.* Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006; *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы

Новым направлением в изучении цивилизаций как исторических систем является применение сетевого подхода, в рамках которого цивилизации рассматриваются не как гомогенные и стабильные структуры, а как гетерогенные и подвижные сети отношений и социального взаимодействия, выделяемые на основании экономических, политических и культурных критериев. Это направление в цивилизационном анализе представлено теориями Д. Уилкинсона и Р. Коллинза. В связи с распространением в цивилизационных исследованиях сетевого подхода стоит еще раз вернуться к Н. Элиасу и отметить его «фигуративную» социологию.

Рассмотрим более детально сетевой подход к цивилизациям, применение которого ведет к существенным сдвигам в парадигме цивилизационного анализа.

Цивилизации как сети отношений и взаимодействия

Сетевой подход получил широкое распространение в социальных кругах в последнее время. Не обошла стороной эта тенденция и цивилизационный анализ, в рамках которого оформились два подхода к цивилизации как сети взаимодействия. Один из них носит экономико-политический характер и является скорее модификацией мир-системного анализа в работах Д. Уилкинсона. Другой, предложенный Р. Коллинзом, непосредственно связан с традицией сравнительного изучения цивилизаций и представляет собой новый шаг в развитии этого направления. Общие черты применения сетевого подхода как в мир-системном, так и в цивилизационном анализе заключаются в акценте на социальном взаимодействии, в том числе в форме конфликта, и гетерогенности рассматриваемых социальных единиц. Различия заключаются в особенностях интерпретации степени автономии культуры от геополитических и экономических факторов.

Одно из направлений цивилизационного анализа тесно связано с теорией мир-систем. Цивилизационный и мир-системный подходы объединяет критика девелопментализма, или теории стадий развития. Прежде чем говорить о стадиях развития, нужно определить те исторические единицы (социальные системы), различные последовательные состояния которых описываются как стадии развития. В этом пункте

и развитие России. М.: ТЕИС, 2000. 213 с.; *Шкаратан О.И.* Этакратизм и российская социетальная система // *Общественные науки и современность.* 2004. № 4. С. 49–62.

Н.Я. Данилевский вполне сходится с И. Валлерстайном. Общим для обоих подходов является смещение фокуса анализа с «обществ» (определяемых как национальные общности с общей для каждой из них культурой и языком в определенных политических границах) на «исторические (социальные) системы», не сводимые к государствам, национальным и этническим общностям (хотя с какими-то из них иногда пространственно совпадающие). Различие между подходами проявляется в выборе критериев выделения таких систем: в цивилизационном анализе это культурные факторы, в мир-системной теории — экономические. И. Валлерстайн берет «в качестве определяющей характеристики социальной системы существующее внутри нее разделение труда, так что различные секторы либо географические зоны внутри нее зависимы от экономического обмена с другими для беспрепятственного и непрерывного обеспечения потребностей зоны»⁹. Такой экономический обмен может существовать без общей политической структуры и даже без общей разделяемой всеми культуры. Главным признаком социальной системы оказывается самодостаточное разделение труда. Напротив, в цивилизационном анализе исторические системы (макросоциальные общности) выделяются на основании культурных факторов. В этом плане различие между концепциями «цивилизации» и «мир-системы» нередко трактуют как отражение различия между «материалистической» и «идеалистической» интерпретациями истории.

Соотношение цивилизаций и способов производства в теории мир-систем И. Валлерстайна

К проблеме соотношения цивилизаций и мир-систем (способов производства) неоднократно обращался в своих работах И. Валлерстайн¹⁰. Он выделяет четыре способа производства: существовавшие в прошлом

---

⁹ *Валлерстайн И.* Рождение и будущая кончина капиталистической мир-системы: концептуальная основа сравнительного анализа // *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. С. 23.

¹⁰ *Wallerstein I.* 1) *Civilizations and modes of production: Conflicts and convergences* // *Theory and Society*. Vol. 5. 1978. № 1. P. 1–10; 2) *The Politics of the World-Economy. The States, the Movements and the Civilizations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984; 3) *The Modern World-System as a Civilization* // *Thesis Eleven*. 1988. Vol. 20. № 1. P. 70–86; 4) *Capitalist Civilization*. Binghamton (N.Y.), 1991; 5) *Historical Capitalism, with Capitalist Civilization*. London: Verso, 1995.

реципрокные мини-системы и перераспределительные миры-империи, существующий в настоящее время глобальный капиталистический мир-экономику и грядущий социалистический мир-правительство. Миры-империи и миры-экономики — это общности с единой системой разделения труда и множественностью культурных систем. Цивилизации, в отличие от мир-систем, не являются реальными социальными системами с четко очерченными границами, они представляют собой «исторические ментальные конструкции, которые создаются, уничтожаются и воссоздаются социальными группами, стремящимися утвердить свою особенность в диадических отношениях с другими социальными группами»¹¹.

В неомарксистском подходе И. Валлерстайна цивилизации истолковываются как эпифеномены способов производства. Согласно И. Валлерстайну, те «тысячелетние партикуляризмы», которые современные аналитики воспринимают как «цивилизации», являлись способами легитимации миров-империй. Но если миров-империй в прошлом было много, то в настоящее время существует только одна социальная система (и один способ производства) — капиталистический мир-экономика. Означает ли это, что существует только одна цивилизация? На этот вопрос Валлерстайн дает двусмысленный ответ. С одной стороны, существует «космология», которая определяет мышление и действие правящих и угнетаемых в капиталистической мир-системе и которая может быть названа «капиталистической цивилизацией». Эта космология выражается в слове «больше»: «больше всего, больше для всех, но в особенности больше для “меня” или для “нас”»¹². При этом требования «больше» одних групп противоречат требованиями «больше» других групп. С другой стороны, капиталистическая цивилизация (в единственном числе) породила современный национализм (во множественном числе), для которого апелляция к тысячелетним культурным традициям является способом легитимации притязаний «своей» нации. Капиталистическая мир-система, растворившая в себе все некогда существовавшие миры-империи, подорвала, тем самым, материальную базу цивилизаций. Но последние в новых условиях не исчезают, а переопределяются как внутрисистемные идеологии культурного сопротивления. Цивилизации — это «тысячелетние традиции», но сами традиции — это социальные конструкции современных социальных групп. Цивилизации реальны, но их «реальность» иная, чем это под-

---

¹¹ *Wallerstein I. Civilizations and modes of production: Conflicts and convergences // Theory and Society. Vol. 5. 1978. № 1. P. 4.*

¹² *Ibid. P. 7.*

разумеается в «реифицирующем» цивилизационном анализе. Цивилизации не обладают приписываемой им устойчивостью и длительностью, они — очень изменчивые и недолговечные изобретения социальных групп, движимых интересами настоящего момента. Цивилизации следует изучать не как объективные феномены, длящиеся из прошлого и определяющие настоящее, а именно как «современные» феномены, зависящие от существующего социального («материального») контекста (способа производства), логика которого не является инерционной логикой развития «цивилизаций». В целом, это подход к цивилизациям, осуществляемый в рамках социально-инструменталистской и социально-конструктивистской парадигм. Цивилизационный анализ Валлерстайн рассматривает как одно из выражений национализма. Этот критический подход к теориям цивилизаций сегодня демонстрирует ряд российских ученых (например, В.А. Шнирельман)¹³. В целом в работах И. Валлерстайна цивилизационный анализ представлен как важная составная часть социологического анализа политических институтов капиталистической миросистемы, наряду с институтами государства, общественных движений, идеологий национализма и расизма.

В ином ключе, чем И. Валлерстайн, проблему соотношения мир-систем и цивилизаций рассматривает Д. Уилкинсон.

Сетевая теория цивилизаций Д. Уилкинсона

Наиболее активным сторонником синтеза мир-системного и цивилизационного подходов выступает Д. Уилкинсон. Если для И. Валлерстайна цивилизация — это определенная «космология», что соответствует ориентированному на культуру цивилизационному анализу, то для Д. Уилкинсона цивилизации — это мир-системы.

Попытки сближения между цивилизационным и мир-системным подходами происходили на фоне изменений в самом мир-системном анализе, отчасти приведших к размежеванию между его сторонниками. Эти внутренние трансформации были связаны с усилением сравнительно-исторического направления и использованием сетевого подхода в интерпретации и анализе мир-систем.

Мир-системный анализ возник, главным образом, как теория объяснения социальных изменений, происходящих в современном, т.е. по-

---

¹³ Шнирельман В.А. Цивилизационный подход, учебники истории и «новый расизм» // Расизм в языке социальных наук. СПб.: Алетей, 2002. С. 131–152.

степенно возникшем примерно с 1500 г., мире. Однако с 1990-х гг. ряд исследователей (А.Г. Франк, Б. Джиллс, К. Чейз-Данн, Т. Холл) выступают за расширение временного фокуса теории мир-систем на докапиталистический период (до 1500 г. н. э.), что потребовало некоторых модификаций подхода и сделало возможным применение сравнительного подхода. В частности, оспаривается тезис И. Валлерстайна о том, что современная мировая система является единственным миром-экономикой, который не разрушился или не перерос в перераспределительный мир-империю. Хотя современная мировая система является самым долгоживущим миром-экономикой, но до него существовали и другие, просуществовавшие по несколько веков. Ставится также под сомнение положение И. Валлерстайна о том, что каждой мир-системе соответствует только один способ производства. Это, на взгляд критиков, делает затруднительным изучение трансформаций в пределах мир-системы.

Для сравнительно-исторического направления в рамках мир-системного анализа характерно широкое применение сетевого подхода. По мнению К. Чейза-Данна и Т. Холла, именно сетевой подход делает возможным сравнение современной глобальной системы с более ранними и менее крупными региональными мир-системами¹⁴. Эти же авторы определили мир-системы как сети взаимодействия, которые проникают через локальные общества и обуславливают их социальное воспроизводство и социальные изменения. Главной проблемой теории цивилизаций, с точки зрения исторически ориентированного мир-системного анализа, является допущение гомогенности локализованных в пространстве и времени эволюционирующих социальных систем. Скорее гетерогенность, чем гомогенность является наиболее важным аспектом социальных систем. Пространственное распределение гомогенных характеристик не связывает отдельные социальные системы, в то время как социальная гетерогенность часто является следствием взаимодействия, как это происходит в случаях дифференциации между ядром и периферией, городом и деревней, оседлыми и кочевыми системами¹⁵.

Д. Уилкинсон выступает за сближение мир-системного и цивилизационного подходов, полагая, что и тот, и другой должны заниматься

---

¹⁴ Chase-Dunn C., Hall T. Rise and Demise: Comparing World-Systems. Boulder, CO: Westview Press, 1997.

¹⁵ Chase-Dunn C., Jorgenson A. Regions and Interaction Networks: An Institutional-Materialist Perspective // International Journal of Comparative Sociology. Vol. 44. 2003. № 1. P. 3.

изучением идентичных единиц¹⁶. По его мнению, это произойдет в том случае, если между локальными цивилизациями и мир-системами в прошлом, и глобальной цивилизацией и глобальной мир-системой в настоящем будут поставлены знаки равенства. При этом может сохраниться различие между мир-системным и цивилизационным анализом в акцентах. Во-первых, цивилизационный анализ мог бы сосредоточиться на изучении более ранней, плюралистической эпохе социальной эволюции, в то время как мир-системный анализ — на ее более поздней, монистической фазе. Во-вторых, цивилизационный анализ мог бы по-прежнему уделять больше внимания культурным аспектам, чем политическим и, далее, экономическим, а мир-системный анализ, соответственно, наоборот.

Д. Уилкинсон выступает за применение сетевого подхода в анализе цивилизаций и мир-систем¹⁷. Цивилизации являются сложными социальными системами с явно выраженными сетевыми характеристиками. Классик цивилизационного анализа А. Тойнби, как и большинство его последователей, включая М. Мелко и С. Хантингтона, склонны трактовать цивилизации как имеющие четкую пространственно-временную локализацию культуры или социальные коллективы, члены которых разделяют общую культуру. Однако, как отмечает Д. Уилкинсон, у А. Тойнби обнаруживается и альтернативное, хотя так и не реализованное им в систематической форме, определение цивилизации как сети отношений. Большое преимущество сетевого понятия цивилизации, в отличие от культуральной дефиниции, состоит в том, что оно допускает последовательное эмпирическое применение, т. е. оно позволяет фиксировать пространственно-временные границы цивилизаций.

Принятому в теориях локальных цивилизаций критерию культурного единообразия Д. Уилкинсон противопоставляет критерий экономической и политико-военной взаимосвязи между городами и государствами. Цивилизации являются мир-системами, критерием выделения которых являются города и закрытые транзакционные сети между ними. Согласно этому критерию, города, население которых интенсивно и непрерывно взаимодействует, принадлежат к одной цивилизации, даже если их культуры сильно различаются, а взаимодействие носит, по большей части, враждебный, конфликтный характер. Цивилизации являются многоуровневыми сетями. Помимо городов, связанных торговыми путями, узловы-

---

¹⁶ *Wilkinson D. Civilizations Are World Systems! // Comparative Civilizations Review. 1994. Spring.*

¹⁷ *Wilkinson D. Civilizations as Networks: Trade, War, Diplomacy, and Command-Control // Complexity. 2002. Vol. 8. № 1. P. 82–86.*

ми точками цивилизационной сети являются государства, объединяемые отношениями влияния, альянсов и войны. Развивая идеи конфликтного функционализма Г. Зиммеля и Л. Козера, Д. Уилкинсон рассматривает социальный конфликт как форму социальной ассоциации и фактор социального объединения. Цивилизация — это культурно, экономически и политически разнородная и внутренне конфликтная социальная система.

Применяя сетевой критерий к существующим спискам цивилизаций, Уилкинсон находит, что часть из них — египетская, месопотамская, дальневосточная, индийская, японская, перуанская, мексиканская — подтвердили бы свой статус мир-систем. Но многие другие, такие как западная, исламская, российская, греко-римская, средневековая цивилизации, на самом деле таковыми никогда не были, а представляли собой части, регионы или эпохи более широкой единой сети, называемой Д. Уилкинсоном «Центральной» цивилизацией. Плюрализм цивилизаций/мир-систем на земном шаре существовал только до рубежа XIX–XX вв., после которого все они поглощены распространившейся до глобального размера Центральной цивилизацией, возникшей примерно за 1500 лет до н. э. в результате слияния месопотамской и египетской цивилизаций¹⁸.

Сетевая теория цивилизаций Д. Уилкинсона, несмотря на его стремление к синтезу теорий цивилизаций и мир-систем, оказалась гораздо ближе мир-системной теории, чем ориентированному на культуру цивилизационному анализу. Применение сетевого подхода к цивилизациям как культурным образованиям осуществил Р. Коллинз (хотя и в то направление цивилизационного анализа, которое предлагает Д. Уилкинсон, вполне вписывается геополитический анализ Р. Коллинза¹⁹).

Теория цивилизаций как зона культурного престижа и сетей социальных контактов Р. Коллинза

В теории цивилизаций Д. Уилкинсона внедрение сетевого подхода сопровождалось практически полным игнорированием культурных факторов (в этом отношении его теория цивилизаций уступает даже теории мир-систем И. Валлерстайна). Но как показывает теория Р. Кол-

---

¹⁸ *Wilkinson D.* Central Civilization // *Comparative Civilizations Review*. 1987. № 17. P. 31–59.

¹⁹ *Collins R.* Macro-History: Essays in Sociology of the Long Run. Stanford, CA: Stanford University Press, 1999.

линза, сетевая трактовка цивилизаций вовсе не означает отказа от идеи автономии культуры.

Эмпирическая основа для теории цивилизаций Р. Коллинза заложена в его работе о сравнительной истории философии и социальных сетях философов²⁰. Хотя философией, как отмечает Р. Коллинз, не исчерпывается вся творческая деятельность цивилизации, тем не менее, анализ социальных сетей философов может обеспечить понимание структурных паттернов, которое может быть распространено и на другие области культурного производства.

Теория цивилизаций Р. Коллинза включает в себя следующие основные положения:

1) *Цивилизация как зона престижа и сетевого контакта*. Р. Коллинз определяет цивилизацию как зону престижа, имеющую один или несколько центров — мест, в которых производятся разного рода символические объекты, притягивающие внимание людей. Зона цивилизационного притяжения всегда имеет два социальных аспекта, или радиуса действия: 1) цивилизация как зона лояльности и социальной идентификации для людей, живущих на периферии цивилизации и являющихся ее членами; 2) цивилизация как сеть притяжения на длинной дистанции, проникающая из одной цивилизационной зоны в другую. Для каждой цивилизации характерно наличие территориальных потоков людей в двух направлениях. Один поток направлен внутрь, к цивилизационным центрам престижа, которые притягивают студентов, туристов, других посетителей, прибывающих на время из периферии данной зоны и из других цивилизационных зон. Другой поток совершается в обратном направлении, из цивилизационных центров, рассылающих учителей и миссионеров в периферийные районы цивилизационной зоны и за ее пределы²¹.

Зона цивилизационного престижа представляет собой сетевую структуру социальных контактов, потоков людей и их внимания. По этой причине цивилизации всегда больше, чем общества или государства, т. е. социальные системы, имеющие границы. Центры цивилизации могут располагаться внутри государств и в некоторой степени зависеть от них, но престиж цивилизационных центров может распространяться далеко за пределы государства.

---

²⁰ Collins R. *The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998.

²¹ Collins R. *Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact* // *International Sociology*. 2001. № 3. P. 421–437.

Понятие цивилизации как зоны престижа в корне отличается от определения цивилизации как культуры самой по себе, т. е. как культурной программы, или культурного кода, существующего в виде набора правил, концептов и ценностей и определяющего верования, поведение людей, социальные институты. Р. Коллинз критикует представление о цивилизации как статичной и монолитной сущности. Наоборот, понятие цивилизации как зоны престижа направляет внимание на социальную деятельность и на культурное разнообразие как существенные характеристики цивилизации. В сетевой теории цивилизаций Р. Коллинза по-новому переосмысливаются классические для цивилизационного анализа темы культурных заимствований, внутренних культурных конфликтов цивилизации, межцивилизационной враждебности.

2) *Активность цивилизаций.* В терминах неодюркгеймианской социологии Р. Коллинза это означает, что цивилизации создаются вокруг мест, где социальные ритуалы выполняются с наибольшей интенсивностью, генерируя эмоциональную энергию и социальную харизму. Мы можем изучать цивилизации социологически, изучая деятельность в ее культурных центрах, которая повышает и понижает уровень цивилизационной харизмы, а также степень и дистанцию ее притяжения.

3) *Культурное разнообразие цивилизаций.* Понятие цивилизации как зоны престижа, а не как культурного кода позволяет рассматривать как типичное для любой цивилизации разнообразие составляющих ее культурных паттернов. Культурное творчество, создающее цивилизации, генерируется не в единообразии, а в разнообразии, которое выражается в активном, напряженном соперничестве интеллектуальных фракций. Соперничество протекает в форме дебатов. Дебаты создают общее пространство внимания, в котором конституируются и удерживаются вместе соперничающие интеллектуальные силы. Главными компонентами цивилизационного творчества являются соперничающие позиции или школы мысли, пересекающиеся в общем центре или в нескольких связанных друг с другом центрах (это могут быть города, монастыри, университеты). Даже если центр один, он является творческим только потому, что является точкой пересечения соперничающих позиций.

4) *Цивилизационное импортное.* Динамика зон цивилизационного престижа не может быть адекватно представлена без учета процессов цивилизационного импортирования. Здесь Р. Коллинз делает несколько обобщений. Во-первых, не только идеи или даже религии, но целые формы социальной структуры могут быть импортированы через

эти сети культурных контактов. Пределы, в которых это происходит, исторически изменчивы и зависят от соотношения экономической и политической власти экспортирующей и импортирующей цивилизаций. Во-вторых, импортирование может происходить неоднократно, в течение многих веков и осуществляться по различным каналам влияния соседней обладающей высоким престижем цивилизации (например, китайская цивилизация была не просто буддистской или конфуцианской, а комбинацией тех и других элементов). В-третьих, в некоторые исторические периоды из комбинации импортированных и местных элементов создается новая цивилизация, которая стремится преднамеренно разорвать или, по крайней мере, значительно ослабить свои связи с цивилизацией, от которой она зависит. Но и в этом случае движения цивилизационной автономии обязаны своим формированием взаимодействию с цивилизацией, которой они противостоят.

5) *Межцивилизационная враждебность.* Движение за культурную или цивилизационную автономию не является простым отражением геополитических и экономических отношений, а имеет свою особую культурную динамику. Эта динамика основывается на социальных сетях интеллектуалов и организациях, которые обеспечивают материальную базу для культурного производства. Поэтому, когда периферийная зона создает организацию интеллектуального мира, которая поддерживает свое собственное местное творчество, тогда в пространстве интеллектуального внимания появляются новые фракции, непосредственно уже не зависящие от цепочек импорта. Появление возможностей для местных интеллектуалов создавать престижные карьеры через местные структуры культурного производства, означает, что они больше не нуждаются в импорте. Новые местные интеллектуальные позиции формируются в процессе атаки на ранее импортированные позиции, при этом они инкорпорируют многие элементы критикуемых позиций. Р. Коллинз особо подчеркивает, что ни одна цивилизационная зона престижа никогда не находилась в изоляции; каждая из них была сформирована другими и сама формировала другие через динамику сетей притяжения и отталкивания.

6) *Автономия цивилизационного престижа от геополитической и экономической гегемонии.* Как отмечает Р. Коллинз, политически и экономически централизованные социологические модели, такие как теория мир-систем, придерживаются допущения о том, что гегемонистская позиция в геополитике или мировой экономике ведет к культурному доминированию. Но на самом деле ни геополитическая, ни

экономическая гегемония автоматически не создают центра цивилизационного престижа. Может быть показано на исторических примерах, когда политически слабый, завоеванный или экономически отсталый регион, тем не менее, является центром цивилизационного престижа, в который устремлены потоки жаждущих культурного приобщения представителей из геополитических или экономических гегемонов. Так, хотя римская военная организация завоевала Грецию, греческая цивилизация сохранила свой престиж и добилась культурного поглощения Рима. Другим примером может служить Франция XX века. С теоретической точки зрения, подобные расхождения объясняются тем, что условия, которые способствуют цивилизационному творчеству (по крайней мере, в интеллектуальной сфере), и, следовательно, престижу, отличаются от условий, которые обеспечивают достижение геополитического и экономического господства. Для того чтобы регион стал зоной цивилизационного престижа, притягивающей аутсайдеров, он должен иметь социальные структуры, создающие организационные условия для поддержания интеллектуального творчества небольшого количества конкурирующих школ. Так, Древняя Греция построила такие сети в период ранних городов-государств и институализировала их в систему высокого образования, которая поддерживала творческое соперничество в течение многих веков. Древний Рим никогда не создал структур подобного типа и потому остался зависимым от греческого культурного импорта.

В заключение отметим, что теории цивилизаций Д. Уилкинсона и Р. Коллинза хорошо показывают, как неоднократно подвергавшаяся критике классическая «контейнерная» модель локальных цивилизаций, построенная на принципах их гомогенности, когерентности, герметичности, эндогенности, инерционности, преодолевается в современном цивилизационном анализе, опирающемся на сетевой подход.

А.Г. Щелкин,
presss@mail.ru

НИКОЛАЙ ТИМАШЕВ — ЭНИГМА РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ. Инновационный потенциал книги Н. Тимашева «Великое отступление»*

Аннотация: Статья посвящена малоизвестной работе русского социолога Н.С. Тимашева (1889–1970), жившего с 1921 г. на Западе – «Великое отступление» (1946). Обсуждается идея Тимашева, состоящая в том, что Сталин с 1934 года начал «великое отступление» от... коммунизма. Тема Сталина как могильщика коммунизма не исследована отечественными социологами и просто неизвестна российской общественности.

Ключевые слова: социология Н.С. Тимашева; книга Н. Тимашева «Великое отступление»; социологическая оценка СССР 1930-х; новое прочтение советской истории; Сталин; сталинский отказ от коммунизма; «естественное» и «неестественное» в развитии социума; принцип «не благодаря, а вопреки».

XX столетие в России было драматичным не только по своей фактуре. Не менее интригующим было и то, *как* прошедший век отразился в нашем сознании. Дело в том, что на советскую историю мы продолжаем смотреть глазами её творцов. Даже противники коммунизма легко попадают в ловушку сталинской историографии. Они, как правило, не ставят под сомнение, что коммунистический эксперимент длился достаточно долго и закончился фактически в 1991 году¹.

Но в таком случае возникает коварный вопрос: если с либерально-демократической точки зрения коммунизм — это аномальное явление,

---

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 07-03-00475а.

¹ *Бжезинский* Зб. Большой провал. Агония Коммунизма // Квинтэссенция. Философский альманах. М., 1990; *Пайнс Р.* Русская революция. М., 1994.

то почему оно так долго просуществовало и даже достигало в отдельные периоды выдающихся результатов (победа над фашистской Германией, космос, наука и т. д.). Ведь патология несовместима с долголетием.

На этот вопрос есть только один ответ, который практически малоизвестен в «либеральных кругах». Если аномальное нежизнеспособно, то может быть, это был не коммунизм, а нечто «другое» под вывеской «коммунизм»?

Именно этот «кантовский переворот» в отечественном взгляде на новейшую российскую историю и совершил русский социолог и социальный мыслитель Николай Тимашев (1886–1970). Он показал, что Сталин строил не коммунизм, потому что его построить невозможно по определению. Напротив, он фактически боролся с ним. Оказываясь, не успел Генсек приступить к развернутому строительству своего доктринального детища, как тут же началось «Великое отступление» от коммунизма². Только этим можно объяснить тот факт, что страна выжила и на отдельных направлениях даже достигла заметных успехов.

«Сталин — могильщик коммунизма»?! Это даже профессиональных обществоведов ставит в тупик. Отсюда понятно, почему есть все основания говорить о загадочности, с которой сталкиваются сегодня исследователи социологического творчества Н. Тимашева.

То, что сделал Н. Тимашев в своей книге «Великое отступление», производит ошеломляющее впечатление. Оно и в самом деле по большей части не укладывается в привычное восприятие. Обычная схема гласит: сталинский период — это сплошное навязывание России (советской России) неестественного, искусственного коммунистического режима. Но на самом деле с 1934 года в стране началось не просто отступление, но Великое отступление от коммунизма.

Всё зависит, как всегда, от восприятия, а точнее, от пронизательности и восприятия фактов. Сам коммунистический режим, естественно, не «манifestировал» этого отступления. Более того, громкогласно рапортовал о «триумфальном шествии коммунизма», об одной за другой победах «советского народа». Нужна была своеобразная методология Николая Тимашева, чтобы разглядеть то, что не было обнаружено современниками — скажу еще раз: в советской России в самый разгар II-ой пятилетки началось Великое (!) отступление от коммунизма.

Неспособность сегодняшнего «либерально-интеллигентского» (а возможно, «либерально-академического») сознания разглядеть подоб-

---

² *Timasheff N. The Great Retreat. The Growth and Decline of Communism in Russia. New York, 1946.*

ный сценарий развития советского коммунизма, конечно, имеет свои причины. В общем-то, привычное дело. «Мертвый хватает живого». Политический фетишизм (или что-то в этом роде) мешает социологической преданности фактам. Мышление остается в плену «текста» новейшей российской истории, написанной... самой этой коммунистической властью. Да, эту «историю» заклеямили, разоблачили и т. д., но всё это сделали, оставаясь в границах всё этой же «истории» (даже периодизация по «пятилеткам» и «съездам» остается как онтология). Но почему-то не обратили внимание на банальный факт — «неестественное» умирает не от того, что его клеймят и разоблачают современники, как правило, находящиеся на безопасном расстоянии за рубежом, а уж тем более потомки, пребывающее и вовсе в абсолютной безопасности. Неестественное умирает, потому что оно неживуче еще при жизни. Коммунистический режим начал сдавать позиции практически на старте — после 1929 года, года «великого перелома», после авантюры 1930–1933 годов. «Великое отступление» от коммунизма началось в 1934 году.

За безумие темпов и программы первых лет первой пятилетки последовала расплата. Воздвигнутые заводы-гиганты не удавалось понастоящему ввести в строй. Новые прокатные станы простаивали до 40–45% времени. Упала угледобыча: половина новых пневматических отбойных молотков бездействовала. Ситуация на транспорте стала откровенно катастрофической: средняя скорость передвижения грузов снизилась до 4,5 км/час. В 1931 году в ряде регионов начался голод. В 1932–33 гг. поднялась новая и еще более лютая волна голода. Умерло от 4 до 5 млн. человек³. Власть буквально начинала звереть. Указ от 7 августа 1932 г. об охране государственной собственности (указ известный в народе как «закон о пяти колосках») стал мрачным символом политического авантюризма: даже за малый проступок — «вышка», в лучшем случае — «червонец» (десять лет заключения). Всё это походило на агонию. В стране была введена карточная система и паспортный режим. В рядах партии прошла массовая чистка. Фактически Россия стояла на пороге самоистребления. Чтобы эта мрачная «перспектива» не стала реальностью, власть с 1933 г. судорожно и рывками начинает менять курс. В новейших учебниках по истории России эти отчаянные попытки будут даже названы «неонэпом»⁴. Приоткрываются шлюзы для свободной торговли хлебом. В промышленности срочно введена новая

³ Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994; *Боффа Дж.* История Советского Союза. М., 1994.

⁴ *Боффа Дж.* История Советского Союза.

оплата труда — сдельная. Политике «больших скачков» был положен конец. «Левацкая» практика прямого продуктообмена окончательно выходит из употребления. Как результат: 1934–1936 годы можно считать, по мнению специалистов-историков, «тремя хорошими годами». Если указ 1932 года «о пяти колосках» был изуверским символом репрессивного коммунизма, то Указ 1935 года об отмене карточной системы стал знаком отступления от этого коммунизма.

Лев Троцкий с яростью доктринёра издевался над этим отступлением, называя его «беспорядочным бегством»⁵. В дальнейшем мало кто обратил внимание на этот факт. И только Николай Тимашев стал с этого времени прозорливо и одновременно с надеждой собирать всё растущие симптомы отхождения страны от коммунизма. К 1946 году, к моменту выхода в свет книги «Великое отступление», ему было, что с чем сравнить. Если коммунизм времен первых лет первой пятилетки обратил советскую Россию, по убийственному замечанию одного историка, в «общество зыбучих песков»⁶, то «Великое отступление» способствовало росту СССР до размеров и состояния «сверхдержавы».

Отступление действительно оказалось «великим» и по ряду позиций беспрецедентным. Были поколеблены многие основы и принципы коммунизма. Страна начала возвращаться к проверенным историей и жизнью «институтам» и «мотивам».

С середины 30-х в СССР власть заговорила вновь о «национальных интересах». С этой целью акцент переносится с интернационализма и перспективы «мировой революции» на заботу о национально-исторических традициях в России. К этому времени власть уже не бредит пожаром «мировой революции, тем более «странной и чудовищной» идеей самопожертвования отсталой Россией в этой борьбе за коммунизм в мировом масштабе. С этого момента Коминтерн начинает влачить сначала формальное, а потом и просто жалкое существование. Выйдя из Второй мировой войны одним из главных победителей, СССР сам возглавил противостояние с Западом. К этому времени коммунистическая власть отказывается от большинства доктринальных, «левых» идей. Кремль поворачивается лицом к религии, к семейным устоям, к классическому наследию в русском искусстве и науке. Идея «отмирания государства» сдана в архив. Государство выступает инициатором на всех главных направлениях — в экономике, в обороне, образовании, науке, культуре — духовной и физической. Режим мобилизован сам и

---

⁵ Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991.

⁶ Боффа Дж. История Советского Союза.

мобилизует страну настолько, что может позволить себе непозволительное: заигрывать в демократию, т. е. принять самую передовую, по европейским понятиям, Конституцию — впрочем, конституцию объявленную, как говорят юристы, но не действующую.

В самый разгар Великой Отечественной войны в статье «Сила и слабость России» Н.С. Тимашев признаёт, что сталинское «Великое отступление» от коммунизма стало источником силы России в борьбе против Гитлера. Н.С. Тимашев буквально говорит по этому поводу: «Известно, что пропаганда, в особенности монополярная, свободная от всякой конкуренции, может достигнуть многого. Но всё же, когда она направлена против естественных стремлений человека и против исторической линии развития, пределы её успеха ограничены: так и не создала “нового социалистического человека” упорная пропаганда первых семнадцати лет режима. Иное дело, когда пропаганда направляется в ту же сторону, как естественные стремления и историческая традиция: тогда успехи могут быть колоссальны. Это и произошло в России за последние семь лет. Под влиянием уступок в пользу исторической традиции и сопровождавшей их пропаганды, Россия вновь нашла себя. У русского человека есть опять за что сражаться: и народная гордость, и, хотя бы очень ограниченное, но всё же реальное экономическое благополучие и, главное, надежда на лучшее будущее. Можно с уверенностью утверждать, что в 1933 г. Россия не воевала бы так, как она воюет в 1941–42 гг.: тогда, в начале тридцатых годов, вести, приходившие из России, говорили о широко распространённом поражённости. Но, начиная с 1934 г., время работало в пользу России»⁷.

Русский социолог Николай Тимашев не пошёл так «далеко» как «сменовеховская» эмиграция (Н. Устрялов, Ю. Ключников, С. Чахотин и другие, которые ещё в начале 1920-х гг. призывали признать советскую власть, будучи уверенными, что она перерождается). Он, скорее, разделял позицию другого знаменитого соотечественника, оказавшегося в эмиграции — Павла Милюкова⁸. В «позитивной» оценке Сталина они были фактически едины: в 1930-е годы Сталин фактически проделал грязную работу истории, уничтожая большевиков и дух Брест-Литовска в партии.

В последние годы Н. Тимашев продолжал отдавать отчёт в неприемлемости идеи внешней интервенции как способа освобождения

⁷ Тимашев Н. Сила и слабость России // Новый журнал. 1942. № 2.

⁸ Милюков П. Правда о большевизме // Публицистика русского зарубежья. М., 1999.

от коммунизма в России. Возможно, он, повторю эту мысль ещё раз, был пронительнее и бережливее в отношении российского материала. Не исключено, что Тимашев лучше других понимал, что «антикоммунизмом» заражены высшие круги власти, которые могли бы совершить бескровное возвращение России в свою национальную и мировую историю. Достаточно вспомнить «казус Берии»: похоже, после смерти Сталина именно самый опытный и кровожадный коммунист Лаврентий Берия радикальнее всех намеревался расправиться со сталинским наследием, но «полукоммунисты» из окружения Хрущёва ещё радикальнее расправились с опасным «конкурентом».

Восстановление российской традиции и школы социологического мышления неразрывно связано с искусством осмысления собственного отечественного материала. Именно на этой плодотворной эмпирической почве мы и встречаем такие заметные социологические фигуры, которые в XX веке принципиальную и непримиримую позицию по отношению к коммунизму могли сочетать с трезвым пониманием того, что и в советской России, не меня коммунистической вывески, делалось многое из того, что требовал здравый смысл и безопасность России. Николай Сергеевич Тимашев — один из этой плеяды соотечественников, чья звезда только начинает подниматься из-за горизонта забвения, обогащая арсенал нашего всё ещё скудного социального и исторического воображения... Скудость этого научного воображения, как мне представляется, сама обусловлена социальными и ситуационными причинами, для поисков и понимания которых, по-видимому, лучше всего обратиться к арсеналу «социологии знания». Но это тема, выходящая за рамки данной статьи.

Приведу только один пример того, насколько работа Н. Тимашева не только не оценена российским социологическим сообществом, но, скорее, искажена низведением до *привычного уровня НЕпонимания* сути дела. В статье доктора социологических наук О. Гнатюк «Н.С. Тимашев как социолог»⁹ читаем: «Тимашев рассматривал «коммунистическую революцию в России» как «великое отступление»». Читатель, по-видимому, должен это понимать в привычном русле: коммунисты де принудили Россию отступить от её дореволюционного развития, шедшего в сторону демократии, модернизации, конституционализма и т. д. Но мы-то знаем, что Н.С. Тимашев исследует другой, прямо противоположный сюжет — великое отступление от коммунизма. Еще «умнее»

---

⁹ Гнатюк О. Н.С. Тимашев как социолог // Социология и социальная антропология. 2001. № 6.

поступил другой автор — кандидат исторических наук Ю. Дайков¹⁰. В статье с обязывающим названием «Николай Тимашев и Россия» даже не упомянута самая знаменитая книга нашего соотечественника о России, книга, которая, по словам самого Н. Тимашева, была его «первым и настоящим успехом на научном поприще». Напомню, что работа «Великое отступление» вышла в 1946 году, когда автору шел уже 61-й год жизни.

Вывод напрашивается сам собой. Загадка социологического творчества Н.С. Тимашева, парадигмы его социологического подхода практически ещё не расшифрованы и уж тем более не взяты на вооружение отечественными социологами как понятийный и стратегический инструмент. С этим тем более трудно мириться, поскольку именно этот метод научного подхода к социальной динамике России, демонстрируемый русским социологом, продолжает оставаться со всей очевидностью актуальным и по своей природе инновационным.

В порядке предварительного обобщения можно выделить следующие принципы социологического мышления Н.С. Тимашева.

1) Предельное внимание к фактам — особенно к тем, которые не манифестируются властью и даже общественным мнением и не собраны в идеологические клише. Принципиальное отсутствие готовых объяснительных схем и удобных метафор (один американский исследователь назвал социологию Тимашева «безобразной»¹¹).

2) Принцип вычленения «естественного» в противоположность «неестественному», «абортивному». Другими словами опора на принцип — «выживание не благодаря, а вопреки». Советская Россия обеспечила свою динамику «не столько благодаря, сколько вопреки» коммунизму. В иной редакции — благодаря «великому отступлению» от коммунизма в сторону «естественного» порядка вещей — в экономике, политике, культуре. (Нечто похожее находим у экономиста А. Найшуля, который в советское время исследовал такую несущую конструкцию, как «чёрный рынок», а сегодня работает с понятием «национальная экономика»¹². Частично можно сослаться и на такого автора, как А. Горянин¹³. Но наиболее продуктивно и классично принцип «не благодаря, а вопреки», как сейчас выясняется, развивал

¹⁰ Дайков Ю. Николай Тимашев и Россия // Социология и социальная антропология. 1996. № 7.

¹¹ Шойер Дж. Социология Н.С. Тимашева // На темы русские и общие. Сборник статей и материалов в честь проф. Н.С. Тимашева. Нью-Йорк, 1965.

¹² Найшуль В. Революция и справедливость. М., 2005.

¹³ Горянин А. Мнимая бедность России // Русская Европа. 2004. Ноябрь.

параллельно с Н. Тимашевым другой неоцененный нами современник и соотечественник — Мих. Лифшиц (1905–1982)¹⁴.

3) Среди симптомов социального здоровья нации Н. Тимашев выделяет состояние, прежде всего, таких институций, как «право» и «религия». По этим признакам, например, Н. Тимашев идентифицирует Россию «и ныне, и днесь» как цивилизацию однозначно европейскую и определяет Россию как страну, относящуюся если не к лидерам европейского процесса, то, по крайней мере, на данном этапе — к европейской периферии, какой, например, в свое время была Португалия.

Хочется думать, что парадигмы и эвристические принципы тимашевской мысли выражают не в последнюю очередь природу именно российской культуры социологического видения мира. Сейчас, когда российская элита небрежно запуталась в судьбоносных доминантах страны, тимашевский опыт наблюдения и рефлексии по поводу России — войди он в политический оборот — сократил бы муки вынашивания нашего нормального, а не умозрительного будущего.

---

¹⁴ Лифшиц М. Что такое классика? М., 2004.

**БИОГРАФИЧЕСКИЙ ФОНД:
практика исследования
линии жизни**

О.Б. Божков,
olegbozh@newmail.ru

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ФОНД: методологические проблемы социологического анализа¹

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению некоторых методологических проблем, связанных с деятельностью Биографического фонда. Во-первых, это проблема информационного потенциала личных документов для социологического анализа. Исследуется природа «биографического импульса» или типология мотиваций к написанию автобиографии. Центральная (и по смыслу, и по объему) часть статьи посвящена проблемам анализа качественных данных и обоснованию их интерпретаций. Завершают статью некоторые соображения по поводу организационно-технических вопросов пополнения и развития Биографического фонда.

Ключевые слова: Биографический фонд, личные документы, методология анализа качественных данных, «биографический импульс».

Информационный потенциал личных документов

Биографический фонд — это собрание (коллекция) добровольно и безвозмездно предоставленных на хранение личных документов. Такого рода документы чрезвычайно разнообразны. Это — автобиографии, воспоминания и мемуары, дневники, записные книжки, письма, фотографии. Иногда они «подкрепляются» официальными документами — справками, дипломами, газетными вырезками и т. п. Разнообразие этих документов проявляется и в том, что их авторы — люди разного уровня образования и культуры, в разной мере владеющие (или не владеющие) литературным языком.

---

¹ Статья представляет собой переработанный текст доклада на методологическом семинаре СИ РАН в мае 2009 г.

Обращение к таким документам в качестве источника социологической информации обусловлено: во-первых, акцентированием внимания на повседневности и, во-вторых, интересом к механизмам социально-культурных изменений или трансформаций. Естественно, все это связано также с особенностями человеческой памяти, индивидуального восприятия разных событий и явлений, т. е. очень субъективно. Отсюда возникает существенный и принципиальный вопрос (кстати, перманентно преследующий социологию как таковую) о том, насколько достоверна информация, содержащаяся в документах такого рода? Можно ли делать какие-либо обоснованные и надежные научные выводы на основании такой информации? На этот непростой вопрос есть вполне определенный положительный ответ.

Так, Даниэль Берто считает, что «Социолог как профессионал не интересуется действиями того или иного конкретного индивида, его, прежде всего, интересует фоновый социальный контекст. Именно этот социальный контекст — будь то профессия, отрасль производства, учреждение или неформальная сеть — является объектом интеллектуального внимания и страсти социолога. Его/её задача — понять этот контекст, т. е. идентифицировать основные игры, в которые люди играют в рамках этого социального контекста, скрытые правила и ставки, внутренние механизмы и конфликтную динамику, динамику власти в этих играх. Именно в этом, по моему мнению, заключается смысл биографического подхода в социологии.

Нет необходимости говорить, что с такой точки зрения одного рассказа о жизни явно недостаточно! Никакой текстуальный анализ не позволит несоциологу, да, впрочем, и социологу эксплицировать социальные феномены и процессы на основании единичного жизненного опыта, изложенного респондентом. <...> Для того чтобы понять, опознать и проследить такие социальные феномены, нужен не только социологический разум, но и сравнение различных опытов жизни людей, принадлежащих к одной и той же социальной среде»².

«Хотя рассказы о жизни, без сомнения, являются субъективными, — продолжает Берто, — они **могут быть использованы** (выделено мной. — О.Б.) как ступени в конструировании социологических описаний и интерпретаций, которые настолько приближаются к объективному социологическому знанию, насколько это в принци-

---

² Берто Д. Полезность рассказов о жизни для реалистичной и значимой социологии // Биографический метод в изучении постсоциалистических общества. СПб., 1997. С. 14–15.

пе возможно. Более того, рассказы о жизни позволяют вновь ввести в социальное исследование измерение *времени* (выделение Д. Берто) и множественную темпоральность видов деятельности, что само по себе имеет огромное значение. И, наконец, хорошо спроектированная совокупность рассказов о жизни приводит исследователя к изучению конкретных взаимодействий во временной перспективе, к пониманию того, как они изменяются в течение недель, месяцев и даже поколений. Все это поможет социологам дистанцироваться как от абстрактной спекуляции, так и от фальшивки конкретности изолированных отдельных случаев³. Последнее замечание представляется мне особенно важным.

Рассуждения о субъективности личных документов часто сводятся к примитивному тезису о том, что люди склонны приукрашивать себя или попросту врать. На мой взгляд, такое суждение в корне ошибочно. Действительно, любое биографическое повествование всегда есть определенная самопрезентация. Самопрезентационное «приукрашивание» себя воплощается отбором одних эпизодов (событий, фактов) биографии и не упоминанием других; композиционным построением повествования и многими другими способами⁴, но отнюдь не прямой ложью. В этом отношении стоит прислушаться к позиции Элизабет Нозль, которая настаивает на том, что респондент никогда не врет.

Эту же линию рассуждения о личных документах, в частности, об автобиографиях, развивает В.Б. Голофаст: «Автобиографические повествования — это яркий пример текстов с культурно ориентированным содержанием. Личная форма изложения скорее скрывает этот факт, превращая мучительную проблему идентичности (если она вообще обнаруживает себя) в более или менее канонизируемую серию попыток выделить, зафиксировать и оценить свое место в историческом потоке, как процесс непрерывного воспроизводства и структурного изменения. Силы этого потока заведомо превосходят своим многообразием и взаимосплетениями любые индивидуальные возможности, так что, если исследователю удастся преодолеть ма-

³ Берто Д. Полезность рассказов о жизни для реалистичной и значимой социологии. С. 15.

⁴ Вплоть до того, что рассказчик включает в повествование о своей жизни эпизоды из жизни других людей, но при этом он свято уверовал в то, что это происходило именно с ним, а не с кем-то другим. И это отнюдь нельзя считать ложью. Но даже такие «переносы» чужих фактов в описание своей жизни вовсе не случайны. Они свидетельствуют об интересубъективных влияниях, ведь индивид «фантазирует» так, как это принято и одобряется в социуме.

ску биографической иллюзии, любая биография становится лично обусловленным свидетельством социально-культурного, а не только жизненного мира индивида данного типа. Это значит, что любая биография **переполнена интересубъективным содержанием** (выделено мной. — О.Б.), вопреки субъективно принятой позиции рассказчика. Итак, социологическая ценность автобиографического повествования обнаруживает себя при дистанцировании, отступлении в область концептуального синтеза данного свидетельства с социальным знанием релевантных социально-культурных форм. В этом случае устанавливается перспектива **нормативного и выпадающего, обычного и странного, нового и давно освоенного** (выделено В. Голофастом) и прочих социально-культурных координат. Наивное доверие к взгляду и оценке рассказчика уступает место критическому суждению и сравнению в плоскости социального знания, а не только личного опыта и индивидуальной эмпатии и способности понимания»⁵.

Впрочем, говоря о субъективности-объективности биографических материалов, немаловажно и то обстоятельство, каким образом исследователь получает эти данные. «Автобиографии поступают к исследователю обычно двумя основными путями, — пишет В. Голофаст, — «самотеком» в ответ на обращение, либо вследствие организуемых исследователем (или другими культурными силами) курсов. Ключевое значение имеет здесь инициатива исследователя и характер его влияния на содержание автобиографических текстов и материалов. На мой взгляд, оно может быть как пренебрежительно малым, так и недопустимо большим. В последнем случае становится очевидным не только заданная исследователем тематизация автобиографических нарративов, но и реальная возможность «инсценирования», фальсификации своей биографии, наполнение её вымыслом, фантазией или ложью, продуцированных в ответ на давление исследователя. Такие опасности постоянно присутствуют в биографических интервью, где они имеют свои особенности вдобавок к давно известным плюсам и минусам исследовательских техник интервьюирования»⁶.

---

⁵ Голофаст В.Б. Три слоя биографического повествования // Биографический метод в изучении постсоциалистических общества. СПб., 1997. С. 23.

⁶ Голофаст В.Б. Концепции индивида и пространство биографий // Голофаст В.Б. Социология семьи. Статьи разных лет / Под ред. О.Б. Божкова. СПб.: Алетей, 2006. С. 355–356.

О природе «биографического импульса» или типология мотивации к «производству» личных документов

Словосочетание «биографический импульс» в качестве социологического понятия или термина ввел В.Б. Голофаст⁷. Этот «импульс» не часто, но возникает в различных обыденных жизненных ситуациях. Стимулом к его порождению служат юбилеи (или дни рождения), поминки, но также и другие жизненные коллизии. Скажем, воспитание детей «личным примером», т. е. на эпизодах своей собственной биографии. Или «минуты жизни трудные», когда человек оказывается на своеобразном перепутье (по-старому жить уже нельзя, а как жить по-новому — неясно) и возникает потребность в осмыслении и переосмыслении прожитого.

Характер стимула «биографического импульса», как считает целый ряд исследователей (Джек Роллер, И.Т. Крюгер, Д.У. Олпорт, Клиффорд Р. Шоу и др.) определенным образом отражается на содержании биографического материала. По этому критерию выделяются следующие разновидности биографических повествований: хроника, самооборона, исповедь, самоанализ (Д. Роллер), а также, наряду с этими типами, научная биография и наивный документ (И.Т. Крюгер).

Названные выше авторы говорят преимущественно о биографиях (или автобиографиях). В то время как Ян Щепаньский справедливо замечает, что «Другие личные документы часто выступают как вспомогательный материал. Все они, однако, заслуживают названия биографических материалов, так как во всех них отражается какой-то более или менее обширный фрагмент человеческой жизни, и все они освещают течение жизни лица, которое их написало»⁸.

В этой же работе Я. Щепаньский приводит предложенную Робертом Энджелом классификацию целей⁹, для которых могут быть использованы биографические документы.

---

⁷ См. Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований // На перепутьях истории и культуры. Труды Санкт-Петербургского филиала института социологии РАН. СПб., 1995. С. 82–116.

⁸ Щепаньский Я. Формы настоящего времени. (Ч. 5. Размышления о методе. Раздел: Биографический метод) / Пер. В.Н. Павленко. 1993.

⁹ См. Энджел Р. Критическое обозрение развития метода личных документов в социологии. 1920–1940 гг. С. 180–184.

1. Выдвижение **новых общих идей**, дающих исследованиям определенные направления. Эти общие идеи не являются конкретными гипотезами, требующими подтверждения, но скорее определенными интуициями, общими «теориями».

2. Выдвижение **совокупности гипотез** относительно конкретных явлений и процессов, а также их верификации. Такая верификация требует подробного и точного анализа документов.

3. Иллюстрация выдвинутых заранее гипотез. В этом случае, — предупреждает Энджел, — социолог подвергается искушению трактовки описаний, содержащихся в автобиографиях, как научных описаний, а данные автором факты привлекает как обоснованные, иллюстрирующие непроверенные им самим тезисы.

4. **Верификация гипотез, почерпнутых не из личных документов.** В этой ситуации личные документы рассматриваются в качестве контрольного материала.

5. **Понимание механизмов процессов**, происходящих в группах, институтах и т. п., дающее возможность представить будущее поведение на основании практического знания, стремлений и мотивов данных индивидов или групп.

6. Формирование ориентиров, когда в процессе подготовки исследований мы изучаем уже имеющиеся материалы, чтобы сориентироваться в той области, которую собираемся исследовать.

К сожалению, чаще всего применяется «менее строгий подход», когда личные документы используются в качестве почти исключительно иллюстративного материала. Что же касается практического понимания определенных процессов, механизмов их реализации, а также использования личных документов в качестве ориентационного материала, то эти целевые установки в большей мере затрагивают этап анализа и интерпретации личных документов (или — качественных данных). Конечно, анализ этой (качественной) информации и сложен, и трудоемок.

Таким образом, можно констатировать, что личные документы (и, прежде всего, автобиографии), безусловно, являются ценным источником социологической информации. При этом стоит заметить, что собственно «социологическая информация» в этих документах отнюдь не «лежит на поверхности». Извлечение этой информации — весьма непростая процедура и серьезная методологическая проблема.

О проблемах анализа качественных данных

Существуют разные взгляды на то, что содержит в себе биографический текст, написанный на естественном (в меру литературном) языке. Одни уверены, что текст этот отражает, практически без искажений, ту реальность, «которая есть/была на самом деле», и которую описывает автор. Конечно, последний вносит в эту реальность свое видение, но именно этим текст и интересен, именно поэтому, с точки зрения сторонников такой позиции, текст позволяет глубже понять эту самую реальность. Другие считают, что текст отражает не реальность, но прежде всего и почти исключительно специфическое восприятие реальности автором. При этом существенно, что любой текст есть лишь некая конструкция, более или менее похожая на реальность, но все же не сама реальность.

Заметим, что само понятие «реальность» в рассуждениях о текстах представляется неточным, ведь тексты также являют собой определенную реальность. И, наконец, имеет резонные основания и такое суждение: есть множество разнообразных реальностей, а текст — это своеобразный мост между ними¹⁰. Ибо текст — это более или менее органичное описание этих разных реальностей средствами языка. И любой человек, обладающий некоторыми навыками владения языком, оказывается в состоянии не только понять текст, но также отличить, когда речь в тексте идет об одном типе реальности, а когда — о другом или других ее типах. Наконец, текст есть средство описания, отображения и такой специфической реальности, как сам текст.

Любой тип реальности, с одной стороны, одномоментен, а с другой, — чрезвычайно подвижен. Язык позволяет не только отделить один тип реальности от другого, но и связать воедино, «остановить» одну и ту же «быстротекущую реальность», он соединяет прошлое, настоящее и будущее. Однако платой за эти «способности» текста является необходимость мобилизации огромных ресурсов: наблюдательности, умения видеть и слышать, внимательности, памяти, знаний, умения оперировать словами, умения связывать свои наблюдения в целостную картину и т. д. Таков лишь один круг проблем, связанных с анализом текстов.

Другой взгляд на текст состоит в том, что любой текст — это всегда продукт взаимодействия. Действительно, любой текст создается для того, чтобы его кто-то прочел или услышал. Следовательно, перед лю-

---

¹⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности (Трактат по социологии знания). М.: Медиум, 1995.

бым автором встает задача сделать текст ПОНЯТНЫМ для реального (или потенциального) читателя (слушателя). Таким образом, любой текст — это всегда также и дискурс: это либо рассказ (повествование, нарратив), либо исповедь (презентация), либо беседа (интервью, собственно диалог). Проблема понимания — центральная проблема дискурса. Теория же утверждает, что для полного, адекватного понимания недостаточно одного только текста, важными компонентами оказываются разные уровни фонового и ситуативного (прежде всего внелингвистического) контекста.

Как читатели художественной литературы, обливаемся слезами над вымыслом и нисколько не задумываемся над тем, насколько представленный текст соответствует действительности. Даже «Трех мушкетеров» многие воспринимают, как исторический роман, повествующий о реальных исторических событиях. Когда же читаем биографии (автобиографии, дневники, воспоминания, семейные хроники), почему-то подчас подвергаем сомнению достоверность излагаемых фактов и искренность автора, обнаруживаем очевидные, явные «сдвиги-памяти» или aberrации сознания, и вообще относимся к тексту весьма настороженно. Начинаем рассуждать об «индивидуальной и социальной мифологии». Впрочем, придиричивые литературоведы, историки литературы (да и просто историки) и к художественной литературе относятся также подозрительно и понимают, что каждый автор, даже обращаясь к действительной истории, придерживается определенной концепции относительно исторических событий, героев истории и т. п. Для примера назовем лишь несколько имен, которые, по меньшей мере, неоднозначно трактуются не только в художественной, но и в исторической литературе: Иван Грозный, Петр Первый, с недавних пор В.И. Ленин, Наполеон, Павел I. Видно, это существенная черта профессионального подхода в любой сфере познания — сомнения, дотошность и недоверчивость.

Тем не менее, многочисленные препятствия на пути аккуратного прочтения и понимания текстов с целью познания человека и общества не закрывают вообще путь познания. И, кроме философии вопроса, которая занимает сегодня чрезвычайно много места в научной литературе (и, конечно же, очень важна), представляется необходимым искать методические средства прочтения, анализа и адекватного понимания текстов. Именно этой стороне дела, на наш взгляд, пока что внимания уделяется явно недостаточно.

Историки полагают, что документы содержат в себе важнейшие свидетельства об определенных исторических событиях. Психологи

надеются получить из них сведения о личности самих авторов документов (что особенно ценно, если автор сам по себе является «исторической» личностью). Социологи рассчитывают найти в таких документах сведения о восприятии людьми, жившими в разное время, различных социальных процессов, о степени их вовлеченности в эти процессы.

Правда, каждый из названных специалистов подходит к личным документам со своими мерками, со своими парадигмами, наконец, со своими средствами и методами их прочтения и интерпретации. Однако, несмотря на кажущиеся очевидными различия, опыты работы с текстами личных документов в чем-то схожи. И схожесть эта прежде всего в том, что в интерпретациях (историков, социологов, в меньшей степени — у психологов) преобладают авторские концепции, т. е. то, что хотят или считают нужным увидеть исследователи, а вовсе не то, что фактически есть в документах. Эта схожесть — в весьма произвольном толковании текстов.

У социологов к личным документам — огромное количество вопросов. Для примера приведу список тем, которые обнаружил Валерий Голофаст после прочтения пяти-шести десятков относительно коротких автобиографий школьников (материалы 1989–1994 гг.):

- «*«локальность жизни»: всего несколько исключений, которые дают другой кругозор — видение большого общества;*
- *близкие (кто?);*
- *поездки как события;*
- *город — деревня: практически полная регулярность;*
- *город — (пионерские) лагеря: связь с секциями и с общественными поручениями;*
- *ясли, сад: режим, дисциплина;*
- *дружба сверстников: близость психологическая, контроль эмоций, двор — знакомые сверстники, свои, круг, часто меняются, борьба за статус среди сверстников, ровесников;*
- *первый — второй ребенок: динамика отношений с родителями;*
- *раннее чтение, самообучение, домашнее образование;*
- *группировки: взрывной характер конфликтов;*
- *музыка, спорт, кружки, секции, проба сил и намерений, связь с лагерями и профориентацией, самооценкой способностей и склонностей;*
- *мужская — женская социализация, сильный традиционализм моделей;*
- *школа как административная машина: расформирование классов, школ, привязка к месту жительства, последствия, необходимость социальной и педагогической работы в переходных ситуациях;*

- болезни;
- развод в семье и др. психологические травмы;
- устойчивость, и продвижение образования, мотивация образования вообще;
- счастливая жизнь, унылая жизнь, монотонная, тревожность, страх и страхи, неврозы;
- октябрята, пионеры, комсомол: необходимость коллективных ритуалов взросления и регулирования достижения статуса среди ровесников и среди младших — старших;
- острое ощущение этапа жизни — окончание школы;
- ответственность грядущего статуса взрослого, страх ошибок и пассивность на этом этапе;
- смерть (бабушки, дедушки, прабабушки) как экзистенциальные события;
- нет предков, бабушки-дедушки почти анонимны, безличны (из-за близости, от того, что не стать в объективную, интерсубъективную позицию?);
- бесцветность образов родителей (кроме иногда, отцов, а чаще старших братьев или референтных ровесников, с которыми взрослые сравнивают его);
- очень мало общественного, исторического, международного контекста;
- нет скрытых сторон жизни (очень мало хитрости, подлости, лжи), одиночества, отклонений, нарушений — два-три раза алкоголь, сигареты...»

В этом списке есть вопросы как возможные исследовательские темы: как то, на что надо специально обратить внимание, есть и «готовые выводы», и просто наблюдения, и законченные суждения (чуть ли не рекомендации). Это скорее поток разбуженного этими текстами сознания и касающегося самых разнообразных социологических и просто житейских сюжетов, представленных здесь в полном беспорядке. Я попытался упорядочить этот список и выделил три смысловых блока:

1) темы или исследовательские вопросы, выраженные с помощью слов естественного языка (терминология еще не сложилась или показалось достаточным обозначение их на быденном «живом» языке);

2) темы или исследовательские вопросы, выраженные с помощью теоретических понятий или слов, претендующих на такой статус (локальность жизни, режим, динамика отношений с родителями и т. п.);

3) некоторые заключения, выводы или гипотезы.

При обсуждении с Валерием Голофастом содержания списка и перспектив дальнейшего развития перечисленных в нем сюжетов основной проблемой стала количественная или статистическая оценка обозначенных аспектов (при том, что о репрезентативности массива текстов, на котором сделаны эти наблюдения, не было сказано ни пол слова). Настолько сильна была еще позитивистская традиция и идеология (то бишь — парадигма).

Действительно, практически все сюжеты, обозначенные в данном списке, в той или иной мере вроде бы представлены в текстах автобиографий, но о чем говорят эти тексты? И каким образом, с помощью каких средств не только извлечь из них эту информацию, но извлечь с высокой долей уверенности, что мы имеем дело именно с этим смыслом, именно с этими фактами, а не с какими-либо иными, что мы «правильно» их интерпретируем.

И тогда возникает спектр совершенно других вопросов. Эти «другие вопросы» достаточно отчетливо обозначены в рамках других предметных областей и иных (не социологических) теорий: порождающей грамматики, семантики, лингвистики, социолингвистики, дискурса. В данных предметных областях объектом и предметом анализа оказывается сам текст, механизмы его порождения и интерпретации, проблемы значения и смысла.

Теория дискурса (Т. Van Dijk & other), например, утверждает, что существенным для понимания (и интерпретации) текста является контекст, в котором порождается этот текст. Далеко не всегда контекст (т. е. обстоятельства, в которых производится текст) находит свое прямое отражение в тексте. Но нередки и такие случаи, когда в самом тексте содержится описание некоторых ключевых аспектов контекста.

Так же теория дискурса, вслед за другими научными дисциплинами, изучающими тексты и иные продукты естественного языка, обращает внимание на то, что важным элементом и контекста, и самого текста оказывается то обстоятельство, что любой текст — есть средство и результат взаимодействия (по меньшей мере, двух) субъектов. Это обстоятельство вынуждает включать в рассмотрение подчас разнонаправленные устремления этих субъектов. В теории дискурса выделяются и такие взаимодействия, когда один или оба взаимодействующих субъекта заинтересованы не в том, чтобы другой понял его правильно, но — напротив — прилагают максимум усилий (и умений) к тому, чтобы его либо вообще не поняли, либо поняли как раз *неправильно*.

Вне зависимости от намерений говорящего и слушающего, для достижения требуемого результата, они должны выбрать или построить определенные стратегию и тактику дискурса. Причем так построить, чтобы сам дискурс выглядел вполне естественным и искренним, чтобы из него «не торчали ослиные уши». Тем не менее, как бы ни скрывалась стратегия дискурса и его тактика, их следы, так или иначе, прослеживаются в «теле» самого дискурса (текста).

Наконец, по многим параметрам текст (дискурс) не полон, ибо оба взаимодействующих субъекта не без основания полагают некоторые вещи, безусловно, известными и априорно понятными, не требующими детального описания и, тем более — разъяснения или толкования.

Таким образом, текст оказывается очень непростым, многослойным, сложно организованным образованием. А смысл текста (дискурса) находится не только в нем самом, но (в значительной мере) также и вне его — в контексте, в обстоятельствах, в способах, приемах построения, организации дискурса (текста). С одной стороны, текст оказывается избыточным, многократно дублирующим одни аспекты (элементы), но, с другой, — очевидно неполным и не достаточным: он всегда содержит «некоторые недоговоренности».

Наконец, в теории дискурса особое внимание обращается на такой элемент дискурса, как тематический репертуар, который, по мнению многих специалистов, тесно коррелирует с определенными условиями, в которых реализуется дискурс. В одних условиях и обстоятельствах уместны и/или возможны одни темы, в других обстоятельствах те же темы оказываются если не запретными, то уж во всяком случае неуместными.

И вот первая серия «других вопросов» (впрочем, она довольно тесно смыкается с традиционными социологическими вопросами):

- Каков тематический репертуар биографических материалов? Какие темы здесь оказываются запретными?
- Какие — «неудобными» для авторов автобиографий?
- Насколько детально разворачиваются те или иные темы в автобиографиях?
- Какие темы всегда или почти всегда лишь обозначаются?
- В каких единицах текста выражаются различные темы? В отдельных словах? В предложениях? В абзацах? Или в каких-либо более крупных единицах?

Обращаясь к текстам (не важно, создаем ли мы их или только потребляем), мы стремимся либо выразить какую-либо мысль, либо по-

нять окружающий нас мир. Иными словами, с помощью текстов (устных или письменных) мы ищем или обретаем смысл.

Все названные «носители смысла» ухватывают его лишь частично.

Слово (или понятие) называет, указывает, обозначает отдельные объекты различных типов реальности: вещи или предметы, чувства или состояния, оценки или отношения. В соответствии с правилами грамматики, предложение содержит «законченную мысль». Но мысль, содержащаяся в предложении (особенно в простом), сплошь и рядом и не мысль вовсе. Это лишь более или менее определенный (а иногда и не очень определенный) фрагмент.

Абзац, пожалуй, в большей мере содержит смысл, и подчас довольно сложный. Но, вот беда, наш читательский опыт показывает, что правила разделения текста на абзацы настолько неопределенны и сложны, что многие носители языка не умеют (или недостаточно хорошо умеют) ими пользоваться. Встречаются тексты, которые выглядят как один большой абзац. Кроме того, слова обладают еще одним неприятным свойством — многозначностью: одно и то же слово может обозначать, выражать разные смыслы. То же можно сказать и о предложениях.

Очевидно, смысл (если он не совсем уж примитивен) «рассыпан» по тексту и, вероятно, для того, чтобы «уловить» его, стоит попытаться найти иные способы анализа. Очевидно также, что текст (а точнее, способы, формы существования смысла) многослоен, и «препарировать» эти слои (отделять друг от друга, искать связи между ними) можно различными же способами.

Как представлен в автобиографиях контекст? По критериям «здорового смысла» определенные темы, затрагиваемые в автобиографиях, не могут обойтись без прямого и достаточно детального подчас описания контекста. Но встречаются и такие автобиографии, в которых нет почти ничего, кроме контекста.

Любой человек, описывая свою жизнь, вряд ли может обойтись без оценок. Но... в какой мере эти оценки синхронизированы с описываемыми ситуациями и объектами оценивания? Как определить, эта оценка «тогдашняя» или «нынешняя», «сиюминутная», произведенная уже во время рассказа или описания? Мотивация или аргументация этой оценки определяется критериями того времени, к которому относится оцениваемое событие, или критериями сегодняшнего дня? Одно дело, когда человек сегодня утверждает, что при советской власти мы жили хорошо, потому что сегодня он живет хуже некуда. Другое дело,

когда он свои сегодняшние оценки «вписывает» в советское время, хотя тогда те же самые объекты оценивал иначе (но он и в самом деле не помнит или не хочет помнить, как именно тогда их оценивал).

Одни биографии включают в себя почти исключительно темы и тематически подобранные факты. Другие — описания контекста. Третьи — факты в меньшей степени, а в большей их оценки; а четвертые почти не содержат фактов, они состоят из рассуждений и объяснений — факты в них используются исключительно обобщенные и только в качестве иллюстраций. Но, тем не менее, и из таких биографических материалов вырисовывается и сама жизнь человека, и его отношение к ней, и некоторые уникальные факты. Что делать с этим социологу?

Первый шаг на этом пути — аккуратное описание анализируемых текстов, выделение минимальных смыслодержущих фрагментов (элементов) текста. Мы совершенно согласны с В.Я. Проппом в том, что «Так как сказка (заметим, что сказка, о которой говорит В. Пропп — тоже текст. — О.Б.) чрезвычайно многообразна и, по-видимому, не может быть изучена сразу по всему объему, то материал следует разделить на части, т. е. классифицировать его. Правильная классификация — одна из первых ступеней научного описания. От правильности классификации зависит и правильность дальнейшего изучения. Но хотя классификация и ложится в основу всякого изучения, сама она должна быть результатом известной предварительной проработки. Между тем мы видим как раз обратное: большинство исследователей начинает с классификации, внося ее в материал извне, а не выводя ее из материала по существу»¹¹.

Таким образом, описание текста и его классификация — предтеча анализа. В качестве одного из приемов предварительного описания текста в рамках так называемой качественной парадигмы рекомендуется «плотное» (герменевтическое) чтение. На выходе предварительного описания — «реестр» тематических блоков, содержащихся в тексте.

При этом никуда не деться от решения непростой задачи концептуализации эмпирических данных. Собственно говоря, кодирование и есть простейшая концептуализация. Ведь при кодировании каждый фрагмент (элемент) текста мы соотносим с некоторым общим понятием, абстрагируясь от конкретного содержания этого фрагмента. Естественно, общие понятия, как правило, «прописаны» в определенных теоретических концепциях.

¹¹ Пропп В. Морфология сказки. Л.: ACADEMIA, 1928. С. 12.

Апологеты качественной парадигмы настоятельно рекомендуют использовать для анализа текстов метод **Grounded theory**. Обычно это словосочетание переводится на русский язык как «обоснованная теория», хотя такой перевод представляется крайне неточным. Как у основоположников этого метода, так и у отечественных его сторонников за кадром остается вопрос о том, чем же обоснована эта теория.

По сути, речь идет о том, чтобы извлечь некоторые теоретические аспекты непосредственно из текста (из «земли»). Пионеры метода «обоснованной теории» заявляют об этом прямо: «*Обоснованная теория* — это теория, которая индуктивно выводится из изучения феномена, который она представляет. То есть она создается, развивается и верифицируется в разных условиях путем систематического обзора и анализа данных, относящихся к изучаемому феномену¹²». Отнюдь не случайно, пожалуй, самыми часто употребляемыми словами у авторов метода оказываются понятия «концептуализация» и «процедура». В самом начале цитируемой книги, в главке под названием «Каковы наиболее важные компоненты качественного исследования» читаем: «Второй компонент качественного исследования состоит из различных **аналитических** или **интерпретативных процедур** (выделено авторами), которые используются для получения данных или теорий. Эти процедуры включают техники для концептуализации данных»¹³.

Принципиально важное для метода Grounded theory понятие — «теоретическая чувствительность». Здесь снова стоит обратиться к первоисточнику (а не к толкователям). «Теоретическая чувствительность, — пишут А. Страус и Дж. Корбин, — относится к личным качествам исследователя. Она указывает на осознание тонких различий значения данных. <...> Теоретическая чувствительность относится к свойству пронизательности, способности осмысливать данные, способности понимать и умению отделять подходящее от того, что таковым не является»¹⁴. Далее авторы указывают на основные источники теоретической чувствительности: литературу, профессиональный и личный опыт. Таким образом, Grounded theory — это вовсе не отказ от теории или теоретизирования, напротив, применение этого метода требует от исследователя хорошей теоретической оснащенности. Если

---

¹² *Страус А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесловие Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 21.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ Там же. С. 35.

же исходить из убеждения, что социолог должен выходить «в поле» не отягощенный знанием «всех тех богатств», которые до него выработала социология или смежные области знания, то «незашоренность» сознания исследователя старыми теоретическими конструкциями выступает с этой позиции важнейшим условием обнаружения нового¹⁵. Однако, на мой взгляд, невозможно «создание» теории на «голых» фактах.

Если речь идет о **научном исследовании**, то оно и на входе должно иметь некую теорию, по крайней мере — определенный концептуальный взгляд на изучаемое явление. Иными словами, в самом изучаемом феномене должна быть выделена (обнаружена, обозначена) определенная **научная** (познавательная) проблема.

Стоит заметить, что анализ материалов биографического фонда, как правило, привязан к той или иной определенной социологической проблематике. Так, К. Дивисенко подходит к анализу биографий школьников и их сочинений о будущей жизни с позиций аксиологии; Н. Цветаеву в биографиях интересуют проблемы идентичности и менталитета; автор этих строк обращался к биографическим текстам с позиций концепции «локуса ответственности» и группового взаимодействия. Поэтому задача построения теории как таковая и не ставилась. Но при этом большинство процедур «обоснованной теории», как показал, в частности, опыт К. Дивисенко, оказываются и полезными, и плодотворными.

Проблемы обоснования интерпретации

«Проблема надежности данных качественного исследования — наиболее уязвимая сторона этой методологии. <...> так как достоверных статистик валидности здесь быть не может» — считает В. Семенова¹⁶. Пожалуй, с ней можно согласиться и относительно «уязвимости», и относительно отсутствия «статистик валидности». Но в целом проблема надежности интерпретации качественных данных не представляется совсем уж безнадежной. Хотя идея триангуляции, без которой не обходится ни одна книга, посвященная качественным исследованиям, выглядит, на мой взгляд, не очень убедительно. Сам термин «триан-

---

¹⁵ Готлиб А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-груп, 2004. С. 111.

¹⁶ Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. С. 190.

гуляция» заимствован из геодезии*, в социологии же это не более чем метафора. Причем метафора, с моей точки зрения, не очень удачная.

Авторы книги «Качественные методы. Полевые социологические исследования» (СПб.: Алетейя, 2009) рассматривают следующие виды триангуляции:

- методов (использование и качественных, и количественных данных);
- источников качественных данных;
- аналитическая (параллельный «независимый» анализ);
- теоретическая (обращение к различным теоретическим конструкциям).

Сомнения по поводу первого из названных видов триангуляции сами авторы изложили довольно четко: «Этот процесс сравнения не всегда является прямым (точнее сказать, никогда таковым не является. — *О.Б.*), поскольку качественные и количественные методы отвечают на разные вопросы, и их ответы нелегко объединить, чтобы сформировать целостную картину социального мира. Впрочем, конфликты между двумя типами данных — скорее результат измерения разных вещей, хотя то, какой именно тип методов лучше выбрать не всегда очевидно»¹⁷.

Относительно другого типа триангуляции сомнения артикулированы также недвусмысленно: «Как и триангуляция методов, триангуляция источников данных редко ведет к одной единственной устойчивой картине. Самое главное — выявить различия и понять, почему они существуют. Тот факт, что данные наблюдений дают иные результаты, чем интервью, не означает, что один из этих методов сбора информации или даже оба из них негодны, хотя это не исключено. Вероятнее всего, это означает, что разные типы данных описывают разные вещи, и поэтому аналитику крайне важно понять причины этих отличий»¹⁸.

Пожалуй, лишь аналитическая триангуляция не вызывает серьезных сомнений. Она заключается в использовании нескольких наблю-

---

* Триангуляция [лат. *triangulum* — треугольник] — основной метод определения положения геодезических пунктов; заключается в построении на местности систем смежно расположенных треугольников, в которых измеряют длину одной стороны (базис) и углы, а длины других сторон вычисляют при помощи тригонометрических функций // Новейший словарь иностранных слов и выражений. Мн.: Харвест; М.: ООО Издательство АСТ, 2001. С. 813.

¹⁷ *Штейнберг И., Шанин Т.* и др. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб.: Алетейя, 2009. С. 316.

¹⁸ Там же. С. 316–317.

дателей или аналитиков и, с одной стороны, обеспечивает проверку смещения при сборе данных, а с другой стороны, дает возможность проверить убедительность интерпретации данных. Этот вид триангуляции обеспечивает либо обнаружение принципиально множественной интерпретации того или иного фрагмента данных, либо консолидированную и аргументированную позицию аналитиков.

Несколько наивным выглядит предложение демонстрации полученных результатов респондентам и фиксации их реакций. Результаты, как правило, формулируются в концептуальных терминах, в рамках того или иного теоретического взгляда. Не исключено, что респондентам еще придется «переводить» эти результаты на простой русский язык, и тогда их реакция может оказаться даже положительной. Ну и что?

Четвертому виду триангуляции авторы посвятили всего один абзац, который, на мой взгляд, выглядит совсем не убедительно. Впрочем, судите сами: «Четвертый тип триангуляции включает использование различных теорий при рассмотрении одних и тех же данных. Ряд общих теоретических конструкций берет свое начало в различных интеллектуальных и дисциплинарных традициях. Например, наблюдения над группой, общиной или организацией могут быть интерпретированы с точки зрения Маркса или Вебера, с конфликтной или функционалистской позиций. Цель теоретической триангуляции — понять, как на результаты влияют различные предположения и фундаментальные предпосылки»¹⁹. Думается, что «предположения и фундаментальные предпосылки» никак не влияют на результаты. Последние могут лучше или хуже согласовываться с теми или иными теоретическими предпосылками. И, кроме того, выбор концептуального подхода (марксова или веберовского) к интерпретации данных зависит от того, как был определен предмет исследования и от того, что же является его (исследования) объектом. А если в каком-то аспекте разные теоретические позиции не противоречат друг другу или просто совпадают, то само понятие триангуляции здесь оказывается ни при чем.

Так что достоверность и обоснованность интерпретации в основном зависит от убедительности, непротиворечивости и воспроизводимости (качества) концептуализации первичных данных.

---

¹⁹ Штейнберг И., Шанин Т. и др. Качественные методы. Полевые социологические исследования. С. 317–318.

Организационно-технические проблемы Биографического фонда

Биографический фонд был задуман во время начального периода перестройки, когда пересматривались, переосмысливались не только многие идеологемы, но и исторические факты. Одна из идей фонда состояла в том, чтобы реконструировать «подлинную» историю и картину социального бытия россиян. Другая основополагающая идея фонда состояла в том, чтобы на его материалах изучать механизмы социально-культурных изменений²⁰.

Поначалу материалы поступали в фонд самотеком, затем мы стали проводить биографические конкурсы. Первый (по времени) конкурс не был жестко тематизирован. Характерно в этом отношении название конкурса: «Расскажите о своей жизни». Второй конкурс уже имел весьма определенную тематическую направленность. И хотя его название, вроде бы, нейтрально: «Гляжу в себя, как в зеркало эпохи», фактически он был адресован вполне определенной категории населения — тем, кто относил себя к так называемым «шестидесятникам». Следует заметить, что фактически этот «адрес» весьма жестко задал основную тематику биографических материалов, поступивших на конкурс — «оттепельный» мотив в них заметно доминировал.

Этот факт не прошел незамеченным и стимулировал рефлексию по поводу тематизации биографических повествований. Вспомним уже приведенную выше цитату из статьи В. Голофаства: «Ключевое значение имеет здесь инициатива исследователя и характер его влияния на содержание автобиографических текстов и материалов.²¹ Следующий конкурс также имел четкую тематическую ориентацию: «Жить в эпоху перемен».

С одной стороны, тематизация конкурсных материалов «приближает» нас к современности, а с другой стороны, создает определенный тематический «перекос». Это, казалось бы, естественный процесс, тем не менее, встает вопрос о более целенаправленном формировании «ре-

---

²⁰ (Примеч. автора). Я продолжаю пребывать в заблуждении, против которого активно возражал К. Муздыбаев, что одна из существенных особенностей социально-культурных изменений состоит в том, что они происходят весьма медленно. Настолько, что на протяжении жизни одного поколения их можно не заметить.

²¹ Голофаст В.Б. Концепции индивида и пространство биографий. С. 355–356.

пертуарной решетки» биографического фонда. Сегодня среди клиентов биографического фонда преобладают весьма пожилые люди, активная фаза жизни которых пришлась на начало или середину XX века²².

Кардинальные перемены, происходящие в стране, безусловно, имеют определенное социально-культурное содержание. И, чтобы «уловить» момент современных социально-культурных изменений, хотелось бы «омолодить» состав клиентов Биографического фонда. Совершенно сознательно при объявлении новых конкурсов (а недавно мы начали два новых конкурса «Я — петербуржец» и «Семейные хроники на фоне перемен») мы заявляем, что особенно нас интересуют биографии представителей послевоенных поколений и молодых людей, тех, кто родился уже в постсоветское время. В то же время в Фонд продолжают поступать материалы и самотеком, впрочем, самотек этот весьма условен. Дело в том, что наши «старые» клиенты поддерживают связи с фондом и время от времени приводят к нам новых, т. е. срабатывает принцип «снежного кома». В любом случае, стратегия комплектования и развития фонда остается одной из важных методологических проблем.

---

²² См. об этом подробнее статью К.С. Дивисенко в настоящем сборнике.

К.С. Дивисенко,
divis@inbox.ru

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ФОНД КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ РЕСУРС СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Аннотация: Настоящая статья — подведение научных и научно-организационных итогов более чем двухлетней работы в Биографическом фонде Социологического института РАН. В первой части представлено описание созданной и оптимизированной электронной базы данных Биографического фонда, приведен краткий количественный анализ материалов фонда, во второй — результаты исследования биографий школьников, хранящихся в фонде.

Ключевые слова: биография, биографический фонд, качественные методы, обоснованная теория, ценности.

Электронная база данных Биографического фонда

Биографический фонд (БФ) Социологического института РАН был основан в 1989 году. До 2007 года существовали только бумажная картотека, аннотирующая порядка 180 единиц хранения, и журналы учета поступлений биографических материалов. В 2007 году была разработана концепция и структура системы управления электронной базой данных и зарегистрированы все биографические материалы Фонда.

Регистрация материалов Биографического фонда производилась по десяти параметрам для каждого автора и по пятнадцати — для текста. Такие параметры, как пол, год рождения, место настоящего проживания (для автора) и жанр, размер страницы, количество страниц, дата поступления, раздел БФ (для биографических материалов) дают возможность провести количественный анализ всего корпуса текстов Биографического фонда.

В настоящее время (на 1 июня 2009 года) в Биографическом фонде зарегистрировано более 530 авторов биографических текстов и

650 единиц хранения. Примерный объем биографических материалов — в пересчете на формат А4 — превышает 34000 страниц. Биографический фонд состоит из двух основных частей — основного собрания и конкурсных материалов. Основное собрание БФ начало формироваться с момента основания и пополняется до настоящего времени. Вторая часть Фонда представляет собой собрание биографических текстов, присланных на конкурсы, проводившиеся сотрудниками Социологического института РАН в период с 1993 по 2000 годы. Визуально структура БФ может быть представлена следующим образом (см. схему).

Схема-структура Биографического фонда

287 единиц хранения (44,1% от общего числа), что составляет приблизительно 25 000 страниц (73,5% от общего объема биографического материала), относятся к Основному собранию БФ¹.

В БФ приблизительно одинаково представлены жизнеописания мужчин и женщин (51% и 49% соответственно). Часто в автобиографиях не всегда указывают возраст, поэтому приведенные ниже возрастные характеристики относятся только к 79% авторов (См. табл. 1.)

¹ Такое пропорциональное несоответствие обусловлено тем, что единица хранения может быть объемом от 1–2 до нескольких сотен страниц.

Таблица 1. Краткие демографические характеристики авторов Биографического фонда

Годы рождений авторов (по десятилетиям)	Число авторов	
	женщин	мужчин
до 1880 г.	0	2
1880-е	1	1
1890-е	0	5
1900-е	10	11
1910-е	20	29
1920-е	40	46
1930-е	63	44
1940-е	31	31
1950-е	23	18
1960-е	14	18
1970-е	10	9

Как видно из таблицы, большинство авторов родилось во второй четверти XX века, их детство и юношество пришлось на военный и послевоенный период, а к периоду «хрущевской оттепели» они находились в активном рабочем возрасте. Подавляющее большинство авторов биографических повествований являются жителями Санкт-Петербурга (около 74%). Также в Фонде имеются материалы, принадлежащие авторам, живущим в Северо-Западном регионе (около 10%).

Для структурирования достаточно большого количества и разнообразного по характеру биографического материала Фонда были выделены следующие основные жанры биографических текстов²:

- о Автобиография;
- о Биографическое интервью;
- о Биография;
- о Воспоминания;
- о Генеалогия;
- о Дневник;
- о Письма;
- о Семейная хроника;
- о Фотоальбом.

² В данном случае понятие «текст» рассматривается в широком (семиотическом) значении этого слова.

³ Реальное количество визуального материала много больше, так как в дан-

Основной массив единиц хранения Биографического фонда — автобиографии, т. е. биографические тексты, написанные авторами о самих себе, их средний объем невелик — 43 страницы (см. табл. 2).

Таблица 2. Количество и объем единиц хранения Биографического фонда по жанрам

Жанр	Количество единиц хранения	Общий объем (страниц А4)	Средний объем (страниц А4)
Автобиография	456	19760	43
Биографическое интервью	21	718	34
Биография	13	808	62
Воспоминания	56	6899	123
Генеалогия	11	142	13
Дневник	12	909	76
Подборки писем	8		
Семейная хроника	13	2318	178
Фотоальбом ³	5	184	37
Другое ⁴	55	2823	51

Наиболее пространные тексты — это семейные хроники и воспоминания, так как первые являются своеобразной суммой биографий определенной семьи или рода, а вторые, как правило, затрагивают исторический контекст.

В БФ представлена довольно полно жизнь всех социальных слоев нашей страны XX века: потомственных крестьян, бывших дворян, пролетариев, революционеров, интеллигенции (в том числе 11 биографических текстов, написанных докторами наук, 19 — кандидатами). Если делить авторов по профессиональным группам, то можно выделить достаточно репрезентативные группы инженеров, медицинских работников, военных, рабочих.

ную категорию включены только фотоальбомы. Число единиц хранения, имеющих фото и другой визуальный материал, составляет приблизительно 10% от общего числа.

⁴ К данной категории относятся публикации биографического или мемуарного характера, художественные и поэтические сочинения авторов биографического фонда, также тексты, которые сложно отнести к какому-либо одному из вышеприведенных жанров.

Материалы Основного собрания БФ часто сопровождаются копиями, либо оригиналами личных документов (справки о реабилитации, ордер на получение квартиры, грамоты и т. п.).

В настоящее время в электронной базе данных созданы картотеки, адресная книга авторов, несколько вспомогательных форм, также осуществляется регистрация клиентов БФ и использования материалов. В картотеках возможен поиск по ключевому слову в аннотации и автоматический отбор (фильтрация) карточек, где встречается искомое слово. Образец карточки электронного каталога СУБД БФ приведен на рис. 1.

Картотека Биографического фонда

Полторацкая Елена Владимировна
1902 г. р.

11 2

Воспоминания Е. В. Полторацкой

Прежде упоминаются вскользь. Работала в 30-50 годы деловым секретарем, стенографисткой и помощником министра в Тбилисском Горсовете, Зактогре, Закгосплане, Грузгосплане и Министерстве пищевой промышленности Грузинской ССР. История Грузии, Тбилиси. Высылка из Грузии немцев, армян, греков. Упоминаются видные партийные и хозяйственные деятели Грузии. Аресты, репрессии, террор в Грузии. И. В. Сталин.

Раздел БФ:
Жанр:
Город:
Дата написания:
Наличие фото:

печатный текст: А4, 81 с.

Каталог
Алфавитный
По № ед. хр.

Поиск
Найти...

Примечания:
Мать Левицкой Н. С. (см. 12) и Стрелцкого Ю. С. (см. 11.1)

Навигация
« -100 -10 < 11 > +10 +100 »
№ ед. хр.

Завершение работы
Закрыть карточку
Выйти из БД БФ

Рис. 1. Карточка электронной картотеки БФ

В настоящее время собрание БФ активно пополняется за счет биографических материалов, передаваемых авторами и их родственниками, а также благодаря проведению новых биографических конкурсов «Семейные хроники на фоне перемен» и «Я — петербуржец».

Биографии школьников

Особое место в БФ занимают биографические тексты школьников. Этот исследовательский проект был инициирован О.Б. Божковым. В ряде петербургских школ в 1990–1993 гг. и в 2002 г. были собраны

автобиографии и биографические сочинения «Я через N лет» школьников старших классов. Учащимся старших классов предлагалось описать собственную жизнь и написать биографическое сочинение «Я через N лет» (причем N должно быть не менее 3 лет). Таким образом, в «школьных биографиях» представлены два разных поколения старших школьников, две возрастные когорты, чьи годы рождения приходятся на 1975–1977 гг. и 1984–1986 гг. В 2002 году часть бывших учеников, которые описывали собственную жизнь в начале 90-х, согласилась написать продолжение своих жизнеописаний и новые биографические сочинения. Основной корпус текстов состоит из автобиографий и биографических сочинений «Я через N лет» школьников, принадлежащих к двум разным поколениям, и из автобиографий и биографических сочинений молодых людей, написанных ими в возрасте 24–26 лет.

Для организации исследовательской работы с автобиографиями и биографическими сочинениями школьников была создана система управления базой данных биографий молодых (СУБД БМ)⁵.

Всего было зарегистрировано 93 автора и 175 биографических текстов (на 30 октября 2008 г.). Общий объем текстов составляет более 385000 знаков, что в пересчете на стандартный формат бумаги А4 соответствует 257 страницам.

Как правило, исследователь, использующий биографический метод, имеет дело с биографическими материалами, принадлежащими людям, прожившим достаточно долгую жизнь. Поэтому биографии молодых, особенно школьников, — своеобразный эмпирический материал социального исследования, так как в них описывается небольшой интервал времени, начальная часть жизненного пути. В биографиях школьников описываются только первое и часть второго десятилетия жизни. Первое десятилетие является одним из наиболее важных этапов для формирования личности, но, как правило, его описание либо кратко, не отражено, либо не попадает в поле биографии. Обычно школьниками описывается более подробно часть второго десятилетия жизни, хотя четкую границу провести трудно.

Как правило, школьники в своей автобиографии не касаются генеалогических изысканий, они описывают свою собственную жизнь. В поле их биографии попадают только родители, сестры и братья, а прауродители упоминаются значительно реже. Это обстоятельство

---

⁵ СУБД БМ создана в 2008 году при поддержке Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга. Грант 30-04/90: «Семья в жизнеописаниях петербургских школьников».

принципиальным образом отличает жизнеописание школьников от жизнеописаний представителей старших возрастных когорт. Если старшее поколение рассматривает себя в связи с родителями, то молодежь, напротив, описывает только собственную жизнь.

Как справедливо отмечает Г. Розенталь: «Взгляд на события своей жизни с точки зрения настоящего и определяет, что именно человек считает важным для своей биографии, каким образом он выстраивает тематические и временные связи между различными пережитыми событиями и каким образом реалии прошлого, настоящего и предполагаемого будущего влияют на понимание человеком смысла своей жизни»⁶.

В биографическом повествовании автор пишет о самом важном для него: о значимых событиях прошлого, о том, что его беспокоит в настоящее время и о своих планах на будущее. Это могут быть, в равной мере, психологические переживания, события и повседневность. Поэтому, выделив и зафиксировав это значимое, мы получаем срез ценностей автора (где ценностью является значимое и важное для человека).

В отличие от дневниковых записей, которые ведутся на протяжении достаточно длительного периода времени, биографические тексты, написанные в определенной точке жизненного пути, представляют собой синхронный срез ценностей, так как сам автор, его Я, за этот промежуток времени либо не меняется, либо изменяется, но незначительно. Во время биографического письма происходит самоотчуждение автора, он смотрит на себя со стороны. Здесь множественность Я личности поляризуется на две основные компоненты: Я-описывающее и Я-описываемое. Между этими двумя основными Я биографического письма могут происходить конфликты: Я-описывающее не всегда может подобрать те слова, которые наиболее адекватно отразят второе Я; с другой стороны, и Я-описываемое не всегда хочет быть в полной мере описано (автор может нечто умалчивать, искажать и т. д.). Также может происходить конфликт Я-реального и Я-репрезентируемого, на которые распадается Я-описываемое. Поэтому для исследователя работа с биографическими текстами представляется достаточно кропотливой и длительной.

Структура текста определяется, как правило, стереотипами, заложенными, либо на уровне коллективного бессознательного, либо

---

⁶ *Розенталь Г.* Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью // *Хрестоматия по устной истории.* СПб., 2003. С. 327.

определяемыми самим жанром биографии: начать повествование с рождения, статуса родителей и истории семьи, продолжить — учебной в образовательных учреждениях, успехами или неудачами на работе, в семейной жизни и закончить — кратким подведением итогов: «жизнь продолжается», «ни о чем не жалею» и т. п.

Особенность биографических текстов школьников заключается в том, что, в отличие от биографий людей других возрастных групп, эти тексты представляют собой жизнеописание достаточно короткого периода жизни (с рождения по 16–17 лет), поэтому часть обычного корпуса компонентов жизни взрослых отсутствуют — работа, семейные отношения, любовь к собственным детям и т. п.

Более подробно стоит сказать о сочинениях «Я через N лет»⁷ как жанре биографического письма. Это сочинение — проекция собственной жизни — подобна сказке, она имеет более четкую структуру, нежели автобиографический текст. Как правило, сочинение охвачено «рамками»⁸ (Б. Успенский). В этих «рамках» автор еще занимает внешнюю позицию к описываемым событиям, здесь находят свое место размышления о зыбкости и ненадежности текущей жизни, о неясности и неопределенности прошлого, о том, что это всего лишь фантазии, которым, скорее всего, не суждено сбыться. Причем объем вступительной «рамки» может быть разным: от простого агностицизма («я не знаю, что со мною будет») до пространного размышления о смысле, жанре, идее сочинения в целом и выражения собственного отношения к нему. Внутри этих «рамок» разворачивается основное повествование, в котором будут развиваться основные события и переживания будущего.

Конечно, ценности и приоритеты, обозначенные в сочинениях, имеют более идеальный (в смысле идеала, к которому следует стремиться), нежели реальный характер, но ценности сочинений значат для авторов не менее, чем ценности автобиографий. Ценности, обозначенные в автобиографиях и в сочинениях, по преимуществу, являются двумя векторами ценностных ориентаций. Первый направлен в прошлое и настоящее, и содержанием своим имеет то значимое, что на данный момент кажется автору таковым; а второй определяет

---

⁷ Суть методики «Я через N лет» заключается в том, что респондентам предлагается описать собственную жизнь через определенное количество лет. Другое название этой методики — «Письма из будущего». См.: Соколов А. В. Диалоги с постсоветской гуманитарной интеллигенцией. СПб., 2006. С. 142–145.

⁸ Успенский Б.А. Поэтика композиции. СПб., 2000. С. 224–229.

движение в будущее, к тому, что будет значимо в ближайшие годы (не столько цель, сколько содержание и траектория жизни). Автобиографии о многом умалчивают, так как автор не всегда готов рассказать о собственной жизни со всей полнотой откровенности, а в сочинениях наличествует своя условность, определяемая жанром, поэтому авторы более раскрепощены в описаниях будущего, это — своего рода игра, квазиреальность, но к которой относятся в момент письма серьезно. Таким образом, эти два текста представляют собой единое целое с точки зрения исследования диагностики ценностей личности.

Диагностика ценностных ориентаций с помощью биографических текстов имеет преимущество, заключающееся в том, что автор не пишет о том, что приемлемо, желательно, либо не является таковым в тех социальных условиях, в которых он находится. Это также позволяет ему не ориентироваться на готовые списки ценностей с достаточно ограниченным набором и подчас с весьма неоднозначной формулировкой (например, «непримиримость к недостаткам в себе и других»). При анкетной (списочной) методике диагностики многие ценности становятся в результате значимыми, поскольку они сами и их ранжирование предлагается респонденту. Заведомо можно сказать, что найдется немного респондентов, кто не отметит значимость красоты, добра, истины, социальной справедливости и других ценностей, но значение этих ценностей будет продиктовано больше самим методом исследования.

Возникает проблема метода, методики и конкретных приемов распознавания ценностей в биографиях.

Контент-анализ как наиболее распространенный метод в современной практике количественного исследования позволяет выявить частоту появления в тексте определенной характеристики, посредством подсчета определенных слов или категорий — «множества слов, объединенных по тому или иному признаку»⁹. Подсчет слов-маркеров, анализ частоты появления определенных категорий позволяет объективно проанализировать текст по этим параметрам, но в результате такого анализа ускользает значение ценностей, так как очевидно, что нет строгой корреляции между значением определенной ценности и либо объемом текста, где эта ценность выходит на первый план, либо частотой появления слов-маркеров. Поэтому на

---

⁹ Шалак В.И. Контент-анализ. Приложения в области: политологии, психологии, социологии, культурологии, экономики, рекламы. М., 2004. С. 15.

первый план в анализе биографических текстов с целью реконструкции аксиосферы автора должно выйти понимание в рамках герменевтического подхода. В определенной мере исследователь может стремиться к тому, чтобы точки зрения автора и его собственная совпали. Отдельные ценности, кодируемые в определенных фрагментах текста, должны рассматриваться, как и сами фрагменты, в связи с целым текстом.

Для изучения биографического дискурса В.Б. Голофастом было предложено рассматривать три слоя биографического повествования — повседневность, события и скрытую сторону жизни — в ракурсе «концептуального синтеза данного свидетельства (биографии. — К.Д.) с социальным знанием релевантных социально-культурных форм»¹⁰.

Для задач исследования кодификации ценностей в биографическом повествовании в тексте можно выделить три основных структурных компонента. Первый компонент — собственно *жизнеописание* — описание как определяющих событий в жизни автора, так и повседневной жизни, здесь кодифицируется большая часть ценностей.

Второй компонент по своей форме достаточно близок первому — это *воспоминания* или *мемуары*, которые представляют собой описание событий прошлого, содержание которых ценностно нейтрально; значимым тут является само воспоминание как самодовлеющий процесс и результат; подчас воспоминания становятся лишь означающими, означаемые которых остаются сокрыты для исследователя и подчас для автора.

Третий элемент, встречающийся много реже первых двух, можно обозначить как *размышления*, являющиеся своеобразным метатекстом — описанием самого процесса биографического письма (обращение к адресату, размышление над самим жанром биографий).

В большинстве случаев, но не всегда, первый компонент — жизнеописание — занимает большую часть текста. Воспоминания относятся, как правило, к описанию детских переживаний или ярких событий прошлого и находятся в начале текста. Размышления чаще всего встречаются в «рамках» — начале и конце биографического повествования (чаще в сочинениях). Эти наблюдения относятся не только к жизнеописаниям школьников, но и к биографиям вообще.

В каждом из компонентов текста особым образом преломляются ценности. В жизнеописании наиболее четко фиксируется синхронный срез аксиосферы личности, воспоминания не дают прямо-

¹⁰ Голофаст В.Б. Социология семьи. Статьи разных лет. СПб., 2006. С. 407.

го указания на значение определенной ценности, но могут обрести определенный ценностный вес в связи с контекстом, а рассуждения могут быть вовсе ценностно незначимыми, либо, напротив, являться ключом ко всему тексту.

Очевидно, что каждая ценность биографического текста имеет различный удельный вес — степень значимости для конкретного автора и на определенный момент времени. Таким образом, становится необходимым анализировать не только и не столько весь набор ценностей, а их иерархию или структуру. Источником ранжирования может быть прямое указание авторов, либо отнесение к определенному рангу становится ясным исследователю, обращающемуся к контексту биографических текстов.

Для решения этой задачи была предпринята попытка выработки определенных объективных методов ранжирования ценностей. Возможно, что ее эффективное использование допустимо только для небольших биографических текстов молодых людей, и в какой-то мере результат анализа зависит от субъективности исследования, но, тем не менее, данная процедура кажется более прозрачной для оценки ценностных ориентаций на материалах биографических текстов.

Ранжирование ценностей проводилось по строго определенным критериям и правилам, приводимым ниже.

К *первому рангу* — наиболее значимые — относятся те ценности, которые являются:

– сквозным лейтмотивом всего текста, либо своего рода навязчивой идеей, либо когда автор возвращается к их упоминанию не менее трех раз;

– единственной ценностью в тексте;

– ценностью, которая выступает в качестве жизненной цели, либо определяет ее.

К *второму рангу* относятся ценности, которые уступают по значимости первым, оттенены ими, выступают в качестве ценностей второго плана но, тем не менее, являются весьма значимыми:

– ценности, к которым автор возвращается не менее двух раз на протяжении всего повествования;

– их обозначение (воспоминание о них, их называние) вызывают у автора большее эмоциональное напряжение, чем ценности третьего ранга;

– те ценности, через призму которых происходит рассмотрение других ценностей.

К *третьему рангу* относятся все остальные ценности:

– те ценности, которые автор называет мимоходом (здесь есть определенная опасность, что как раз названное мимоходом и может являться для автора наиболее важным, то есть относиться к ценностям первого ранга);

– ценности, которые автор называет только один раз;

– косвенное упоминание ценностей в связи с другими значимыми ценностями.

В процессе анализа текстов и ранжирования ценностей также выработались определенные правила. В случае, когда биографическое сочинение имеет ветвление, то есть автор предлагает два или более варианта собственной жизни, обычно диаметрально противоположных, то в этом случае ценности этих двух вариантов должны относиться к одному рангу.

В результате анализа биографических текстов школьников был выделен достаточно пространственный корпус ценностей, первоначально состоящий из более чем семидесяти наименований, но в результате объединения некоторых ценностей в более крупные их число удалось сократить.

Наиболее значимыми ценностями для школьников, принадлежащих к двум возрастным когортам, оказались: семья, дружба, работа, художественная практика (творчество, приобщение к искусству), материальное благополучие.

Результаты исследования ценностей школьников опубликованы¹¹ и достаточно подробно прокомментированы, поэтому приводиться в настоящей статье не будут.

Таким образом, на первом этапе работы была реконструирована ценностная сфера молодежи и рассмотрена ее динамика — были сопоставлены два синхронических среза ценностей старших школьников начала 90-х годов и 2002 г (когорты I и когорты II). Также было проанализировано изменение ценностей молодежи в диахроническом срезе (тексты авторов когорты I 1990-х и 2002 г.).

На втором этапе исследовательской работы стала очевидной необходимость анализа отдельных ценностных отношений, кодифицируемых в биографических текстах.

---

¹¹ Дивисенко К.С. 1) Динамика ценностей школьников (по материалам автобиографий и сочинений) // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 118–122; 2) Трансформация ценностей молодежи на рубеже веков (на материалах биографических текстов) // Социология вчера, сегодня, завтра. Вторые социологические чтения памяти В.Б. Голофаства. СПб., 2008. С. 76–88; 3) Биографии молодых в собрании Биографического фонда // Шестые чтения памяти Вениамина Иофе. Право на имя. Биографика 20 века. СПб., 2009.

Для качественного анализа эмпирических данных отдельных ценностных отношений была использована методология обоснованной теории¹². Использование процедур обоснованной теории при работе с автобиографиями и биографическими сочинениями школьников имеет определенные трудности. Одна из них касается обоснования выборки: то есть, собранный материал ограничивает исследователя тем, что для теоретического насыщения отдельных категорий он не может взять интервью у тех же авторов текстов (из-за временного фактора). Поэтому при использовании только уже имеющихся материалов для формирования теоретической выборки приходится использовать стратегию не «вглубь» (рассматривать более подробно конкретные случаи, конкретных людей, возвращаясь от избирательного кодирования в поле к тому же респонденту), а «вширь» (т. е. увеличивать количество рассматриваемых биографических текстов и, следовательно, число авторов). Но стратегия «вширь» имеет как положительную сторону — возможность увидеть больше случаев, так и отрицательную — порой сложно детализировать и теоретически наполнить отдельные категории. Определенную сложность представляет также произвольность, незаданность жизнеописания.

При всей близости автобиографий и биографических сочинений, эти тексты имеют определенные различия, которые стали более заметны при использовании методов обоснованной теории. Эти различия заключаются в структуре содержания. Школьная автобиография представляет собой эссе, воспоминание; текст ее часто фрагментарен. Автор пишет об определенных феноменах, которые часто, если не в большинстве случаев, остаются вне модели парадигмы, т. е. после категоризации феноменов невозможна связка в процессе осевого кодирования (из текста невозможно извлечь каузальные и процессуальные условия, стратегии, следствия). При фантазировании в сочинении «Я через N лет» воображаемое сродни мифу, оно призвано объяснить происходящее и наличествующее бытие. Автор описывает различные сферы будущей жизни (феномены, процессуальные условия), объясняя, с различной степенью подробности, при каких условиях они стали возможны (каузальные условия), так же, как и собственные действия и взаимодействие с другими (стратегии), и то, к чему эта деятельность приведет (следствия). Таким образом, сам жанр — биографическое сочинение — задает необходимые компоненты для описания и анализа.

---

¹² *Траусс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: Обоснованная теория, процедуры и техники. М., 2007.

Основные феномены, которые были рассмотрены с использованием методов обоснованной теории, были работа, материальный достаток и воображаемая семья.

Благополучное окончание вуза, по мнению большинства авторов биографических сочинений, — основное условие получения **работы**. К стати заметить, что все школьники планируют поступить в вуз и получить высшее образование. Во многом это связано с тем, что авторы на момент написания учились в средней школе — то есть в 10–11 классах.

Поступление в вуз является необходимым условием для дальнейшей жизни, в том числе для работы («хорошей», «престижной», «высокооплачиваемой»). В этом авторы придерживаются традиционного взгляда на вещи — материальный достаток и работа являются результатом получения высшего образования, хотя в современном обществе, подчас, материальный успех не зависит от культурного капитала.

С другой стороны, работа рассматривается не только как средство получения материального достатка, но и как определенный институт социализации, который позволяет преодолеть свой нынешний статус, детскость, отождествив себя со взрослыми.

Еще одна инструментальная ценность работы — возможность создать и обеспечивать семью.

Наиболее часто встречающиеся свойства работы — «хорошая», «интересная», «постоянная», «престижная», «высокооплачиваемая».

Смысл работы — это нечто иное, чем ее инструментальная ценность, направленная на получение материального достатка. Основной смысл, который молодые люди видят в работе — принесение пользы другим (как конкретным людям, так и обществу в целом). Основные профессии, которые отвечают этому требованию, — юрист, психолог, врач. Смысл работы, заключающийся в оказании помощи людям, рассматривается как экзистенциальная ценность, определяющая смысл жизни: если есть принесение пользы людям, следовательно, жизнь обретает смысл. Это позволяет не чувствовать себя потерянными, а быть нужным членом общества, дает возможность «оставить след».

В аксиосфере воображаемой жизни школьников работа может иметь и самоцель: построение карьеры. В этом случае происходит конфликт ценностей: работа (карьера) и семья (дети). Наиболее остро эта дилемма проявляется у *девушек*. Когда семья оказывается стоящей выше в иерархии ценностей, то становится возможным появление такого феномена, как «не работаю», который присутствует только в сочинениях девушек.

К основным процессуальным условиям работы можно отнести совмещение ее с учебой, совместная работа супругов. Первый феномен появляется только в сочинениях 2002 года. Основными мотивами начала работы во время учебы в вузе являются получение психологической и материальной независимости от родителей, самоутверждение. Возможность совместной работы с супругом рассматривают только девушки. В этом случае те девушки, которые хотели бы работать вместе с мужем, видят своего супруга стоящим на карьерной лестнице выше себя. Их роль — оказание помощи в работе мужа, они занимают второстепенное место, никогда не ставя себя выше в карьерной иерархии. Мужа рассматривают как опору не только в семейной жизни, но и в общественной.

Материальное благополучие (достаток) рассматривается как следствие будущей работы и носит всегда инструментальную ценность. Потребности, реализацию которых обеспечивает материальный достаток, можно разделить на две группы — материальные и духовные блага. К первым относятся квартира, дача, коттедж, дом, автомобиль; ко вторым — путешествия, образование для собственных детей.

Материальный достаток способствует также решению некоторых социальных и психологических задач: он позволяет достичь состояния независимости от родителей — жить отдельно и быть материально независимым, способствует самоутверждению, как в собственных глазах, так и в глазах окружающих, является одной из главных основ для собственной будущей семьи.

В воображаемой **семье** в качестве основного свойства и его измерения можно рассматривать наличие детей и их количество. По этому критерию выделяются различные типы воображаемой семьи.

Семья как таковая — этот тип воображаемых семейных отношений характеризуется наиболее абстрактным представлением авторов биографических текстов о семье — «хорошая семья», «любимая и любящая». Данный тип семьи присутствует у большинства *юношей*. Молодых людей больше всего заботит внешняя сторона жизни: поступление в вуз, приобретение профессии, начало работы, материальные блага, которые станут возможны благодаря зарплатку, собственные увлечения, карьерный рост. Представления об основных стратегиях совместной семейной жизни достаточно смутные: обеспечение семьи, обустройство дома. Образы детей, как правило, не прорисованы. Очень редко, скорее, это является исключением, когда молодые люди пишут о том, что будут уделять внимание воспитанию собственных детей.

Данный тип семьи редко рассматривается как цель жизни, скорее всего, семья — одна из главных ценностей, но не приоритетная.

Семья с одним ребенком. Этот тип отличается от предыдущего более конкретным представлением о планируемой семейной жизни. Работа здесь также играет немаловажную роль, так как она рассматривается как необходимое средство для получения дохода, обеспечения себя и независимости. Основными требованиями, предъявляемыми к работе, являются принесение ею морального и финансового удовлетворения. Данный тип семьи встречается в сочинениях девушек. В этом типе семьи присутствует тип «мужа-кормильца», основными функциями мужа должно стать обеспечение семьи. Стратегии семейной жизни принципиальным образом не отличаются от тех, которые предполагаются в «идеальной семье» (см. ниже), только они менее прорисованы. К ним относятся загородные поездки и путешествия, культурная практика (посещение театров, музеев и т. д.), встречи с друзьями. Друзья занимают важное место в воображаемой будущей жизни. Скорее всего, это обусловлено трансляцией реальных дружеских отношений на будущую жизнь.

Помимо семейных отношений в жизнеописаниях, где встречается данный тип семьи, авторами обозначается определенная независимость от мужа, семьи и семейных обязанностей: семья уступает место активной общественной деятельности, либо работе, карьерному росту. Несколько иное содержание данный тип семьи имеет в сочинениях 1990-х, здесь у девушек не так проявлено стремление к независимости и семейная жизнь становится главным содержанием жизни на определенном этапе: работа уходит на второй план, на первый помещается семья.

«Идеальная семья», с одной стороны, — название категории *in vivo*, обозначающей супругов и двух детей противоположного пола (причем сын старше сестры); с другой, — данный тип воображаемой семьи, который наиболее распространен в сочинениях девушек.

Основными и необходимыми условиями для создания семьи являются получение профессии, т. е. окончание вуза. Основное ожидание от будущей работы — то, что она должна быть «хорошей». Карьерный рост также планируется до создания семьи. Работа рассматривается как средство, чтобы жить в достатке и обеспечивать семью.

Стратегии взаимодействия с детьми можно разделить условно на две группы: воспитательные и стратегии взаимоотношения. Первые носят более конкретный характер, включая описание воспитательных приемов. В стратегиях взаимоотношения обозначены общие принципы

взаимодействия с детьми и ожидаемого от них отношения. В описаниях будущей жизни можно обнаружить несколько основных стратегий взаимодействия внутри и вовне семьи. Они носят более конкретный характер, чем в «семье с одним ребенком» и круг их несколько шире, к ним относятся: загородные поездки всей семьей, поездки в исторический центр Петербурга, культурная практика, общение с друзьями, совместное проведение времени.

Данный тип воображаемой семьи чаще всего является терминальной или внутренней ценностью¹³.

Бездетная семья как феномен появляется только в жизнеописаниях 2002 года у второй возрастной когорты. В случае бездетной семьи сам брак не исключается, но дети рассматриваются в качестве помехи для собственной жизни: построения карьеры, независимости и т. п.

Если даже автор не планирует создавать собственную семью, то сам жанр биографического повествования вынуждает автора в качестве необходимого компонента жизнеописания ответить на вопрос о семье. Феномен «отсутствие семьи» может иметь два модуса. Семья может отсутствовать из-за того, что о ней не упомянуто в биографических сочинениях, либо вследствие того, что авторы не стремятся к ее построению. При отсутствии семьи, в качестве ее эрзаца, может выступать семья родителей. Наиболее распространенной причиной нежелания семейных уз — боязнь утратить независимость. Описания будущей жизни, где отсутствует упоминание о семье, как правило, наполняются размышлениями о дальнейшей учебе, работе, карьере, увлечениях и проч. Здесь нет принципиальных различий между текстами девушек и юношей.

Работа (карьера), семья, материальный достаток являются основными компонентами воображаемой жизни, описываемой в биографических сочинениях. Разный удельный вес каждого из этих компонентов определяет многообразие типов воображаемой жизни.

Биографические сочинения обладают большим исследовательским потенциалом для изучения таких феноменов, как представления о семье, работе, материальном достатке и их взаимосвязи. Анализируя

---

¹³ «Внутренняя ценность» — понятие моральной философии, особенно активно дискутируемое после работ Дж. Э. Мура (См. *Мур Дж. Э. Природа моральной философии*. М., 1999; *Recent Work on Intrinsic Value* // Ronnow-Rasmussen, Toni; Zimmerman, Michael J. (Eds.). Springer Netherlands. 2005. 425 p.). Внутренней ценностью становится тогда, когда отвечает двум требованиям: ее объект рассматривается как необходимый и достаточный для того, чтобы обладание им могло исключить желание обладать иными объектами, и когда любое другое количество объектов не может заменить данный объект.

биографические сочинения, исследователь имеет дело с зафиксированными на момент написания определенными социальными представлениями. С одной стороны, данные представления сформированы современным российским социокультурным контекстом, с другой — социальные стратегии, по которым планируется устройство собственной будущей жизни.

В качестве продолжения исследования планируется проведение очередного сбора биографических сочинений и автобиографий школьников, что позволит проследить социокультурные изменения и пополнить собрание Биографического фонда.

Н.Н. Цветаева,
tsvetni12@mail.ru

ЛОГИКА ЖИЗНИ И ЛОГИКА ИДЕОЛОГИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Аннотация: В статье представлены некоторые результаты качественного анализа материалов Биографического фонда института. Анализируются особенности биографического дискурса представителей двух поколений советских людей, характеризующие связи между дискурсом повседневной жизни и нормативной идеологической схемой, которая долгие годы господствовала в советском обществе.

Ключевые слова: дискурс повседневной жизни, нормативная идеологическая схема, поколения

В статье представлены некоторые результаты качественного (интерпретативного) анализа материалов Биографического фонда Социологического института РАН (СПб.), в число которых входят автобиографии, биографические интервью, генеалогии, дневники, семейные хроники, а также материалы нескольких тематических биографических конкурсов¹. Фонд был создан в 1989 г., когда качественные методы только начинали практиковаться в нашей социологии. Создание Фонда отвечало необходимости перемен в методах исследования и потребности в новом эмпирическом материале для изучения происходящих в обществе радикальных изменений².

---

¹ Собрание Фонда постоянно пополняется, и сегодня Фонд насчитывает 650 единиц хранения. Подробно о собрании Фонда см.: *Божков О., Дивисенко К.* Электронная база данных Биографического фонда: краткий анализ материалов // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 3 (63).

² О переменных в методологии социального познания и использовании в социологии «человеческих документов» см., например: *Голофаст В.Б.* Ветер перемен в социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 4; *Козлова Н.Н.* Опыт социологического чтения «человеческих документов»,

Сегодня биографические рассказы, свидетельствующие о прожитой человеком жизни, — уже признанный в социологии источник социального знания. Богатый материал этих свидетельств по-разному проблематизируется исследователями и может говорить о многих характеристиках социальной жизни. Формулировка представленной здесь проблемы во многом была обусловлена временем создания Фонда, временем перестройки и острой критики советской идеологии, которая на протяжении десятилетий закрывала все проявления повседневной жизни людей единой сеткой застывших пропагандистских формул. Для понимания начавшихся тогда перемен особый интерес представляла задача открыть «нижние» пласты сознания общества, исследовать, какие привычки сознания и представления людей скрывались под этой сеткой, насколько формулы советской идеологии повлияли на эти привычки и представления и как они воспроизводятся в биографическом дискурсе³.

Непосредственным импульсом так сформулированной проблемы стали противоречия в логике изложения биографических рассказов, присланных в Фонд. Так, например, человек, рассказывающий о жесткости разорения в процессе коллективизации крестьянского хозяйства своей семьи, не только не обвинял эти действия советской власти, а напротив, в каком-то смысле их оправдывал, используя для этого оценочные формулы советской идеологии⁴.

или размышления о значимости методологической рефлексии // Социс. 2000. № 9; *Рустин М.* Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках // Интеракция, интервью, интерпретация. 2002. № 1; *Готлиб А.С.* Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004.

³ Отчасти эта формулировка проблемы была созвучна работам социальных историков (школа «Анналов», альманах «Одиссей», работы А.Я Гуревича), которые говорили о необходимости различать обыденные представления людей, с одной стороны, и нормативные документы эпохи, с другой, и сформулировали проблему изучения истории «снизу», истории повседневной жизни, истории ментальностей. См.: *Гуревич А.Я.* Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 1. М., 1989; *Бессмертный Ю.А.* «Анналы»: Переломный этап? // Одиссей. М., 1991.

⁴ Эти противоречия в логике в изложении биографических рассказов до некоторой степени определили методику исследования. Первым ее шагом был анализ смысловых структур, «фигур логики», которые образуются между описываемыми в рассказе событиями и используемым его автором оценочным дискурсом. Следующим шагом — анализ и упорядочение диапазона и вариативности этих смысловых структур, следов оценивающих и классифицирующих дискурсов, наличествующих в обществе.

Конечно, сохранять лояльность и избегать критики в отношении идеологического порядка, господствовавшего в обществе на протяжении многих десятилетий, было привычным для советского человека и вполне объяснимым явлением. Проблемой представлялось то, что эти противоречия читались в биографических рассказах тех людей, которые в той или иной степени были жертвами этого порядка и лично пострадали от реализации его установок. Кроме того, это были биографические рассказы, написанные в начале 1990-х годов, когда в общественном дискурсе присутствовала острая критика советской идеологии и общество освобождалось от установок и страхов прошлого⁵.

Биографические рассказы бывших крестьян: неумение жить «в пустом доме» и «переход в пролетарскую жизнь»

Исследование причин и «истоков» образования такого рода противоречий началось с биографических рассказов людей, принадлежавших к поколению очевидцев и участников социальных коллизий становления советской власти. В основном это были рассказы городских жителей крестьянского происхождения, переживших травму коллективизации крестьянского хозяйства их семьи, и в мировосприятии этих людей столкнулись традиционная крестьянская культура и идеологические установки нового социального строя. Интерес к биографическим рассказам этих людей был обусловлен также данными демографической статистики, которые говорили о том, что сегодняшний горожанин — сплошь и рядом вчерашний крестьянин и что процесс превращения нашего общества в городское еще не закончен, так как горожане в первом поколении все еще в большинстве⁶. Казалось

⁵ Заметим также, что эти противоречия нельзя было объяснить инфантильностью оценочного сознания, свойственной малообразованным людям, так как они читались и в рассказах людей, получивших высшее образование и, казалось, в силу этого обязанных додумывать и обосновывать свои оценки. Отметим и то, что речь шла не об убеждениях человека, который вполне мог оказаться приверженцем советской идеологии и отстаивать свои убеждения даже вопреки собственному опыту жизни. Однако никакой рациональной логики в объяснении этих противоречий авторы рассказов не обнаруживали, что позволяло говорить о произведенных советской идеологией деформациях в мировосприятии человека, его незащитности перед властью советской идеологической риторики.

⁶ См.: *Вишневский А.Г.* На полпути к городскому обществу // Человек. 1992. № 1.

важным и то, что эти люди (называемые в литературе маргиналами, полукрестьянами-полугорожанами) долгие годы были доминантой социально-культурной динамики советского общества, причем не только в силу масштабности и массовости миграции крестьян в города. На этих людей в большой степени была ориентирована пропагандистская модель советской идеологии, так что мировосприятие этих людей и эта модель развивались как бы параллельно, подстраиваясь друг под друга.

Биографические рассказы этого поколения свидетельствовали, как трудно было крестьянину осуществить *«переход в пролетарскую жизнь»*, изменяя ценностям крестьянской жизни, ее практическому опыту и здравому смыслу. Так, в случае, если крестьянин *«временно»* и *«вынужденно»* работал на фабрике, чтобы поддержать крестьянское хозяйство оставленной в деревне семьи, и перед ним возникала угроза увольнения, если он не разорвет связи с крестьянской жизнью⁷, он изо всех сил пытался сохранить свое «промежуточное» положение — положение крестьянина-рабочего. Но, когда ему все же приходилось стать *«чистокровным пролетарием»*, он руководствовался не новыми (пролетарскими) ценностями, а соображениями здравого смысла — бедственным положением крестьянского хозяйства, которое уже не спасала его работа на фабрике. Вот как это представлено в биографическом рассказе:

«Хозяйство и семья состояли на моем иждивении, ибо хозяйство было очень бедное и кроме того мало было рабочих рук, а посему такое себя не оправдывало. Мне приходилось весь свой заработок расходовать на сельхозналог, страховку и кроме того ежегодно покупать не менее 50 пудов хлеба».

Крестьянское мировосприятие как особый способ мышления и особую культуру очень образно иллюстрирует отрывок из биографического интервью одного из бывших крестьян, который рассказывает о коллективизации в родной деревне и связанных с ней трудностях психологической адаптации крестьян⁸:

---

⁷ В основе угрозы увольнения лежало осуждение советской идеологией рабочего, сохранявшего связи с крестьянской жизнью. Это осуждение базировалось на представлении о превосходстве «чистокровного пролетария» над крестьянином вообще и крестьянином-рабочим, в частности. Свидетельства и иллюстрации этой идеологии можно найти в работе одного из первых исследователей биографий того времени Н.А. Рыбникова. См.: *Рыбников Н.А.* Автобиографии рабочих и их изучение. ГИЗ, 1930.

⁸ Биографическое интервью 1990 г.

«Вот сейчас говорят, — “раскрестьянили народ”. Его не “раскрестьянили”, его просто-напросто убили в 30-ые годы. Ведь как крестьянину было оторвать от себя все: и движимое, и недвижимое, и живое, и мертвое. И остаться не у дел — в пустом доме. Чем жить, как жить, на что надеяться или верить. Ведь каждый дом, каждая семья сама, из своего хозяйства, решала, на что рассчитывать. Обувались, одевались, пили, ели исключительно деревней...»

Эти свойства крестьянского мировосприятия — неумение жить (и мыслить) *«в пустом доме»*, отсутствие навыков отвлеченного мышления, ситуационная связанность сознания⁹ отчетливо читаются в биографических рассказах этого поколения бывших крестьян. Они свидетельствуют, что послереволюционные изменения и слом привычной самодостаточности крестьянской жизни не повлекли за собой существенных перемен в мировосприятии этих людей. Их адаптация к новым культурным кодам происходила не через убеждения, а через житейскую необходимость, необходимость выжить в новых условиях. И они действовали в привычной для них логике крестьянской жизни, опираясь на здравый смысл и осваивая новые смысловые структуры по меркам и законам крестьянского мировосприятия. Можно сказать, что эти люди *«врастали»* в новую идеологию, по характеру мировосприятия в значительной степени оставаясь крестьянами.

Как известно, формирование советского общества не стало продолжением начавшегося задолго до революции и расшатавшего рамки традиционной крестьянской культуры процесса демократизации России, по определению русского философа С.Л. Франка, — влечения крестьянина к самостоятельности и самочинности¹⁰. Новый порядок жизни нарушил эволюцию *«самостоятельности и самочинности»* крестьян, установив жесткий контроль над процессом их адаптации и, тем самым, законсервировав архаические черты их мировосприятия. Как свидетельствуют биографические рассказы этого поколения бывших крестьян, освоение ими нового социального пространства ограничивалось узкими рамками политизированных форм участия в жизни общества. И лишившиеся прежних социальных связей, и не имеющие навыков *«самостоятельности и самочинности»*, они

---

⁹ Этот тип мышления психологи называют практическим, ситуационным, отличая его от теоретического, категориального. См.: *Лурия А.Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.

¹⁰ *Франк Л.С.* По ту сторону «правого» и «левого». Статьи по социальной философии // *Новый мир.* 1990. № 4. С. 205–241.

приняли предложенные формы как данность, как естественное условие выживания. Новые культурные коды как бы наслоились на прежние, по существу мало изменив их. По образному выражению Г.И. Успенского, эти люди перешли из-под «власти земли» под власть «слова», и трудности этого перехода наложили отпечаток на их мировосприятие.

Биографические рассказы этого поколения говорят и еще об одной особенности их мировосприятия. Несмотря на то, что уже сам факт переезда крестьянина в город ставил его в привилегированное (по сравнению с крестьянским) положение, в рассказах ощущается трагическая раздвоенность мировосприятия бывшего крестьянина между его прежней, крестьянской, жизнью и той, которая ее сменила. С одной стороны, человек понимает, что благодаря переезду в город он сумел избежать тяжелой участи крестьянина и обрести привилегии городской жизни: *«Город прельстил чистым хлебом, мясом, колбасой — всем, что твоей душе угодно»*. С другой — высказывает горечь по поводу судьбы крестьянина после коллективизации: *«Вот я так иногда метнусь и в деревню, метнусь и в город, думаю: как же это так? Крестьянин работает и все это производит, а так плохо живет»*.

Трагическая раздвоенность мировосприятия этого поколения бывших крестьян свидетельствует о том, что проникшие в разрушенную крестьянскую культуру формулы новой идеологии так и остаются «невживленными» в ткань их повседневного существования, а здравомыслие и опора на опыт жизни, присущие крестьянской культуре, со временем начинают теряться. В результате идеологические формулы в биографических рассказах этих людей иногда выглядят как своего рода отдельная реальность, по существу не связанная с реалиями их жизни. У жизни оказываются свои язык и логика, а у идеологии — свои, и они почти не пересекаются. И, наконец, в некоторых биографических рассказах эти оторванные от реальной жизни идеологические формулы обретают фетишистские формы, рождая противоречия между логикой жизни и логикой идеологии. Вот как такого рода противоречие представлено в автобиографическом описании тяжелой жизни крестьянской семьи после коллективизации¹¹:

«Пенсии не было нам. Колхозникам не давали пенсию. Льгот тоже не было. Платили большой налог, страховку, заем, самообложение. Выполняли 360 литров молока, 40 килограммов мяса, 50 яиц, шерсть, кожу с поросенка и с овец. Корову подоим и несем на сборный пункт за

---

¹¹ Автор этого биографического текста (1991 г.) бывшая учительница, имеющая высшее образование.

3 километра молоко. Носили я и сестра. За ведро молока дадут литра два обрату (одна сыворотка). Жирность молока запишут маленькую. Вот и носили не 360 литров, а 400 или больше. Держит мама овец, а осенью весь молодняк отдать надо. Часть на выполнение мяса, а другую повезет в Ленинград, чтобы привезти денег на уплату налога и других платежей».

Казалось бы, за этим описанием тяжелой крестьянской жизни в колхозной системе хозяйствования должна последовать какая-то критика этой системы. Но вместо критики автор рассказа благодарит *советскую власть*, не замечая противоречия, в котором высказываемая ею благодарность разбивается ею же приводимыми доводами:

«Вспоминая свою жизнь, благодарю советскую власть, коммунистическую партию, колхоз. Только колхоз спас нашу семью от гибели. Помощи материальной не было, но мама и мы работали там, где могли. Мама на полеводстве работала, а одновременно кормила и доила коров (их было 8 в колхозе), давали ей домой лен трепать ночью. Ходили на работу я и сестра в летний период...».

Наконец, можно отметить и еще одну особенность биографических рассказов этого поколения бывших крестьян. Подробно и даже эмоционально рассказывая о своей крестьянской жизни, они почти ничего не говорят о ценностях личной жизни после переезда в город. Эта часть жизни описывается ими в основном только с точки зрения советской идеологической формулы: «общественное превыше личного». Часто это списки должностей, занимаемых человеком на протяжении его жизни (как это было при поступлении на работу в советское учреждение), а также ссылки на наградные документы и т. п. официально признанные советской идеологией критерии социальной значимости человека. В результате зависимость от идеологически формул советского времени оказывается постоянной образующей биографических рассказов этого поколения и основным способом самоутверждения и самосознания человека.

Биографические рассказы «шестидесятников»: противоречия и умолчания

Сохраняется ли зависимость мировосприятия человека от идеологических формул советской эпохи в биографических рассказах людей, принадлежащих к следующим советским поколениям, и можно ли най-

ти в рассказах следующих поколений какие-то приметы освобождения от этой зависимости?

Ответ на эти вопросы предполагалось найти в рассказах тех, кто откликнулся на приглашение биографического конкурса «Гляжу в себя как зеркало эпохи» (проведенного Фондом в 1994 г.) написать, как в их жизни отразилась такая значимая веха в истории советской общества, как эпоха «оттепели» — 1960-е годы. Девиз конкурса возник на фоне начатых перестройкой либеральных реформ, которые активизировали в обществе интерес к эпохе «оттепели» как времени некоторой либерализации жизни страны после смерти Сталина, уже тогда позволившей человеку критично взглянуть на советскую идеологию и освободиться от некоторых ее мифов и идеологем. И, прежде всего, свидетельств такого освобождения можно было ожидать от участников конкурса, которые, прислав свои биографические рассказы, тем самым признавали значимость этой эпохи¹².

Ориентируясь на позицию, что каждое поколение несет на себе «зримые следы социальных и политических событий своей юности»¹³, от биографического дискурса участников конкурса, посвященного эпохе «оттепели», можно было ожидать характеристик и определений этого времени как времени либерализации жизни страны. Однако анализ биографических рассказов участников конкурса обнаружил, что не для всех них это так и что «зримые следы» их юности образуют два совершенно разных символических пространства, два разных дискурса, в каждом из которых действуют свои символы и метафоры. Один дискурс — литературный язык, язык образованных людей (так были названы участники конкурса с высшим образованием), которые говорили об «оттепели», как правило, используя многие известные из публицистики характеристики этого времени, и определяли это время как эпоху надежд на *освобождение страны и личности*. Другой дискурс — язык малообразованных людей (так условно были названы участники конкурса без высшего образования), которые фактически не выделяли «оттепель» как особую эпоху и не объясняли с этой точки зрения свое участие в конкурсе.

---

¹² Участниками конкурса оказались 93 человека, 44 женщины и 49 мужчин, чаще всего 1930-х годов рождения. Среди участников конкурса оказались люди разных профессий и разного уровня образования (от медсестры и шофера до инженера, врача, начальника стройки), что позволяло надеяться, что мы увидим более широкий диапазон памяти об этом времени, а не только воспоминания тех, кого принято было называть «шестидесятниками», имея в виду их активную публицистическую позицию.

¹³ Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социологические исследования. 1992. № 2.

Различие этих двух дискурсов позволяло предположить, что признаки освобождения мировосприятия человека от формул советской идеологии обнаружатся в биографических рассказах образованных людей. Однако анализ рассказов этой группы участников конкурса показал, что их рефлексия по поводу советской эпохи и «оттепели» имела довольно поверхностный характер. Несмотря на то, что, описывая это время, они, как уже говорилось, воспроизводили многие известные по публицистике того времени метафоры, представляющие «оттепель» как эпоху надежд на освобождение страны и личности, когда *«все вздохнули свободно»* и *«кожей чувствовали духовный рост общества»*, дальше этих метафор они не шли. Редко кто из них говорил о конкретных политических событиях начала «оттепели» (таких, как разоблачение культа личности Сталина, доклад Хрущева и т. п.), т. е. в какой-то мере анализировал сталинский режим. Репрессии и жестокость режима также почти не упоминались, а если и упоминались, то осторожными фразами: *«среди окружающих никто не пострадал при Сталине»*, *«ужасный 1937 год не коснулся нашего семейства»*. Интересно было оценить эту риторику на фоне социологических данных о том, что почти треть семей была напрямую затронута сталинскими репрессиями¹⁴.

Значительные политические события постсталинского периода (такие, как Венгрия 1956 года, Чехословакия 1968 года, преследование диссидентов и т. п.) тоже почти не анализировались. Конечно, в условиях тотального государственного контроля над информацией в советском обществе об этих событиях люди узнавали в основном только из официальных источников, как правило, на партийных производственных собраниях и митингах, и вместе со всеми принимали те оценки, которые предлагала официальная идеология. Сожаление же о своей наивности (*«Я стоял как болван среди всех и верил, верил, верил...»*) или какая-то критика своей слепоты в отношении этой идеологии высказывалась образованными участниками конкурса довольно редко. Надо отметить также, что своеобразным рефреном в их рассказах была фраза: *«мы работали честно»*, которой человек как бы снимал с себя ответственность за все прегрешения советской эпохи и освобождал себя от анализа каких-либо сложных общественных проблем того времени.

Одним из объяснений уклонения от такого анализа принято считать своего рода изначальную ангажированность интеллигенции в советскую идеологию, ее близость к власти. Как известно, получение

---

¹⁴ Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мировой океан, 1993. С. 258.

диплома о высшем образовании открывало дорогу к привилегированному положению в советском обществе и обретению этой близости, тем более, когда оно подкреплялось успешной служебной карьерой и сопутствующим ей вступлением в партию. (Другой вопрос, что поступление в вузы тоже было идеологически «квотировано»). Эту ангажированность можно было прочесть в биографических рассказах, когда человек, даже критикуя советское прошлое, сохранял *«принципиальную верность идее»* или считал, что *«гнусности зависели не от системы, а от негодяев, действовавших от ее имени»* и что *«война оправдывает все негативное, что было сделано до 1953 года»*. Из рассказов выяснялись и другие характеристики этой ангажированности. Например, в некоторых семьях *«все знали об ужасах сталинизма еще до XX съезда»* и это не мешало относиться к Сталину как *«к вождю, без которого страна может пропасть»*. Общим пафосом лояльности к сталинскому режиму и советской системе в целом в нарративах этого типа были суждения: *«жизнь прожита не напрасно»*, *«нужно взять из разрушенного мировоззрения лучшее»*, *«исправить недостатки социализма»*.

В свою очередь малообразованные участники конкурса (напомню, так условно были названы участники конкурса без высшего образования) в своих рассказах в принципе, как уже говорилось, не использовали каких-либо известных по публицистике метафор и описаний «оттепели». И это несмотря на то, что они участвовали в биографическом конкурсе, посвященном воспоминаниям об этом времени. В тех же случаях, когда в их рассказах все же появлялись характеристики этого периода времени, они были конкретными и материальными, и это время предстало как цепь коллизий повседневной жизни, обусловленных реформами Н.С. Хрущева: *«перебои с хлебом»*, *«вместо привычных культур на полях кукуруза»*, *«хозяйки расставались со своими буренками»*. Иными словами, эта эпоха в жизни страны вообще не фиксировалась ими как «оттепель», как смягчение режима и возможность некоторого освобождения страны и личности.

Это нежелание или неумение малообразованных людей обсуждать идеологические проблемы жизни страны и их практическое отношение к жизни принято интерпретировать как результат их низкого положения в обществе, в котором они вынуждены приспосабливаться к своим обстоятельствам и считают себя исключенными из идеологической борьбы. Обратной стороной такого молчаливого приспособления этого слоя людей к навязанным им обстоятельствам исследователи на-

зывают «скрытую ненависть и скрытое оскорбление хозяев»¹⁵. И эта «оборотная сторона» отчетливо читалась в их биографических рассказах, проявляясь как презрительное (иногда даже циничное) отношение ко всему, что связано с идеологическими формулами, и прежде всего как презрительное отношение к власти. Например, к тому же Н.С. Хрущеву, которого часто уничижительно называют *Хрущем*, осуждая его действия: *«Хрущ что-то там опять натворил...»*. Возможно, что это презрительное отношение малообразованных людей к власти и можно назвать их дистанцированием от навязанного им идеологией давления.

И, наконец, несмотря на различие дискурсов образованных и малообразованных участников конкурса в описаниях ими «оттепели», в биографических рассказах как одних, так и других, читались такие же (как у «крестьянского» поколения) противоречия — противоречия между логикой жизни и логикой используемых идеологических формул. В рассказах малообразованных людей противоречия читались, когда они, с одной стороны, описывают свою трудную и полную лишений жизнь (*«жизнь-колотушку»*, как говорит один из них): бедность, отсутствие нормального жилья, несправедливость начальства и т. п., а с другой, оценивают советскую эпоху как время, в котором *«человек чувствовал себя членом одной большой семьи»*, *«все было доступно»*, *«не боялись за завтрашний день»*, *«твердо знали, что государство не оставит»*.

В свою очередь в биографических рассказах образованных людей такие противоречия можно было прочесть, когда *«верность идее социализма»* присутствовала не только у тех из них, которые *«прожили прекрасную жизнь»*, а и у тех, кто, например, столкнулся со страшными реалиями сталинской эпохи (*«где-то кости дяди — 10 лет без права переписки»*), в течение жизни часто преследовались или увольнялись *«по идеологическим соображениям»*, не могли поступить в институт и получить после института нормальное распределение и т. п. В таких случаях было очевидно, что *«верность идее социализма»* оказывается в противоречии с реалиями жизни этих людей и что эти противоречия очень похожи на те, которые читались в рассказах менее образованных «шестидесятников».

Итак, зависимость от формул советской идеологии была очевидной и в биографических рассказах участников конкурса «шестидесят-

---

¹⁵ Руус П. От фермы к офису: уверенность в себе и новый средний класс // Вопросы социологии. М.: Socio-Logos, 1993. № 1/2. С. 141.

ников», несмотря на то, что люди этого поколения формировались в принципиально иной ситуации, нежели поколение очевидцев и участников социальных коллизий становления советской власти.

Вместо заключения

Качественный (интерпретативный) анализ биографических рассказов, «документов жизни», не предполагает подведения специальных итогов. Представленное в аналитическом тексте «насыщенное описание» проблемы, иллюстрирующее «живой» опыт людей, окрашенный эмоциями и переживаниями, не настаивает на единственной интерпретации рассматриваемой проблемы и открывает возможность читателю вступить в диалог и продуцировать собственные гипотезы ее понимания. Важно, однако, подчеркнуть, что проблема, которая здесь представлена — это не только проблема «уходящей натуры» советского общества. Иначе говоря, она не исчерпывается проблемой устойчивости идеологических конструкторов советской эпохи, определявших мировосприятие многих поколений людей. Символическое насилие существует в любом обществе и всегда есть некая норма адекватности индивида культурному порядку этого общества. В этой связи можно вспомнить положения теории дискурса, говорящие о заинтересованности власти в утверждаемых в обществе классификациях и нормах, о «политике нормализации» индивида¹⁶. Другой вопрос, что сегодня меняется характер давления нормативных стандартов. Социальные и культурные различия все больше и больше оказываются под давлением потребительской культуры, которая тоже, как выясняется, носит репрессивный характер, не говоря уже о проблемах, которые описываются как глобализация жизненного мира¹⁷.

---

¹⁶ См.: Ушакин С.А. После модернизма: язык власти или власть языка // *Общественные науки и современность*. 1996. № 5.

¹⁷ Фура В.Н. Глобализация жизненного мира в свете социальной теории // *Общественные науки и современность*. 2000. № 6.

**ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО
НЕРАВЕНСТВА**

Г.В. Еремичева, Е.П. Евдокимова, Н.Р. Корнев,
С.Н. Игнатова, Е.М. Порецкина,
eremag@mail.ru

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА (сравнительный анализ ситуации в России и Беларуси)¹

Аннотация: Статья посвящена исследованию различных проявлений и аспектов социального неравенства (СН) в России и Беларуси, которое было проведено в рамках международного проекта «Социальное неравенство и что оно означает для экономического и демократического развития Европы и ее граждан. Посткоммунистическая Центральная и Восточная Европа в сравнительной перспективе». Исследование СН на макро- и микроуровнях позволило изучить его влияние на экономику России и Белоруссии, на развитие демократических институтов, на социальные проблемы в двух обществах, выделить общие черты и различия в восприятии разнообразных аспектов проявления СН представителями разных социальных групп и отдельными индивидами. Показано, что разные пути реформирования экономики и социально-политической системы двух стран привели к существенным различиям в отношении населения к рынку и демократии, как базовым составляющим посткоммунистической трансформации.

Ключевые слова: социальное неравенство, причины и проявления СН, количественные и качественные методы, фокус-группы, массовый опрос, сравнительный анализ России и Беларуси, уровень и качество жизни, потребительские возможности домохозяйств, отношение к рынку и демократии.

---

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения гранта Комиссии европейских сообществ (EU) “Social Inequality and Why it Matters for the Economic and Democratic Development of Europe and its Citizens: Post-Communist Central and Eastern Europe in Comparative Perspective”. 2006–2008, Contract № 028920, и финансовой поддержке гранта РГНФ «Факторы и последствия социального неравенства в разных типах поселений в трансформирующихся обществах», № 07-03-000538а, 2007–2009 гг.

Социальное неравенство характеризует любое общество, а уровень его развития определяется глубиной и динамикой расслоения населения. В настоящее время оно является мировой социальной проблемой. Социальное неравенство, определяемое современными экономистами как избыточное², становится главным социальным вызовом и может влиять на единство, моральную и общественную целостность государства. Оно становится тормозом социально-экономического прогресса и интеграции различных стран в единое европейское пространство.

Во всех странах уровень социального неравенства обуславливает жизненные возможности людей и их домохозяйств в организации, обеспечении и поддержании привычного стиля и образа жизни. Особенно это очевидно для бедных стран, в которых возможности вертикальной социальной мобильности для представителей отдельных социальных групп крайне ограничены. Это становится источником возрастания социального напряжения, возникновения внутренних и внешних конфликтов.

Исследованию различных проявлений и аспектов социального неравенства в широком европейском контексте в странах бывшего социалистического лагеря посвящен международный проект «Социальное неравенство и что оно означает для экономического и демократического развития Европы и ее граждан. Посткоммунистическая Центральная и Восточная Европа в сравнительной перспективе». Проект был инициирован Комиссией Европейских Сообществ (с координационным центром в Оксфорде). В проекте участвовали научные коллективы, представляющие европейские страны: Болгарию, Чехию, Венгрию, Польшу, Румынию, страны Балтии, Россию, Украину и Беларусь. Среди них государства — члены ЕС, ассоциированные государства и страны, которые с ними сотрудничают (например, Россия, Украина, Беларусь). Подобные проекты уже были реализованы Комиссией ЕС в 1993 и 2000 годах, но Россия и некоторые другие страны тогда не были в них включены. Этот проект является одним из масштабных по числу участников-исполнителей. Он выделяется также и значимостью генерального замысла, отражающего основные принципы современной европейской глобализационной политики, направленной на установление более широкого диалога между европейскими странами³.

---

² Социальное неравенство и публичная политика / Ред. колл.: В.А. Медведев, М.К. Горшков, Ю.А. Красин. М.: Культурная революция, 2007. С. 42–43.

³ Еремичева Г. Социальное неравенство — проблема интегрирующейся Ев-

Это один из первых проектов такого уровня, исполнителями которого являются сотрудники Санкт-Петербургского Социологического института РАН, сектора исследования социальной структуры (бывший сектор изучения проблем городского образа жизни).

Представляемый проект фокусируется на изучении развития посткоммунистических государств Центральной и Восточной Европы, потому что в этих странах идут уникальные социокультурные процессы, связанные со сломом прежней системы социального равновесия и формированием новых общеевропейских взаимоотношений.

Изучение глубоких системных преобразований в государствах Центральной и Восточной Европы, анализ характера, причин и последствий социального неравенства как для населения, так и для стран этого региона обусловило мультиуровневый характер предлагаемого сравнительного исследования. При таком подходе социальное неравенство рассматривается как многоуровневая проблема, имеющая сложную, многогранную природу. Это позволяет представить механизмы изменения социального неравенства в постсоветских обществах, масштабы и значимость его экономических и социальных последствий, изучить эти процессы на уровне индивидуума, домохозяйства и государства одновременно.

Сопряженность макро- и микроуровней исследования в данном проекте обуславливает возможность изучить влияние социального неравенства на экономику страны, развитие его демократических институтов, злободневные проблемы в обществе, восприятие представителями различных социальных групп и отдельными индивидами воздействия «объективных» показателей, характеризующих качество жизни. Комплексный подход к изучению социального неравенства позволяет не только исследовать влияние институтов и социальной политики государств на него в обществе, выявить комбинации макро- и микротрендов, но и одновременно изучить влияние социокультурных факторов, поскольку формы социального неравенства обусловлены всей совокупностью действующих факторов.

В рамках проекта по каждой стране исследуются особенности и специфика социального неравенства, которые можно включать в межстрановые сравнительные исследования. Нашему коллективу предстояло рассмотреть проблемы СН в двух посткоммунистических странах: России и Беларуси.

Социально-экономическая ситуация в России и Беларуси

В своей истории эти страны имели многовековой опыт территориального соседства и десятилетия совместного проживания при социалистическом режиме; после распада СССР они сохранили не только черты сходства, но и приобрели явные различия.

Многое, чем сегодня отличны эти страны, обусловлено, прежде всего, расхождениями в курсе, темпах и масштабах реформирования экономики и переходом к рынку. Так, если Россия на момент опроса приближалась к режиму олигархического капитализма, с коммерциализацией почти всех сфер жизни населения, то в Беларуси этот процесс всячески сдерживался. Белорусская модель государственного капитализма («рыночный социализм») предполагает, что экономика страны почти полностью контролируется государством, допускающим частную собственность и предпринимательство на мелком и среднем уровне⁴.

По размерам ВВП в расчете на душу населения Беларусь занимает первое место в СНГ. По основным показателям уровня жизни белорусское население оказывается более благополучным, чем российское. Различия в средней зарплате и доходах в Беларуси ниже, чем в России, как между регионами, так и между отраслями производства. Значение децильного коэффициента на момент опроса в нашей стране был почти в 3 раза больше, чем в Беларуси. Низкие цены на основные потребительские товары, услуги ЖКХ и общественный транспорт в Беларуси поддерживаются за счет субсидий, также государство поддерживает многие убыточные предприятия. Этим объясняется популярность президента А.Г. Лукашенко среди малоимущего населения и пенсионеров, особенно в сельской глубинке.

После распада СССР между странами сохраняются тесные торговые связи. Россия — один из основных покупателей всех видов белорусской продукции, в том числе грузового транспорта, мебели, холодильников и телевизоров, продуктов сельскохозяйственной и легкой промышленности. В свою очередь, российские предприятия обеспечивают белорусский рынок продукцией черной и цветной металлургии, автобусами, продукцией химической промышленности. Из России в Беларусь поступают по льготным ценам энергоносители и природный газ⁵.

⁴ *Медведев Р.* Белорусский феномен // Советская Россия. 11.03.2006.

⁵ *Шурубович А.* Белоруссия между Россией и ЕС: проблема позиционирования в новой геополитической ситуации // Мир перемен. 2006. № 4 . С. 27–42.

Вместе с тем вполне очевидны и различия в менталитете двух народов. Беларусь гораздо позже, чем Россия, вступила в период урбанизации, что обусловило более медленное укоренение городского образа жизни в массе населения. В период широкомасштабной урбанизации в Беларуси, как и в других республиках страны, были построены крупные промышленные предприятия, глубоко интегрированные в экономику СССР, что не могло не сказаться на состоянии промышленности страны после распада Союза. В обеих странах распад хозяйственных связей привел к падению ВВП, заметному снижению показателей производительности труда, недостаточности загрузки производственных мощностей и росту безработицы. Но пути преодоления кризиса у обеих стран оказались разными. В России происходило быстрое «шоковое» реформирование экономики, характеризующееся обвальным приватизацией промышленности и коммерциализацией всех сфер жизни. В то же время медленное эволюционное вхождение в рыночные отношения позволило Беларуси сохранить промышленный и научно-технический потенциал и избежать резкого обнищания населения.

Повсеместная коммерциализация в России имела много негативных последствий, что не могло не сказаться на отношении населения как к реформаторам, так и к реформам по существу. Основным следствием российских реформ явился избыточный уровень социального неравенства в стране, резкое падение почти всех показателей экономического развития и уровня жизни населения. Такая социальная дифференциация становится тормозом для расширенного воспроизводства человеческого потенциала, который является основным ресурсом развития страны⁶.

Даже такой краткий обзор социально-политической ситуации в обеих странах показывает, что разные модели реформирования приводят к существенным различиям в их социально-политической ситуации, в структуре и динамике основных показателей уровня жизни и, следовательно, социального неравенства. В связи с этим можно предположить, что и представление о различных аспектах социального неравенства у населения обеих стран, как и отношение к рынку и демократии как двум базовым составляющим посткоммунистической трансформации, будет различно.

Одной из целей исследования в российской и белорусской частях проекта являлось изучение социальных, экономических и политиче-

---

⁶ Социальные неравенства и социальная политика в современной России / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2008. С. 13–14.

ских последствий социального неравенства в этих обществах. В ходе реализации проекта планировалось описать процессы формирования неравенства, воспроизводство и изменения его форм и проявлений. Также предполагалось выяснить, как эти трансформации повлияли на образцы социального неравенства, какие новые формы социального неравенства появились, как они взаимодействуют между собой и как воспроизводятся в России и Беларуси.

Объект и методы исследования

Для сбора и анализа эмпирического материала использовался комплексный подход, сочетающий количественный и качественный методы. Объектом исследования с использованием метода фокус-групп во всех обследуемых странах⁷ являлось население крупного города и жители сельской местности.

Население России и Беларуси было обследовано с применением массового анкетного опроса по репрезентативной выборке. Анкета была согласована со всеми странами — участницами проекта. В России было опрошено 2000 человек, в Беларуси 1000 человек.

Метод фокус-групп использовался в широком контексте для выявления спектра проблем социального неравенства в повседневной жизни, и представлениях людей о неравенстве, существующем в политической, экономической и социальной сферах.

С учетом целей и задач проекта тематические блоки сценария фокус-групп включали в себя вопросы, позволяющие участникам обсудить жизненные ситуации, в которых социальное неравенство ощущается особенно остро, и попытаться сформулировать его причины, а также на примерах конкретных проблемных ситуаций рассмотреть роль и значение СН в повседневной жизни. Во время беседы информанты могли выразить свое отношение к прошлому и будущему, как своему или близких им людей, так и страны в целом; сформулировать свое понимание таких нравственных категорий как справедливость, чест-

---

⁷ По решению Комиссии ЕС российские исследователи должны курировать выполнение проекта в Беларуси. Как и в России фокус-группы и массовый опрос были проведены компанией «Той-опинион» при экспертном сопровождении сотрудников СИРАН. В Беларуси руководитель рабочей группы — Г.Н. Соколова, д.ф.н., профессор, зав сектором экономической социологии и социальной демографии Института социологии Национальной академии наук Беларуси.

ность, мораль и т. п.; обсудить вопрос о том, существуют ли условия и возможности для преодоления социального неравенства в обществе и отдельных ситуациях. Для того чтобы конкретизировать высказывания дискуссантов, им было предложено выбрать наиболее типичные для нашего общества различия, являющиеся проявлением социального неравенства, выписанные на отдельные карточки. Из 16 карточек, для дальнейшей дискуссии, необходимо было совместными усилиями членов группы выбрать пять и проранжировать их по степени значимости. В качестве основных индикаторов неравенства были выделены следующие:

1. Различия по полу.
2. Различия по возрасту.
3. Национальные различия.
4. Социально-классовые различия.
5. Региональные различия.
6. Различия между городом и деревней.
7. Различия между столицей и провинцией.
8. Различия в доходах.
9. Различия в уровне образования.
10. Различия в доступности услуг здравоохранения.
11. Различия в личных социальных связях.
12. Различия в карьерных перспективах.
13. Различия в возможности поездок и путешествий.
14. Различия в размерах собственности.
15. Различия в образе жизни.
16. Различия в доступе к власти.

В 2007 г. было проведено 8 фокус-групп. Две в Санкт-Петербурге и две в поселке Ленинградской области Кикерино. В Беларуси, соответственно, — две в Минске и две в селе Большая Ухолода Минской обл. (Борисовский р-н).

Участниками фокус-групп стали жители со средним уровнем дохода — 10–15 тыс. рублей, и низким — до 5 тысяч⁸. Группа насчитывала по 12 человек в каждую сессию, мужчины и женщины в каждой

---

⁸ Постановление № 894 от 24 июля 2006 г «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и для основных социально-демографических групп населения в Петербурге». ПМ на душу населения составлял 3 тысячи 463 рубля; для трудоспособного населения — 3 тысячи 949 рублей 70 копеек; для пенсионеров — 2 тысячи 554 рубля 20 копеек; для детей — 3 тысячи 36 рублей 10 копеек.

возрастной категории от 18–30; 31–45 и 46–65 лет. Информанты выбирались случайным способом с использованием метода скрининга (предпочтителен был метод случайных контактов). Группы были сбалансированы по уровню образования и представляли в основном работающих информантов. Допускалось наличие не более одного студента и/или временно безработного в каждой группе. Фокус-группы имели продолжительность примерно 120–150 минут.

Анализ текстов ФГ проводился методом контент-анализа, с использованием программы MAXqda2.

Результаты фокус-групп (ФГ)

Несмотря на то, что уровень дохода был взят как основной дифференцирующий показатель, он не оказал существенного влияния на восприятие информантами проявлений социального неравенства. Явных различий в восприятии социального неравенства представителями групп, выделенных по данному критерию, не было выявлено. Поэтому анализ текстов всех ФГ проводился без разделения их по уровню дохода.

Как в белорусских, так и российских группах восприятие социального неравенства было во многом сходным. На наш взгляд, это сходство объясняется, в первую очередь, общим советским прошлым и сохраняющимся до сих пор воздействием советской идеологии.

Анализ текстов фокус-групп позволил выделить несколько основных фреймов в представлениях респондентов о социальном неравенстве, в рамках которых разворачивалась дискуссия о различных аспектах социального неравенства в жизни респондентов и населения страны в целом. Перечислим эти фреймы:

- Неравенство в уровне жизни;
- Роль властных структур в создании и воспроизводстве СН;
- Неравенство уровня и качества жизни в городе и селе;
- Значение собственных ресурсов, в том числе личных качеств, в СН;
- Пути смягчения проблем СН;
- СН — необходимый элемент жизни любого общества.

Рассмотрим эту дискуссию более подробно и проиллюстрируем ее основные направления наиболее характерными высказываниями как россиян, так и белорусов.

Наиболее часто упоминаемым оказалось **«Неравенство в уровне жизни»**. Были выделены следующие аспекты: 1) Нехватка средств для

удовлетворения основных потребностей, в том числе на образование и лечение. 2) Нехватка средств на покупку и содержание жилья. 3) Недостойно низкая оплата труда.

В качестве основной причины СН было выделено различие по доходам, под которым наши респонденты понимали разнообразные финансовые выплаты, получаемые семьей, в первую очередь зарплата, пенсия, пособия на детей, доходы от собственного дела.

Следующие цитаты иллюстрируют это достаточно наглядно.

Иван (м., 23): Инфляция. Цены растут, а зарплата не растет. Потребительские товары становится трудней купить. ФГ: низкий доход, город, Россия.

Екатерина (ж., 45): Вот по поводу медицины. Если ты имеешь деньги, ты можешь лечиться более качественно. Сейчас наука обладает знаниями во многих областях. Но очень многим это лечение просто недоступно. По финансовым соображениям. Вот мы столкнулись, к сожалению, у меня сын болеет тяжело, нужны дорогие лекарства. И мама-пенсионерка. Больницы жуткие. Если там оказываешься, то просто страшно. Все только за деньги. ФГ: низкий доход, город, Россия.

Татьяна (ж., 37): В образовательной сфере очень проявляется неравенство. Очень много сейчас талантливых детей, которые не могут получить высшее образование, потому что родители не могут его оплатить. В то время как дети со средними способностями заканчивают вуз, потому что родители имеют средства. ФГ: средний доход, город, Беларусь.

Александр-2 (м., 33): Растет разница между богатыми и бедными. Раньше такой пропасти не ощущалось, был шанс накопить и построить квартиру. А сейчас этот шанс близок к нулю: да, дают кредиты, но это надо тогда на хлебе и молоке сидеть несколько лет. Ничего не покупая для себя из вещей. Пропасть растет постоянно. ФГ: средний доход, город, Беларусь.

Наиболее дискуссионной оказалась тема **«Роль властных структур в создании и воспроизводстве СН»**, в которой активно обсуждалась: коррумпированность представителей власти и нежелание их вникать в проблемы малоимущих; неэффективность социальной политики как на уровне государства, так и местном уровне. Следствие этого — недоверие к

действиям власти, отсутствие обратной связи и доступа к представителям властных структур, тотальное нарушение законодательства, наиболее болезненно проявляющееся в сфере занятости. Приведенные высказывания в полной мере иллюстрируют степень социального напряжения.

Андрей (м., 41): Нет, первое — это коррупция... Во власти коррупция. Валерий (м., 59): Коррупция сверху донизу. ФГ: низкий доход, город, Россия.

Николай (м., 53): во всех сферах. У нас слабое законодательство, из-за этого и социальное неравенство возникает. Пока не будет жесткой исполнительной власти... Анатолий (м., 47): опять же, правильно Николай сказал, у нас нет четкого исполнения законов, и законодательство не отрегулировано. И социальное неравенство по этому поводу и происходит, в принципе, поэтому оно было и будет. У кого власть и деньги, тот вполне достаточен. ФГ: средний доход, село, Россия.

Владимир-2 (м., 44): Вот как пошла эта перестройка, то большинство, кто был у власти, так там и остались. Кто имел доступ к материальным ресурсам, тот стал богатым. А простые работяги так и остались простыми работягами. Расслоение общества получилось такое, что кто был богатый, тот стал еще богаче. И все богатеет и богатеет. Кто не мог купить квартиру, тот и не купил. А кто мог — тот купил и две, и три. Сейчас цена поднялась, он стал еще богаче. Тут произошел нетрудовой доход, очень сильное расслоение. ФГ: средний доход, город, Беларусь.

Анастасия (ж., 22): Меня волнует, что не устроиться на работу без каких-то связей или без большого стажа работы. ФГ: низкий доход, город, Россия.

Иван (м., 23) У нас сплошное неравенство везде. Кто ближе к власти — тому все карты. Даже если взять ту же работу — без блага не устроишься на нормальную работу, где нормальные деньги платят. Если ты не знаешь какого-нибудь депутата, то ты никуда не устроишься. ФГ: средний доход, село, Беларусь.

Следующий фрейм — **«Неравенство уровня и качества жизни в городе и селе»**. Эти аспекты СН наиболее болезненны для жителей

сельских поселений в обеих странах. Дискриминация сельских жителей по сравнению с горожанами проявляется в доступе к рынку труда, медицинской помощи, возможности получения качественного образования и обуславливается неразвитостью социальной инфраструктуры. В целом, проживание в провинции (селе) создает для живущих там двойное неравенство, то есть все многочисленные проявления СН усугубляются местом проживания. Вполне естественно, что эта ситуация воспринимается населением как абсолютно несправедливая, так как происходит нарушение элементарных прав гражданина, закрепленных в Конституции.

Ольга (ж., 28): Отсутствие конкуренции на рынке труда. То есть, если есть всего один работодатель, то зачем ему платить больше, если уже больше ты никуда не пойдешь? Я даю работу, и я устанавливаю тот доход, какой я хочу. ФГ: средний доход, село, Россия.

Николай (м., 53): А почему уезжают из деревни в город? У нас здесь никто не остается, у нас здесь просто нечего делать. Благополучие. Ольга (ж., 37): отсутствие инфраструктуры. <...> Николай (м., 53): грубо говоря, перспективы городские и наши. Почему у нас тут молодежь и не рожают, как в городе? А зачем рожать? Жилья нет, зарплаты нет, работы нет. ФГ: средний доход, село, Россия.

Светлана (ж., 39): Мне кажется, что государство само придумало это социальное неравенство. Потому что город и деревню разделили. Для города все — там и горячая вода постоянно, каждый день, а мы ее не видим. У меня квартира благоустроенная, но ни горячей воды, ни отопления нормального. Ничего нет. А за квартиру я плачу нормально. ФГ: средний доход, село, Беларусь.

Елена (ж., 31): Это принципиально не может сравниться. В городе и деревне. Виктор (м., 50): Причина в распределении государственных средств между городом и деревней. Естественно, что приоритет отдается столице. ФГ: средний доход, город, Беларусь.

Интересным оказалось и то, что для жителей Минска проблемы сельских жителей более актуальны, чем для петербуржцев. Это объясняется тем, что минчане сохранили более тесные связи с жителями сельских районов.

Активно обсуждалось и **«Значение собственных ресурсов, в том числе личных качеств индивидов»** в преодолении СН. Среди таких ресурсов респонденты упоминали: происхождение и социализацию респондентов; образование и профессиональную квалификацию; связи, финансовую и семейную поддержку; необходимые навыки и умения для успешной деятельности; общий уровень культуры, — которые обусловили социальный статус респондента и успех в реализации его жизненных планов.

Екатерина (ж., 18): Я тоже думаю так. Родился человек в бедной семье, в однокомнатной квартире — и только единицы могут подняться. Может, шоу-бизнесмены. И то вряд ли. Только единицы. Что они смогут нормально развиваться, повысить свою ступень? А так, если родился в бедной семье, так и будешь сидеть в этой квартире. ФГ: средний доход, город, Россия.

Виктор (м., 50) Связи, клановость. То есть, о чем мы уже говорили. Лесенка что ли такая. Плюс финансовые возможности конкретно человека. Плюс очень сильные личные амбиции. Есть люди, которые настолько в силу своей внутренней структуры. Это очень серьезный фактор... ФГ: средний доход, город, Беларусь.

Важной темой была и **«Пути смягчения проблем СН»**. Здесь дискуссия актуализировалась на двух основных уровнях. На уровне государства она включала обсуждение изменений законодательной базы с созданием равных условий для всех.

Татьяна-2 (ж., 47): Если бы сделать так, чтобы правительственные структуры и наши власти — их благосостояние зависело от нижнего! Тогда вот — может быть, может, они были бы заинтересованы, чтобы нижнее звено жило получше. Но без законодательства тут не обойтись. И, как Нина говорила, они должны отчитываться за проделанную работу. ФГ: низкий доход, село, Россия.

Татьяна (ж., 36): Дать свободу для развития среднего класса. <...>. Юрий (м., 41): Можно еще увеличить тиски эти, а можно все либерализовать. Свободу дать. Пусть они хапают миллионы, но и средний класс поднимется. И все будет замечательно. ФГ: низкий доход, город, Беларусь.

Татьяна (ж., 36): Поскольку мы граждане своего государства, мы должны беребить своих депутатов. <...> Вот они как раз и должны наши интересы защищать, чтобы мы могли развиваться как средний класс. ФГ: низкий доход, город, Беларусь.

На уровне индивида — для представителей обеих стран оказалась характерной ориентация на собственные силы и увеличение своих трудовых затрат.

Наталья-1 (ж., 46): Зачем — я верю только в себя, человек должен сам менять свою жизнь. Под лежащий камень вода не течет, человек должен сам двигаться, находить свои жизненные пути. ФГ: низкий доход, город, Беларусь.

Андрей (м., 41): <...> мне еще мои родители сказали: не жди помощи ни от государства, ни от депутатов, ни от кого. До тех пор, пока ты сам себе не скажешь, что ты президент, и каждый это не скажет и не будет проблемы свои решать сам, у нас все так и останется. ФГ: низкий доход, город, Россия.

Алексей (м., 58): Прекратить врать, обманывать друг друга. И прекратить жить одному за счет другого. Если это произойдет, то появится равенство. Появятся равные возможности и равные финансы. И все будут жить прекрасно... <...> А политическая система у нас хорошая, президентское управление. Только исполнение должно быть нормальное, исполнение своих обязанностей. И ничего менять политически не надо. ФГ: низкий доход, село, Беларусь.

Это отчетливо видно по высказываниям как россиян, так и белорусов.

В отличие от россиян, для белорусов более распространенной оказалась точка зрения об ответственности государства за обеспечение равенства перед законом всех граждан.

Ирина (ж., 52): Ты министр или не министр, или инженер, или рабочий, но к тебе закон подходил одинаково, то может, и уровень нашей жизни был нормальный — по нашим трудовым затратам. ФГ: средний доход, город, Беларусь.

Елена (ж., 31): Задача государства обеспечить достойную жизнь не только человеку, который хочет заниматься бизнесом, он активный, он видит себя в этой сфере, но и простому человеку, который лишен этих качеств, однако хочет иметь полноценную семью и нормальные условия бытовые. <...> Вот в этом задача общества — любому человеку обеспечить достойную жизнь. ФГ: средний доход, город, Беларусь.

Общим для большинства респондентов оказалось мнение о том, что «СН — **необходимый элемент жизни любого общества**». Оно естественно и необходимо для любого государства и часто является стимулом его успешного развития. Но уровень СН не должен быть чрезмерным, избыточным. Неравенство должно быть справедливым, т. е. соответствовать «объективной оценке труда».

Дмитрий (м., 24): <...> Сам механизм неравенства, что не равны люди — это живительный механизм для социума. Он оживляет, дает импульс к развитию науки и технологии. К чему-то стремиться. Все равно здесь в основании лежит какой-то эгоистический импульс. Вот что важно. И пример для других людей. Если я так сделал, значит, вы тоже так можете. ФГ: средний доход, город, Россия.

Леонид (м., 23): Очень важно, чем это неравенство подкреплено. Если не произволом, а какими-то объективными факторами, тогда это неравенство вполне оправданно и уместно, без него никак не обойтись. ФГ: средний доход, город, Россия.

Татьяна (ж., 36): Я считаю, что социальное неравенство — это нормальное явление. В любом государстве. Не все люди одинаковые, и это нормально. ФГ: низкий доход, город, Беларусь.

Александр-2 (м., 33): До определенной степени (СН) может быть полезным. Елена (ж., 31): Когда люди поставлены в равные начальные условия, то оно может быть полезным. А если это неравенство вынужденное, человек неспособен с ним справиться, то это только вред. ФГ: средний доход, город, Беларусь.

Таким образом, анализ текстов фокус-групп продемонстрировал сходство в восприятии социального неравенства в России и Беларуси практически по всем параметрам.

Социальное неравенство в России и Беларуси по результатам массового опроса

Анализ результатов массового опроса преимущественно основывался на сравнении данных по России и Беларуси. Но для определения их специфики применительно к проблемам социального неравенства привлекались данные массового опроса по всем 13 странам-участницам проекта.

Результаты массового опроса показывают, что общие черты и различия ситуации в России и Беларуси отражаются в сознании населения (см. рис. 1).

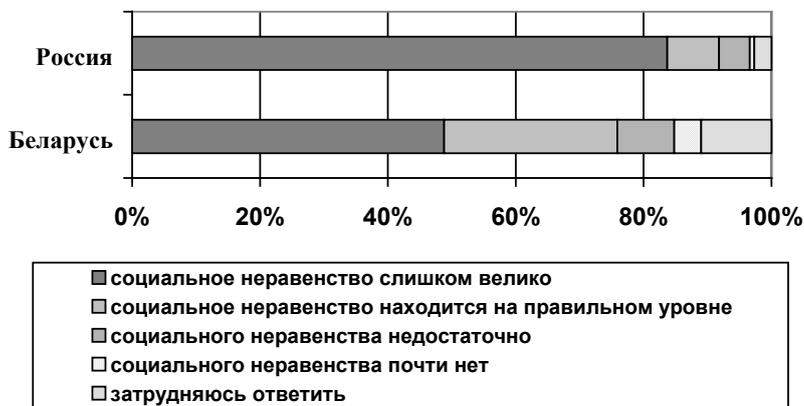

Рис. 1. Оценка степени социального неравенства в России и Беларуси

Как видно из диаграммы, в России значительно выше доля тех, кто считает, что социальное неравенство в стране слишком велико (более 80% опрошенных россиян и около 50% опрошенных жителей Беларуси). Это соответствует реальным различиям по уровню неравенства между Россией и Беларусью, отражаемому в объективных статистических показателях.

Социальное неравенство по-разному воспринимается в разных социальных группах. В качестве показателя различий мы используем долю респондентов в каждой группе, считающих, что социальное неравенство в стране слишком велико.

На следующей диаграмме (рис. 2) представлена доля оценивающих социальное неравенство как слишком высокое в группах, различающихся по уровню благосостояния их домохозяйств.

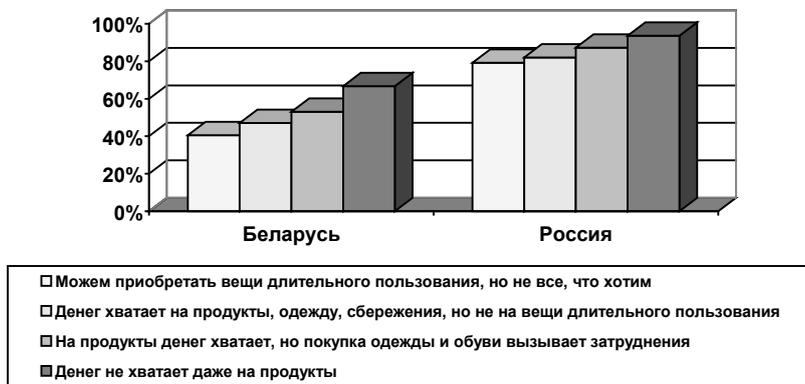

Рис. 2. Доля оценивающих социальное неравенство как слишком высокое в зависимости от материального положения семьи

Как видно на диаграмме, чем хуже положение семьи, тем острее оценивается социальное неравенство (т. е. выше доля тех, кто считает, что оно слишком велико). Так, в Беларуси 2/3 семей, которым недостаточно средств даже на продукты, считают социальное неравенство слишком большим (в России считают социальное неравенство слишком большим более 90% таких семей). Если же семья может себе позволить покупку вещей длительного пользования, доля оценивающих неравенство как слишком большое уменьшается — в России до 80%, в Беларуси — до 40%.

Причем сопоставление с другими странами-участниками проекта показывает, что такое распределение характерно для России и Беларуси (и ряда других стран). В то же время, есть страны (например, Украина или Молдова), где такой четкой зависимости не наблюдается.

Рассмотрим влияние демографических факторов. Такие факторы, как пол и образование, практически не оказали влияния на оценку социального неравенства, что наглядно видно на диаграммах (рис. 3, 4).

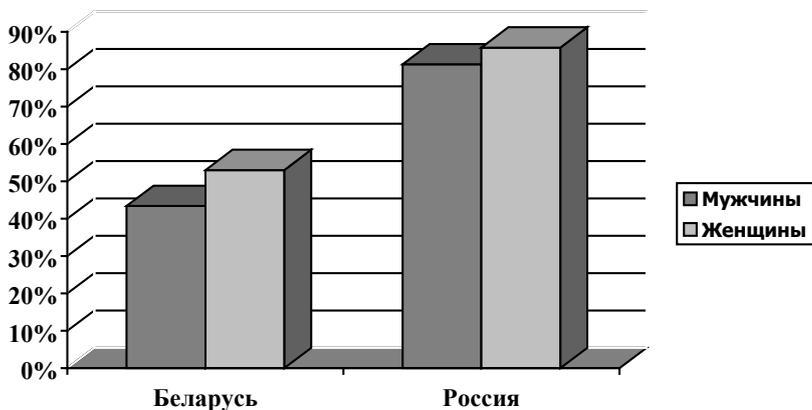

Рис. 3. Доля оценивающих социальное неравенство как слишком высокое в зависимости от пола

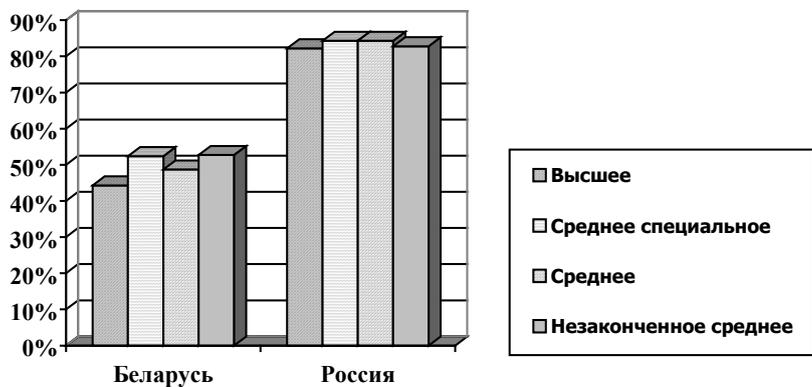

Рис. 4. Доля оценивающих социальное неравенство как слишком высокое в зависимости от образования

Как видно из диаграммы на рисунке 3, социальное неравенство острее оценивается женщинами, чем мужчинами, но различие между ними не очень значительно. В различных образовательных группах доля оценивающих неравенство как слишком высокое практически не отличается.

Значимым фактором восприятия социального неравенства оказывается возраст — показатель, характеризующий исторический контекст социализации индивида.

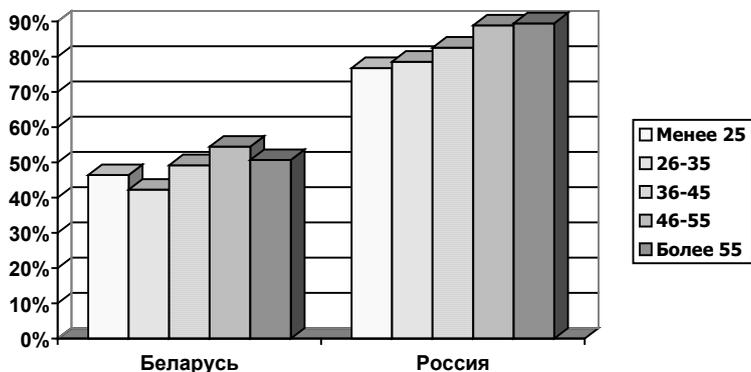

Рис. 5. Доля оценивающих социальное неравенство как слишком высокое в зависимости от возраста

При этом на диаграмме (рис. 5) видно, что если в России влияние возраста можно считать пропорциональным, то в Беларуси зависимость более сложная. Причина этого становится понятной, если обратиться к следующей диаграмме — зависимости от положения на рынке труда.

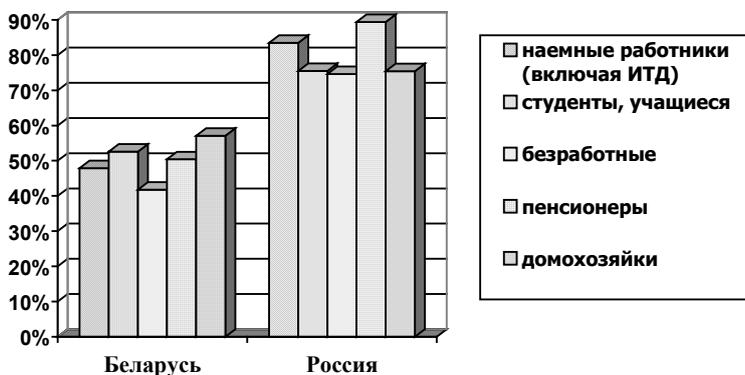

Рис. 6. Доля оценивающих социальное неравенство как слишком высокое в зависимости от положения на рынке труда

Как видно из диаграммы (рис. 6), в России острее всего воспринимают ситуацию пенсионеры. Другие же неработающие группы населения (студенты, домохозяйки, безработные) относительно более толерантны к социальному неравенству в обществе.

В Беларуси как раз пенсионеры оказываются одной из наиболее толерантных групп неработающего населения, а острее остальных чувствуют социальное неравенство студенты и домохозяйки. По всей видимости, это связано с особенностями социальной политики в этих странах. В Беларуси на момент опроса была сильно ограничена возможность дополнительных заработков, что, в первую очередь, сказывалось на молодежи, а в России существующая пенсионная политика делала пенсионеров наиболее незащищенной группой.

Возвращаясь к влиянию возраста, можно сказать, что в России возраст и положение в сфере занятости действуют на восприятие социального неравенства однонаправлено — старшие возрастные группы оказываются более социально уязвимыми и, соответственно, более чувствительными к социальному неравенству. В Беларуси же эти факторы действуют в разном направлении, создавая более сложную картину.

Как было отмечено выше, в России считают, что «социальное неравенство слишком велико» 83,8% участников анкетного опроса, в Беларуси — 48,8%. Лишь в двух из 13 стран (кроме Беларуси — в Румынии) этот показатель ниже 50%. Россия же среди 13 стран лидирует по малочисленности считающих уровень социального неравенства «правильным» (8,1%). Еще более остро в обеих странах воспринимают и оценивают различия по доходам, которые «слишком велики» по мнению 92% респондентов в России и 63,2% — в Беларуси. В опросе измерено также неравенство по имущественному положению. В России считают, что различия в нем «слишком велики», 80,1%, в Беларуси — 65,4%. И здесь, как и в оценке СН, Беларусь снова оказывается среди 13 стран одной из двух самых благополучных, с наименьшей актуализацией неравенства в общественном сознании. Таким образом, Россию и Беларусь в пространстве посткоммунистических стран Европы можно рассматривать как случаи реализации полярных ситуаций — неравенства и равенства, соответственно.

Уровень жизни домохозяйств и неравенство в этом измерении в опросе оценивали по потребительским возможностям, с выделением пяти градаций. При этом на полюсе бедности (первая из пяти градаций)

оказываются домохозяйства, которым денег не хватает даже на продукты. На другом полюсе (пятая градация) те, кто по деньгам «может себе позволить всё или почти всё». Структура населения России и Беларуси, представленного участниками опроса, в данном измерении оказалась довольно близкой.

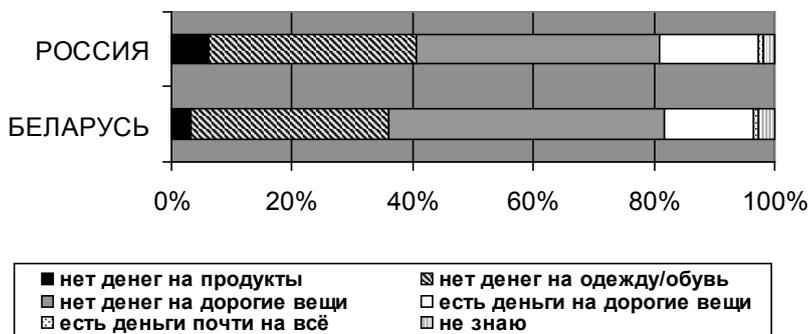

Рис. 7. Распределение домохозяйств в России и Беларуси по финансовым/потребительским возможностям

Из диаграммы (рис. 7) видно, что в России доля домохозяйств на двух нижних уровнях потребительских возможностей, т. е. доля бедных, несколько выше, чем в Белоруссии (в России их суммарно 40,5%, в Беларуси — 35,9%). Максимальное различие между странами (составляющее всего 5,5%) — в группе домохозяйств, которым денег хватает на еду, покупку одежды и обуви, но не хватает на приобретение товаров длительного пользования.

По этим показателям Беларусь и Россия занимают 8-ю и 9-ю позицию соответственно среди 13 стран участниц проекта (рис. 8), при их ранжировании в порядке возрастания доли бедных домохозяйств, испытывающих недостаток средств на приобретение продуктов питания и/или одежды и обуви.

Удивительно, что это простое одномерное ранжирование стран по доле бедных домохозяйств расположило страны в порядке, который можно оценить как неслучайный (по уровню вероятности) и связать с их географическим расположением. За четырьмя странами Восточной Европы (Чехия, Словакия, Венгрия и Польша), где уровень бедности относительно невысок, следуют три балтийских стра-

ны (Эстония, Литва, Латвия). Далее — Белоруссия и Россия, а группу из четырех стран с наиболее высоким уровнем бедности составили страны-соседи по побережью Черного моря (Болгария, Румыния, Молдавия, Украина). В рамках данной статьи мы не будем пытаться объяснить такой «географический градиент бедности», измеряемой по странам, но не заметить его нельзя.

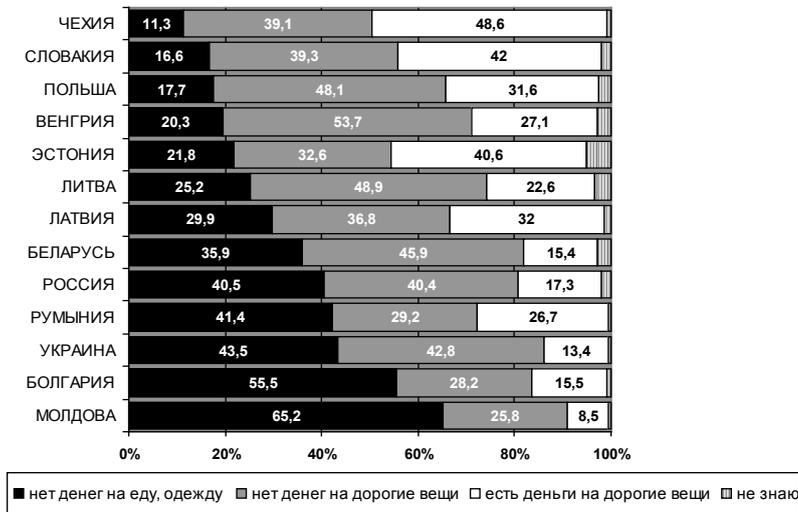

Рис. 8. Страны проекта EUREQUAL: доля (в %) домохозяйств в 3 укрупненных группах финансовых/потребительских возможностей⁹

Продолжая сравнение России и Беларуси, рассмотрим представления участников опросов в обеих странах (рис. 9) о том, какие

⁹ Пятиуровневая шкала финансовых/потребительских возможностей домохозяйств вопроса L7c анкеты на диаграмме преобразована в трехуровневую: объединены 2 группы, где денег не хватает на продукты (гр. 1) и на одежду/обувь (гр. 2), а также 2 наиболее состоятельные группы, где могут «без труда приобретать вещи длительного пользования (телевизор, холодильник)» (гр. 4) и где могут «позволить себе все или почти все» (гр. 5). Гр.3 домохозяйств, где «денег хватает на продукты и одежду, есть некоторые сбережения», но «покупка вещей длительного пользования является проблемой», одна и та же в исходной и укрупненной шкалах.

их действия могли бы повысить их уровень жизни¹⁰. Почти половина опрошенных на момент опроса не думали что-либо менять, «продолжая делать то же, что делали» (49,7% в России и 43,3% в Беларуси). К сожалению, в этих двух странах, в отличие от всех других, в анкете отсутствовал возможный ответ «не вижу путей повышения уровня жизни», и мотивация указанных выше ответов, по-видимому, оказалась смешанной — невозможность и нежелание что-либо менять.

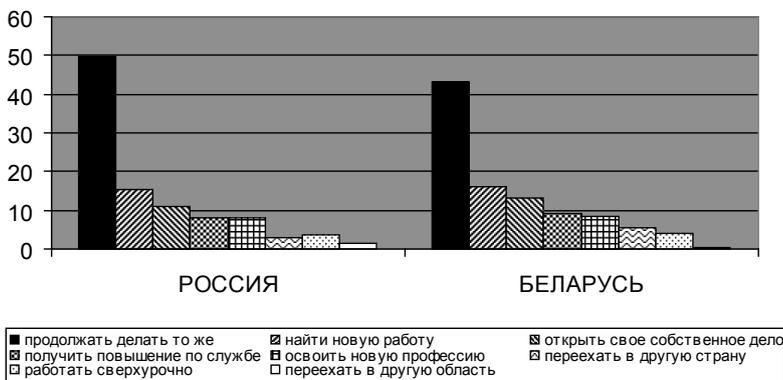

Рис. 9. Оценки способов повышения уровня жизни в России и Беларуси

У тех же, кто видел возможность повышения своего уровня жизни, структура выборов действия была в двух странах сходной. Наиболее частым было намерение найти новую работу (16% в Беларуси и 15,3% в России), следующим по частоте было «открыть свое собственное дело» (13,3% и 10,8%, соответственно), и далее другие, менее частые варианты.

Высокое сходство между Россией и Беларусью обнаружилось также при анализе факторов, определяющих возможность добиться успеха в жизни.

Наиболее важным фактором в обеих странах считалось «знакомство с нужными людьми» (на рисунке даны значения суммы ответов «необходимо», «очень важно» и «довольно важно»), на втором месте (лишь немного уступив первому) оказались «высокие притязания». «Усердно работать» — в России оказалось на третьем месте, а в Беларуси — на четвертом, следом за «врожденными способностями». Из шести факто-

¹⁰ Формулировка вопроса в анкете (L8): «Что из предложенного на карточке, по Вашему мнению, наиболее вероятно могло бы повысить Ваш уровень жизни?». Требуется выбрать один ответ из 8. На диаграмме представлены частоты указания каждого из вариантов ответа.

ров, степень значимости которых приведены на рис. 10, три связаны с индивидуальной активностью человека и три являются аскриптивными характеристиками индивидов (способности, происхождение, возраст). Видно, что в обеих странах факторам индивидуальной активности отводится ведущая роль в достижении успеха.

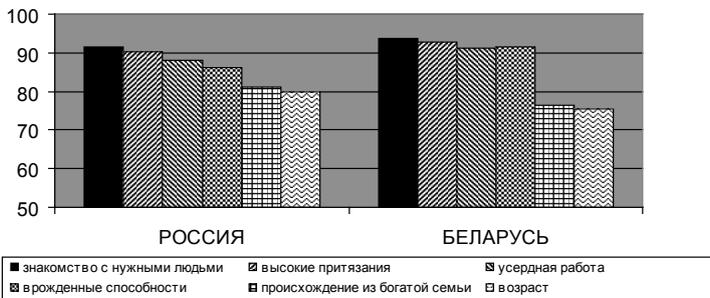

Рис. 10. Факторы, позволяющие «добиться успеха в жизни» в России и Беларуси¹¹

Одним из важных интегральных показателей различия ситуаций в России и Беларуси, выявленных опросом, является доля оценивающих деятельность правительства страны как направленной «на благо большинства населения» (рис. 11). Если в России большинство (54,6%) с такой оценкой не согласен (согласны 29,9%), то в Беларуси соотношение позиций оказывается обратным: согласных — 58,6%, не согласных — 36,9%.

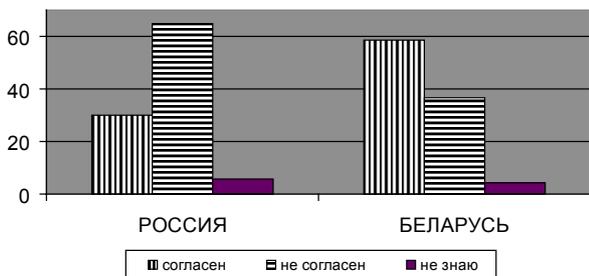

Рис. 11. Распределение позиций респондентов в России и Беларуси при оценке утверждения: «Правительство действует на благо большинства населения»¹²

¹¹ На диаграмме представлены 6 из 13 названных в анкете факторов (вопрос G1), оцененных наибольшим числом респондентов как важные (по сумме оценок фактора: «необходимо», «очень важно», «довольно важно»).

¹² Вопрос анкеты: В1а. На диаграмме четырехпозиционная шкала согласия сведена к двум позициям (согласен/не согласен).

По уровню позитивной оценки деятельности правительства Беларуси находится на первом месте среди 13 стран проекта, а Россия — на 9-м. Такая оценка объясняется действием целого ряда факторов. Ниже мы представим лишь один фактор из проявившихся в этой оценке.

Тяжелая социальная патология большинства современных государств — коррупция. Ситуация, как показали фокус-группы, далека от благополучия в обеих странах, но количественную меру остроты проблемы коррупции дал лишь массовый, анкетный опрос.

Ее считают важным явлением две трети населения в обеих странах, но уровень коррупции по оценкам респондентов в Беларуси значительно ниже, чем в России.

При оценке степени включенности в коррупцию государственных служащих (рис. 12)¹³ на том ее уровне, с которым многие респонденты могут быть знакомы непосредственно, в России воспользовались оценками двух высших уровней: «почти все» — 34,0% и «большинство» — 34,7%, тогда как в Беларуси, соответственно, 13,5% и 26,1% респондентов. Самая частая оценка в Беларуси относится к третьему уровню шкалы — коррумпированы «некоторые» госслужащие (43,0%). В России эту оценку называли в два раза реже (21,8%). Еще более выраженными оказались различия ситуации в обеих странах при оценке коррупции среди политиков (распространенность взяток и т. п.). В России 50,2% дали максимальную оценку — «очень широко», и лишь 13,9% воспользовались ею в Беларуси. Очевидно, за этими цифрами — существенные различия в отношениях населения и представителей власти всех ее ветвей и уровней в России и Беларуси.

Рис. 12. Оценки распространенности коррупции в России и Беларуси

¹³ В анкете распространенность коррупции в стране («например, взятки») оценивается 2 вопросами — среди политиков (B2a) и среди государственных служащих (B2b) — «коммунальных служб, милиции, ГИБДД и пр.» В обоих случаях использована четырехпозиционная шкала, но с разными закрытиями (см. рис. 7).

Разные модели реформирования экономики обеих стран привели к существенным различиям в развитии всех форм неравенства. Беларусь значительно меньше, чем Россия, продвинулась в рыночную экономику. Поэтому там не произошло столь же резкого имущественного расслоения, как в России, а идеальные представления о благах рыночной экономики не подверглись разрушительному воздействию реалий социально-агрессивного капитализма периода его становления. Это видно (рис. 13) при сравнении данных анкетного опроса об отношении населения России и Беларуси к рыночной экономике как идеальному способу организации/управления, с одной стороны, и к его реальному воплощению — с другой.

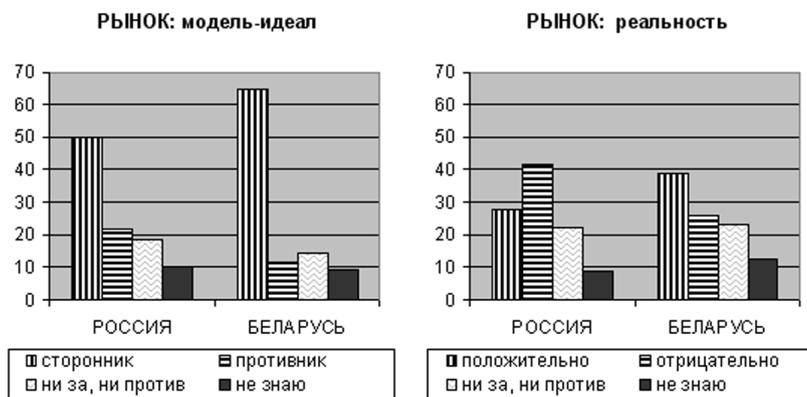

Рис. 13. Отношение в России и Беларуси к рыночной экономике как идеальной модели и к ее реальным российской и белорусской версиям

Видно, что число сторонников рыночной экономики как идеальной модели в обеих странах превышает число ее противников, примерно вдвое — в России и в пять раз — в Беларуси. Однако, если в Беларуси у реальной модели рынка сторонников все еще больше, чем противников (38,7% и 25,7%), то в России противников реального рынка «по-российски» — 41,7%, существенно больше, чем его сторонников (27,6%).

Аналогичное объяснение применимо, по-видимому, к данным об отношении населения обеих стран к демократии (рис. 14) как идеальному способу управления обществом, жизнью страны, и к его реальному воплощению.

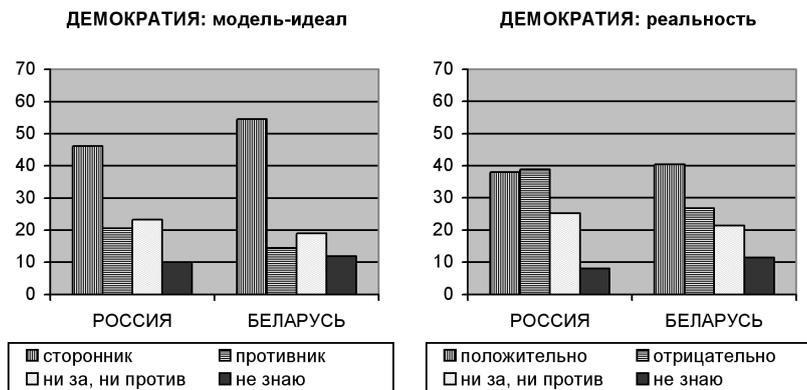

Рис. 14. Отношение в России и Беларуси к демократии как идеальной модели и к ее реальным российской и белорусской версиям

Поддержка демократии в Беларуси выше, чем в России, хотя в обеих странах большинство считает демократию благоприятствующей скорее богатым, чем бедным (это мнение 32,0% респондентов в Беларуси и 48,5% в России). При этом 48,2% респондентов в Беларуси и 37,9% в России считают, что «демократия — хороший способ решения социальных конфликтов». Отметим, что рассматривая как плюсы, так и минусы демократии, жители Беларуси с ее более резким авторитаризмом оказываются оптимистичнее россиян. Однако именно жители Беларуси лидируют среди 13 стран проекта по доле не имеющих определенной позиции по вопросам о демократии¹⁴, оказываясь по этому показателю сходными с россиянами, многие из которых также до сих пор имеют о демократии смутное представление.

Таким образом, результаты анализа как качественного, так и количественного эмпирического материала позволили показать, что разные пути реформирования экономики и социально-политической системы двух стран привели к существенным различиям в отношении населения к рынку и демократии как базовым составляющим

¹⁴ В Беларуси (а за ней в Молдавии и России) наибольшая доля респондентов на вопросы А3а и А3б о плюсах и минусах демократии дали ответ «не знаю» или «как согласен, так и не согласен». Особенно показательна самая высокая среди 13 стран доля ответивших в Беларуси на эти два вопроса: «не знаю» — 13,7% и 15,1%. Для сравнения: в Чехии таких 4,8% и 1,8%, в Словакии — 2,6% и 2,2%, в Польше — 3,9% и 3,7%.

посткоммунистической трансформации. Беларусь значительно меньше продвинулась в развитии рыночной экономики и демократии, чем Россия, и поэтому степень поддержки населением этих институтов в Беларуси значительно выше. Для большинства белорусов, живущих в условиях более авторитарного государства, идеи рынка и демократии в 2007 г. сохраняли свою привлекательность, а мечта о построении идеального капитализма не была дискредитирована жесткими капиталистическими реалиями. В отличие от белорусов, россияне, пережив почти 20-летний период радикальных рыночных реформ, который сопровождался «шоковой терапией» и специфической приватизацией, получили серьезный негативный опыт, что обусловило их отношение к идеальным моделям рынка и демократии.

Н.Л. Русинова, Л.В. Панова, В.В. Сафронов,
nrusinova@gmail.com

ФАКТОРЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЗДОРОВЬЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НЕРАВЕНСТВА

Аннотация: Работа посвящена исследованию различий в здоровье людей, обусловленных социально-экономической стратификацией и неравным распределением в обществе ресурсов социального капитала. Анализ опирался на данные массового опроса, проведенного в 2006 г. в Санкт-Петербурге. Результаты показывают, что социально-структурные неравенства, связанные, прежде всего, со стратификацией по доходам, по-прежнему, как и в 90-х гг., играют важную роль в формировании здоровья жителей Петербурга. Существенное влияние на социальную стратификацию здоровья оказывает и социальный капитал — материальные и психологические ресурсы, доступ к которым индивид получает благодаря вхождению в социальные сети и взаимодействию с другими людьми. Ресурсы социального капитала, важные для поддержания здоровья людей, распределены между различными социально-экономическими слоями неравномерно, закрепляя неравенства в здоровье, обусловленные социально-структурными факторами.

Ключевые слова: здоровье, социально-экономическое неравенство, социальный капитал, социальная интеграция, социальная поддержка.

Проблема

Неудовлетворительное состояние здоровья населения — одна из острейших проблем России постсоветского периода, не теряющая своей актуальности до настоящего времени. Во время глубокого трансформационного кризиса, в который погрузилась страна в 90-е годы, ожидаемая продолжительность жизни составляла всего 63,9 лет (1994 г.), но и в последующий период, несмотря на высокие темпы экономического роста с начала 2000-х гг. и заметное повышение благосостояния наших

сограждан, этот показатель, хотя и повысился, оставался все же чрезвычайно низким, не превышая значения в 66 лет (2008 г.)¹. Острота этой проблемы для нашего общества становится особенно очевидной, если сопоставить Россию с другими государствами. Так, по данным 2008 г., в ранжированном списке 220 стран, упорядоченном по убыванию ожидаемой продолжительности жизни, Россия занимала лишь 157 место, располагаясь рядом с Пакистаном, Папуа-Новой Гвинеей и Боливией².

Резкое ухудшение здоровья российского населения, как показывают исследования, было связано со значительным снижением в 90-е гг. уровня жизни людей и нарастанием экономических неравенств, с усилением в обществе стрессовых нагрузок и психологического дискомфорта из-за быстрых темпов общественных изменений, а также — как реакцией на все эти обстоятельства — с чрезмерным употреблением россиянами алкоголя³. Наиболее подверженными негативному воздействию депривационных, психологических и поведенческих факторов оказались нижние слои социально-экономической стратификации — состояние здоровья людей с невысокими уровнями образования, доходов, профессионального статуса было существенно хуже, чем у тех, кто занимал более высокие позиции⁴.

¹ Демографический ежегодник России 2006. М.: Росстат, 2007. С. 120; Рейтинг стран по уровню продолжительности жизни (2008). CIA World Factbook // http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_life_expectancy.

² Рейтинг стран по уровню продолжительности жизни (2008).

³ Здоровье населения России в социальном контексте 90-х годов: проблемы и перспективы / Под ред. В.И. Стародубова, Ю.М. Михайловой, А.Е. Ивановой. М.: Медицина, 2003; *Bobak M., Pikhart H., Hertzman C., Rose R., Marmot M.* Socio-economic Factors, Perceived Control and Self-reported Health in Russia: A Cross-Sectional Survey // *Social Science and Medicine*. 1998. Vol. 47 (2). P. 269–279; *Bobak M., Pikhart H., Rose R., Hertzman C., Marmot M.* Socioeconomic Factors, Material Inequalities, and Perceived Control in Self Rated Health: Cross-Sectional Data from Seven Post-Communist Countries // *Social Science and Medicine*. 2000. Vol. 51 (9). P. 1343–1350; *Cockerham W.C.* The Social Determinants of the Decline of Life Expectancy in Russia and Eastern Europe: A Lifestyle Explanation // *Journal of Health and Social Behavior*. 1997. Vol. 38 (2). P. 117–130; *Cockerham W.C.* Health Lifestyles in Russia // *Social Science and Medicine*. 2000. Vol. 51 (9). P. 1313–1324; *Cockerham W.C., Hinote B.P., Abbott P.* Psychological Distress, Gender, and Health Lifestyles in Belarus, Kazakhstan, Russia, and Ukraine // *Social Science and Medicine*. 2006. Vol. 63 (9). P. 2381–2394; *Leon D.A., Chenet L., Shkolnikov V.M., Zakharov S., Shapiro Ju., Rakhmanova G., Vassin S., McKee M.* Huge Variation in Russian Mortality Rates 1984–94: Artifact, Alcohol, or What? // *The Lancet*. 1997. Vol. 350 (9075). P. 383–388.

⁴ Неравенство и смертность в России / Под ред. В. Школьниковой, Е. Андреева и Т. Малевой. М.: Московский Центр Карнеги, 2000; *Русинова Н., Панова Л.*

Радикальные и быстрые преобразования в обществе, как это было в нашей стране после распада Советского Союза, не могут не сказываться и на характере его социальной организации. В такие периоды разворачиваются процессы социальной дезинтеграции — происходит эрозия социальных связей и социальной сплоченности, нарастает изоляция людей друг от друга, их отчужденность от общественных структур, атомизация общества. Между тем, как показывают недавние исследования, посвященные влиянию на здоровье социальной интеграции, социальной поддержки и социального капитала, ослабление вовлеченности в социальные сети — один из важнейших факторов, негативно влияющих на состояние здоровья индивидов и сообществ людей. Хотя среди этих исследований есть несколько работ, посвященных России, проблема зависимости здоровья населения нашей страны от состояния социальной организации общества остается все еще очень малоизученной.

Теоретическое обоснование: социальный капитал и здоровье

Исследования, посвященные проблеме влияния социальных отношений на здоровье, восходят к работе Э. Дюркгейма (1897) о самоубийстве, в которой была показана связь данного феномена с социальной дезинтеграцией⁵. «В настоящее время многими признается, что со-

---

Динамика осознаваемого здоровья петербуржцев за период реформ // *Телескоп*. 2005. № 6. С. 31–36; *Русинова Н., Браун Дж., Панова Л.* Социальные неравенства в здоровье петербуржцев в первом постсоветском десятилетии // *Журнал социологии и социальной антропологии. Спецвыпуск «Санкт-Петербург в зеркале социологии»*. 2003. Т. 6. С. 331–368; *Тапилина В.С.* Социально-экономическая дифференциация и здоровье населения России // *ЭКО*. 2002. № 2. С. 114–125; *Bobak M., Pikhart H., Hertzman C., Rose R., Marmot M.* Socioeconomic Factors, Perceived Control and Self-reported Health in Russia: A Cross-Sectional Survey; *Bobak M., Pikhart H., Rose R., Hertzman C., Marmot M.* Socioeconomic Factors, Material Inequalities, and Perceived Control in Self Rated Health: Cross-Sectional Data from Seven Post-Communist Countries; *Carlson P.* Educational Differences in Self-Rated Health During the Russian Transition. Evidence from Taganrog 1993–1994 // *Social Science and Medicine*. 2000. Vol. 51 (9). P. 1363–1374; *Paalosuo H., Uutela A., Zhuravleva I., Lakomova N.* Social Patterning of Ill Health in Helsinki and Moscow: Results from a Comparative Survey in 1991 // *Social Science and Medicine*. 1998. Vol. 46 (9). P. 1121–1136.

⁵ *Durkheim E.* Suicide: A Study in Sociology / John A. Spaulding, George Simpson (Eds.). New York: Free Press, 1997.

циальные взаимоотношения и связи оказывают сильное воздействие на физическое и психическое здоровье...»⁶. До недавнего времени основное направление изучения этой проблемы было связано с исследованиями социальных сетей⁷, продемонстрировавшими, например, что социальная интеграция и социальная поддержка создают благоприятные условия для сохранения индивидуального здоровья⁸. Хотя это направление продолжает развиваться⁹, резкий всплеск интереса к указанной проблематике в последнее десятилетие был обусловлен появлением нового концептуального подхода, опирающегося на понятие социального капитала¹⁰. В рамках этого подхода уже накоплены достаточно обширные эмпирические подтверждения того, что социальный капитал — важная детерминанта состояния здоровья и благополучия индивидов и сообществ людей. Так, было, например, показано, что при наличии этого капитала выше уровень воспринимаемого здоровья¹¹, ниже смертность от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний¹², а также более низкими оказываются по-

⁶ Berkman L.F., Glass T., Brissette I., Seeman T.E. From Social Integration to Health: Durkheim in the New Millennium // *Social Science and Medicine*. 2000. Vol. 51 (6). P. 843–857. P. 843.

⁷ Berkman L.F., Glass T. Social Integration, Social Networks, Social Support, and Health // *Social epidemiology* / L.F. Berkman, I. Kawachi (Eds.). Cambridge: Oxford University Press, 2000. P. 137–173.

⁸ Cohen S. Social Relationships and Health // *American Psychologist*. 2004. Vol. 59 (8). P. 676–684.

⁹ Berkman L.F., Glass T., Brissette I., Seeman T.E. From Social Integration to Health: Durkheim in the New Millennium; Smith K.P., Christakis N.A. Social Networks and Health // *Annual Review of Sociology*. 2008. Vol. 34. P. 405–429.

¹⁰ Carlson E.D., Chamberlain R.M. Social Capital, Health, and Health Disparities // *Journal of Nursing Scholarship*. 2003. Vol. 35 (4). P. 325–331; Islam M. Kamrul, Merlo J., Kawachi I., Lindström M., Gerdtam Ulf-G. Social capital and health: Does egalitarianism matter? A literature review // *International Journal for Equity in Health*. 2006. Vol. 5 (3); Macinko J., Starfield B. The Utility of Social Capital in Research on Health Determinants // *The Milbank Quarterly*. 2001. Vol. 79 (3). P. 387–427; Social Capital and Health / Ichiro Kawachi, S.V. Subramanian and Daniel Kim (Eds.). New York: Springer Publishing Company, 2007; Szreter S., Woolcock M. Health by Association? Social Capital, Social Theory and the Political Economy of Public Health // *International Journal of Epidemiology*. 2004. Vol. 33 (4). P. 650–667; Social Capital Debate // *International Journal of Epidemiology*. 2004. Vol. 33 (4). P. 667–709.

¹¹ Subramanian S.V., Kim D.J., Kawachi I. Social Trust and Self-rated Health in US Communities: A Multilevel Analysis // *Journal of Urban Health*. 2002. Vol. 79 (Supplement 1). P. S21–S34.

¹² Kawachi I., Kennedy B.P., Lochner K., Prothrow-Stith D. Social Capital, Income Inequality, and Mortality // *American Journal of Public Health*. 1997. Vol. 87 (9). P. 1491–1498.

казатели общественного неблагополучия — самоубийств¹³ и совершения тяжких преступлений¹⁴.

Несмотря на экспоненциальный рост эмпирических исследований, посвященных изучению социального капитала в его связи со здоровьем, эти работы вызывают неоднозначную реакцию и жесткую критику за целый ряд теоретических и методологических недостатков, ставящих, по мнению некоторых экспертов, под сомнение целесообразность дальнейшего использования понятия социального капитала при анализе индивидуального и общественного здоровья¹⁵.

Одной из причин критического отношения к понятию социального капитала, как отмечают И. Кавачи с соавторами¹⁶, является неопределенность, связанная с тем, что в одних работах он рассматривается в качестве коллективного ресурса, значимого для поддержания здоровья на уровне сообществ людей или общества в целом, а в других трактуется на индивидуальном уровне — как социальные ресурсы, доступные тому или другому человеку. В первом случае, социальный капитал рассматривается в рамках концептуализации, предложенной политологом Р. Патнэмом¹⁷: он подразумевает такие характеристики социальной ор-

---

¹³ *Heliwell J.F.* Well-Being and Social Capital: Does Suicide Pose a Puzzle? // Paper presented at the Conference Social Capital and Well-Being, Harvard University, Weatherhead Center for International Affairs, November 7–9, 2003.

¹⁴ *Kennedy B.P., Kawachi I., Brainerd E.* The Role of Social Capital in the Russian Mortality Crisis // *World Development*. 1998. Vol. 26 (11). P. 2029–2043.

¹⁵ *Forbes A., Wainwright S.P.* On the Methodological, Theoretical and Philosophical Context of Health Inequalities Research: A Critique // *Social Science & Medicine*. 2001. Vol. 53 (6). P. 801–816; *Hawe P., Shiell A.* Social Capital and Health Promotion: A Review // *Social Science & Medicine*. 2000. Vol. 51 (6). P. 871–885; *Macinko J., Starfield B.* The Utility of Social Capital in Research on Health Determinants; *Muntaner C., Lynch J., Smith G.D.* Social Capital, Disorganized Communities, and the Third Way: Understanding the Retreat from Structural Inequalities in Epidemiology and Public Health // *International Journal of Health Services*. 2001. Vol. 31 (2). P. 213–237; *Pearce N., Smith G.* Is Social Capital the Key to Inequalities in Health? // *American Journal of Public Health*. 2003. Vol. 93 (1). P. 122–127.

¹⁶ *Kawachi I., Kim D., Coultas A., Subramanian S.V.* Commentary: Reconciling the Three Accounts of Social Capital // *International Journal of Epidemiology*. 2004. Vol. 33 (4). P. 682–690.

¹⁷ *Putnam R.D.* 1) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993; 2) *Bowling Alone: America's Declining Social Capital* // *Journal of Democracy*. 1995. Vol. 6 (1). P. 65–78; 3) *The Strange Disappearance of Civic America* // *American Prospect*. 1996. Issue 24. P. 34–48; 4) *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*.

ганизации (вовлеченность людей в совместную деятельность, доверие между ними, нормы взаимности), которые способствуют эффективности осуществляемых сообществом координированных действий. Они способны оказывать благотворное воздействие и на состояние здоровья в этом сообществе¹⁸. Во втором случае, социальный капитал берется в трактовке, которую можно встретить в социологической литературе¹⁹, — это ограниченные ресурсы, к которым индивид получает доступ благодаря вхождению в социальные сети или более широкие социальные структуры и используемые им для личного блага.

Еще один вопрос, вызывающий разногласия среди исследователей здоровья, связан с тем, включать ли в понятие социального капитала наряду со структурными компонентами, характеризующими размах и плотность социальных связей и взаимодействий, и когнитивные элементы, свидетельствующие, например, о степени доверия между людьми или их приверженности нормам взаимности. Если такого рода воззрения считать составляющими социального капитала (как это делает, например, Патнэм²⁰), возникает неясность в причинно-следственных отношениях между структурными и когнитивными компонентами: появляется ли доверие в результате взаимодействия людей как продукт имеющегося у них социального капитала или же доверие, возникшее вследствие иных причин, создает благоприятную почву для взаимодействия²¹. При этом влияние на здоровье, которое приписывается фактору социальной организации, оказывается под вопросом. Другое возражение — убеждения и нормы обобщают отношения между людьми, складывающиеся в разнообразных контекстах, тогда как при исследовании социального капитала важно учитывать специфические инструментальные сети, характеризующие ту или иную конкретную ситуацию²². Отметим, что и Р. Патнэм, включавший ранее когнитивные

New York: Simon and Schuster, 2000.

¹⁸ *Kawachi I., Kim D., Coutts A., Subramanian S.V.* Commentary: Reconciling the Three Accounts of Social Capital; *Szreter S., Woolcock M.* Health by Association? Social Capital, Social Theory and the Political Economy of Public Health.

¹⁹ *Bourdieu P.* The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / J. G. Richardson (Ed.). New York: Greenwood, 1986. P. 241–258; *Portes A.* Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 1–24.

²⁰ *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996.

²¹ *Rose R.* How Much Does Social Capital Add to Individual Health? A Survey Study of Russians // Social Science and Medicine. 2000. Vol. 51 (9). P. 1422.

²² *Coleman J.S.* Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 1990. P. 302.

аспекты в определении социального капитала, в последнее время достаточно скептически высказывается по поводу целесообразности их рассмотрения, по крайней мере, в области изучения здоровья²³. Тем не менее, в эмпирических исследованиях (как на уровне сообществ, так и индивидуального уровня), показатели доверия и взаимности широко применяются в качестве конструкторов, репрезентирующих социальный капитал²⁴.

Продолжаются и острые дискуссии по поводу того, какие именно формы социальных взаимосвязей составляют инфраструктуру социального капитала. Практически все исследователи сходятся во мнении, что понятие социального капитала охватывает «горизонтальные» связи между членами сети — как те, которые формируются между индивидами, имеющими сходные социальные характеристики (*bonding social capital*), так и те, которые объединяют людей с различными социальными идентичностями (*bridging social capital*). Однако мнения расходятся, когда речь идет о целесообразности включения в структуру социального капитала и отношений, складывающихся «по вертикали» социальной организации общества (*linking social capital*) (например, между гражданами и представителями государственных институтов, т. е. отношений между людьми, находящимися на разных ступенях властной иерархии). Одни авторы считают, что все эти виды социальных взаимодействий, представляя собой различные формы социального капитала, важны для здоровья и благополучия людей²⁵. Первый (*bonding*) — для получения необходимой социальной поддержки, второй (*bridging*) — для солидарности и уважения между гражданами, представляющими весь социальный спектр, а третий (*linking*) — для эффективности политических институтов²⁶. Другие подвергают сомнению идею расширения структуры социального капитала за счет включения такого рода вертикальных отношений, полагая, что это ведет к размыванию концептуальной строгости понятия²⁷.

²³ Putnam R.D. Commentary: “Health by Association”: Some Comments // International Journal of Epidemiology. 2004. Vol. 33 (4). P. 667–671.

²⁴ Islam M. Kamrul, Merlo J., Kawachi I., Lindström M., Gerdtam Ulf-G. Social capital and health: Does egalitarianism matter? A literature review. Table 2.

²⁵ Islam M. Kamrul, Merlo J., Kawachi I., Lindström M., Gerdtam Ulf-G. Social capital and health: Does egalitarianism matter? A literature review.

²⁶ Szreter S., Woolcock M. Health by Association? Social Capital, Social Theory and the Political Economy of Public Health; Poortinga W. Social Relations or Social Capital? Individual and Community Health Effects of Bonding Social Capital // Social Science and Medicine. 2006. Vol. 63 (2). P. 255–270.

²⁷ Portes A. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology; Kawachi I., Kim D., Coutts A., Subramanian S.V. Commentary: Reconciling the Three Accounts of Social Capital.

Позиции исследователей о механизмах и социальных процессах, объясняющих воздействие социального капитала на здоровье, также неодинаковы. Согласно одной из них, этот капитал служит для индивидов источником социальной поддержки, обеспечивая им в случае необходимости психологическую и материальную помощь со стороны социального окружения, и выступая буфером, смягчающим негативные последствия стрессов²⁸. Другое объяснение, в котором капитал выступает ресурсом сообщества, указывает на значимость для здоровья социальной сплоченности в обществе, способствующей большей эффективности деятельности властей и, в конечном счете, расширению доступа в нем к благам и услугам, значимым для поддержания здоровья населения²⁹. При таком взгляде предполагается также, что общества с более высокими уровнями социального капитала достигают большей эффективности в установлении социального контроля, необходимого для ограничения типов поведения, связанных с рисками для здоровья, таких, как злоупотребление алкоголем и курение³⁰.

Важное место в дебатах о механизмах влияния социального капитала на здоровье занимает проблема социальных последствий увеличения экономических неравенств в обществе³¹. Согласно одной точке зрения³², расширение экономических неравенств сопровождается развалом социальной сплоченности, эрозией взаимного уважения и доверия между людьми и их группами, а дискомфортная социально-психологическая атмосфера в обществе приводит, в свою очередь, к существенному сокращению возможностей социального участия людей, утрате ими контроля над обстоятельствами жизни, и такие последствия проявляются с тем большей отчетливостью, чем ниже они располагаются в социально-экономической стратификации³³. Другую точку зрения разделяют сторонники так называемого неоматериалистического подхода к объяснению связи экономиче-

²⁸ *Cohen Sh.* Social Relationships and Health.

²⁹ *Kawachi I., Kennedy B.P., Glass R.* Social Capital and Self-rated Health: A Contextual Analysis // *American Journal of Public Health.* 1999. Vol. 89 (8). P. 1187–1193; *Sampson R.J.* Neighborhoods and Violent Crime: A Multilevel Study of Collective Efficacy // *Science.* 1997. Vol. 277 (5328). P. 918–924.

³⁰ *Subramanian S.V., Kim D.J., Kawachi I.* Social Trust and Self-rated Health in US Communities: A Multilevel Analysis.

³¹ *Szreter S., Woolcock M.* Health by Association? Social Capital, Social Theory and the Political Economy of Public Health.

³² *Wilkinson R.G.* The Impact of Inequality: How to Make Sick Societies Healthier. New York: The New Press, 2005.

³³ *Marmot M.* The Status Syndrome: How Social Standing Affects Our Health and Longevity. New York: Henry Holt and Company, 2004.

ских неравенств и здоровья. Они считают, что в обществах со значительными неравенствами в доходах ухудшение показателей здоровья населения связано не с социально-психологическими эффектами социальной дезинтеграции, а с низким уровнем жизни уязвимых социальных слоев и неразвитой системой социальных гарантий, не обеспечивающей равного доступа всех слоев населения к ключевым ресурсам здоровья и благосостояния (рабочие места, образование, жилье, здравоохранение и т. д.). При таком подходе, если и признается, что социальный капитал влияет на формирование здоровья, его роль рассматривается как второстепенная³⁴.

Социальный капитал является сложным, многогранным конструктом, который может изучаться как на уровне территориальных сообществ людей или общества в целом, так и на уровне индивида. Ряд исследований, в которых социальный капитал рассматривался как характеристика сообществ локального, регионального и национального масштабов, подтверждает его значимость для здоровья населения³⁵. Между тем, в других работах, предпринятых на уровне сообществ людей, заметных связей различных индикаторов социального капитала со здоровьем зафиксировано не было³⁶. Кроме того, остается неясным, отражают ли результаты таких исследований, как предполагается, контекстуальные эффекты влияния социального капитала на здоровье или же обнаруживаемые различия в состоянии здоровья сообществ объясняются композиционными различиями составляющих их людей и неодинаковой выраженностью у них индивидуального социального капитала³⁷.

Отдельные исследования, проведенные на индивидуальном уровне, дополняя обширную литературу, которая свидетельствует о позитивных эффектах для здоровья интеграции человека в социальные сети

---

³⁴ *Smith D.G.* Income Inequality and Mortality: Why Are They Related? Income Inequality Goes Hand in Hand with Underinvestment in Human Resources // *British Medical Journal*. 1996. Vol. 312 (7037). P. 987–988; *Lynch J., Due P., Muntaner C., Smith G.* Social Capital — Is It a Good Investment Strategy for Public Health? // *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2000. Vol. 54 (6). P. 404–408; *Lynch J.W., Smith G.D., Kaplan G.A., House J.S.* Income Inequality and Mortality: Importance to Health of Individual Income, Psychosocial Environment, or Material Conditions // *British Medical Journal*. 2000. Vol. 320 (7243). P. 1200–1204.

³⁵ *Kawachi I., Kim D., Coultas A., Subramanian S.V.* Commentary: Reconciling the Three Accounts of Social Capital.

³⁶ См., например: *Lynch J., Smith G.D., Hillemeier M., Shaw M., Raghunathan T., Kaplan G.* Income Inequality, the Psychosocial Environment, and Health: Comparisons of Wealthy Nations // *The Lancet*. 2001. Vol. 358 (9277). P. 194–200.

³⁷ *Kawachi I., Kim D., Coultas A., Subramanian S.V.* Commentary: Reconciling the Three Accounts of Social Capital.

и возможностей получения им социальной поддержки³⁸, показали, что на здоровье благотворно влияют и другие компоненты социального капитала, например, доверие или гражданское участие³⁹. В то же время, немало работ, в которых такие зависимости обнаружить не удается или же они проявляются при использовании одних показателей социального капитала, но исчезают при анализе других его индикаторов⁴⁰. Отмечается также, что при всей важности продолжения исследований на индивидуальном уровне они не способны прояснить проблемы, возникающие при изучении сообществ — является ли социальный капитал на агрегированном уровне чем-то большим, чем сумма индивидуальных эффектов, связанных с вхождением людей в социальные сети⁴¹.

В последние годы, как реакция на эти проблемы, все чаще стали встречаться исследования, в которых применяется статистический аппарат многоуровневого моделирования, позволяющий одновременно учитывать переменные социального капитала как индивидуального уровня, так и уровня сообществ, и тем самым проверять различные гипотезы относительно механизмов его связи со здоровьем⁴². В ряде работ, проведенных в текущем десятилетии, было показано, что не лишено основания предположение о том, что эффекты социального капитала, фиксируемые на контекстуальном уровне, объясняются, скорее всего, влиянием на здоровье социальных отношений и поддержки на уровне индивида⁴³.

³⁸ *Cohen Sh.* Social Relationships and Health; Social Support Measurement and Intervention. A Guide for Health and Social Scientists / S. Cohen, L. Underwood, B. Gottlieb (Eds.). New York: Oxford University Press, 2000.

³⁹ *Barefoot J.C., Maynard K.E., Beckham J.C., Brummett B.H., Hooker K., Siegler J.C.* Trust, Health, and Longevity // *Journal of Behavioral Medicine*. 1998. Vol. 21 (6). P. 517–526; *Hyypya M.T., Maki J.* Individual-Level Relationships between Social Capital and Self-Rated Health in a Bilingual Community // *Preventive Medicine*. 2001. Vol. 32 (2). P. 148–155; *Rose R.* How Much Does Social Capital Add to Individual Health? A Survey Study of Russians.

⁴⁰ См., например: *Veenstra G.* Social Capital, SES and Health: An Individual-Level Analysis // *Social Science and Medicine*. 2000. Vol. 50 (5). P. 619–629.

⁴¹ *Poortinga W.* Social Relations or Social Capital? Individual and Community Health Effects of Bonding Social Capital.

⁴² См. обзор: *Kawachi I., Kim D., Coultts A., Subramanian S.V.* Commentary: Reconciling the Three Accounts of Social Capital.

⁴³ *Subramanian S. V., Kim D.J., Kawachi I.* Social Trust and Self-rated Health in US Communities: A Multilevel Analysis; *Lindstrom M., Moghaddassi M., Merlo J.* Individual Self-Reported Health, Social Participation and Neighbourhood: A Multilevel Analysis in Malmo, Sweden // *Preventive Medicine*. 2004. Vol. 39 (1). P. 135–141; *Poortinga W.* Social Relations or Social Capital? Individual and Community Health Effects of Bonding Social Capital.

Преобладающая часть эмпирических исследований, в которых изучается воздействие социального капитала на здоровье, проводится в развитых западных обществах — США, Канаде, многих странах Европы. Начинают появляться такие работы и в Китае, Японии, Вьетнаме, а также в некоторых странах Центральной и Восточной Европы. Реализуются также крупномасштабные международные проекты, позволяющие исследовать значение уровня социальной сплоченности, социального капитала в качестве предикторов статуса здоровья населения на основе межстрановых сопоставлений («World Values Survey» и «European Social Survey»).

Отдельные попытки изучения связей социального капитала и здоровья предпринимались и в российском обществе — можно найти примеры исследований, проведенных как на уровне административных единиц, так и на индивидуальном уровне. Так, в исследовании регионов России середины 90-х гг. было показано, что уровни смертности ниже в тех из них, где выше ресурсы социального капитала, измеренного с помощью агрегированных показателей социальной сплоченности, гражданского участия и доверия руководству⁴⁴. В нашей работе, посвященной изучению региональных различий в ожидаемой продолжительности жизни (начало 2000-х гг.), также удалось установить, что людям, родившимся в тех субъектах РФ, где с большей определенностью проявляются признаки социальной дезорганизации (неустойчивость брачных отношений, высокие уровни потребления алкоголя, самоубийств и убийств), с большей вероятностью предстоит прожить более короткую жизнь, чем тем, кто живет в регионах с относительно благоприятными социальными условиями⁴⁵.

В исследовании Р. Роуза на индивидуальном уровне (представительный опрос российского населения, проведенный в 1998 г.) было выявлено, что социальный капитал (вхождение в формальные и неформальные сети, возможность опереться на друзей во время болезни, доверие, способность контролировать свою жизнь) оказывает самостоятельное — в дополнение к социально-структурным факторам (т. е. обладанию человеческим капиталом) — воздействие на здоровье: его самооценки оказались выше у тех, кто был наделен этим капиталом⁴⁶. О влиянии социального, как и челове-

---

⁴⁴ Kennedy B.P., Kawachi I., Brainerd E. The Role of Social Capital in the Russian Mortality Crisis.

⁴⁵ Русина Н.Л., Панова Л.В., Сафронов В.В. Продолжительность жизни в регионах России: значение экономических факторов и социальной среды // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. № 1. С. 140–161.

⁴⁶ Rose R. How Much Does Social Capital Add to Individual Health? A Survey of Russians.

ческого (образование, доход и т. п.), капитала на здоровье свидетельствуют и результаты анализа материалов массового опроса жителей Таганрога, также относящегося к 1998 г.⁴⁷ Оказалось, однако, что воздействие социального капитала (по показателю членства в добровольных объединениях — профсоюзах или других организациях) на самооценки здоровья зависит от того, каким человеческим капиталом наделен его владелец — оно было разным у людей с неодинаковым образованием. Наконец, материалы московского опроса, собранные в 2004 г., также позволяют говорить о зависимости самооценок здоровья от факторов неформальных социальных связей и социальной поддержки⁴⁸.

Завершая краткий обзор состояния дел в интересующей нас области исследований, отметим, что на фоне бурно развивающегося на протяжении последнего десятилетия интереса мировой научной общественности к проблеме влияния социального капитала на здоровье в нашей стране это направление исследований только начинает зарождаться. Нам удалось обнаружить всего лишь несколько работ, в которых эта проблема рассматривается применительно к России, да и те были выполнены зарубежными исследователями. В то же время, результаты этих исследований недвусмысленно указывают на важность развития этого направления для лучшего понимания того, как социальные факторы формируют здоровье населения нашей страны.

Социальная дифференциация здоровья в Санкт-Петербурге: характеристика исследования

Настоящая работа посвящена исследованию комплексного воздействия социально-структурных факторов и социального капитала на здоровье населения, представляющего один из субъектов РФ — Санкт-Петербург. Цель исследования — продемонстрировать, как индивидуальное здоровье связано с положением человека в социально-экономической стратификации и с его вовлеченностью в формальные и неформальные сети социального взаимодействия, свидетельствующей о запасах его социального капитала, а также выяснить, каким образом этот капитал распределяется по уровням социальной пирамиды.

⁴⁷ *Rojas Y., Carlson P.* The Stratification of Social Capital and Its Consequences for Self-Rated Health in Taganrog, Russia // *Social Science and Medicine*. 2006. Vol. 62 (11). P. 2732–2741.

⁴⁸ *Кислицына О.А., Ферландер С.* Влияние социальной поддержки на здоровье москвичей // *Социологические исследования*. 2008. № 4. С. 81–84.

Конкретные задачи, которые необходимо решить для достижения этой цели, подразделяются, соответственно, на две группы.

Первая группа — положение индивида в социальной структуре и здоровье. Продолжая наши исследования в Петербурге, в которых были выявлены отчетливые различия в здоровье горожан, обусловленные образовательными и доходными неравенствами⁴⁹, мы намереемся проверить, является ли абсолютная экономическая депривация, т. е. недостаток денег для удовлетворения основных потребностей человека, и в 2006 г., после экономического подъема и роста уровня жизни, одним из ключевых факторов, негативно воздействующих на здоровье петербуржцев. Или же вследствие роста благосостояния признак материальных лишений утрачивает свою значимость, и более важную роль в дифференциации здоровья начинают играть социально психологические факторы — относительная депривация, неудовлетворенность человека положением в социально-экономической стратификации, возникающая при сопоставлении с теми, кто оказался более успешным.

Вторая группа задач — социальный капитал и его связь со здоровьем. Проверка предположений о влиянии социального капитала, располагаемого человеком, на его самочувствие, осуществляется нами в трех направлениях, соответствующих основным трактовкам этого понятия и линиям анализа данной проблемы в современных исследованиях. В рамках первого направления мы попытаемся выяснить, различается ли здоровье людей в зависимости от их отношения к добровольным ассоциациям — членства в них и участия в работе. Второе направление — анализ вовлеченности индивида в различные сети неформальных социальных взаимодействий и обусловленности состояния его здоровья тем, насколько он интегрирован в эти сети. Третье направление связано с изучением социальной поддержки и предполагает проверку предположения о том, что уверенность человека, оказавшегося в затруднительных жизненных обстоятельствах, в получении одобрения своим действиям, эмоциональной поддержки или практической помощи со стороны других людей, является важным фактором поддержания здоровья. Наконец, вычленив те виды социального капитала, которые важны для здоровья, нам предстоит рассмотреть, в какой мере им наделены представители разных слоев социально-экономической пирамиды.

Эмпирические данные, на которые мы будем опираться при решении указанных задач, были получены в ходе массового опроса, про-

---

⁴⁹ Русинова Н.Л., Панова Л.В., Сафронов В.В. Социальная стратификация здоровья в Санкт-Петербурге: изменения в период трансформаций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. № 4. С. 102–121.

веденного в Санкт-Петербурге в 2006 году. Выборка, включающая жителей города от 30 до 60 лет и насчитывающая 573 человека, репрезентирует этот сегмент населения по полу, возрасту и образованию. Наш интерес к указанному сегменту обусловлен тем обстоятельством, что именно для этих возрастов, согласно заключению демографов, характерны повышенные риски преждевременной смертности⁵⁰, свидетельствующие о влиянии на здоровье социальных обстоятельств.

Один из признанных показателей состояния здоровья — общая его самооценка. Этот показатель считается сегодня хорошим обобщенным индикатором статуса здоровья, отражающим различные физические, эмоциональные и личностные компоненты благополучия и позволяющим получить представление об общем самочувствии человека⁵¹. Он широко используется в эмпирических исследованиях⁵², многократно подтвердив и свою надежность в качестве важного предиктора смертности⁵³.

В нашем петербургском опросе самооценка здоровья измерялась в соответствии с методикой «SF-36 Health Survey»⁵⁴, которая дает возможность

---

⁵⁰ Вишневский А., Школьников В. Смертность в России: главные группы риска и приоритеты действия. (Науч. доклады / Моск. Центр Карнеги. Вып. 19). М.: Московский Центр Карнеги, 1997.

⁵¹ Ware J.E. The Assessment of Health Status // Applications of Social Science to Clinical Medicine and Health Policy / L.H. Aiken (Ed.). New Jersey: Rutgers University Press, 1986; Ware J.E., Davies-Avery A., Donald C.A. Conceptualization and Measurement of Health for Adults in the Health Insurance Study. Vol. V: General Health Perceptions. Santa Monica, CA: Rand Corporation, 1978.

⁵² Borrell C., Rue M., Pasarin M.I., Rohlf's I., Ferrando J., Fernandez E. Trends in Social Class Inequalities in Health Status, Health-Related Behaviors, and Health Services Utilization in a Southern European Urban Area (1983–1994) // Preventive Medicine. 2000. Vol. 31 (6). P. 691–701; Dalstra J.A.A., Kunst A.E., Geurts J.J., Frenken F.J.M., Mackenbach J.P. Trends in Socioeconomic Health Inequalities in the Netherlands, 1981–1999 // Journal of Epidemiology and Community Health. 2002. Vol. 56 (12). P. 927–934; Davies A.R., Ware J.E. Measuring Health Perceptions in the Health Insurance Experiment. Santa Monica, CA: The RAND Corporation, 1981; Lahelma E., Rahkonen O., Huuhka M. Changes in the Social Patterning of Health? The Case of Finland 1986–1994 // Social Science and Medicine. 1997. Vol. 44 (6). P. 789–799; McDowell I., Newell C. Measuring Health. New York: Oxford University Press, 1987.

⁵³ Idler E.L., Kasl S. Health Perceptions and Survival: Do Global Evaluations of Health Status Really Predict Mortality? // Journal of Gerontology. 1991. Vol. 46 (2). P. 55–65; Idler E.L., Benyamini Y. Self-rated Health and Mortality: A Review of Twenty-seven Community Studies // Journal of Health and Social Behavior. 1997. Vol. 38 (1). P. 21–37.

⁵⁴ Ware J.E. et al. SF-36 Health Survey: Manual and Interpretation Guide. Boston: The Health Institute, 1993.

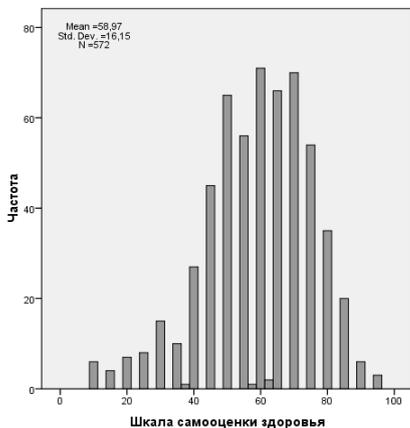
оценить воспринимаемый статус здоровья индивида по 100-балльной шкале. Этот показатель отражает разностороннее восприятие человеком своего здоровья, которое не ограничивается выражением мнения о текущем самочувствии (хотя и такой индикатор, измеряемый с помощью единственного вопроса анкеты («Как Вы в целом оцениваете состояние своего здоровья»), широко применяется в исследованиях), но учитывает также его представления о сопротивляемости болезням, о возможности ухудшения здоровья в ближайшей перспективе и о том, как оно соотносится с состоянием здоровья в социальном окружении. Распределение балльных оценок по шкале фиксирует достаточно широкий круг как негативных, так и позитивных состояний здоровья индивида. Низкие баллы говорят о том, что респондент считает свое здоровье неудовлетворительным или плохим и не надеется на его улучшение, а высокие баллы свидетельствуют об отличном самочувствии и оценке здоровья как очень хорошего.

Уровень воспринимаемого здоровья петербуржцев, как видно на рисунке 1, в целом невысок. Среднее значение оценок едва превышает середину шкалы и равняется 59 баллам. Это означает, что среднестатистический житель нашего города в возрасте от 30 до 60 лет не испытывает серьезных проблем со здоровьем, однако и не считает, что его состояние можно признать хорошим. Полученный результат не является неожиданным — сведения о самочувствии российского населения, полученные в целом ряде исследований при анализе субъективной информации, лишь подтверждают представление о неблагоприятной ситуации в нашей стране, складывающееся при рассмотрении объективных показателей здоровья и долголетия россиян⁵⁵.

Рассмотрим демографические различия в самооценках здоровья, обусловленные факторами возраста и пола. Как видно на рисунке 2, представления о своем здоровье мужчин и женщин заметно расходятся — в каждой из возрастных подгрупп горожан (30–39 лет, 40–49 и 50–60 лет) шкальные оценки самочувствия у женщин оказываются заметно ниже, чем у мужчин. Этот результат подтверждает установленный в предшествующих исследованиях факт, свидетельствующий об особенностях восприятия своего здоровья мужчинами и женщинами, — у женщин оно сдвинуто в негативную сторону⁵⁶.

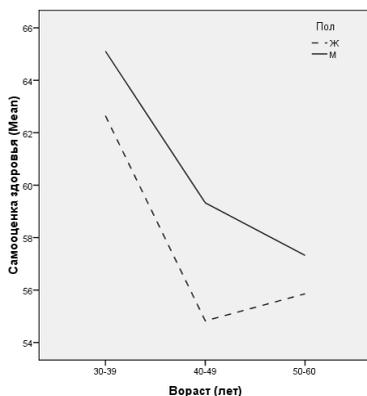
⁵⁵ Bobak M., Pikhart H., Hertzman C., Rose R., Marmot M. Socioeconomic Factors, Perceived Control and Self-reported Health in Russia: A Cross-Sectional Survey; Kunst A.E., Geurts J.J., van den Berg J. International Variation in Socioeconomic Inequalities in Self Reported Health // Journal of Epidemiology and Community Health. 1995. Vol. 49 (2). P. 117–123.

⁵⁶ Браун Дж. В., Панова Л.В., Русинова Н.Л. Гендерные неравенства в здоро-

Самооценки здоровья — SF-36: General Health, 100-балльная шкала

Рис. 1. Распределение самооенок здоровья, Санкт-Петербург, 2006 г.

Самооценки здоровья — SF-36: General Health, 100-балльная шкала

Рис. 2. Оценки здоровья женщинами и мужчинами в трех возрастных категориях, Санкт-Петербург, 2006 г.

вье // Социологические исследования. 2007. № 6. С. 114–122; Bobak M., Pikhart H., Hertzman C., Rose R., Marmot M. Socioeconomic Factors, Perceived Control and Self-reported Health in Russia: A Cross-Sectional Survey; Palosuo H., Uutela A., Zhuravleva I., Lakomova N. Social Patterning of Ill Health in Helsinki and Moscow: Results from a Comparative Survey in 1991.

Наличие половых различий в уровнях воспринимаемого здоровья подтверждают и результаты статистического анализа с использованием общих линейных моделей, в котором рассматривалось влияние на него факторов пола и возраста. Эти результаты приводятся в таблице 1. Оценки здоровья женщинами и мужчинами статистически значимо, хотя и не сильно, отличаются друг от друга — у первых они примерно на три пункта шкалы ниже, чем у вторых.

Таблица 1. Самооценка здоровья в зависимости от пола и возраста, Санкт-Петербург, 2006 г. (General Linear Model, Univariate).

ФАКТОРЫ	<i>b</i>	<i>Sig.</i>
Пол:		
женщины	-2.9	0.031
Возраст:		
30–39 лет	7.1	0.000
40–49 лет	0.2	0.892
Intercept	58.2	0.000
Adjusted R Squared	0.05	
N	572	

Самооценки здоровья — SF-36: General Health, 100-балльная шкала. Референтные категории: пол — мужчины, возраст — 50-60 лет (contrast: simple).

Возраст, как и следовало ожидать, также дифференцирует самочувствие горожан — как мужчин, так и женщин (см. рис. 2 и таблицу 1). У представителей младшей возрастной категории здоровье заметно лучше, чем у 40- и 50-летних респондентов — расхождение между первыми и последними по шкале достигает семи баллов. Однако статистически обоснованных различий между показателями, характеризующими здоровье в нашей средней и старшей возрастной категории, анализ не выявил.

Представленные в таблице 1 данные позволяют также говорить о том, что демографические факторы, несмотря на заметные отличия в состоянии здоровья мужчин и женщин, респондентов среднего возраста (30–39 лет) и тех, кто старше, объясняют лишь достаточно небольшую долю дисперсии изучавшегося нами показателя самочувствия (около 5%). Можно предположить, что разброс значений этого показателя обусловлен в нашей выборке не столько демографией, сколько социальными факторами — образовательными и доходными неравенствами или неравным распределением среди горожан социального капитала.

Социальные неравенства и различия в здоровье

Социальные неравенства в обществе, как свидетельствуют многочисленные исследования, — важнейшее основание различий в здоровье людей, и такие различия отчетливо проявляются как при использовании объективных показателей смертности или ожидаемой продолжительности жизни, так и индикаторов субъективного благополучия человека⁵⁷. Это положение справедливо и для современной России — в целом ряде работ было показано, что в нашей стране существуют значительные социальные неравенства в здоровье, связанные с доходной и образовательной стратификацией⁵⁸.

В теоретических построениях, обобщающих результаты эмпирических исследований социально-структурных различий в здоровье, было сформулировано два основных объяснения того, почему по мере понижения социального статуса индивида происходит ухудшение его здоровья. Первое из них, описывающее ситуацию в бедных странах или положение маргинальных слоев в развитых обществах, указывает на то, что люди с невысоким уровнем образования и низкими доходами испытывают абсолютную депривацию. Недостаток ресурсов для удовлетворения базовых потребностей ведет к несбалансированному питанию, ограничивает доступ к медицинским услугам, вызывает хронические стрессы и сопряженные с ними неконструктивные способы преодоления напряженности — употребление алкоголя и курение, и все это негативно сказывается, в конечном счете, на состоянии здоровья представителей нижних ярусов социальной

---

⁵⁷ *Elstad J.I.* Social Inequalities in Health and Their Explanations // NOVA Rapport 9/2000. Oslo: NOVA, 2000; *Kunst A.E., Bos V., Lahelma E., Bartley M., Lissau I., Regidor E., Mielck A., Cardano M., Dalstra J.A.A., Geurts J.J.M., Helmer U., Lennartson C., Ramm J., Spadea T., Stronegger W.J., Mackenbach J.P.* Trends in Socioeconomic Inequalities in Self-Assessed Health in 10 European Countries // *International Journal of Epidemiology*. 2005. Vol. 34 (2). P. 295–305; *Reducing Inequalities in Health: A European Perspective* / J.P. Mackenbach, M. Bakker (Eds.). London: Routledge, 2002.

⁵⁸ Неравенство и смертность в России; *Римашевская Н., Кислицина О.* Неравенство доходов и здоровье // *Народонаселение*. 2004. № 2. С. 5–17; *Тапилина В.С.* Социально-экономическая дифференциация и здоровье населения России; *Bobak M., Pikhart H., Hertzman C., Rose R., Marmot M.* Socioeconomic Factors, Perceived Control and Self-reported Health in Russia: A Cross-Sectional Survey; *Bobak M., Pikhart H., Rose R., Hertzman C., Marmot M.* Socioeconomic Factors, Material Inequalities, and Perceived Control in Self Rated Health: Cross-Sectional Data from Seven Post-Communist Countries; *Carlson P.* Educational Differences in Self-Rated Health During the Russian Transition. Evidence from Taganrog 1993–1994; *Palosuo H., Uutela A., Zhuravleva I., Lakomova N.* Social Patterning of Ill Health in Helsinki and Moscow: Results from a Comparative Survey in 1991.

пирамиды⁵⁹. Согласно второму объяснению, в обществах, достигших достаточно высокого уровня экономического развития, сохранение социального градиента в здоровье связано не столько с ограниченным доступом представителей нижних слоев к материальным ресурсам, сколько с усилением социально-психологических стрессовых воздействий, обусловленных относительной депривацией — неудовлетворенностью индивида своей позицией в социальной иерархии, базирующейся на сопоставлении с теми, кто оказался более успешным⁶⁰.

Наши предшествующие исследования в Санкт-Петербурге, подтверждающая факты, выявленные в других работах по России, позволили установить, что на протяжении всего постсоветского периода состояние здоровья горожан, отнесенных к нижним слоям социальной иерархии по образованию и доходу, было заметно хуже по сравнению с теми, кто занимал ее верхние ярусы⁶¹. Продолжая это направление работы, в настоящем разделе мы предполагаем проверить предположения о социально-экономической стратификации здоровья, вытекающие из описанных теоретических представлений.

Такая проверка осуществлялась с помощью статистического аппарата общих линейных моделей (General Linear Models — GLM, Univariate Analysis of Variance). Зависимая переменная — это охарактеризованный ранее индекс самооценки здоровья (SF-36: General Health). Воздействие на здоровье каждого из интересующих нас социально-структурных факторов проверялось при контроле переменных возраста и пола, что позволяет нам судить о собственном вкладе каждого из этих факторов в объяснение различий в самочувствии людей. В фокусе нашего внимания будут три характеристики социальной позиции:

(1) Образование, подразделенное на три уровня: не выше среднего образования (ниже среднего, среднее общее или среднее профессионально-техническое) — 21%, среднее специальное (техникум или специальное училище) — 36%, высшее (или незаконченное высшее) — 43%.

(2) Абсолютная материальная депривация — приходилось ли респонденту в течение последнего года отказываться от покупки *необхо-*

---

⁵⁹ Lynch J., Kaplan G. Socioeconomic Position // Social Epidemiology / L.F. Berkman, I. Kawachi (Eds.). New York: Oxford University Press, 2000. P. 13–35.

⁶⁰ Marmot M. The Status Syndrome: How Social Standing Affects Our Health and Longevity.

⁶¹ Русинова Н., Браун Дж., Панова Л. Социальные неравенства в здоровье петербуржцев в первом постсоветском десятилетии; Русинова Н., Панова Л. Динамика осознаваемого здоровья петербуржцев за период реформ; Русинова Н.Л., Панова Л.В., Сафронов В.В. Социальная стратификация здоровья в Санкт-Петербурге: изменения в период трансформаций.

димых продуктов питания, одежды или обуви, предметов домашнего обихода, а также от лечения, восстановления здоровья из-за нехватки денег: испытывали такие лишения — 34%, не испытывали — 66%.

(3) Восприятие индивидом своего положения в экономической иерархии, измеряемое по девятибалльной шкале, где «1» — беднейшие люди, а «9» — самые обеспеченные в нашем обществе: средняя оценка — 4,3 (стандартное отклонение 1,66). Распределение по укрупненной шкале воспринимаемого экономического статуса, содержащей четыре градации: «1–2» (низкий статус) — 10%, «3–4» — 49%, «5–6» — 29% и «7–9» (высокий статус) — 12%.

Результаты анализа, свидетельствующие о влиянии на самооценки здоровья каждого из перечисленных социально-структурных факторов, а также об их совместном на них воздействии, сведены в таблицу 2.

Таблица 2. Самооценки здоровья: влияние факторов образования, материальной депривации и воспринимаемого положения в экономической структуре (при контроле пола и возраста), Санкт-Петербург, 2006 г. (General Linear Model, Univariate)

ФАКТОРЫ	Модель 1		Модель 2		Модель 3		Модель 4	
	<i>b</i>	<i>Sig.</i>	<i>b</i>	<i>Sig.</i>	<i>b</i>	<i>Sig.</i>	<i>b</i>	<i>Sig.</i>
Пол:								
Женщины	-3.3	0.14	-2.5	0.060	-2.2	0.089	-2.2	0.092
Возраст:								
30–39 лет	6.5	0.000	7.0	0.000	4.5	0.007	4.2	0.012
40–49 лет	-0.0	0.991	-0.7	0.679	-1.5	0.328	-2.4	0.136
Образование:								
Не выше среднего	-4.2	0.018					-2.8	0.114
Среднее специальное	-0.5	0.722					-0.4	0.769
Депривация:								
Нет			7.3	0.000			6.3	0.000
Материальное положение					2.8	0.000	2.5	0.000
Intercept	59.9	0.000	53.5	0.000	47.4	0.000	45.5	0.000
Adjusted R Squared	0.05		0.10		0.12		0.16	
N	569		549		570		545	

Самооценки здоровья — SF-36: General Health, 100-балльная шкала. Референтные категории: пол — мужчины, возраст — 50–60 лет, образование — высшее (включая незаконченное высшее), депривация — постоянно, время от времени респонденту приходилось из-за нехватки денег отказываться от удовлетворения насущных потребностей (contrast: simple).

В уравнении, представленном моделью 1, проверялась зависимость состояния здоровья от образования. У респондентов с невысоким его уровнем (ниже среднего, среднее общее или профессионально-техническое образование) самочувствие, как правило, заметно хуже, чем у тех, кто закончил высшие учебные заведения (особенно заметными такие отличия были в том случае, когда выделялась категория горожан, не имеющих даже аттестата о среднем образовании, однако их в петербургской выборке оказалось так мало, что нам пришлось объединить их с теми, кто получил среднее образование).

Фактор материальной депривации, включенный в число независимых переменных в модели 2, оказывает весьма существенное воздействие на здоровье. По сравнению с уравнением, в котором принимались во внимание только возрастные и половые особенности респондентов (см. таблицу 1), учет этого фактора позволяет дополнительно объяснить 5% дисперсии нашей зависимой переменной. Шкальные оценки здоровья у горожан, которым из-за недостатка денег приходилось ограничивать свои базовые потребности, были существенно ниже, чем у тех, кому этого делать не приходилось.

В модели 3 проверялось влияние на здоровье переменной воспринимаемого положения в экономической стратификации. Добавление этой переменной в уравнение, содержащее демографические факторы, позволяет дополнительно объяснить 7% дисперсии, характеризующей распределение петербуржцев по шкале оценок здоровья. Местоположение социального слоя, с которым соотносит себя человек, между беднейшими и наиболее обеспеченными людьми в нашем обществе — важный фактор дифференциации здоровья, свидетельствующий о социальном градиенте в этой дифференциации: с повышением на одну позицию субъективного экономического статуса наблюдается заметное приращение (почти на три пункта шкалы) самооценки здоровья.

Наконец, уравнение, представленное моделью 4 и включающее в дополнение к демографическим параметрам все три наши социальные показателя, позволяет вычлнить среди этого набора независимых переменных те факторы, которые оказывают самостоятельное воздействие на здоровье. Как видно в таблице 2, в этом случае различия в здоровье по полу и образованию полностью стираются, оказываясь статистически не значимыми, а возрастная дифференциация заметно сглаживается, тогда как неравенства в здоровье, обусловленные факторами материальной депривации и субъективного экономического положения, остаются выраженными очень отчетливо. Это значит, что отличия самочувствия

в худшую сторону у женщин по сравнению с мужчинами, у менее образованных при сопоставлении с наиболее образованными горожанами, у 30–39-летних респондентов по отношению к 50–60-летним людям связаны в значительной мере с тем, что многие из них обладают невысоким экономическим статусом и испытывают острые материальные лишения.

Хотя коэффициенты у переменных материальной депривации и субъективного экономического статуса в модели 4 немного снижаются по сравнению с уравнениями, в которых они рассматривались по отдельности (в какой-то мере эти переменные взаимосвязаны), объяснительные возможности этой модели значительно улучшаются (достигая 16%). Неравенства в здоровье, таким образом, обусловлены и материальной депривацией, и воспринимаемым положением в экономической структуре.

Эти зависимости отображены на рисунке 3. Средние значения самооценок здоровья для различных уровней материальной депривации (рисунок 3а) и субъективного экономического статуса (рисунок 3б) были рассчитаны по уравнению, которое описывает модель 4 (т. е. при контроле всех демографических и социальных параметров).

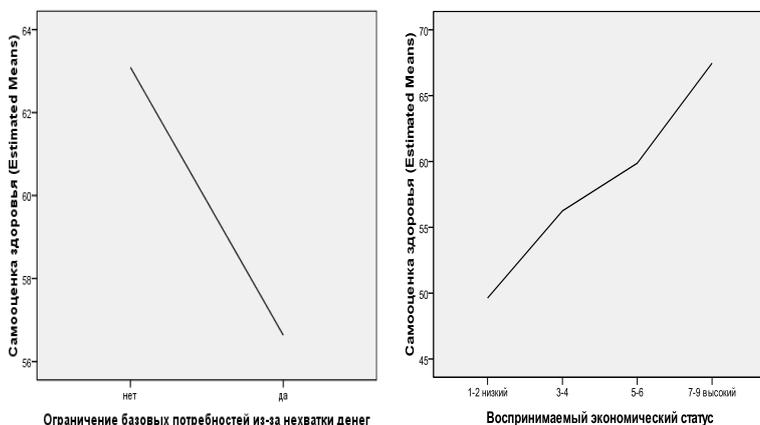

Рис. 3. Различия оценок здоровья: факторы (а) материальная депривация и (б) воспринимаемый экономический статус, Санкт-Петербург, 2006 г.

Средние оценки здоровья в приведенных экономических категориях получены с помощью General Linear Model, Univariate в уравнении, аналогичном модели 4 (см. таблицу 2), но включающем фактор воспринимаемого экономического статуса, укрупненный до четырех категорий.

На этих рисунках хорошо видно, что здоровье жителей Петербурга, которые не могли в полной мере удовлетворять насущные жизненные потребности, было гораздо хуже, чем у тех, кто материальной депривации не испытывал, а также что с ростом уровня благосостояния слоя, с которым себя идентифицируют опрошенные, повышается и их оценка на шкале здоровья.

Таким образом, представленный анализ подтверждает результаты прежних исследований, свидетельствующих о том, что за различиями здоровья людей в нашем обществе скрываются социально-структурные факторы — прежде всего экономические неравенства. Мы продемонстрировали, что материальные лишения, от которых продолжает страдать немалая часть жителей Петербурга, негативно сказываются на состоянии их здоровья. Наши данные позволяют также предположить, что на здоровье влияет не только абсолютная, но и относительная депривация — по сравнению с самыми обеспеченными людьми здоровье линейно снижается в каждом нижележащем слое экономической стратификации.

Здоровье и социальный капитал: добровольные ассоциации

Приступая к анализу основной проблемы нашего исследования, посвященного изучению влияния социального капитала на здоровье, рассмотрим в настоящем разделе вопрос о том, связаны ли различия в самочувствии жителей Петербурга с их вовлеченностью в деятельность добровольных ассоциаций, а также с доверием участников опроса другим людям. Согласно теоретическим представлениям, тесные взаимодействия между гражданами, обеспечиваемые широким развитием организационных сетей, способствуют развитию сотрудничества, социальной сплоченности, солидарности, т. е. таких характеристик социальной среды, которые позитивно влияют на благополучие и здоровье индивидов⁶². Формальные сети являются также важным средством передачи информации, полезной для поддержания здоровья, и формирования норм поведения, предотвращающих распространение деструктивных для здоровья поведенческих практик. Кроме

⁶² *Marmot M., Wilkinson R.G.* Psychosocial and Material Pathways in the Relation between Income and Health: A Response to Lynch and Muntaner // *British Medical Journal*. Vol. 322 (7296), 2001. P. 1233–1236; *Wilkinson R.G.* Income Inequality, Social Cohesion and Health: Clarifying the Theory: A Reply to Muntaner and Lynch // *International Journal of Health Services*. 1999. Vol. 29 (3). P. 525–543; *Wilkinson R.G.* The Impact of Inequality: How to Make Sick Societies Healthier.

того, участие в добровольных ассоциациях может обеспечивать представителям различных социальных слоев доступ к ограниченным ресурсам, которого они были бы лишены, не имея связей с другими членами объединений⁶³. Наряду с развитием организационных сетей, одной из важнейших составляющих социального капитала выступает складывающееся в этих сетях доверие между людьми⁶⁴ — высокий уровень доверительных отношений может также сказываться на здоровье позитивным образом⁶⁵.

В нашем исследовании в Санкт-Петербурге эмпирическими референтами вовлеченности в формальные сети служат показатели членства в добровольных ассоциациях и участия в их работе. Участникам опроса задавались вопросы о том, состоят ли они в каких-либо добровольных объединениях и в деятельности каких организаций принимают реальное участие. Закрытый список таких объединений включал следующие категории: профсоюзы; политические партии, движения; религиозные или церковные организации; объединения и товарищества по месту жительства; профессиональные ассоциации и творческие союзы; общества потребителей; «зеленые» организации, целью которых является защита природы и охрана окружающей среды; спортивные общества и оздоровительные объединения; объединения поклонников музыки или других видов искусства; общества, связанные с заботой о животных, их защитой; женские организации; общины, организации людей одной национальности (респондент имел возможность дополнить предложенный список). Социальное доверие определялось с помощью широко используемого в исследованиях вопроса — считает ли интервьюируемый, что большинству людей можно доверять, или же полагает, что, вступая в отношения с ними, следует быть очень осторожным.

Что же можно сказать о запасах социального капитала в Петербурге, связанного с вовлеченностью горожан в организационные сети? Ответ на этот вопрос дает таблица 3, в которой приведены процентные доли респондентов, которые являются членами той или иной общественной ассоциации, и аналогичные индикаторы участия в их работе.

В добровольных ассоциациях состоит менее трети респондентов (около 30%), причем больше половины среди них сообщили, что входят в

---

⁶³ *Poortinga W.* Social Relations or Social Capital? Individual and Community Health Effects of Bonding Social Capital; *Islam M. Kamrul, Merlo J., Kawachi I., Lindström M., Gerdtham Ulf-G.* Social capital and health: Does egalitarianism matter? A literature review.

⁶⁴ *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии.

⁶⁵ *Kennedy B.P., Kawachi I., Brainerd E.* The Role of Social Capital in the Russian Mortality Crisis.

профсоюзы (17%). Членство в других организациях крайне низкое: менее одного процента собирают экологические организации, объединения по месту жительства и по художественным интересам, общества, занимающиеся заботой о животных, женские организации и общины по национальной принадлежности; около 2% — политические партии и движения, религиозные или церковные организации; чуть больше (3%) — спортивные общества и оздоровительные объединения.

Таблица 3. Связи жителей Санкт-Петербурга с добровольными ассоциациями, 2006 г.

В каких добровольных объединениях вы состоите, даже если не принимаете реального участия в их работе, и в деятельности каких из них действительно участвуете?	Состою %	Участвую %
Профсоюзы	17.3	3.0
Политические партии, движения	1.9	1.4
Религиозные или церковные организации	1.7	0.9
Объединения, товарищества по месту жительства	0.7	0.5
Профессиональные ассоциации, творческие союзы	1.4	1.2
Общества потребителей	1.9	0.5
«Зеленые» организации — защита окружающей среды, природы	0.0	0.3
Спортивные общества, оздоровительные объединения	3.0	2.6
Объединения поклонников музыки или др. видов искусства	0.7	0.5
Общества, связанные с заботой о животных, их защитой	0.5	0.2
Женские организации	0.5	0.0
Общины, организации людей одной национальности	0.3	0.0
Другие	0.3	0.3

N = 573

Численность горожан, вовлеченных в работу этих объединений, и вовсе ничтожно мала. Почти девять из каждых десяти респондентов участия в их деятельности не принимают (89%), а остальные — это профсоюзные активисты (3%), те, кто занимается в спортивных клубах и оздоровительных объединениях (менее 3%), а также считанные единицы участвующих в деятельности прочих организаций (на долю которых в совокупности приходятся оставшиеся 8%).

Используя описанные данные о членстве участников опроса в добровольных объединениях и участии в их деятельности, для дальнейшего анализа нами был сконструирован индекс связей респондента с такими объединениями, подразделяющий горожан на три категории (см. рисунок 4а): (1) не состоят ни в одной организации — 73%, (2) состоят, не участвуя в работе, — 17% и (3) участвуют в деятельности — 10%.

Другой индекс, также характеризующий связи горожан с добровольными ассоциациями, был построен аналогичным образом, однако при этом не принималось во внимание членство в профсоюзах и участие в их работе. Дело в том, что наша страна относится к типу обществ с отчетливо выраженным доминированием государства, а в таких обществах профсоюзы характеризует «автоматическое» членство и иерархичность построения, т. е. особенности, противоречащие теории социального капитала (автономия добровольных организаций от государства, гражданская активность и горизонтальные связи)⁶⁶. Распределение респондентов по индексу связей с организациями, исключая профсоюзы, приведено на рисунке 4б. Преобладающее большинство — 90% — в ассоциациях не состоят, пассивными членами являются 3%, и 7% — это респонденты, активно вовлеченные в их работу.

Что же касается социального доверия, в Петербурге отчетливо преобладает точка зрения, согласно которой с людьми «нужно быть очень осторожным» (59%), и только немногим более трети горожан полагает, что «большинству людей можно доверять» (38%) (правда, на общероссийском фоне, как и при сравнении со многими другими странами, этот показатель доверия выглядит не так уж плохо⁶⁷).

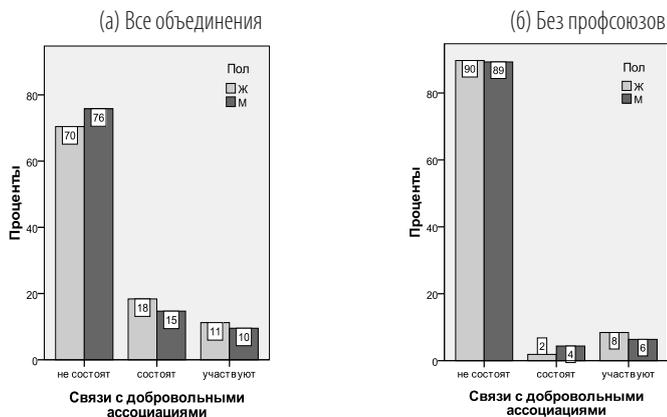

Рис. 4. Добровольные объединения: членство и участие в работе, Санкт-Петербург, 2006 г.

⁶⁶ См.: Сафронов В. Социальный капитал и демократия: исследование в Санкт-Петербурге // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 1. С. 15–33.

⁶⁷ См.: Там же.

Вопреки ожиданиям, опирающимся на концептуальные представления, нам не удалось обнаружить статистически значимых корреляционных зависимостей между показателями социального доверия и отношения к добровольным ассоциациям. Тем не менее, следуя теоретическому положению, согласно которому взаимодействие людей в добровольных ассоциациях порождает социальное доверие, мы предположили, что позитивный эффект для здоровья, обусловленный социальным капиталом, будет наиболее отчетливо проявляться при сопоставлении, с одной стороны, тех респондентов, которые не только связаны с этими ассоциациями, но и доверяют другим людям, и, с другой стороны, жителей города, ни в каких организациях не состоящих и доверия не испытывающих. Для проверки этого предположения были сконструированы два индекса, градации которых отражали типологию, получаемую при пересечении признаков отношения к добровольным ассоциациям (есть связи с ними или нет) и социального доверия (есть оно или нет). Первый характеризует пересечение характеристик членства и доверия: (1) респондент не состоит ни в одной организации и не доверяет людям (44%), (2) не состоит, но доверяет (27%), (3) состоит, но не доверяет (15%) и (4) состоит и доверяет (11%). Второй индекс отражает пересечение признаков участия и доверия: (1) респондент не участвует в работе ни одной организации и не доверяет людям (53%), (2) не участвует, но доверяет (34%), (3) участвует, но не доверяет (6%) и (4) участвует и доверяет (4%).

Анализ зависимости состояния здоровья петербуржцев, зафиксированного с помощью индекса самооценки (SF-36: General Health), от описанных показателей социального капитала осуществлялся с использованием статистического аппарата общих линейных моделей (при контроле демографических и социально-структурных факторов). Результаты этого анализа, представленные в таблице 4, включают четыре модели.

Модель 1а позволяет увидеть, как на самочувствие горожан влияет первый из наших показателей социального капитала — индекс связей с добровольными ассоциациями, считая среди них и профсоюзы, а модель 1б — аналогично сконструированный индекс, который не учитывает членство в профсоюзах и участие в их работе. Статистически значимых различий в здоровье, связанных как с одним, так и с другим индексом социального капитала, нам выявить не удалось. Самооценки здоровья респондентов, вовлеченных в деятельность общественных организаций, и тех, кто не имеет к ним никакого отношения, не отличаются друг от друга, а если и отличаются, то различия эти носят случайный характер.

Таблица 4. Самооценки здоровья: влияние факторов членства в добровольных ассоциациях и участия в их работе и структурных неравенств (при контроле пола и возраста), Санкт-Петербург, 2006 г. (General Linear Model, Univariate)

ФАКТОРЫ	Модель 1а		Модель 1б		Модель 2а		Модель 2б	
	<i>b</i>	<i>Sig.</i>	<i>b</i>	<i>Sig.</i>	<i>b</i>	<i>Sig.</i>	<i>b</i>	<i>Sig.</i>
Пол:								
Женщины	-2.3	0.087	-2.2	0.099	-2.2	0.106	-2.2	0.101
Возраст:								
30–39 лет	4.3	0.010	4.2	0.012	4.5	0.007	4.4	0.010
40–49 лет	-2.4	0.131	-2.4	0.137	-2.1	0.200	-2.2	0.182
Образование:								
Не выше среднего	-2.8	0.116	-2.8	0.114	-2.3	0.200	-2.3	0.198
Среднее специальное	-0.4	0.764	-0.5	0.755	-0.0	0.997	-0.0	0.977
Депривация:								
Нет	6.2	0.000	6.2	0.000	6.5	0.000	6.5	0.000
Материальное положение								
2.5	0.000	2.6	0.000	2.4	0.000	2.5	0.000	
Ассоциации все:								
Не состоят	0.6	0.770						
Состоят	2.3	0.362						
Ассоциации без профсоюзов:								
Не состоят			0.7	0.775				
Состоят			1.4	0.749				
Членство X доверие:								
Не состоят, не доверяют					-0.3	0.899		
Не состоят, доверяют					-0.6	0.790		
Состоят, не доверяют					0.3	0.915		
Участие X доверие:								
Не участвуют, не доверяют							4.7	0.144
Не участвуют, доверяют							5.2	0.117
Участвуют, не доверяют							6.3	0.122
Intercept	44.7	0.000	44.8	0.000	45.6	0.000	40.4	0.000
Adjusted R Squared	0.16		0.16		0.15		0.16	
N	545		545		527		527	

Самооценки здоровья — SF-36: General Health, 100-балльная шкала. Референтные категории: пол — мужчины, возраст — 50–60 лет, образование — высшее (включая незаконченное высшее), депривация — постоянно, время от времени респонденту приходилось из-за нехватки денег отказываться от удовлетворения насущных потребностей, связи с добровольными ассоциациями (включая и исключая профсоюзы) — участвуют в их работе, членство в ассоциациях и доверие — состоят и доверяют другим людям, участие в деятельности ассоциаций и доверие — участвуют и доверяют людям (contrast: simple).

В двух других моделях, отображенных в таблице 4, в число независимых факторов (наряду с демографией и социальной структурой) включались индексы членства × доверия (модель 2а) и участия × доверия (модель 2б). Вопреки нашему предположению, оказалось, что различия в здоровье горожан с этими переменными также не связаны.

Обнаруженные нами факты, говорящие об отсутствии влияния изучавшихся характеристик социального капитала на здоровье и противоречащие теории, трудно объяснить, ссылаясь на особенности отношения наших сограждан к добровольным организациям и другим людям или на различия в структуре и функциях наших и западных объединений. Как показывают исследования на индивидуальном уровне, проводившиеся в других странах, в одних из них действительно удается показать, что связи с ассоциациями и доверие выступают важными предикторами статуса здоровья⁶⁸, но в других такие зависимости найти не удается. Так, не было выявлено значимых связей между участием в добровольных организациях, доверием и самооценкой здоровья в опросе, проведенном в одной из областей Канады⁶⁹. В Шотландии также не было обнаружено влияния фактора включенности в местные ассоциации на воспринимаемое здоровье⁷⁰. Исследование в Южной Австралии продемонстрировало, что вхождение в формальные сети не является предиктором ни физического, ни психического здоровья, однако социальное доверие оказалось с этими

---

⁶⁸ *Poortinga W.* Social Relations or Social Capital? Individual and Community Health Effects of Bonding Social Capital; *Veenstra G., Luginaah I., Wakefield S., Birch S., Eyles J., Elliott S.* Who You Know, Where You Live: Social Capital, Neighborhood and Health // *Social Science and Medicine*. 2005. Vol. 60 (12). P. 2799–2818.

⁶⁹ *Veenstra G.* Social Capital, SES and Health: An Individual-Level Analysis.

⁷⁰ *Ellaway A., Macintyre S.* Social Capital and Self Rated Health: Support for a Contextual Mechanism // *American Journal of Public Health*. 1999. Vol. 90 (6). P. 988–1009.

зависимыми переменными связанным⁷¹. Это заключение подтвердило результаты, полученные в этом же регионе ранее⁷². Анализ влияния вовлеченности в добровольные ассоциации на самооценку здоровья в Финляндии показал, что только участие в религиозных ассоциациях оказалось значимым, независимым фактором самочувствия индивидов, тогда как членство в любых других организациях не было связано со статусом здоровья⁷³. Причины противоречивости результатов остаются не проясненными — требуется дальнейшее развитие концепции, связывающей организационный капитал со здоровьем, и совершенствование методологии его исследования.

Завершая обсуждение, подчеркнем, что наши результаты в Санкт-Петербурге, как и многие факты, выявленные в других странах, не подтверждают теоретические представления, связывающие дифференциацию здоровья людей с наличием у них специфической разновидности социального капитала — вовлеченности в добровольные ассоциации и межличностного доверия.

Здоровье и социальный капитал: вовлеченность в сети и социальная интеграция

При изучении социальных сетей и их воздействия на здоровье был выделен ряд механизмов — психосоциальных и поведенческих процессов микроуровня, — посредством которых осуществляется это воздействие, включая социальную поддержку, социальную вовлеченность и участие, а также социальное влияние (контроль поведения, несущего риски здоровью или способствующего его укреплению), регулирование столкновений с инфекционными болезнями и доступ к материальным благам и ресурсам⁷⁴.

Два первых из названных механизмов будут в поле нашего внимания в настоящем и последующем разделах. Начнем с рассмотрения

---

⁷¹ *Ziersch A.M.* Health Implications of Access to Social Capital: Findings from an Australian Study // *Social Science and Medicine*. 2005. Vol. 61 (10). P. 2119–2131.

⁷² *Baum F.E., Bush R.A., Modra C.C., Murray C.J., Cox E.M., Alexander K.M., Potter R.C.* Epidemiology of Participation: An Australian Community Study // *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2000. Vol. 54 (6). P. 414–423.

⁷³ *Hyypä M.T., Maki J.* Individual-Level Relationships between Social Capital and Self-Rated Health in a Bilingual Community.

⁷⁴ *Berkman L.F., Glass T., Brissette I., Seeman T.E.* From Social Integration to Health: Durkheim in the New Millennium. P. 850.

социального участия и вовлеченности в социальные сети. Виды активности, с которыми связаны эти процессы, многообразны — от участия в трудовой и общественной деятельности до встреч с друзьями, совместного проведения досуга и посещения церкви. Социальные сети, создавая возможности для осуществления активности такого рода, «определяют и закрепляют осмысленные социальные роли <...>, которые, в свою очередь, обеспечивают чувства значимости, принадлежности и единства», — и тем самым социальная связанность, интеграция «придают жизни человека осмысленность, позволяя ему отдаваться ей полностью, чувствовать свои обязательства перед другими и принадлежность к сообществу людей»⁷⁵.

Действительно, одно из направлений исследований на индивидуальном уровне, систематически подтверждающих, что социальные взаимодействия влияют на здоровье, было связано с понятием социальной интеграции. Под социальной интеграцией понимается «участие человека в широком спектре социальных взаимоотношений» и считается, что этот фактор оказывает на здоровье самостоятельное, независимое от других переменных (демографических, социально-структурных, стресса) воздействие, способствуя возникновению позитивных психологических состояний (самоуважения, целеустремленности, цельности личности, положительных аффектов) и связанных с ними благоприятных физиологических реакций, а также — выступая источником информации, мотивации и социального давления, побуждающих человека заботиться о своем здоровье⁷⁶. Согласно одной из трактовок зависимости между социальной интеграцией и здоровьем, чем больше социальных сетей, в которые вовлечен человек, тем лучше для его здоровья (если, конечно, интеракции внутри этих сетей не носят негативного характера и не служат для него источником стресса). По другой версии, ключевое значение приписывается социальной изоляции — именно она ведет к нездоровью, так как сама по себе является сильным фактором, вызывающим у человека стрессы, негативные аффекты, чувства отчужденности и одиночества и снижающим его самооценку и уверенность в способности контролировать происходящее⁷⁷.

Хотя не существует «общепризнанного или стандартного способа измерения [социальной] интеграции, в большинстве случаев

⁷⁵ Berkman L.F., Glass T., Brissette I., Seeman T.E. From Social Inegration to Health: Durkheim in the New Millennium. P. 849.

⁷⁶ Cohen S. Social Relationships and Health. P. 678–679.

⁷⁷ Ibidem. P. 680.

оценивается число опознаваемых социальных позиций (ролей) или идентичностей (например, баллы приписываются тем, кто является супругом, отцом, другом, принадлежит церкви)»⁷⁸. Так, индекс социальных сетей⁷⁹ учитывает широкий спектр социальных связей, включая отношения с мужем или женой, родителями, родителями супруга или супруги, детьми, другими близкими родственниками, соседями, друзьями, коллегами или товарищами по учебе и совместной добровольной активности, членами разнообразных нерелигиозных и религиозных организаций. Наличие каждой из таких связей добавляет один балл в суммарное значение индекса, если респондент сообщает, что хотя бы раз в две недели ему удается побеседовать с представителем соответствующей категории. Используя идеи такого подхода к фиксации социальной интеграции, в петербургском опросе мы предлагали его участникам высказаться о том, как часто они проводят время (1) с родителями или другими родственниками, (2) с друзьями, (3) свободное время — с коллегами по работе, а также (4) с людьми, которые вместе с респондентом состоят в каких либо добровольных объединениях, профессиональных обществах, клубах и т. п. При построении показателей, свидетельствующих о вовлечении человека в каждую из четырех сетей проведения досуга, проводилась дихотомизация исходных шкал, отделяющая респондентов, которые проводят время с представителями данной категории «каждую неделю или почти каждую» или хотя бы «один-два раза в месяц», от тех, кто делает это «лишь несколько раз в год» или «совсем не делает».

В таблице 5 приведены доли участников опроса среди мужчин и женщин, вовлеченных в социальные сети указанных четырех типов. Около четырех пятых жителей города связаны с родственными сетями проведения досуга и около трех четвертей — с дружескими сетями. Можно сказать, что эти две разновидности социальных сетей имеют очень широкое распространение в Санкт-Петербурге. Гораздо реже встречаются те, кто достаточно регулярно проводит свободное время с коллегами по работе, — их примерно треть в нашей выборке. И совсем мало респондентов (5–8%), как и следовало ожидать, учитывая

---

⁷⁸ *Cohen S., Lemay E.P.* Why Would Social Networks Be Linked to Affect and Health Practices? // *Health Psychology*. 2007. Vol. 26 (4). P. 410–417. P. 410.

⁷⁹ *Cohen S., Doyle W.J., Skoner D.P., Rabin B.S., Gwaltney J.M.* Social Ties and Susceptibility to the Common Cold // *Journal of the American Medical Association*. 1997. Vol. 277 (24). P. 1940–1944.

результаты рассмотрения членства и активности петербургских жителей в ассоциациях, проводит время с товарищами по добровольным объединениям.

Прежде чем приступить к анализу влияния социальной интеграции на здоровье горожан, рассмотрим вопрос о том, различаются ли оценки своего самочувствия у респондентов, которые участвуют и не участвуют в каждой из наших четырех разновидностей социальных взаимоотношений.

Таблица 5. Вовлечение в социальные сети при проведении досуга, Санкт-Петербург, 2006 г.

<i>Как часто Вы делаете то, что указано ниже?</i>	Не реже 1–2 раз в месяц (%)	
	Ж	М
Проводите время с родителями или другими родственниками	83	81
Проводите время с друзьями	78	75
Проводите свободное время с коллегами по работе	33	38
Проводите время с людьми, которые вместе с Вами состоят в каких-либо добровольных объединениях, профессиональных обществах, клубах и т. п.	8	5
N	321	252

Различия в поведении мужчин и женщин статистически не значимы.

Поиск ответа на этот вопрос осуществлялся с использованием статистического аппарата общих линейных моделей. Зависимая переменная, как и прежде, — это индекс самооценки здоровья (SF-36: General Health). Влияние на эти оценки каждого из факторов, характеризующих отношение респондентов к отдельным сетям проведения досуга, рассматривалось в двух уравнениях, в одном из которых контролировались только социально-демографические переменные (пол и возраст), а в другом дополнительно и социально-структурные характеристики (образование, депривация основных потребностей, воспринимаемое экономическое положение).

В таблице 6 приведены результаты такого анализа, позволяющие судить о влиянии на здоровье факторов участия респондента в родственных (модели 1а и 1б) и дружеских (модели 2а и 2б) сетях.

Таблица 6. Самооценки здоровья: влияние факторов вовлечения в сети родственных и дружеских связей при проведении досуга и структурных неравенств (при контроле пола и возраста), Санкт-Петербург, 2006 г. (General Linear Model, Univariate)

ФАКТОРЫ	Модель 1а		Модель 1б		Модель 2а		Модель 2б	
	<i>b</i>	<i>Sig.</i>	<i>b</i>	<i>Sig.</i>	<i>b</i>	<i>Sig.</i>	<i>b</i>	<i>Sig.</i>
Пол:								
Женщины	-3.0	0.024	-2.3	0.082	-3.3	0.012	-2.5	0.053
Возраст:								
30–39 лет	6.8	0.000	4.0	0.016	5.5	0.001	3.2	0.057
40–49 лет	0.3	0.872	-2.2	0.160	-0.9	0.592	-3.0	0.058
Образование:								
Не выше среднего			-2.5	0.146			-2.3	0.185
Среднее специальное			-0.4	0.758			-0.5	0.730
Депривация:								
Нет			6.2	0.000			6.1	0.000
Материальное положение			2.5	0.000			2.4	0.000
Досуг: родственники								
Очень редко, никогда	-3.8	0.028	-3.4	0.043				
Досуг: друзья								
Очень редко, никогда					-7.2	0.000	-5.7	0.000
Intercept	59.0	0.000	46.3	0.000	61.0	0.000	48.3	0.000
Adjusted R Squared	0.05		0.17		0.08		0.18	
N	571		544		568		541	

Самооценки здоровья — SF-36: General Health, 100-балльная шкала. Референтные категории: пол — мужчины, возраст — 50–60 лет, образование — высшее (включая незаконченное высшее), депривация — постоянно, время от времени респонденту приходилось из-за нехватки денег отказываться от удовлетворения насущных потребностей, проведение досуга (с родственниками, друзьями) — не реже чем 1–2 раза в месяц (contrast: simple).

Приведенные коэффициенты (В) показывают, что оба эти фактора оказывают значимое с точки зрения статистических критериев воздействие на здоровье, причем такое влияние сохраняется при контроле демографических особенностей участников исследования, а также демографических и социально-структурных параметров. При прочих равных условиях (принадлежность к определенным демографическим

и социально-структурным категориям) здоровье жителей города, которые практически не проводят время в родственном кругу, оказывается несколько хуже по сравнению с теми, кто регулярно встречается со своими родственниками, хотя различия самочувствия между теми и другими не очень отчетливы (3–4 пункта шкалы). Гораздо заметнее такого рода различия между людьми, вовлеченными и не вовлеченными в дружеские сети досуга (6–7 пунктов шкалы здоровья).

Результаты анализа, свидетельствующие о влиянии на здоровье двух других сетевых переменных — проведения свободного времени с коллегами по работе и с товарищами по добровольным ассоциациям — отображены в таблице 7, которая построена по аналогии с таблицей 6. Левая часть таблицы 7 (Модели 1а и 1б) описывает воздействие на здоровье первого из этих факторов, а правая ее часть (Модели 2а и 2б) — второго.

Таблица 7. Самооценки здоровья: влияние факторов вовлечения в сети проведения досуга с коллегами и членами добровольных ассоциаций и структурных неравенств (при контроле пола и возраста), Санкт-Петербург, 2006 г.
(General Linear Model, Univariate)

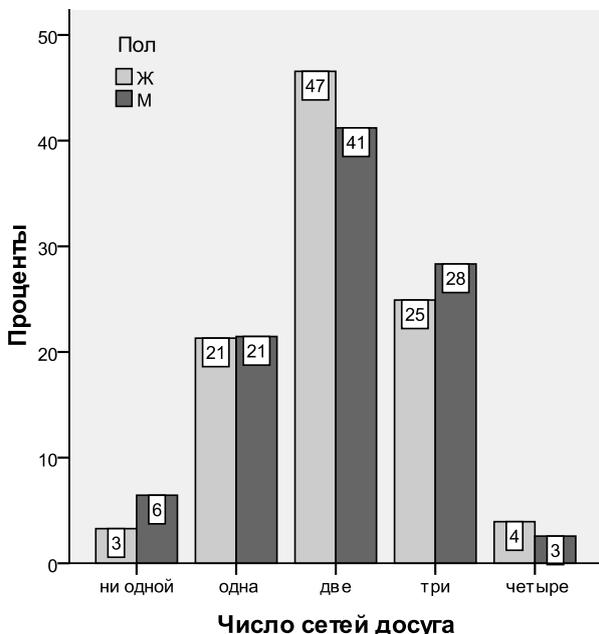
ФАКТОРЫ	Модель 1а		Модель 1б		Модель 2а		Модель 2б	
	<i>b</i>	<i>Sig.</i>	<i>b</i>	<i>Sig.</i>	<i>b</i>	<i>Sig.</i>	<i>b</i>	<i>Sig.</i>
Пол:								
Женщины	–2.4	0.070	–1.9	0.145	–3.1	0.022	–2.6	0.055
Возраст:								
30–39 лет	6.6	0.000	4.1	0.016	7.0	0.000	3.9	0.022
40–49 лет	0.1	0.946	–2.3	0.160	0.1	0.942	–2.4	0.136
Образование:								
Не выше среднего			–2.8	0.115			–2.1	0.237
Среднее специальное			–0.2	0.910			0.3	0.864
Депривация:								
Нет			6.1	0.000			6.2	0.000
Материальное положение			2.4	0.000			2.6	0.000
Досуг: коллеги								
Очень редко, никогда	–3.5	0.011	–2.1	0.137				
Досуг: ассоциации								
Очень редко, никогда					–4.1	0.120	–4.4	0.082
Intercept	60.4	0.000	47.5	0.000	62.3	0.000	49.1	0.000
Adjusted R Squared	0.06		0.16		0.05		0.17	
N	559		534		547		525	

Самооценки здоровья — SF-36: General Health, 100-балльная шкала. Референтные категории: пол — мужчины, возраст — 50–60 лет, образование — высшее (включая незаконченное высшее), депривация — постоянно, время от времени респонденту приходилось из-за нехватки денег отказываться от удовлетворения насущных потребностей, проведение досуга (с коллегами, в добровольных объединениях) — не реже чем 1–2 раза в месяц (contrast: simple).

Состояние здоровья петербуржцев, регулярно проводящих досуг с коллегами по работе, немного отличается в лучшую сторону по сравнению с теми, кто этого не делает, однако при учете социально-структурных различий эта разница стирается, оказываясь вне рамок принятых статистических критериев. Респонденты, которые систематически общаются с товарищами по добровольным объединениям, выше оценивают свое здоровье (на четыре с лишним пункта шкалы) чем те, кто в такое общение не вовлечен, однако из-за малочисленности представителей такого рода сетей это расхождение оказывается статистически не значимым не только при контроле демографических и структурных переменных, но и одних половых и возрастных особенностей респондентов.

Обобщая описанные результаты, можно сказать, что участие в социальных сетях, связанных с проведением досуга, оказывает позитивное воздействие на здоровье. Это воздействие наиболее отчетливо проявляется, когда речь идет о взаимоотношениях с друзьями, а также родственниками. Тем не менее, даже в этих случаях, не говоря уже о показателях проведения свободного времени с коллегами и товарищами по ассоциациям, различия самооценок здоровья у респондентов, вовлеченных в родственные и дружеские сети, и тех, кто в них не входит (несмотря на статистическую значимость), оказываются не очень большими. Станут ли расхождения в здоровье более выразительными при проверке предположения о влиянии социальной интеграции, согласно которому значение имеет не просто участие в той или иной социальной сети, но вовлеченность человека в как можно большее число различных сетей?

С целью проверки этого предположения нами был сконструирован индекс социальной интеграции, градации которого свидетельствуют о количестве сетей досуга, в которые вовлечен тот или иной из участников петербургского опроса (не реже 1–2 раз в месяц проводит время с родственниками, друзьями, коллегами, товарищами по объединениям). Распределение респондентов (отдельно женщины и мужчины) по этому индексу представлено на рисунке 5.

N = 538. Различия между мужчинами и женщинами статистически не значимы.

Рис. 5. Проведение досуга жителями Санкт-Петербурга: число сетей, 2006 г.

В полной социальной изоляции (от изучавшихся сетей) живет лишь чрезвычайно малая доля горожан (3–6%), каждый пятый входит только в одну из рассматривавшихся сетей, около половины — в две, примерно четверть — в три, а во все изучавшиеся нами сети — считанные проценты (3–4%). Описанное распределение говорит о достаточно отчетливой социальной интеграции большей части наших респондентов, входящих хотя бы в две из четырех сетей, однако эта интеграция ограничивается неформальным кругом родственников, друзей и коллег, не распространяясь за его пределы на формальные институты социальной самоорганизации.

Для выяснения того, какую роль фактор социальной интеграции играет в дифференциации здоровья петербуржцев, нами вновь, как и при описании влияния отдельных сетей, использовались статистики, полученные в общих линейных моделях (см. таблицу 8) при контроле только демографических переменных (Модель 1), а также демографических и социально-структурных расслоений (Модель 2).

Таблица 8. Самооценки здоровья: факторы — многообразие сетей проведения досуга и структурные неравенства (при контроле пола и возраста), Санкт-Петербург, 2006 г. (General Linear Model, Univariate)

ФАКТОРЫ	Модель 1		Модель 2	
	<i>b</i>	<i>Sig.</i>	<i>b</i>	<i>Sig.</i>
Пол:				
Женщины	-3.6	0.008	-2.9	0.032
Возраст:				
30–39 лет	4.9	0.004	2.6	0.125
40–49 лет	-0.7	0.648	-2.9	0.073
Образование:				
Не выше среднего			-2.0	0.257
Среднее специальное			-0.0	0.982
Депривация:				
Нет			5.7	0.000
Материальное положение			2.3	0.000
Досуг: число сетей				
Ни одной	-23.7	0.000	-20.6	0.000
Одна	-13.9	0.000	-11.8	0.002
Две	-9.5	0.012	-8.7	0.017
Три	-8.1	0.036	-7.6	0.041
Intercept	70.1	0.000	57.0	0.000
Adjusted R Squared	0.10		0.19	
N	538		517	

Самооценки здоровья — SF-36: General Health, 100-балльная шкала. Референтные категории: пол — мужчины, возраст — 50–60 лет, образование — высшее (включая незаконченное высшее), депривация — постоянно, время от времени респонденту приходилось из-за нехватки денег отказываться от удовлетворения насущных потребностей, число сетей досуга — респондент вовлечен во все четыре сети (родственных и дружеских связей, отношений с коллегами и членами добровольных ассоциаций) (contrast: simple).

Как видно в таблице 8, добавление к базовой модели, включающей только переменные пола и возраста, индекса социальной интеграции (Модель 1) позволяет объяснить вдвое большую долю дисперсии самооценок здоровья (с 5% — см. таблицу 1 — она повышается

до 10%). При включении этого индекса в уравнение, в котором учтены не только демографические, но и социально-структурные параметры (Модель 2), эта доля опять же заметно возрастает (с 16%, согласно таблице 2, до 19%). Как и предполагается теорией, охарактеризованной в начале данного раздела, полученные нами факты говорят о том, что социальная интеграция — важный самостоятельный фактор, объясняющий различия в здоровье наших респондентов. Так, по мере повышения социальной интеграции возрастают их оценки своего здоровья — разница по шкале между теми, кто живет в полной изоляции, и респондентами, вовлеченными во все четыре сети, составляет более двадцати пунктов.

В наглядном виде зависимости, характеризующие влияние на здоровье социальной интеграции и экономических неравенств, представлены на рисунках 6(а) и 6(б). Средние значения самооценок здоровья для градаций индекса социальной интеграции и показателей ограничения основных потребностей и воспринимаемого экономического статуса, отображенные на этих рисунках, рассчитаны по уравнению, представленному моделью 2 в таблице 8, с той, однако, разницей, что переменная экономического статуса укрупнена до индекса с четырьмя градациями и в число факторов включены две интеракции переменных — социальной интеграции с ограничением потребностей и социальной интеграции с воспринимаемым статусом. Учет этих интеракций позволит проверить предположения о том, что важность социального капитала для здоровья неодинакова для людей с низким и высоким социальным статусом.

Представленные на рисунке 6 зависимости подтверждают тезис о влиянии социальной интеграции на здоровье, согласно которому участие в многообразных социальных сетях благоприятно сказывается на здоровье — и чем больше это многообразие, тем лучше для здоровья, а также описанные ранее факты о роли социально-экономических различий — материальная депривация сказывается на здоровье негативно, а с повышением воспринимаемого статуса самооценки здоровья становятся выше. В то же время, наш анализ не подтверждает предположений о дифференцированном воздействии на здоровье социальной интеграции в зависимости от экономического положения человека (а также, как показала дополнительная проверка, и от образования) — ни одна из проверявшихся интеракций не является статистически значимой.

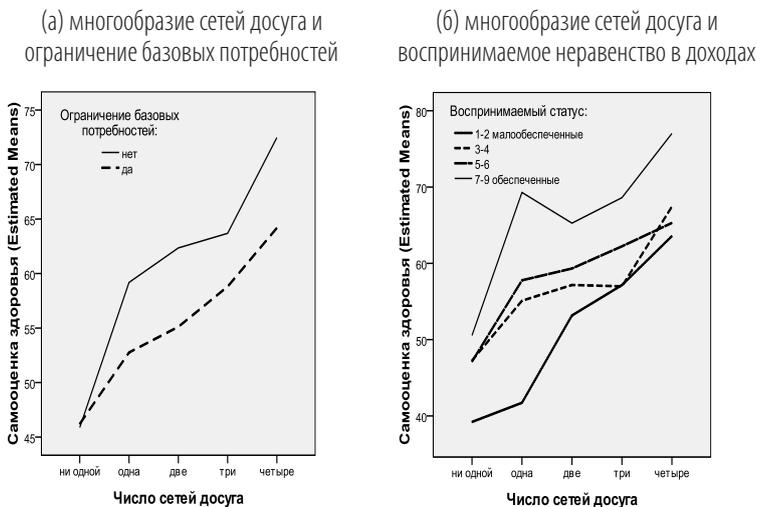

Рис. 6. Различия оценок здоровья: факторы — интеграция в сети досуга и экономические неравенства, Санкт-Петербург, 2006 г.

Средние оценки здоровья для категорий индекса социальной интеграции и показателей экономических неравенств получены с помощью General Linear Model, Univariate: контролируемые факторы — пол, возраст, образование, материальная депривация, воспринимаемое экономическое положение, многообразие сетей досуга, а также интеракции — сети досуга с депривацией и сети досуга с воспринимаемым статусом.

Полученные нами факты показывают, что социальная интеграция обеспечивает людей важными ресурсами, необходимыми для поддержания здоровья. Вероятность улучшения здоровья при наличии таких ресурсов проявляется у всех респондентов, к какой бы категории, вычленяемой в многомерном демографическом и социальном пространстве, они ни относились. Не исключено, однако, что мужчины и женщины, представители младших и старших возрастных когорт, образовательных и экономических страт наделены таким социальным капиталом не в равной мере. Для проверки этой гипотезы мы рассчитали парные корреляции (Kendall's tau-b) между индексом социальных сетей досуга и указанными структурными переменными, а затем еще раз использовали статистические средства общих линейных моделей, анализируя различия социальной инте-

грации (зависимая переменная), обусловленные названными демографическими и социальными факторами. Результаты этого анализа отображены в таблице 9.

Таблица 9. Социальная интеграция: демографические и социально-структурные различия, Санкт-Петербург, 2006 г. (Корреляции и General Linear Model, Univariate)

ФАКТОРЫ:	Парные корреляции		GLM	
	<i>tau-b</i>	<i>Sig.</i>	<i>b</i>	<i>Sig.</i>
Пол:	-0.02	0.680		
Женщины			0.01	0.245
Возраст:	-0.22	0.000		
30–39 лет			0.46	0.000
40–49 лет			0.18	0.055
Образование:	0.12	0.001		
Не выше среднего			-0.18	0.085
Среднее специальное			-0.03	0.701
Депривация:	0.05	0.238		
Нет			-0.12	0.126
Воспринимаемый статус	0.22	0.000		
1–2 малообеспеченные			-0.60	0.000
3–4			-0.38	0.002
5–6			-0.09	0.487
Intercept			2.19	0.000
Adjusted R Squared			0.11	
N			517	

Зависимая переменная — число сетей проведения досуга. Референтные категории: пол — мужчины, возраст — 50–60 лет, образование — высшее (включая незаконченное высшее), депривация — постоянно, время от времени респонденту приходилось из-за нехватки денег отказываться от удовлетворения насущных потребностей, воспринимаемый экономический статус — хорошо обеспеченные респонденты (градации 7–9 девятибалльной шкалы) (contrast: simple).

Корреляционный анализ, подтверждая высказанное предположение, показывает, что с возрастом социальная интеграция заметно снижается, а с ростом уровня образования и воспринимаемого положения в экономической структуре — растет. Гораздо меньшая часть представителей старшей возрастной группы, менее образованных и малообеспе-

ченных горожан обладает социальным капиталом поддержания здоровья, связанным с интеграцией в социальное окружение, чем это имеет место в рядах тридцатилетних, высоко образованных и обеспеченных респондентов. Особенно отчетливые различия по нашему индексу социальной интеграции, как подтверждает уравнение общей линейной модели (GLM в таблице 9), связаны с факторами возраста и воспринимаемого экономического статуса.

Таким образом, представленные результаты позволяют утверждать, что дефицит человеческого капитала (по признаку экономического статуса) и социального капитала образуют порочный круг — недостаток одного сопрягается, как правило, с отсутствием другого. И наоборот, материальная обеспеченность сочетается обычно с более высокими значениями показателя социальной интеграции. Такое распределение капитала социальных сетей закрепляет различия в здоровье людей, принадлежащих к верхним и нижним слоям общественной стратификации.

Здоровье и социальный капитал: сети поддержки

Другое важное направление исследований, в котором, как и при изучении социальной интеграции, было показано, что социальные взаимодействия имеют позитивные последствия для здоровья, — это анализ социальной поддержки: «Не вызывает сомнения, что структура сетевых связей влияет на здоровье, обеспечивая разнообразные виды поддержки»⁸⁰. «Социальная поддержка указывает на предоставление через социальную сеть психологических и материальных ресурсов, *предназначенных для повышения способности индивида справляться со стрессом*»⁸¹. Механизм ее влияния на здоровье — буферизация, глущение стрессовых переживаний, обеспечиваемое благодаря помощи других людей, которая позволяет увидеть негативные события в менее угрожающем ракурсе и выработать эффективные стратегии преодоления стресса. Принято выделять несколько подтипов социальной поддержки — эмоциональную, инструментальную, оценочную и информационную. Эмоциональная разновидность подразумевает проявление к данному человеку со стороны других людей любви и заботы, симпатии

---

⁸⁰ Berkman L.F., Glass T., Brissette I., Seeman T.E. From Social Integration to Health: Durkheim in the New Millennium. P. 848.

⁸¹ Cohen Sh. Social Relationships and Health. P. 676.

и понимания, признание его значимости, инструментальная — практическую помощь, когда человек не в состоянии самостоятельно справиться с возникшими трудностями, оценочная имеет в виду помощь при принятии решений, а информационная — получение совета или необходимых сведений.

Для измерения социальной поддержки широко применяется специально разработанный инструмент — вопросник для оценивания межличностной поддержки (Interpersonal Support Evaluation List, ISEL)⁸². В нашем петербургском исследовании использовался краткий вариант этого инструмента, включающий 12 вопросов (ISEL 12 item scale). Он позволяет оценить представления человека о возможности получения социальной поддержки при столкновении с неблагоприятными обстоятельствами жизни (степень его согласия или несогласия с описываемыми такими обстоятельства суждениями).

В таблице 10 приводятся процентные доли жителей Санкт-Петербурга, которые полагают, что могут рассчитывать на поддержку других людей при возникновении той или иной из двенадцати затруднительных ситуаций, включенных в вопросник. Отчетливое большинство респондентов, а во многих случаях и преобладающее большинство, как видно в этой таблице, не сомневаются, что в случае необходимости смогут получить помощь у своих близких или знакомых.

Как и предполагается разработчиками инструмента, ответы респондентов, свидетельствующие о степени их согласия с двенадцатью суждениями, приведенными в таблице 10, достаточно тесно связаны между собой — их можно упорядочить с помощью шкалы социальной поддержки (Cronbach's Alpha = 0.80). После приведения ответов на исходные вопросы к общей поляризации (1 — отсутствие уверенности в поддержке, 4 — полная в ней уверенность), оценка для данного респондента на шкале социальной поддержки рассчитывалась нами как среднее арифметическое значение его ответов на эти суждения (если были высказаны мнения не менее чем на 8 из них). Эта оценка могла меняться от «1» (полная изоляция от сетей поддержки) до «4» (уверенность в поддержке в любой ситуации). Для дальнейшего анализа мы будем использовать индекс социальной поддержки с четырьмя градациями, полученный при укрупнении этой шкалы. Распределение по этому индексу мужчин и женщин, участвовавших в петербургском опросе, представлено на рисунке 7.

---

⁸² *Cohen S., Mermelstein R., Kamarck T., Hoberman H.* Measuring the Functional Components of Social Support // *Social support: Theory, research and application* / I.G. Sarason, B.R. Sarason (Eds.). The Hague, Holland: Martinus Nijhoff, 1985. P. 73–94.

Примерно каждый десятый участник опроса, согласно полученной классификации, может быть отнесен к категории людей, у которых связь с сетями поддержки является слабой, чуть менее трети — к категории с умеренной формой ее выражения, около двух пятых — с сильной, а у каждого пятого эта связь признавалась очень сильной.

Таблица 10. Распространенность ситуационных сетей поддержки в Санкт-Петербурге, 2006 г.

СУЖДЕНИЯ:		%
1.	Если бы мне захотелось поехать на один день за город отдохнуть, мне было бы трудно найти кого-то, кто поехал бы со мной (несогласие)	77
2.	У меня нет ни единого человека, с кем я мог бы поделиться своими самыми сокровенными мыслями, проблемами, опасениями (несогласие)	85
3.	Если бы я вдруг заболел, то легко нашел бы кого-то, кто окажет мне помощь по дому (согласие)	90
4.	В случае возникновения семейных проблем у меня есть к кому обратиться за советом (согласие)	88
5.	Если бы мне захотелось вечером пойти в кино, я легко нашел бы человека, который составит мне компанию (согласие)	75
6.	Когда мне нужен совет по личной проблеме, я знаю, к кому обратиться (согласие)	87
7.	Меня не часто приглашают что-либо сделать вместе (несогласие)	68
8.	Если мне понадобится уехать на несколько недель, трудно будет найти человека, который присмотрит за квартирой (растениями, животными) (несогласие)	73
9.	Если мне захочется, я без труда найду кого-нибудь, с кем можно вместе пообедать (согласие)	87
10.	Если мне понадобится помощь, чтобы добраться до дома, у меня есть кому позвонить, чтобы за мной приехали и отвезли домой (согласие)	86
11.	Если у меня возникнут серьезные проблемы в семейной жизни, будет трудно найти человека, который сможет посоветовать, как их уладить (несогласие)	59
12.	При необходимости переехать на другую квартиру мне будет трудно найти кого-то, кто поможет (несогласие)	69

Проценты от числа участников опроса, N = 573.

Шкала средних арифметических значений социальной поддержки укрупнена: [1–2.5] = «слабая» связь с сетями поддержки, (2.5–3] = «умеренная», (3–3.5] = «сильная» и (3.5–4] = «очень сильная». Различия между мужчинами и женщинами несущественны. N = 563.

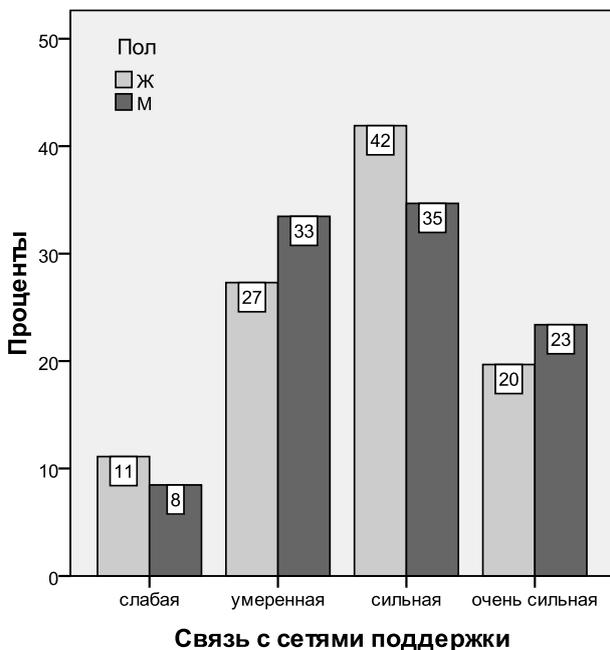

Рис. 7. Индекс социальной поддержки, Санкт-Петербург, 2006 г.

Анализируя влияние фактора социальной поддержки на здоровье, вновь обратимся к результатам, полученным с помощью статистических методов общих линейных моделей. Эти результаты, отображенные в таблице 11, позволяют, как и прежде — при проверке влияния на здоровье переменной социальной интеграции, — оценить роль этого фактора при контроле только демографических параметров (Модель 1), а также демографических и социально-структурных переменных (Модель 2).

Таблица 11. Самооценки здоровья: влияние факторов социальной поддержки и структурных неравенств (при контроле пола и возраста), Санкт-Петербург, 2006 г. (General Linear Model, Univariate)

ФАКТОРЫ	Модель 1		Модель 2	
	<i>b</i>	<i>Sig.</i>	<i>b</i>	<i>Sig.</i>
Пол:				
Женщины	-3.1	0.017	-2.4	0.065
Возраст:				
30–39 лет	7.5	0.000	4.9	0.003
40–49 лет	0.3	0.873	-1.9	0.226
Образование:				
Не выше среднего			-1.8	0.295
Среднее специальное			-0.7	0.623
Депривация:				
Нет			5.5	0.000
Материальное положение			2.2	0.000
Социальная поддержка:				
Слабая	-11.4	0.000	-8.2	0.001
Умеренная	-8.7	0.000	-6.7	0.000
Сильная	-0.7	0.678	-0.7	0.681
Intercept	62.3	0.000	49.9	0.000
Adjusted R Squared	0.12		0.20	
N	562		539	

Самооценки здоровья — SF-36: General Health, 100-балльная шкала. Референтные категории: пол — мужчины, возраст — 50–60 лет, образование — высшее (включая незаконченное высшее), депривация — постоянно, время от времени респонденту приходилось из-за нехватки денег отказываться от удовлетворения насущных потребностей, социальная поддержка — очень сильная (contrast: simple).

Социальная поддержка, согласно полученными нами фактам, — важный фактор, определяющий различия самооценок здоровья. Так, если половые и возрастные особенности опрошенных объясняют 5% дисперсии этих самооценок (см. таблицу 1), то включение в уравнение, содержащее демографические переменные, индекса социальной поддержки позволяет увеличить эту долю еще на 7% (Модель 1). Объяснительные возможности модели, содержащей демографические и социально-структурные переменные, при добавлении этого индекса также улучшаются существенным образом (с 16%, согласно таблице 2,

до 20%). Как показывают значения коэффициентов (В), с ростом показателя социальной поддержки происходит повышение воспринимаемого статуса здоровья. При прочих равных демографических и социально-структурных параметрах различия оценок здоровья у респондентов, которые при возникновении жизненных трудностей едва ли могут рассчитывать на поддержку других людей, и тех, кто абсолютно уверен, что сможет ее получить, превышает восемь пунктов шкалы.

Попытаемся теперь, как мы это делали при рассмотрении социальной интеграции, проверить утверждения о различном воздействии на здоровье социальной поддержки в слоях горожан с неодинаковым материальным положением. С этой целью в уравнение общей линейной модели, описанное в таблице 11 (модель 2), были добавлены два дополнительных фактора — интеракции переменных поддержки и депривации, а также поддержки с воспринимаемым экономическим статусом. В наглядном виде результаты этого анализа отображены на рисунке 8.

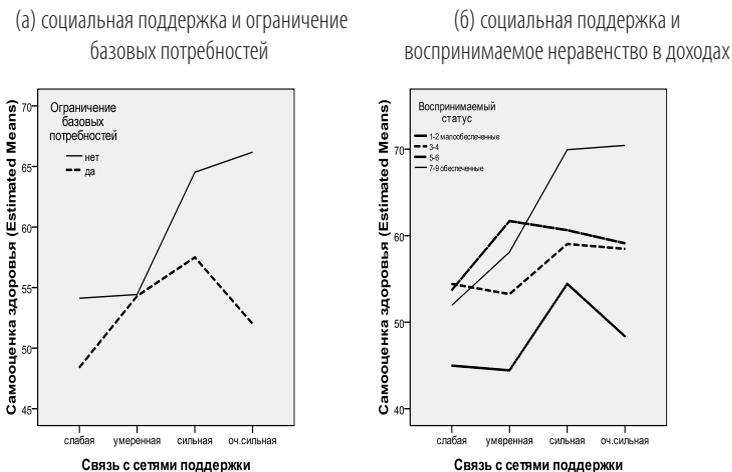

Рис. 8. Различие оценок здоровья: факторы — вхождение в сети поддержки и экономические неравенства, Санкт-Петербург, 2006 г.

Средние оценки здоровья для категорий индекса социальной поддержки и показателей экономических неравенств получены с помощью General Linear Model, Univariate: контролируемые факторы — пол, возраст, образование, материальная депривация, воспринимаемое экономическое положение, связь с сетями поддержки, а также интеракции сетей поддержки на депривацию и сетей поддержки на воспринимаемый статус.

Оказалось, что предположение о взаимодействии факторов социальной поддержки и экономических неравенств не лишено основания. Так, интеракция индекса связей с сетями поддержки и показателя материальной депривации, представленная на рисунке 8(а), является статистически значимой и свидетельствует о мультипликации влияния этих переменных. Укрепление связей с сетями поддержки дает отчетливо больший позитивный эффект для здоровья в том сегменте населения, где люди не испытывали материальной депривации, чем в среде горожан, которым приходилось отказываться от удовлетворения тех или иных базовых потребностей. Хотя фактор взаимодействия переменных социальной поддержки и воспринимаемого экономического статуса не достигает в уравнении общепринятого критерия статистической значимости, благотворное значение для здоровья тесных связей с сетями поддержки, как видно на рисунке 8(б), также становится наиболее отчетливым у тех респондентов, которые причисляют себя к обеспеченным слоям нашего общества.

Итак, рассматривая сети поддержки, мы вновь обнаруживаем, что ресурсы, которыми обеспечивает человека эта форма социального капитала, благоприятно влияют на состояние его здоровья. На следующем аналитическом шаге, воспроизводя логику и средства анализа, описанные при исследовании социальной интеграции (корреляционный анализ и General Linear Model), нам предстоит установить, справедливо ли предположение о неравном распределении капитала социальной поддержки в различных демографических и структурных срезах населения Санкт-Петербурга. Полученные на этом шаге результаты сведены в таблицу 12.

Приведенные корреляции и уравнение (метод общих линейных моделей), в котором зависимая переменная — индекс поддержки (среднее арифметическое ответов на 12 вопросов — ситуаций), а независимые факторы — пол, возраст, образование, воспринимаемый экономический статус и депривация основных потребностей, показывают, что между слоями горожан, вычленимым по трем социально-структурным переменным (но не по половым и возрастным признакам) действительно есть статистически значимые расхождения.

Таблица 12. Социальная поддержка: демографические и социально-структурные различия, Санкт-Петербург, 2006 г. (Корреляции и General Linear Model, Univariate)

ФАКТОРЫ:	Парные корреляции		GLM	
	<i>tau-b</i>	<i>Sig.</i>	<i>b</i>	<i>Sig.</i>
Пол:	0.01	0.854		
Женщины			-0.01	0.821
Возраст:	0.01	0.892		
30–39 лет			-0.06	0.245
40–49 лет			-0.03	0.599
Образование:	0.09	0.021		
Не выше среднего			-0.10	0.047
Среднее специальное			0.01	0.835
Депривация:	-0.14	0.001		
Нет			0.16	0.000
Воспринимаемый статус	0.13	0.000		
1–2 малообеспеченные			-0.28	0.001
3–4			-0.17	0.006
5–6			-0.10	0.149
Intercept			3.25	0.000
Adjusted R Squared				0.06
N				540

Корреляции, социальная поддержка — индекс с четырьмя градациями. GLM, зависимая переменная — индекс социальной поддержки (среднее арифметическое ответов на 12 вопросов — ситуаций). Референтные категории: пол — мужчины, возраст — 50–60 лет, образование — высшее (включая незаконченное высшее), депривация — постоянно, время от времени респонденту приходилось из-за нехватки денег отказываться от удовлетворения насущных потребностей, воспринимаемый экономический статус — хорошо обеспеченные респонденты (градации 7–9 девятибалльной шкалы) (contrast: simple).

Эти расхождения свидетельствуют о том, что обладание социальным капиталом поддержки — прерогатива высокостатусных слоев петербургского населения. Среди менее образованных, малообеспеченных горожан и тех, кому приходилось ограничивать себя в самом необходимом из-за нехватки денег, этим капиталом владеют заметно меньшие доли респондентов, чем среди жителей Петербурга, получивших хорошее образование или относящих себя к разряду доста-

точно обеспеченных в материальном отношении людей, или не испытывавших острых лишений.

Таким образом, результаты исследования социальной поддержки подтверждают заключение, к которому мы пришли, изучая социальную интеграцию. Социальный капитал этого рода играет важную роль в поддержании здоровья населения города, укрепляя у наделенных им индивидов уверенность в получении практической и психологической помощи при возникновении в жизни затруднительных ситуаций. Однако те люди, которые больше других нуждаются в этом капитале, — представители нижних ярусов образовательной и доходной стратификаций — как раз сталкиваются с его недостатком. Ресурсами поддержки, как и капиталом, обеспечиваемым социальной интеграцией, владеют, как правило, те, кто располагается в верхних стратах социальной пирамиды.

Заключение

Настоящая работа посвящена исследованию различий в здоровье людей, обусловленных социально-экономической стратификацией и неравным распределением в обществе ресурсов социального капитала. Анализ социальной дифференциации здоровья осуществлялся с использованием данных массового опроса, проведенного в 2006 г. в Санкт-Петербурге на выборке, представляющей городское население в возрастном интервале от 30 до 60 лет — именно эта часть жителей города является наиболее уязвимой с точки зрения рисков преждевременной смерти, свидетельствующих о зависимости здоровья от социальных воздействий.

Результаты этого анализа, подтверждая факты, выявленные в предшествующих исследованиях здоровья российских граждан, показывают, что социально-структурные неравенства, связанные, прежде всего, со стратификацией по доходам, по-прежнему, как и в 90-е гг., играют важную роль в формировании здоровья жителей Петербурга. Самочувствие людей, относящихся к нижним слоям социальной пирамиды, существенно хуже по сравнению с теми, кто занимает ее верхние ярусы, что в значительной мере объясняется переживаемой ими материальной депривацией — многие жители города продолжают испытывать острые лишения в удовлетворении базовых потребностей из-за нехватки денежных средств. Наши данные позволяют также предположить, что на здоровье петербуржцев влияет не только абсолютная, но

и относительная депривация — по сравнению с самыми обеспеченными людьми здоровье линейно снижается в каждом нижележащем слое экономической стратификации. Наличие такого градиента в распределении показателей самочувствия горожан может объясняться усилением на каждой более низкой ступени социальной иерархии социально-психологических стрессовых воздействий, обусловленных неудовлетворенностью индивида своей позицией в обществе, в сопоставлении с теми, кто оказался более успешным.

Наряду с экономическими неравенствами, как продемонстрировали наше исследование, существенное влияние на социальную стратификацию здоровья оказывает и социальный капитал — материальные и психологические ресурсы, доступ к которым индивид получает благодаря вхождению в социальные сети и взаимодействию с другими людьми. Наши результаты не подтверждают теоретических положений о зависимости этой стратификации от такой разновидности социального капитала, которая обусловлена членством людей в добровольных ассоциациях или активным участием в их работе. Нам также не удалось подтвердить предположения о благотворности для здоровья атмосферы социального доверия в обществе. В то же время, состояние здоровья тех горожан, которые входили в разнообразные сети неформальных отношений (с родственниками, друзьями, коллегами, товарищами по общественным объединениям), существенно отличалось в лучшую сторону по сравнению с теми, кто жил в социальной изоляции. Заметные отличия здоровья были обнаружены также при изучении социальной поддержки — горожане, уверенные в том, что в случае необходимости они могут рассчитывать на практическую и психологическую помощь своих близких и знакомых, чувствовали себя гораздо лучше, чем те, кому не на кого было опереться в затруднительных жизненных ситуациях.

Наше исследование продемонстрировало также, что ресурсы социального капитала, важные для поддержания здоровья людей, распределены между различными социально-экономическими слоями неравномерно. Эти ресурсы оказываются в дефиците как раз для тех, кто больше других в них нуждается, — это представители нижних страт образовательной и доходной стратификаций. Наделены же ими, напротив, те, кто располагает в верхней половине социальной пирамиды. Таким образом, распределение социального капитала в обществе закрепляет неравенства в здоровье, обусловленные социально-структурными факторами.

Т.З. Протасенко,
protas@hotmai.ru

ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ (по материалам опросов общественного мнения в Санкт-Петербурге)

Аннотация: Статья посвящена описанию опыта социологического наблюдения (в режиме мониторинга) за особенностями поведения населения в период кризисных общественных ситуаций. Ценность материала состоит в том, что информация касается большого временного периода наблюдений (исследования начались в 1982 году). Особенно подробно изложены результаты опросов общественного мнения, посвященных изучению реакции населения Санкт-Петербурга на глобальный экономический кризис (октябрь 2008 г. – июнь 2009 г.) По результатам анализа выделены и описаны показатели, которые, по мнению автора, наиболее чувствительны в ситуациях кризисных явлений.

Ключевые слова: мировой экономический кризис, мониторинг, опросы общественного мнения, потребительское общество, социально-культурные изменения.

Кризисные общественные ситуации, возникающие в различных сферах жизнедеятельности как населения в целом, так и отдельных групп и даже индивидов, чрезвычайно интересны социологам, так как именно в этот период обострены поведенческие реакции и подвергается испытанию менталитет (изменяются ценностные ориентации, стереотипы, установки и т. п.). В этом плане глобальный экономический кризис предоставляет социологам чрезвычайно полезное поле для наблюдений.

На поведение населения оказывают влияние решения, принятые на макроуровне, но поведение тех или иных индивидов и групп определяется зачастую совсем другими факторами. Определить эти факторы,

понять причины, установить меру связи макрорешений и решений на индивидуальном уровне помогают социологические опросы в мониторинговом режиме. Проследить реакцию населения на кризисные ситуации любого уровня — будь то реконструкция городской среды или глобальный финансовый кризис — помогают опросы общественного мнения, которые входят в обязательном порядке в схему социологического сопровождения.

В Санкт-Петербурге (Ленинграде) такого рода работа велась автором фактически с 1982 года в секторе социалистического образа жизни Института социально-экономических проблем АН СССР под руководством д.ф.н. В.А. Ядова, затем была продолжена в рамках Ленинградского (Санкт-Петербургского) филиала Института социологии РАН, когда в течение нескольких лет, с 1993 г. по 1997 г., при поддержке вице-мэра Санкт-Петербурга А.Л. Кудрина в режиме мониторинга исследовались доходы и расходы различных групп городского населения в условиях реформирования российского общества. Определялись факторы влияния на социальное самочувствие населения и способы «выживания», адаптации к новым условиям, а также исследовалась такая группа населения, как «новые бедные»¹.

В дальнейшем, начиная с 2003 года, работа по изучению поведения и самочувствия населения в новых экономических условиях, особенно в кризисных ситуациях, была продолжена при поддержке правительства Санкт-Петербурга в рамках сектора социально-культурных изменений Социологическим институтом РАН совместно с СЦ «Мегаполис»

Результаты исследований регулярно публиковались в прессе, начиная с 1988 года — в газетах «Ленинградская правда», «Аргументы и факты», «Невское время», «Час Пик», «Петербургский дневник», журнале «Эксперт» и т. д.

---

¹ Голофаст В.Б., Кесельман Л.Е., Протасенко Т.З. Эффективность труда и структура потребления у промышленных рабочих // Социологические исследования. М., 1983. № 4. С. 57–64; Протасенко Т.З. 1) Основные характеристики материального состояния (опыт выборочного исследования) // Социологические исследования. 1985. № 3. С. 101–110; 2) Экономические показатели населения Петербурга (на материалах социологических опросов) // Труды СПб филиала Института социологии РАН. Серия III. Материалы текущих исследований. № 1. СПб., 1993. С. 107–128; 3) Динамика уровня жизни петербуржцев за три года экономических реформ // Мир России. 1995. Т. 4. № 2. С. 66–73; *Idem.* Dynamics of the standard of living in St. Petersburg during five years of economic reform // International Journal of Urban and Regional Research. 1997. Vol. 21. Issue 3. P. 445–453.

С октября 2008 года по настоящее время дважды в месяц проводятся репрезентативные опросы населения Петербурга по выборкам объемом 1500 человек старше 18 лет с целью изучения влияния на жизнь петербуржцев глобального экономического кризиса. Измеряются разные показатели, характеризующие состояние городского общества в период настоящего кризиса. К ним относятся показатели социального самочувствия, определяется индекс социального пессимизма-оптимизма, выявляются оценки деятельности властей разного уровня, способы адаптации и выживания в кризисных условиях, исследуется ситуация в трудовой и потребительской сферах, а также выявляется реакция на кризисные ситуации в разных сферах городской жизни различных групп населения, чтобы выявить группы риска, особенно нуждающиеся в поддержке.

О показателях влияния кризиса на повседневность

Исходя из предварительного анализа результатов проведенных опросов, можно выделить несколько показателей, которые, на наш взгляд, достаточно чувствительны к измерению меняющейся ситуации.

Это так называемый *индикатор тревожности*, который отражает уровень тревог респондентов за свое будущее, в частности, за материальное положение своей семьи². (В марте 2009 г. доля опасаящихся кризиса в высокой степени стабилизировалась на уровне 29–31%, в то время как в начале ноября составляла лишь 17%, вообще не испытывали опасений в этом плане около 25%, в начале ноября таких было 38%, в марте около 37% тревожились, но не слишком сильно). Любопытно, что ситуация стабилизировалась в начале февраля, и не менялась до начала апреля. Наибольшие опасения высказывали и высказывают петербуржцы стар-

---

² О подходах к формулировке вопросов о «материальном положении семьи» см.: *Звоновский В.Б.* Тестирование вопросов о материальном положении // Социология. 4М. 2009. № 28. С. 45–65. Подчеркнем, что индикаторы материального благосостояния, в частности, показатели доходов очень важны в процессе описания поведения различных групп населения, как в повседневной жизни, в потребительской сфере, так и в сфере политической. Так, по опросам населения Петербурга во время избирательных кампаний различного уровня, доходы избирателей, которые собирались голосовать и в итоге пришли к избирательным урнам, были ниже примерно в 1,3–1,5 раза доходов тех избирателей, которые на выборы идти не собирались и в итоге не пришли. См.: *Протасенко Т.З.* Кто определил результаты выборов в Законодательное собрание Санкт-Петербурга в декабре 2002 г. // Санкт-Петербург между выборами в Законодательное собрание и Государственную Думу / Под ред. *К.К. Худолея*. СПб.: Изд. СПбГУ, 2003.

ших возрастных групп и представители бедных слоев. Однако в середине апреля произошел перелом в настроениях нашего населения — уровень тревожности пошел вниз, начал расти уровень оптимизма. Так, в конце июня сильную тревогу испытывали уже лишь 23% опрошенных, зато оптимистов стало столько же, сколько было и в ноябре 2008 г., в начале кризиса, то есть 37%. Какова будет ситуация в сентябре, сказать трудно. Несмотря на то, что в СМИ регулярно обсуждают вторую волну кризиса, которая может накрыть мировое сообщество в сентябре-октябре с.г., все эксперты в один голос заявляют, что они не могут спрогнозировать на конец года ни цены нефти, ни веса доллара и евро в мировых системах валют, ни тем более в российском разрезе». Поэтому социологам остается лишь возможность отслеживать тенденцию, которая идет *вслед* за тем, что происходит в мировой экономике, и тем, как текущая ситуация отражается в СМИ. Причем важное влияние имеет уровень доступа различных групп населения к этой медийной информации.

Если же говорить о реальном положении дел, то о том, что *уже пострадали от финансового кризиса*, на конец марта 2009 года заявляли около 27% опрошенных, около 32% считали, что кризис пока их обошел стороной. В июне с.г. число пострадавших снизилось до 22% (уровень января-февраля), число пока не испытывших серьезных проблем — около 40% (уровень января 2009 г.).

Необходимым элементом замера является *выявление семейной финансовой стратегии* — намерение экономить, и на чем. В марте 2009 г. половина семей в Петербурге заявили, что уменьшили свои расходы, 29% — не уменьшили и не собирались. С начала ноября категория семей, живущих в режиме постоянной и очень жесткой экономии семейного бюджета, имела тенденцию к увеличению (с 29% до 50% от числа тех, кто к тому времени уже уменьшил свои расходы), однако с апреля 2009 г. появились предпосылки к приостановке этой тенденции. По крайней мере, с марта по июнь петербургский уровень экономии семейных расходов вырос только за счет тех, кто уже собрался начать экономить (всего на 3–4%), а не за счет тех, кто этого не делал. В принципе, режим экономии семейных расходов характерен для всех слоев населения. Тем не менее, особенно вынуждены экономить бедные — так, в марте на всем сэкономили 62% представителей этих слоев. В группе представителей среднего класса этот показатель был равен 45%, а по относительно обеспеченным — 33%. Структура основных статей экономии достаточно привычна и неизменна — экономия на всем, на продуктах питания, на покупке одежды и обуви, на расходах

на развлечения и отдыхе. Пожалуй, единственным, можно сказать, позитивным моментом в использовании режима экономии является то, что в последних опросах есть заявления респондентов об уменьшении расходов на алкоголь — об этом сообщило около 1% от числа всех экономящих семей. Однако тенденции сокращения расходов на покупку сигарет и сокращения доли курильщиков не наблюдаются.

Для того, чтобы выяснить главные статьи экономии семейного бюджета, респондентам задавался вопрос: «А на что Вы уже уменьшили свои расходы?» На этот вопрос отвечали только те респонденты, которые уже начали экономить. За 100% принимается данная группа. Сумма ответов по группам больше 100%, т. к. учитывались все статьи экономии. Указываются только те статьи, которые назвали не менее 0,5% отвечавших. Места статей даны по итогам январского опроса.

Таблица 1. Главные статьи экономии семейного бюджета

Основные статьи экономии	Распространенность использования данной статьи (% по столбцам)					
	январь 2009 г.	февраль 2009 г.	март 2009 г.	апрель 2009 г.	май 2009 г.	июнь 2009 г.
Экономим на всем	47,9	36,6	42,2	43,0	38,6	35,0
Питание, продукты питания	31,1	34,4	25,1	29,3	25,4	25,2
Одежда и обувь	13,2	19,5	20,1	17,9	22,3	20,0
Развлечения	9,6	15,2	19,0	15,4	15,5	15,0
Отдых	6,4	11,8	13,7	11,6	17,6	20,3
Бытовая техника и аппаратура	3,7	4,3	5,1	4,2	3,7	5,0
Дорогостоящие товары	3,0	3,3	3,5	3,2	3,6	3,1
Карманные расходы	2,5	3,1	3,8	2,7	3,7	1,7
Ремонт, благоустройство квартиры	1,8	2,2	2,3	1,4	2,8	2,2
Подарки	1,4	1,3	2,2	1,5	1,5	2,0
Поездки на личном автомобиле (бензин)	1,4	1,3	0,9	1,1	0,9	1,7
Туризм, поездки за рубеж	1,1	0,9	1,8	1,5	1,3	2,2
Гости: реже приглашать, ходить	0,9	0,7	1,2	0,6	0,6	0,2
Кинотеатр	0,9	0,7	1,8	0,7	0,5	0,9
Косметика, парфюм	0,9	0,7	2,2	1,9	1,0	0,6
Мебель	0,9	0,7	0,3	0,7	0,5	1,0
Рестораны, бары, кафе	0,9	0,6	2,3	1,6	1,7	1,1

Как показывают данные таблицы, горожане начали экономить прежде всего на затратах на одежду и обувь и организацию отдыха.

Масштабы сокращения семейных расходов позволили оценить ответы на вопрос «В условиях финансового кризиса лично Вы или Ваша семья собираетесь уменьшить свои расходы или уже их уменьшили?» 100% — все петербургские семьи. Суммы ответов по замерам меньше 100% на доли отказавшихся отвечать (см. рис. 1).

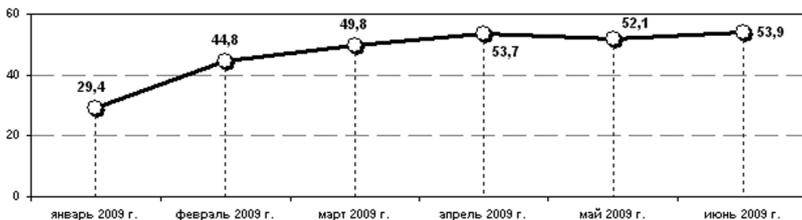

Рис. 1. Динамика доли семей, уже уменьшивших расходы своих бюджетов

Во втором квартале 2009 г. доля семей, живущих в условиях экономии семейных бюджетов, стабилизировалась в интервале 52–54% от числа всех петербургских семей. Вполне возможно, что к середине лета из-за некоторого роста числа собирающихся начать экономить общий уровень экономии петербургских бюджетов может подняться до 56–58%. Кроме того, выяснились намерения респондентов по уменьшению своих расходов (рис. 2).

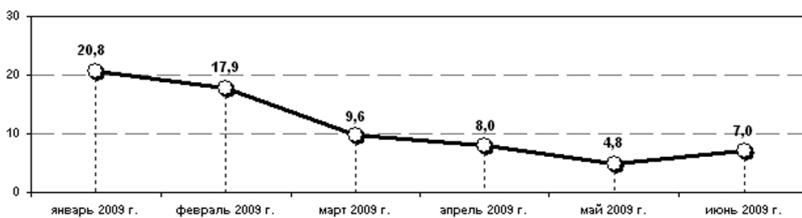

Рис. 2. Динамика доли семей, планирующих уменьшить расходы своих бюджетов

Как показывают данные рис. 1 и рис. 2, реакция населения на кризис в основном сформировалась в первом квартале 2009 года. Последующие изменения доли уменьшивших и планирующих уменьшить свои расходы сохраняют негативную тенденцию, но в более смягчен-

ном проявлении. Об этом же свидетельствует и динамика доли тех, кто не уменьшил и не собирается уменьшать свои расходы (рис. 3).

В анализируемую группу включены те, кто затруднился ответить на вопрос этого раздела.

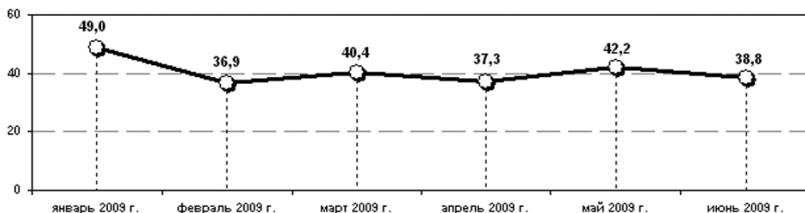

Рис. 3. Динамика доли семей, пока не уменьшивших и не собирающихся уменьшать расходы своих бюджетов

В мониторинге подробно исследуются *проблемы, появившиеся в семье в связи с кризисом* — увольнения, снижение доходов, проблемы взаимодействия с банковской системой и т. п. В ноябре 2008 г. население первым делом отреагировало на повышение цен на продукты питания и задержки выплаты заработной платы. Тогда 58% из тех, кто начал чувствовать на себе экономический кризис, отметили дороговизну продуктов питания, и 9% указали на проблемы с выплатой зарплаты. С тех пор доля отметивших эти явления неизменно уменьшалась. И в настоящее время доля обращающих внимание на стоимость продуктов питания в связи с кризисом снизилась практически в пять раз (до 12%), однако практически каждый третий «пострадавший» начал отмечать рост цен на все товары. В то же время постепенно увеличивается доля тех, кому зарплату хоть и платят, но в уменьшенном объеме. Увеличивается, причем волнообразно, число уволенных с работы. В июне 2009 г. снова увеличилась суммарная доля сообщений об увольнениях с работы, предупреждениях об увольнении и необходимости поиска новой работы.

В то же время практически сошли на нет сообщения о проблемах, связанных с функционированием банковской системы: очень мало сообщений о проблемах со снятием денег в банкоматах, обещиваем вкладов, опасений потери вкладов и т. п., с получением кредитов. С одной стороны, это результат некоторого улучшения работы этой системы, с другой, адаптации населения, возможно, неко-

торой «потери бдительности». Однако, это может быть и следствием повышения экономической грамотности населения.

Одним из важных показателей является *измерение уровня петербургской бедности на шкале бедность — богатство по самоидентификации* респондентов. Этот показатель очень важен для сравнения с показателем уровня тревожности. Интересно, что некоторый рост этого показателя, то есть увеличение доли относящих себя к бедным, произошел только в январе 2009 года, и в настоящий момент не растет. Так, в мае-ноябре 2008 г. бедными себя считали 26% опрошенных, в январе-феврале 2009 г. — 27%, в конце марта — 28,5%, (при среднем личном доходе в 8000 рублей), к среднеобеспеченным в это же время причисляли себя 62,5% (13165 рублей), относительно обеспеченными считали себя около 5% (19000 рублей). Отмечу, что показатель среднего личного дохода по городу в феврале 2009 г., равнялся 17340 рублям, а в мае он снизился до 16000 рублей.

В марте 2009 г. по сравнению с мартом 2008 г. не изменился показатель *уровня удовлетворенности качеством питания своей семьи*. Тогда относительно удовлетворенных было 70%, сейчас — 71%, неудовлетворенных — в прошлом году было 25%, сейчас — 24%. Хотя надо отметить, что колебания уровня удовлетворенности питанием не всегда можно объяснить. Он имеет сезонные колебания, и пока, по нашему мнению, эти колебания не вполне связаны с влиянием экономического кризиса.

Мало того, с мая 2008 года практически не изменилась доля удовлетворенных *финансовыми возможностями для покупки интересующих предметов одежды*. В 2008 году удовлетворенных было 40%, а неудовлетворенных 55%, а в 2009 году — удовлетворенных 37%, неудовлетворенных по-прежнему 55%.

До марта 2009 г. в среднем по городу росли и заявляемые в процессе опросов *личные доходы петербуржцев*. Так, в январе 2006 года средние личные доходы петербуржцев составляли 7900 руб., в январе 2007 года — 9900 руб., в январе 2008 года — 14850 руб., в феврале 2009 г. — 17340 руб. Правда, среднедушевые доходы, то есть заявляемые доходы на одного человека в семье, имели тенденцию к понижению — в сентябре 2008 года средний показатель по Петербургу равнялся 13100 руб., в феврале 2009 — 11600 руб., что объяснимо, поскольку увеличился уровень безработицы и вместе с ним — нагрузка на семейный бюджет.

Повышение доли относящих себя к бедным и некоторое снижение уровня показателя относящих себя к достаточно состоятельным людям, а также снижение уровня среднедушевых доходов и явля-

лось результатом влияния финансового кризиса за период с октября 2008 г. по март 2009 г. Это влияние было очень незначительное, что позволяет говорить о том, что, используя режим экономии средств семейных бюджетов и созданные ранее накопления, абсолютное большинство жителей нашего города относительно спокойно перенесли новые экономические реалии, хотя, конечно, общественные оценки этих условий и эмоциональная реакция на них были доминирующе негативные. Однако, начиная с апреля по июнь 2009 г., начал снижаться и *уровень тревожности*, что выразилось в уменьшении числа тех, кто говорил о своих серьезных опасениях в плане влияния экономического кризиса на уровень материального благосостояния семьи. Это явилось, с одной стороны, следствием определенных мер, предпринимаемых властью с целью снижения рисков, прежде всего тех, которые связаны с банковской системой, а также — со стабилизацией курса рубля, повышением пенсий и разработкой ряда социальных программ. Кроме того, произошла психологическая адаптация, поскольку нельзя долго находиться в состоянии ожидания катастрофы.

Рассмотрим, как ведут себя показатели при *гендерной нагрузке*, есть ли признаки, указывающие на то, что женщины в целом переносят ситуацию иначе, чем мужчины.

Ситуация с безработицей. Доля женщин, заявивших в первом квартале 2009 г., что они лишились работы в связи с кризисом, несколько больше, чем доля мужчин. Однако, учитывая соотношение мужчин и женщин во взрослом населении Петербурга, можно сказать, что пока влияние гендерного фактора в данной ситуации незначительно. Гораздо серьезнее влияние возрастного фактора. По результатам опросов выясняется, что в наибольшей степени от кризиса в сфере занятости пострадали петербуржцы возрасте 18–29 лет и 40–49. Меньше всего пострадали люди в возрасте 60 лет и старше.

Потенциальная готовность протестовать у мужчин и женщин фактически не различается. И в этом случае возрастной фактор проявляется сильнее.

Однако *уровень тревожности* среди женщин выше. Высокую и среднюю степень тревожности выказывали 70% опрошенных женщин и 61% опрошенных мужчин.

Рассмотрим ситуацию в области *личных доходов* на основе сравнения данных февраля 2009 г. с январем 2008 г. (табл. 2, 3).

Таблица 2. Средние личные доходы в разных половозрастных группах (в рублях)*

Возраст (лет)	18–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	В целом по группе	Среднее по СПб.
МУЖЧИНЫ	3480	19370	23350	23990	17380	9420	16840	14845
ЖЕНЩИНЫ	4615	12210	13120	13970	11870	6870	11050	
СООТНОШЕНИЕ ДОХОДОВ М/Ж	0,75	1,60	1,78	1,72	1,46	1,40	1,53	

* Данные репрезентативного опроса 1500 петербуржцев старше 18 лет (опрос февраль 2008 г., личные доходы фиксировались за январь 2008 г.).

Таблица 3. Средние личные доходы в разных половозрастных группах (в рублях)*

Возраст (лет)	20–29	30–39	40–49	старше 50	В целом по группе	среднее по СПб
МУЖЧИНЫ	25400	28200	25800	15800	21325	17340
ЖЕНЩИНЫ	18200	18650	17700	10150	14100	
СООТНОШЕНИЕ ДОХОДОВ М/Ж	1,4	1,5	1,46	1,56	1,51	

* Данные репрезентативного опроса 1500 петербуржцев старше 18 лет (опрос — март 2009 г., личные доходы фиксировались за февраль 2009 г.).

Вышеприведенные цифры демонстрируют любопытные факты. С одной стороны, разница мужских доходов по сравнению с женскими сохраняется (мужчины зарабатывают больше женщин примерно в полтора раза), с другой — в возрастных группах 30–39 и 40–49 лет эта разница несколько сгладилась, а в группе респондентов старше 50 лет — возросла. Не совсем ясны тенденции в возрастной группе до 30 лет. Говорить о том, что это влияние финансового кризиса — пока рано. Нужны дальнейшие более тщательные наблюдения.

Кроме сравнения фактических личных доходов мужчин и женщин, проводилось сопоставление желательных личных доходов мужчин и женщин разных возрастов (табл. 4), а также выявлялось соотношение заявляемых и желательных доходов в разных половозрастных группах (табл. 5).

Приведенные цифры, хотя и с некоторой осторожностью, позволяют сделать вывод о том, что кризис в большей степени пока повлиял на мужчин, чем на женщин. Женщины в принципе более устойчивы к жизненным катаклизмам, их установки и способы поведения меняются не слишком быстро, поэтому и запросы, судя по приведенным данным, пока остаются в привычном диапазоне. Мужчины же, столкнувшись с новыми трудностями, прежде всего в сфере материального обеспечения, стали более прагматичными и стараются умерить свои аппетиты. Именно поэтому намечается не только сближение в уровне реальных личных доходов мужчин и женщин, но также и в оценках объемов средств, необходимых, по мнению респондентов, для нормальной жизни.

Очень любопытны в связи с этим комментарии в СМИ и аналитические заметки социологов контекстов телевизионных продуктов — сериалов, ток-шоу, реалити-шоу и т. п. Женщины в большинстве случаев, по идее сценаристов, становятся главными действующими лицами, обладающими более адекватными характеристиками для выживания в экстремальных ситуациях, в том числе в ситуациях общественных кризисов (см. ТВ-шоу «Последний герой», «ДОМ-2», сериалы «Не рожись красивой» и т. п.).

Кроме выявления личностных характеристик, опрашиваемые отвечали на вопросы, касающиеся оценок и прогнозов положения дел в стране и в Петербурге.

На вопрос «Как изменилось за последние полгода общее положение дел в стране?» по итогам июньского исследования жители нашего города ответили так: 7,7% — улучшилось; 39,0% — не изменилось;

Таблица 4. Средние желательные личные доходы в разных половозрастных группах (в рублях)*

	Возраст (лет)	18–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	В целом по группе	Среднее по СПб
		Февраль 2008	МУЖЧИНЫ	37230	45960	52440	49715		
	ЖЕНЩИНЫ	38650	34315	38950	34680	27000	14530	29200	
	СООТНОШЕНИЕ ДОХОДОВ М/Ж	0,96	1,34	1,35	1,43	1,50	1,48	1,40	
Март 2009	МУЖЧИНЫ	–	50230	61510	52500	30930		44530	38170
	ЖЕНЩИНЫ	–	35770	44200	43000	22120		33120	
	СООТНОШЕНИЕ ДОХОДОВ М/Ж	–	1,4	1,4	1,22	1,4	1,4	1,34	

* Данные репрезентативных телефонных опросов населения Санкт-Петербурга старше 18 лет. Февраль 2008 г., март 2009 г.

Таблица 5. Соотношение заявляемых и желательных личных доходов в разных половозрастных группах

	Возраст (лет)	18–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	В целом по группе	Среднее по СПб.
		Февраль 2008	МУЖЧИНЫ	10,6	2,4	2,25	2,07		
	ЖЕНЩИНЫ	8,4	2,8	2,96	2,48	2,3	2,1	2,65	
Март 2009	МУЖЧИНЫ	–	1,98	2,19	2,03	1,96	2,09	2,09	2,2
	ЖЕНЩИНЫ	–	1,97	2,37	2,43	2,18	2,35	2,35	

43,2% — ухудшилось. Общий баланс оценок получился негативным и самым плохим за весь период наших социологических наблюдений за оценками происходящих в стране изменений (мониторинг ведется с января 2002 г.). Полученное мнение петербуржцев можно использовать и для косвенной оценки деятельности российского правительства по выходу из кризиса. Раз ситуация продолжает ухудшаться, значит, петербуржцы не видят эффективности от принимаемых антикризисных мер и явно не удовлетворены этой работой.

«С каким из следующих суждений о положении дел в нашем городе (в Петербурге) Вы согласны: жить становится все лучше; все более-менее нормально; жить трудно, но терпимо; терпеть все это уже нет сил?» По нашему мнению, на фоне пессимистической оценки ситуации в нашей стране за последние полгода общественная оценка текущего положения дел в нашем городе выглядит более удовлетворительной. Суммарная доля петербуржцев, считающих, что жить становится лучше и все более-менее нормально, по итогам июньского исследования оказалась на отметке 42,9% от числа всего взрослого населения Петербурга, а суммарная доля заявляющих, что жить трудно, но терпимо и терпеть все это уже нет сил, остановилась на уровне 52,5%.

В декабре 2008 г. соотношение этих долей было 41,9% к 53,5%, а в марте с.г. — 32,1% к 63,5%. Таким образом, июньский замер оказался несколько более позитивным, чем декабрьский и намного лучше мартовского. Конечно, из-за влияния летнего фактора июньские оценки оказались несколько завышенными, однако тот же летний фактор не смог повлиять на состояние показателя «итоги развития страны за последние полгода» и по нему мы, как отмечалось выше, получили самый негативный результат за последние семь лет. Из всего этого следует (пока косвенно), что Петербургу удалось прожить последние полгода более позитивно, чем всей стране.

На вопрос *«Ваш прогноз: к концу этого года общее положение дел в нашем городе улучшится, ухудшится или не изменится?»* по итогам июньского замера 2009 г. петербуржцы ответили на этот вопрос так: улучшится — 19,8% от числа всего взрослого населения Петербурга; не изменится — 42,9%; ухудшится — 18,2%. В марте 2009 г. перспективы развития нашего города на текущий год выглядели куда более пессимистичными: отмечали, что положение дел до конца этого года улучшится — 13,8%, а ухудшится — 32,1%. Мартовский прогноз на 2009 год вообще оказался самым негативным по сравнению со всеми

прогнозами, которые давали жители нашего города с декабря 2004 г. По уровню пессимизма июньский прогноз занимает лишь четвертое место из семи прогнозов, полученных с декабря 2004 г.

Наиболее сильное влияние на негативный прогноз итогов развития нашего города в 2009 г. оказывает текущее материальное положение петербуржцев, размер того ущерба, который они уже понесли от финансового кризиса. Так, среди бедных ухудшение положения дел в нашем городе прогнозирует 28,8%; среди живущих в условиях экономии семейных бюджетов — 22,5%. Самый же высокий уровень негативных ожиданий у той части жителей нашего города, которые оценивают текущее положение дел в нем, как «терпеть все это уже нет сил». Более 46% представителей данной группы считают, что к концу этого года будет еще хуже, чем сегодня. Конечно, нельзя ждать от общественного мнения более-менее объективного прогноза развития событий. Прогнозы общественного мнения важны другим. Они показывают текущее состояние массового самочувствия и настроений. Это состояние по итогам июньского исследования 2009 г. можно считать нормальным, удовлетворительным.

Особое внимание уделялось выявлению влияния финансового кризиса на изменение доли петербургских семей, относящих себя к бедным. С этой целью задавался вопрос: «Если оценивать материальное положение большинства семей нашего города, то к какой группе можно отнести Вашу семью: бедные — условно средний класс — относительно обеспеченные?» На рис. 4 приводятся результаты лишь по большинству из всех проведенных замеров данного показателя; указана лишь доля петербургских домохозяйств, относящих себя к бедным (100% — все домохозяйства).

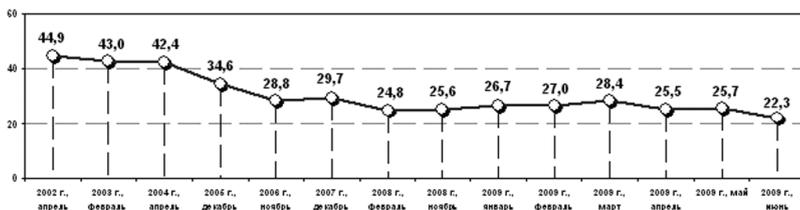

Рис. 4. Динамика доли петербургских домохозяйств, относящих себя к бедным

Для повышения надежности наших оценок с января с.г. используются средние значения анализируемых в этом разделе долей доходных групп, полученные по итогам двух-трех замеров в течение месяца. Первый замер июня снизил уровень петербургской бедности до 21,4%

от числа всех петербургских семей. Второй замер июня существенно не изменил этот показатель, который оказался на отметке 23,1%. Среднее значение двух замеров июня — 22,3%. Главную причину июньского падения уровня заявляемой бедности по сравнению с маем с.г. следует искать в изменении качественного состава постоянного населения Петербурга из-за начала дачного сезона и отъезда из города значительной доли бедных слоев населения (неработающие пенсионеры, временно безработные). С другой стороны, повышенная стойкость показателя «уровень заявляемой петербургской бедности» к влиянию финансового кризиса, по всей видимости, может быть связана с такой особенностью массового сознания, как общественная значимость социальных статусов. Признаться в том, что ты стал бедным, психологически очень сложно. К тому же любой кризис — явление временное, и многие надеются, что их сегодняшние материальные проблемы вскоре закончатся.

Для выяснения общественного мнения жителей Санкт-Петербурга о виновниках переживаемого кризиса задавался вопрос: «*Ваше мнение, кто виноват в том, что в нашей стране сегодня финансовый кризис: мировая экономика, правительство США, правительство России, американский финансовый бизнес, отечественный финансовый бизнес или кто-то другой?*». 100% — все взрослое население Петербурга. Сумма ответов больше 100%, т. к. учитывались все варианты ответов. Вариант ответа «виноваты все перечисленные в вопросе структуры» (13,6%) приплюсован к индивидуальному рейтингу каждой из них. На вопрос этого раздела отказались отвечать 0,5%.

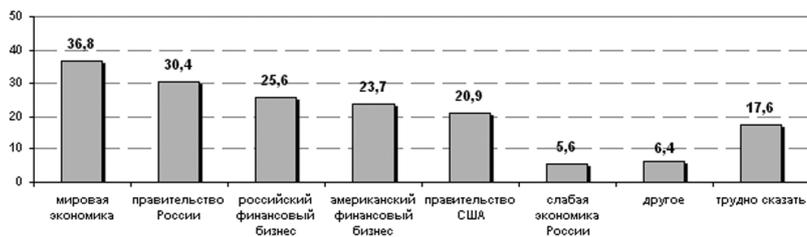

Рис. 5. Распределение ответов о виновниках современного финансового кризиса

Полученный расклад мнений оказался несколько неожиданным. Так, предполагалось, что в качестве основных виновников помимо мировой экономики петербуржцы назовут американский финансовый бизнес и правительство США, а не аналогичные российские структуры.

Выводы

Приведенные результаты мониторинга настроений и поведения петербуржцев в период глобального экономического кризиса в определенной степени отражают следующие закономерности.

Основные кризисные явления, выражающиеся в особенностях поведения и настроениях населения, лежат в потребительской сфере. Именно там произошли события, вызвавшие проблемы в производственной сфере. Поэтому этот кризис мы вправе называть кризисом высшей стадии развития потребительского общества.

Как следствие, чуть ли не самым важным социологическим показателем влияния настоящего кризиса на повседневное поведение населения становится показатель поведения в сфере потребления, который мы обозначили как «экономим на всем». Как только доля людей, отмечающих такую форму поведения, станет стабильно уменьшаться, можно будет говорить об улучшении ситуации. Рост потребления, спроса будет стимулировать рост предложения, производства. В кризисные периоды развития общества население прежде всего думает и организует свою жизнь в сфере расходов своего семейного бюджета. Вот почему изучение динамики и учета личных и семейных доходов, как ни странно, играет вторичную роль по сравнению с изучением стратегии семейных потребительских расходов.

Подтверждается тезис о деглобализации, поскольку оценки населением действий региональных властей важнее, чем оценки федеральных и общемировых. Так, весьма симптоматично, что в качестве основных виновников переживаемого кризиса петербуржцы называют не только мировую экономику и американские финансовые структуры, а правительство России и российский финансовый бизнес. На наш взгляд, это свидетельство того, что роль и значение региональных образований, по-видимому, в ближайшее время будет возрастать. Недаром на последних выборах в муниципальные советы в Петербурге избиратели стали больше ценить муниципальную власть и больше от нее требовать. Кроме того, надо отметить, что годы перестройки и годы дефолта, когда мы жили постоянно в кризисных ситуациях, научили наше население находить наиболее оптимальные выходы из создавшегося положения, и в гораздо большей степени надеяться на себя, своих друзей и коллег, на свои региональные власти, чем на глобальные системы.

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ
В ПРЕОБРАЗОВАНИИ
ОБЩЕСТВА:
ретроспектива
и современность**

Б.И. Максимов,
maximovbi@mail.ru

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ И СО-ТВОРЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Аннотация: Статья отражает опыт исследования социальных изменений (трансформаций) и участия в их реализации в составе Социологического института РАН на протяжении длительного времени, совпадающего с периодом реформирования российского общества, экономики и управления. Отражены результаты анализа процессов демократизации, в т.ч. в сфере производства, взаимодействия российских предприятий с иностранными компаниями, исследования динамики рабочего движения и трансформаций в социально-трудовой сфере, включая инновационную деятельность.

Ключевые слова: социальные трансформации, субъекты, социальные акторы, социальные механизмы, социальные трансформации, процессы демократизации, производственная демократия, общественные движения, рабочее движение, социально-трудовая сфера, занятость, оплата, условия труда, инновационное развитие, инновационная деятельность.

Предмет наблюдений — трансформации

Все прошедшие 20 лет Социологический институт РАН и его сотрудники были не только активными исследователями процессов демократизации и изменений социально-трудовых отношений, но нередко и участниками, со-творцами процесса преобразований, как бы осуществляли социологическое сопровождение изменений (реформ). Его результаты далеко не всегда были востребованы в полной мере, но они вырабатывались, представлялись в публикациях и иных формах.

Поскольку нам, как исследователям, довелось «жить в эпоху перемен», деятельность института началась в условиях изменений, и предметом наших исследований были происходящие перемены. Именно

они доминировали в общественной жизни, притом происходили так быстро, что трудно было поспевать за ними; важное сегодня уже устаревало завтра. В этих условиях стоило (волей-неволей) рассматривать именно изменения. Если ранее мы изучали статику, связи, сложившиеся отношения, то теперь надо было следить за тем, как они ломаются, разрушаются, как появляется новое и что оно несет. И социологи прилагали усилия, чтобы поспевать за изменениями, в т. ч. используя мобильные способы сбора, анализа информации (например, уличные опросы, практиковавшиеся группой Л.Е. Кесельмана).

Этот период изменений, как известно, сейчас трактуют и называют по-разному. Одни считают его революцией (В.А. Мау, Е.Г. Ясин и др.), другие не согласны с ними, полагая, что до революции изменения «не дотягивают», им не хватает вооруженной борьбы, прихода к власти нового класса, широкого общественного движения и т. п. Т.И. Заславская говорит, что всего лишь «мы стали свидетелями завершения постепенного... антисоциалистического разворота власти, а вслед за ней и общества»¹. От западных социологов пришло достаточно нейтральное понятие «транзит» («российский транзит»); левые, коммунисты говорили даже о «контрреволюции» и т. д. На мой взгляд, изменения все же следует считать революционными — в том смысле, что они были коренными, означали, по сути дела, смену общественного строя. Если некоторые формальные черты понятия революции и отсутствовали, то главное — переворот во всех сферах жизни — налицо.

Не углубляясь в данную проблематику, можно отметить, что, во всяком случае, по своему характеру то был период трансформаций (социальных и других). Этот удачный термин был выработан социологами и вошел в широкий обиход, отражая, как известно, решающую роль в современных обществах деятельных социальных субъектов (акторов) (не господство объективных законов), порождающих преобразования, вступающих во взаимодействия, образующие социальные механизмы, обладающие, в свою очередь, такими чертами, как устойчивость, универсальность, способность регулировать социальные процессы. Одна из главных черт — результат взаимодействия — представляет собой равнодействующую от сложения социальных сил, статусов, авторитетов, энергии и т. п. субъектов, т. е. трансформации, практически носящие характер стихийности.

---

¹ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. М.: Дело, 2003. С. 187–188.

Значение трансформационного, деятельностно-активистского подхода подчеркивает В.А. Ядов²; на практике его особенно плодотворно использовала Т.И. Заславская при анализе социетальных трансформаций³; применяли его и сотрудники института. В отличие от реформаторов, планирующих точные изменения, социологи давали понять, что «чистого результата» в общественной жизни не бывает.

В процессах демократизации в социально-трудовой и других сферах, которые довелось наблюдать, имели место изменения именно по типу трансформаций, на «выходе» получалось нечто отличающееся от планируемого «на входе». Наглядно это можно увидеть, например, на процессах реформирования отношений собственности. Рассмотрение именно «трансформаций» — существенная особенность «наблюдений».

Трудно в одной статье отразить результаты исследований за двадцать лет. Наибольшую часть статьи я отдаю краткому изложению выводов исследования по последнему во времени НИП «Трансформации в социально-трудовой сфере: динамика, субъекты, связь с инновационным развитием». По другим проектам приводятся только обобщенные выводы, со ссылками на публикации (иное просто невозможно, если учесть большое число публикаций за рассматриваемый период). Обозначение ряда выполненных проектов отражает в т. ч. последовательность возникновения проблем, на которые откликнулись социологи, сотрудники института.

Трансформации процессов демократизации

На первых этапах перестройки доминирующими, как известно, были процессы демократизации, начинавшиеся, между прочим, в производственной сфере, распространившиеся затем и на другие сферы. Институт не мог остаться в стороне от исследования этих процессов. Социологи нередко включались и в различные формы демократического движения, охватившего всю страну.

Было показано, что процесс «демократизации снизу» является весьма важным и в то же время проблемным. Как известно, на начальных этапах изменения задавались сверху, в форме «революции сверху», и чрезвычайно важным был отклик «снизу», который нередко отсут-

---

² Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб.: Интосоцис, 2006.

³ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества.

ствовал или был неадекватным (недаром существовал анекдот: «Что такое перестройка? Это когда лес шумит, верхушки деревьев качаются, шишки падают, а внизу тихо, спокойно»). Важно было понять, почему преобразования носят верхушечный характер, каковы факторы этого явления. Мною был получен грант именно на эту тему («Процесс демократизации снизу...»), и я приступил к анализу.

Его выводы оказались в значительной части актуальными. Функции демократизации снизу были разнообразными — энергетическая, ростковая, постановки проблем, вовлечения в управление широких масс населения, их политизации, выработки демократических процедур, формирования механизмов самоуправления, оппонирования. Анализ показывал, например: чтобы реально заработал совет трудового коллектива, в его деятельность должен был включиться весь коллектив. На деле отклик нередко, как уже отмечалось, нелогично отсутствовал или был неадекватным. В деятельность упомянутых спущенных сверху советов трудовых коллективов, наделенных большими полномочиями, работники не втягивались, она как бы «повисала», существовавшие СТК становились формальными или их использовала в своих целях администрация. Образовалось множество общественных объединений в форме групп, клубов, ассоциаций, обществ, фронтов, союзов и т. п. общественно-политической, культурной, экологической, религиозной и др. направленностей. Так, например, Информационный бюллетень Северо-Западного отделения ССА 1989 г. сообщал о 55-ти образованиях в Ленинграде, причем в этот список входили далеко не все⁴. Появились и реальные массовые выступления, в первую очередь, как известно, шахтерские. Казалось бы, в лице объединений создалась широкая социальная база перестройки. Но анализ показывал, что установки сверху не совпадали с ожиданиями снизу, реформаторы не делали усилий по втягиванию широких масс населения в процессы демократизации, и общественное демократическое движение, которое, казалось бы, должно поддерживать изменения, достаточно парадоксальным образом трансформировалось в основной своей части в оппозиционную активность. Так, А.А. Темкина, в то время сотрудница Института, первый исследователь рабочего движения в Ленинграде, отмечает его оппозиционный относительно власти характер⁵. И одной из первых причин этого стала позиция самих первых демократизаторов,

---

⁴ Общественные движения Ленинграда. Информационный бюллетень. Л., 1989.

⁵ Темкина А.А. Рабочее движение в Ленинграде — Петербурге (конец 80-х — начало 90-х гг.) // Новое рабочее и профсоюзное движение в Ленинграде — Санкт-Петербурге (конец 80-х — начало 90-х гг.). М.: РАФ ПРОФИО, 1994. С. 63.

выражающаяся в жесткой регламентации демократических институтов и процедур, в несоответствии ожиданиям снизу. Демократия насаждалась методами и руками той же административно-командной системы, что вызывало естественный протест. Вторым (можно сказать — вечным) врагом инициативы снизу была формализация многих видов демократических установлений (например, упомянутых СТК). Далее, важным фактором стало опережающее развитие демократического процесса, набравшего силу и уже не могущего втиснуться в спущенные сверху рамки или ждать, когда они будут расширены. Приоткрыв шлюзы, власть уже не могла справиться с хлынувшими потоками. Ввиду этого и демократизация сверху трансформировалась в свою противоположность, по крайней мере — в регламентацию демократического процесса. Процесс демократизации в целом пошел как-то «не так».

Предметом отдельного анализа для меня и нашего сектора были трансформации субъектов демократизации из производственной сферы — трудовых коллективов, рабочих организаций (рабочего движения), профсоюзов.

Трудовым коллективам, как известно, и в доперестроечное время приписывался статус «основных ячеек общества», их субъектность было «прописана» в экономической, социальной, политической сферах (по Закону о трудовых коллективах она выражалась в 72-х видах и более 100 отдельных функциях⁶. Но то были скорее формальные функции; в период перестройки они стали реальными, вдобавок были спущены и неслыханные ранее права по хозяйственной самостоятельности, самоуправлению, в т. ч. выборности руководителей. На производственные организации делалась ставка как на взламывателей административно-командной системы снизу. Социологический анализ показывал, что во многих случаях эти установки нашли отклик в движении за самостоятельность предприятий, за сохранение предприятий за коллективами, за реализацию прав коллективов в самоуправлении, в т. ч. в связи с выборностью руководства. Трудовые коллективы осуществляли ставшие реальными политические полномочия. Выводы, относящиеся к этому этапу, состояли в том, что повышенная субъектность трудовых организаций была обусловлена «переходными» факторами, но не оказывалась чужеродной для этих организаций (во всяком случае, в тех условиях).

Против «разгула демократии» были приняты известные меры, прежде всего со стороны топ-менеджмента, становящегося фактиче-

---

⁶ Закон СССР о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями. М.: Юридическая литература, 1985.

ским хозяином предприятий. Прежде всего, это превращение (трансформирование) самоуправления в формальное, взятие его в руки руководства; трансформирование коллективного владения в корпоративную собственность, фактическое отстранение трудовых коллективов от участия в акционерном управлении. При этом ограничения вводились сразу с двух сторон — реформаторов (власти) и собственной администрации. Выборность руководства была представлена как вредная для производства. Наши данные не подтверждали «вреда» выборности руководства, показывали приемлемость, эффективность производственного самоуправления, то, что оно не изжило себя, а было подавлено административными методами и последующей волной приватизации (это подтверждают и результаты других исследователей)⁷. В частности, вполне адекватной выглядела политическая активность трудовых коллективов. Так, например, Кировский завод проводил в Государственную Думу в качестве депутатов, последовательно, двух своих представителей, притом даже тогда, когда основными игроками на политическом поле стали партии. Можно было наблюдать активную позицию трудовых коллективов и относительно процессов приватизации, участия в акционерном управлении, борьбы за коллективную собственность, против «чужих» (стоит только вспомнить собрания на стадионах). Анализ показывал, что и эта активность была просто ограничена, формализована.

На примере реакции трудящихся на ограничения в акционерном участии социологи показывали трансформационность процессов. Предыдущая активность не уложилась в деятельность в отведенных рамках, не превратилась в сопротивление, а перешла в самоотчуждение, что выразилось в известном процессе «избавления от акций», отказа от участия в акционерных собраниях, в позиции отстранения от дел своего подразделения, «ухода в себя» — в процессах, в общем-то, ущербных и для работников, и для самого производства. Вопрос о том, могли бы трудовые коллективы стать эффективными владельцами и управляющими производственных организаций, остался в основном открытым (результаты исследований в этом направлении отражены в наших публикациях⁸).

В течение длительного времени велись наблюдения трансформаций профсоюзных объединений (организаций). Здесь изменения ока-

---

⁷ *Столяр И.Г.* Совет трудового коллектива: опыт, проблемы. М.: Экономика, 1990.

⁸ *Максимов Б.И.* 1) Ориентации сознания и коллективные действия в производственных организациях // *Образ мыслей и образ жизни.* М., 1996. С. 65–71; 2) Положение, социально-трудовые права рабочих в 1990-е гг. // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 2004. № 3.

зывались скорее ожидаемыми, чем реальными. Традиционно профсоюзы, как известно, были в советское время в основном формальными организациями. В принципе, они должны были стать существенными со-субъектами процессов демократизации, реформирования экономики, социально-трудовых отношений. Однако парадоксальным образом профсоюзы оставались наименее реформированными организациями, их деятельность — по-прежнему формальной, во многом имитационной, что показал, в частности, анализ внушительных, казалось бы, действий — общероссийских акций протеста, организуемых ФНПР. Изучение причин инерции традиционных профсоюзов выявило ряд факторов (сохранение профсоюзной номенклатуры, прежних принципов построения организаций, давление администрации, пассивность работников, их страх, рост индивидуализма и др.). Однако во многом причины неизменности профорганизаций остаются непонятными, процесс эволюции объединений — проблемным. Альтернативные профсоюзы, которые, по идее, должны были вытеснить традиционные организации, заставить их трансформироваться, на первом этапе реформ сыграли важную роль, соответствующую истинному назначению объединений, но вместо ожидаемого расширения их роль во многих случаях сходилась на нет. Здесь основной причиной оказывалась позиция неподдержки работниками в условиях, когда на новые организации оказывалось давление со стороны администрации (более подробно об этом см. в книге⁹). Сделанные мною выводы состояли в том, что профсоюзная система в целом нуждается в коренной перестройке, скорее по типу альтернативных организаций. Однако, поскольку законодатели ориентируются на традиционные профсоюзы и наблюдается непреходящая пассивность работников (подпитываемая страхом), разумными являются предложения о создании полугосударственных (не самодетельных) организаций по регулированию отношений между работодателями и наемными работниками.

Одними из потенциально главных акторов процессов демократизации в различных сферах были общественные движения (ОД). На начальном этапе перестройки они бурно развивались. Для их изучения в институте был создан сектор социологии общественных движений. Первоочередным объектом внимания стали политические общественные движения. Для изучения их изнутри социологи-сотрудники института сами входили в движения, анализировали их состав, организацию, коллективные действия. Сотрудница сектора Е.А. Здравомыслова

---

⁹ *Максимов Б.И.* Трудовые коллективы, рабочее движение и профсоюзы в процессе трансформаций. СПб.: Наука, 2001.

обобщила опыт зарубежной социологии по исследованию ОД, применимость парадигм западной социологии в российских условиях. Было показано, что в общественных движениях происходит процесс созревания социальной энергии, формирования идей; ОД выступали основными оппонентами власти. По одной из концепций общественных движений, в них рождаются новые формы жизни, формируются традиции, нормы, ценности, идеология¹⁰. Была показана жизненность ОД, выражающих интересы различных групп граждан, снято настороженное, а то и враждебное отношение к общественным движениям, налажено (с участием социологов) дело их регистрации.

Интересные данные были получены при наблюдении процесса институционализации общественных движений (и организаций). По теории ОД, институционализация означает завершение жизненного цикла, конец движения. Движение поглощается организацией, превращается в институт или приобретает свой легитимный статус¹¹. Российские ОД стремились к институционализации в форме кооптации, основным видом которой стали выборы в органы власти различных уровней. Представители объединений входят в органы власти, чтобы здесь реализовать программы движений. При этом предполагалось, что материнские организации ОД будут базой для деятельности их представителей (в т. ч. депутатов), вошедших в органы власти. На первых порах так и происходило, движения получили во властных органах свои площадки. Но довольно скоро связь между движениями и их представителями (как правило, бывшими лидерами) начала разрушаться. Движения оказывались не только отодвинутыми, «брошенными», но и начинали разрушаться ввиду отсутствия лидеров, на которых нередко они держались, выпадения оппонентов в лице органов власти (не выступать же против своих!). Таким образом, волна демократизации в лице деятельности демократических общественных движений заканчивалась с их институционализацией¹².

Как она продолжалась внутри «демократически избранных» и, по ожиданиям, демократических и по характеру представительных органов власти — для наблюдения за этим процессом «изнутри» было осуществлено прохождение социологов института в депутаты представительного органа власти. Результаты наблюдения частично

¹⁰ *Здравомыслова Е.А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993. С. 51.

¹¹ Там же. С. 45, 51–53, 15, 143.

¹² *Максимов Б.И.* Неформалы в городском совете // Социология общественных движений: эмпирические наблюдения и исследования. Кн. 2. М.; СПб.: ИС РАН, 1993. С. 214–227.

отражены в нашей работе¹³. Здесь ввиду ограниченности места можно отметить только то, что программы материнских ОД, как и персональные программы кандидатов, претендующих на роль лидеров, были отставлены (в т. ч. ввиду множества других проблем, не предусмотренных ранее»). В рамках органов власти организовывались другие объединения, структуры (в форме фракций, комиссий, комитетов), не соотносимые с общественными движениями; деятельность «демократического» органа власти определялась уже другими задачами (в значительной части — внутренними). Предвыборные обещания, указы избирателей оказались забытыми.

Таким образом, для российских ОД институционализация означала их конец, причем не трансформацию в другую общественную структуру и продолжение существования в другом виде, а именно конец (смерть) в полном смысле слова, т. к. кооптированные представители порывали с ОД, осуществляли другую деятельность¹⁴. С институционализацией основных ОД закончилась и волна демократизации в лице их деятельности.

Развитие взаимодействия российских предприятий с иностранными компаниями

В процессе реформирования производства приобрело актуальность взаимодействие (сотрудничество, кооперация) российских предприятий с зарубежными компаниями. В начале 1990-х предприятия с иностранным участием были расширяющейся, перспективной сферой российской экономики, заслуживающей внимательного и разностороннего изучения. С российской стороны наблюдалась сильная ориентация на сотрудничество с Западом. Особое место среди приходящих в Россию зарубежных фирм занимают транснациональные компании (ТНК), на примере деятельности которых можно было наблюдать характер влияния на российское производство процессов глобализации мировой экономики. По грантам фонда «Открытое общество» и от МОТ (Международная организация труда) нами было проведено исследование этих процессов с охватом 17-ти предприятий, осуществляющих между-

¹³ *Максимов Б.И.* О деятельности Ленсовета // Автобиография Петербургского горсовета (Ленсовета XXI созыва). СПб.: Изд-во «Роза мира», 2005. С. 681–684.

¹⁴ *Максимов Б.И.* Трудовые отношения и положение рабочих на предприятиях ТНК // Трудовые отношения на предприятиях с иностранным участием. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2000. С. 117–178.

народное сотрудничество в различных формах, в шести городах РФ и одном городе Украины. Особенно детально исследовалось предприятие «Северное сияние», входящее в ТНК «Юнилевер».

Анализ показал явную противоречивость процессов, в т. ч. с точки зрения интересов работников, трудовых коллективов. С одной стороны, иностранные компании приносили инвестиции в оборудование, технологии, поднимали производство, культуру труда, иногда буквально спасали предприятия, обеспечивали занятость, улучшали условия труда, повышали заработную плату и, кроме всего, моральный дух; с другой стороны, постепенно вытесняли отечественную продукцию, меняли профиль предприятия и производили сокращение численности работников (нарушая обещания), вводили непривычные формы трудовых отношений и т. п.

На примере «Северного сияния» можно было наблюдать, что означает приход ТНК, которые считаются основными агентами глобализации, при этом нередко изображаются в виде чудовищ, высасывающих кровь из тела российской экономики. На деле ТНК выглядели не так страшно, хотя работников и одолевал страх, когда они «продавались иностранному капиталу». Приход ТНК означал обновление предприятия, начиная от ремонта социально-бытовых помещений, внедрения прогрессивных технологий, оборудования, заканчивая трансформацией социально-трудовых отношений. Поначалу работники считали, что «им повезло». Однако через год-два начиналось вытеснение отечественной продукции, иногда уникальной для России, сокращение кадров (правда, смягчаемое выдачей выходного пособия в размере годовой заработной платы), «метастазирование» компании в другие города, усиление дифференциации персонала. В отдельных случаях производственное предприятие трансформировалось в торгово-сбытовую организацию¹⁵. Отсюда следовало, что процессы глобализации производства нуждаются в оценке и регулировании со стороны национальных властей.

Рабочие как объект и субъект трансформаций

Одним из основных упомянутых общественных движений периода «российского транзита» было рабочее движение (РД). Оно изучалось сектором общественных движений. По гранту фонда Макаратуров было проведено согласованное с плановой тематикой исследование динамики

---

¹⁵ Максимов Б.И. Трудовые отношения и положение рабочих на предприятиях ТНК.

(трансформаций) положения рабочих, в т. ч. реализации их социально-трудовых прав, субъективного восприятия изменений, ориентаций на действия и самих реальных действий (рабочего движения). Рассматривались изменения в численности и составе рабочих, их место в социальной структуре общества; в положении рабочих предметом анализа были занятость, оплата труда, ее роль в формировании доходов, условия труда, социальное страхование, участие в управлении. Кроме того, изучалась профсоюзная составляющая РД и возможные перспективы изменения положения и действий рабочих; сформулировались возможные сценарии деятельности. Интерес к теме обуславливался главным образом намерением рассмотреть на примере одной из основных групп экономически активного населения так называемую «цену реформ» и получить ответ на вопрос: какого поведения, каких действий можно ожидать от рабочих в процессе «российского транзита». Насколько сохранились положения известной марксистской концепции, по которой рабочие являются если уж не «движущей силой исторического развития в процессе перехода...», то, по крайней мере, наиболее солидарной, способной к организации, склонной к протесту, нередко «готовой идти до конца». Сохранил ли рабочий класс эти свои качества, сохранился ли он вообще, какую роль он играет в весьма противоречивой ситуации «российского транзита», представляет ли рабочее движение социальную силу, способную изменить ход общественных преобразований (реформ).

Результаты исследования были представлены нами в монографии¹⁶. Остановимся на выводах, по которым имеется динамика со времени проведения исследования, не сформулированным тогда, полученным в процессе осуществления НИП «Трансформации в социально-трудовой сфере» (2006–2008 гг.).

Численность рабочих существенно уменьшилась, особенно в промышленности, в период экономического кризиса 1990-х гг. Но это произошло в основном не вследствие реструктуризации производства (и выхода на уровень развитых стран), а по причине именно кризиса. Уменьшение численности рабочих рассматривается нами как потери, неоправданная растрата человеческих ресурсов, приведшая к деградации корпуса рабочих кадров, их дефициту к концу 1990-х гг. На этапе стабилизации производства, при наступлении последнего экономического кризиса, взятии курса на инновационное развитие продолжает существовать тенденция медленного сокращения индустриального

---

¹⁶ *Максимов Б.И.* Рабочие в реформируемой России, 1990 – начало 2000 гг. СПб.: Наука, 2004.

труда. Но это не означает сегодняшнего «исчезновения рабочего класса», в т. ч. посредством различных структураций, как полагают некоторые исследователи. Тенденцию нельзя трактовать как необходимость. В России, во всяком случае, нельзя мгновенно избавиться от индустриального производства, шагнуть в общество знаний, нанотехнологий. В обозримой перспективе рабочие будут составлять абсолютно и относительно наибольшую группу занятых в экономике.

Положение рабочих в 1990-е гг. ухудшилось практически по всем параметрам, относительно других социально-профессиональных групп, в т. ч. по части нарушения социально-трудовых прав человека: рабочие заплатили самую высокую цену за прогрессивные по замыслам реформы. На этапе стабилизации производства положение рабочих улучшилось, в первую очередь в отношении занятости, но не в такой мере, как это выглядит, например, по цифрам роста номинальной заработной платы. Улучшение скрадывается увеличением числа переработок, замедленным улучшением реального материального положения, условий труда. При видимом значительном росте номинальной заработной платы реальная зарплата только еще выходит на дореформенный уровень, сохраняются ущемления социально-трудовых прав рабочих в целом, низкий социальный статус (престиж) рабочих профессий. Текущий экономический кризис (хотя и другой природы) съедает и улучшение по части занятости.

Сделанный ранее вывод об отсутствии непосредственной связи между положением рабочих и уровнем их социальной активности подтверждается отсутствием повышения данной активности на этапе стабилизации и даже оживления производства (либо оживления на самом деле не было, а может быть, российские рабочие не воспользовались им).

Социальная активность рабочих в 1990-е гг. проявилась в самых различных формах, что подтвердило положение о рабочем классе как особой социальной группе. В то же время эта активность носила достаточно ущербный характер — она была в основном протестной, при этом преимущественно по одной причине (задержки заработной платы), имела характер разрозненных выступлений, при отсутствии координирующих организаций и, соответственно, отсутствию широких выступлений в масштабах регионов, всей страны (за исключением протестных акций шахтеров). Упомянутые всероссийские акции протеста, организовывавшиеся профсоюзами ФНПР, являлись лишь частично рабочими и, в основном, как отмечалось, формальными.

В последнее время, на фоне сокращения регистрируемых протестных выступлений (забастовок), социальная активность рабочих

проявляется в иных формах. Отдельные выступления рабочих новейшего времени (завода Форда во Всеволожске, докеров Морского порта Санкт-Петербурга, др.) показывают трансформирование действий рабочих (и профсоюзов) в качественно иную активность, которая может быть названа «неоклассической». Ее отличает сочетание классических и новых черт социального протеста — массовости, организованности, грамотного применения законодательных норм, правил, использование профсоюзов, социальных сетей, современных средств коммуникации для координации действий, предъявление наиболее существенных жизненных требований, опора на широкую солидарность, в т. ч. международную, упорство в отстаивании своих интересов и др. Рабочие и профсоюзы приобрели опыт высокоорганизованной и эффективной борьбы; однако, широкого распространения он не получил¹⁷.

Сформулированные нами в монографии возможные сценарии действий рабочих в перспективе сохраняют свое значение. Рабочий протест сохраняется в фазе потенциального социального конфликта, для которого продолжают существовать основания и который может перейти в открытую форму при наличии отмеченных условий (резкое изменение ситуации, появление повода (спускового механизма), роль которого сейчас может сыграть экономический кризис — появление лидеров, очагов протеста и т. п. Против активизации рабочего протеста продолжают работать такие факторы, как рост их внутренней дифференциации, индивидуализма, современного «пофигизма». В то же время мы полагаем, что во время выступлений возможна солидаризация как бы «поверх» этих факторов, по принципу: «свои» — «чужие», «мы» — «они».

Трансформации в социально-трудовой сфере: динамика, субъекты, связь с инновационным развитием

В этом разделе кратко представлены результаты исследования по последнему НИП (2006–2008 гг.). В определенной мере они являются продолжением предыдущих исследований, но в то же время представляют переход к новой тематике, связанной с изучением инновационных процессов в сфере производства. Был применен расширенный

---

¹⁷ *Максимов Б.И.* 1) Докеры открывают перспективу // *Альтернативы.* 2006. № 3. С. 117–131; 2) О чем говорят выступления рабочих завода Форда. // *Альтернативы.* 2007. № 3. С. 98–104.

подход — рассмотрение рабочих в сопоставлении с другими социально-профессиональными группами, в контексте социально-трудовой сферы в целом, а также анализ концептуальных подходов к исследованию социально-трудовой сферы, социальных механизмов трансформаций.

К числу основных результатов выполнения подпроекта относятся в первую очередь выводы из анализа реформенных изменений в производстве как оснований трансформаций в социально-трудовой сфере, показ сложного, своеобразного характера этих изменений и неоднозначности их влияния на социально-трудовые отношения (реформирование отношений собственности, кризис экономики и т. п.). Сочетание общих черт производственно-экономических изменений (их глубина, повышенная скорость, доминирование разрушительных процессов над созидательными, «зигзагообразность» перемен, движение как бы назад, осуществление преобразований путем «революции сверху») обуславливают уникальность трансформаций социально-трудовой сферы.

Рассмотрение существующих концептуальных подходов к исследованию социально-трудовой сферы показало необходимость полипарадигмального подхода ввиду лишь частичной пригодности существующих концепций (в т. ч. концепции Г. Хофштеда, неоинституционалистов, теории трудовых конфликтов Уиллера, «гибкости в трудовых отношениях»¹⁸, охватывающих лишь отдельные сектора, характеристики трудовых отношений, в принципе, приемлемые, но с неясной практической применимостью). Наиболее приемлемыми (адекватными) признаны два подхода. Первый — при котором рассматриваются социальные механизмы трансформаций и главное внимание обращается на взаимодействие субъектов (акторов) в социально-трудовой сфере, на равнодействующую от соотношения интересов, позиций, авторитетов. Второй подход, вписывающийся в анализ социальных механизмов, имеет в виду упомянутое своеобразие, уникальность («кентавризм») трансформаций социально-трудовых отношений в условиях реформируемой российской экономики, причудливое переплетение классических, советских, новых капиталистических, заимствованных иностранных элементов в период «русского транзита». Эта общая черта составляет «неоклассичность» социально-трудовых отношений (и, соответственно, их трансформаций), принятие ее во внимание и составляет суть «неоклассического» подхода.

В разделе «Трансформации отдельных социально-трудовых отношений и положения работников» заслуживают внимания прежде всего дина-

---

¹⁸ Цит. по: Становление трудовых отношений в постсоветской России. М.: Академический проект, 2004. С. 6.

мика занятости и оплаты труда, двух основных компонентов социально-трудовой сферы. Здесь трансформации выражаются в изменении компонентов и одновременно (параллельно) — положения работников.

Занятость в период реформ претерпела несколько трансформаций. С началом кардинального этапа реформ бытующая прежде полная занятость приобрела кризисный характер, выражающийся в массовых сокращениях, неполной занятости, появлению безработицы, неравномерной загрузке, неустойчивости положения работников и др. В исследовании нами был раскрыт характер всех этих черт динамики занятости.

Неполная занятость выражалась в формах простоев, отпусков по инициативе администрации, неполных рабочих дней, недели, в «рваных графиках». Своего пика неполная занятость достигла к середине 1990-х гг. (в 1995–1996 гг. более 7% работали неполный рабочий день, почти 50% находились эпизодически в вынужденных отпусках по инициативе администрации). Наибольшей неполная занятость была в промышленности и коснулась практически всех регионов (табл. 1).

Таблица 1. Динамика неполной занятости в России

Год	Работали неполный рабочий день (неделю)		Находились в вынужденных отпусках по инициативе администрации	
	Число работн. (% от средне-списочного)	Неотработанное время, кол-во часов на 1 чел.	Число работников, %	Неотработанное время, кол-во часов на 1 чел.
1995	4,1		49,3	42,4
1996	7,2	27,8	15,8	50,3
1997	5,8	19,2	11,5	37,7
1998	10,1	18,9	11,1	34,9
1999	6,5	11,5	7,9	18,8
2000	3,6	5,7	5,2	11,3
2001	2,6	4,1	4,7	0,3
2002	3,0	3,7	4,7	8,2
2003	1,4	2,7	3,3	5,9
2004	2,0	2,1	2,7	4,7
2005	1,2	1,7	2,2	3,8
2006	0,9	1,2	1,5	2,6
В промышленности				
1998	19,9	45	27,1	93
2006	2,7	3,1	5,2	8,4

Источники: Труд и занятость в России. 2001. Стат. сб. М.: Росстат, 2001. С. 280; Труд и занятость в России. Стат. сб., 2007. С. 281.

Важно отметить, что даже к 2006 г. неполная занятость хотя и многократно снизилась, но не исчезла совсем (в промышленности в 2006 г. 2,7% работников имели неполный рабочий день, 5,2% находились в вынужденных отпусках).

Сходные тенденции наблюдались и сохраняются до последнего времени в динамике безработицы, как основной формы незанятости. Она достигла своего пика также к середине 1990-х, далее стала постоянным спутником российского рынка труда, не исчезающим и мало снижающимся и в период стабилизации, оживления производства, даже наряду с дефицитом кадров (табл. 2).

Таблица 2. Динамика безработицы в России

Годы	Уровень безработицы по методологии МОТ и число зарегистрированных безработных, % от численности экономически активного населения.		Нагрузка (число не-занятых на одну вакансию), чел.	Продолжительность поиска работы, мес.
	Безработные МОТ	Зарегистрировано		
1992	5,2	0,8	12,3	
1993	5,9	1,1	13,6	5,7
1994	8,1	2,2	17,5	6,6
1995	9,5	3,2	21,7	7,4
1996	9,7	3,1	26,5	8,2
1997	11,8	2,7	21,8	8,8
1998	13,3	2,7	27,9	9,1
1999	12,9	1,8	15,9	9,7
2000	10,6	1,7	1,6	9,1
2001	9,0	1,9	1,5	8,2
2002	7,9	2,4	2,1	8,6
2003	8,2	2,6	2,3	8,2
2004	7,8	3,0	2,7	8,5
2005	7,2	2,9	2,5	8,4
2006	7,2	2,7	2,0	8,9

Источник: Труд и занятость в России. Стат. сб., М.: Росстат, 2007. С. 113, 146, 157.

Безработица также коснулась всех регионов страны, при этом в отдельных из них ее уровень доходил до 20, 30, 50 и более процентов. Надо иметь в виду еще и скрытую безработицу. Продолжительность поиска работы высока (8–9 месяцев) и практически не снижается. Число прошедших состояние полностью или частично незанятого сопоставимо с общей численностью ЭАН. Среди профессионально-квалификационных групп наивысший уровень безработица достигала у рабочих. Лишь часть безработных была принята на учет и могла использовать помощь служб занятости населения в защите от безработицы.

В целом безработицу и неполную занятость 1990-х гг., как отмечалось, можно рассматривать как потери, огромную растрату человеческих ресурсов, как с точки зрения производства, так и с точки зрения работников. В безработные выпала работоспособная часть кадров по возрасту, опыту работы, квалификации. Наиболее пострадали от сокращения кадров ведущие, наукоемкие отрасли промышленности, авангард российской индустрии. Для работников пребывание в статусе безработного сопряжено с рядом лишений материального и морального характера. Установлено вредное влияние незанятости на состояние здоровья работников. Лица без определенных занятий, постоянного источника дохода оказываются более склонными к совершению преступлений (так, в 2006 г. их доля среди осужденных составляла 57,2%). Кризис занятости обусловил деградацию корпуса рабочих кадров и привел к их дефициту уже в конце 1990-х гг., росту переработок в различных формах.

Динамика трансформации оплаты труда также несла на себе отпечаток кризисности. Обычно оперируют с номинальной величиной заработной платы, не соотнося ее с индексами инфляции, индексами уровня жизни, показывая непрерывный и высокий рост заработной платы. Однако уровень реальной заработной платы падал в течение всех 1990-х гг.; в 1999 г. она составила 34,7% по отношению к 1990 г. С начала 2000-х реальная заработная плата начала расти, но и в 2006 г. еще не вышла на дореформенный уровень (составила 91,5% к 1990 г.) (табл. 3).

Таблица 3. Изменение среднемесячной реальной заработной платы работников в России, % к 1990 г.

1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
96,6	64,9	65,2	60,1	43,3	49,0	51,4	44,4	34,7	42,0	50,3	58,5	64,9	71,8	80,8	91,5

При соотношении номинальной заработной платы с прожиточным минимумом (ПМ) и с другими характеристиками уровня жизни (более адекватными в настоящее время являются стоимость минимальной потребительской корзины, рассчитываемая профсоюзами (МПК), субъективная социальная норма (ССН), предлагаемый учеными «стандарт экономической устойчивости семьи с детьми» (СЭУ)) — вырисовывается более верная картина (табл. 4).

Таблица 4. Динамика номинальной заработной платы в соотношении с критериальными индексами уровня жизни в России

Годы	Номинальная зарплата, руб.	ПМ Руб.	МПК руб.	ССН руб.	СЭУ руб.	Отношение заработной платы работников к			
						ПМ	МПК	ССН	СЭУ
1994	220	97,4		317	242	2,2		0,6	0,9
1995	472	297,2		774	742	1,5		0,6	0,6
1996	790	415,6		1427	1037	1,9		0,5	0,7
1997	950	462,4	900	1737	1155	2,0	1,0	0,5	0,8
1998	1051	554,7	2023	1655	1385	1,8	0,5	0,6	0,7
1999	1522	1002,8	2787	2683	2505	1,5	0,5	0,5	0,6
2000	2223	1589	3242	3596	3972	1,4	0,6	0,6	0,5
2001	3240	1629	3910	5300	4072	1,9	0,8	0,6	0,8
2002	4360	1967	4659	6944	4917	2,2	0,9	0,6	0,8
2003	5498	2304	5296	8707	5760	2,3	1,0	0,6	0,9
2004	6739	2602	6137	8845	6505	2,5	1,0	0,7	1,0
2005	8554	3255	7765	11080	8138	2,6	1,1	0,7	1,0
2006	10633	3695		12922	9238	2,8	1,1	0,8	1,1

Источники: Труд и занятость в России. Стат. сб. 2007. М.: Росстат, 2007. С. 370–371, 374; Вестник общественного мнения. 2007. № 4 (90). С. 73; Человек и труд. 2008. № 8. С. 8; Единство. 2006. № 7 (328). С. 16–17.

Как видим, заработная плата, как бы вполне благополучная при сравнении с ПМ, выглядит более скромно при соотношении с другими критериальными индексами. Это соотношение имеет тенденцию к улучшению, но весьма умеренную. Картина еще менее благополучна по данным мониторинга Центра Левады (табл. 5).

Таблица 5. Динамика оплаты труда по данным мониторинга Центра Левады

Годы	Заработная плата	Средне-душевой доход	ПМ	ССН	Отношение заработн. пл. к		Отношение среднедуш. дохода к	
					ПМ	ССН	ПМ	ССН
1995	488,5	256,7	453,2	774,4	1,0	0,6	0,5	0,3
1998	962,3	512,5	688,3	1655,2	1,3	0,5	0,7	0,3
2000	1823,5	1000,7	1409,2	3596,8	1,2	0,5	0,7	0,2
2001	2895,6	1500,4	1987,7	5300,2	1,4	0,5	0,7	0,2
2003	4734,1	2439,5	3265,2	8707,2	1,4	0,5	0,7	0,2
2005	6373,0	3534,2	4331,1	11080	1,4	0,5	0,8	0,3
2007	14472,7	5798,1	6703,7	14735	2,1	0,9	0,8	0,3

Источник: Вестник общественного мнения. Данные, анализ, дискуссии. 2007. № 4 (90). С. 73.

Согласно табл. 5, реальный размер среднедушевого дохода по отношению к «размеру дохода на одного члена семьи в месяц, чтобы жить нормально», составляет 0,2–0,3.

Динамика условий труда по официальным данным достаточно благополучна: наблюдается стабильность показателей, за исключением небольшого увеличения числа занятых тяжелым физическим трудом, числа пострадавших при несчастных случаях на производстве со смертельным исходом (до 2002 г.). В 2000-е росла численность лиц с профессиональными заболеваниями. По отзывам экспертов из профсоюзных организаций, в 1990-е имело место тенденция общего ухудшения условий труда, особенно в отраслях с тяжелыми, вредными, опасными условиями (в добыче, переработке полезных ископаемых)¹⁹. Практика экономии на охране труда продолжилась и в 2000-е гг. Рабочие дают преимущественно отрицательную оценку условиям труда.

Режимы труда и отдыха оказались нарушенными. Как уже отмечалось, у рабочих неполная, неравномерная загрузка во время кризиса сменилась переработками в различных формах, расширением вторичной занятости. По различным данным, имеют дополнительную работу от

¹⁹ Информационный материал о работе Новокузнецкой территориальной организации за отчетный период 1995–2000 годы. Новокузнецк: Росуглепроф, 2000. С. 33–36.

20 до 50% работников; дополнительный заработок составляет до 30% и более от общей заработной платы. Увеличивается доля не использующих ежегодный отпуск или использующих частично, без оплаты; при этом чем выше степень «частности» предприятия, тем большая доля работников не использует отпуск (до 50 и более процентов).

В социальном страховании, социальном развитии перемены преимущественно с отрицательным знаком, началом их послужил экономический кризис 1990-х гг. Уменьшилось число использующих «листки нетрудоспособности», даже отпуска по беременности и родам; существенно снизилось предоставление работникам материальной помощи, путевок в санатории, пансионаты. Уменьшилось и число санаторно-курортных учреждений, детских загородных оздоровительных лагерей, санаториев-профилакториев на предприятиях²⁰.

Рассмотрение динамики соблюдения/нарушения социально-трудовых прав работников показывает степень серьезности нарушений, выглядящих без правовой квалификации как бы просто сбоями (например, несвоевременная выдача заработной платы). Нарушения социально-трудовых прав многочисленны и разнообразны. Налицо правовые неграмотность и даже нигилизм как со стороны работодателей, так и наемных работников. Нарушалось в целом право на труд, защиту от безработицы. Простой, вынужденные отпуска нередко оплачивались ниже положенного уровня или не оплачивались совсем. Во время массовых сокращений нарушалось право отдельных категорий на оставление на работе (например, при закрытии шахт увольнялись все работники). В условиях кризиса нарушалось конституционное право на «свободный выбор работы в соответствии со способностями, склонностями»; имела место дискриминация по полу, возрасту, социальным характеристикам. В оплате труда вопиющими нарушениями прав были заниженный МРОТ, упоминаемые задержки заработной платы; несвоевременная индексация заработной платы, отмена законных доплат. Часто нарушалось конституционное право «на охрану, благоприятные условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены», на возмещение ущерба от потери здоровья на производстве, на участие в управлении, на сохранение морального достоинства и др. В целом до 60% работников (по разным показателям) отмечают нарушение их социально-трудовых прав.

По одному из основных направлений анализа — рассмотрению субъектов (акторов) в социально-трудовой сфере и механизмов их

---

²⁰ Социальное положение и уровень жизни населения России. Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2000. С. 403–404.

взаимодействия получены существенные выводы. Выделение акторов показывает их многочисленность; ввиду этого их взаимодействие оказывается весьма сложным. В субъективном восприятии акторами следствий реформенных перемен есть общие и специфические черты, свойственные отдельным акторам. По данным отдельных обследований Росстата, даже в 2006 г. материальное положение оценивается в основном как «среднее», при этом отрицательные оценки перевешивают положительные почти в 10 раз. Относительно соотношения доходов/расходов семьи основная часть опрошенных считает, что «расходы соответствуют доходам», при этом численность тех, которые «берут в долг или используют сбережения» перевешивает «имеющих возможность откладывать деньги» в 3 раза. Динамика в сторону повышения оценок материального положения незначительная (табл. 6).

Таблица 6. Оценка личного материального положения по данным Росстата (число ответивших, в %)

Оценка положения	2004	2005	2006
Очень хорошее	0,1	0,1	0,3
Хорошее	4,5	5,6	7,1
Среднее	53,2	55,2	55,0
Плохое	34,2	32,1	31,8
Очень плохое	6,9	6,2	4,6
Затрудняюсь ответить	1,0	0,6	1,2

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. Стат. сб. 2007. М.: Росстат, 2007. С. 142.

Субъективное восприятие трансформаций разными социально-профессиональными группами существенно различается. По данным упомянутых обследований Росстата, среди рабочих оценивают материальное положение как хорошее в 3–4 раза меньшая часть, чем среди руководителей, специалистов²¹. В силу разницы позиций различались и действия субъектов. Трансформации в значительной степени — результат взаимодействия акторов (или их односторонних действий, при доминировании какой-то группы).

Государство в начале кардинального этапа реформ, как главный актор «революции сверху», выступало инициатором перемен, гарантом,

²¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. Стат. сб. 2007. М.: Росстат, 2007. С. 142.

обеспечивающим их ход, в т. ч. и в социально-трудовой сфере. По вопросам занятости были выпущены законодательные акты, созданы службы занятости, органы по разрешению трудовых споров, предусмотрены выплаты пособий безработным и др. Однако на этапе реализации реформ государство заняло позицию, многими называемую позицией самоустранения. Оказалась непредусмотренной разрушительность некоторых преобразований в связи с экономическим кризисом. Соответствующие коррективы не были приняты. Так, службы занятости никак не воздействовали на массовые сокращения работников; контрольные органы (Гострудинспекция и др.) вмешивались лишь в отдельные конфликты, несчастные случаи на производстве, вопросов занятости не касались; суды вставали на сторону работодателей.

Работодатели, администрация в вопросах занятости обычно выбирали путь наименьшего сопротивления: прибегала к сокращению кадров как к наиболее простому и дешевому для нее выходу из положения, приносила в жертву в первую очередь рабочих, во вторую — служащих, сохраняя топ-менеджеров, которые обычно были в числе совладельцев.

Наемные работники, и рабочие, прежде всего, с самого начала реформирования производства были исключены из процесса принятия решений, не считая исключением формального голосования за приватизацию и выборе ее варианта («варианта льгот»). Можно сказать, что они были объектами преобразований. Решения о сокращениях при прежнем КЗоТе должны были быть согласованы с профсоюзом, как представителем работников, но администрация обычно почти беспрепятственно получала согласие традиционных профсоюзов. Сами наемные работники, воспринимавшие депривации в сфере занятости как нечто неизбежное, лишь в отдельных случаях протестовали против сокращений, нередко были даже солидарны со своей администрацией, демонстрируя «понимание», «вхождение в ее положение». Федерации профсоюзов ввиду «безальтернативности реформ» принимали и «неизбежное» появление безработицы.

В значительной мере в результате такого сложения сил прошли массовые сокращения кадров, произошли «великие перемещения» рабочих, появилась безработица, рынок труда начал «избавляться от излишней численности».

В вопросах оплаты труда государство, как и в занятости, провело законодательную подготовку (установление МРОТа, ПМ как ориентира), этим и ограничившись, сняв одновременно все прежние регуляторы

в оплате труда. Как и в занятости, оно в дальнейшем не вмешивалось в отношения по оплате труда, даже при известных вопиющих нарушениях по задержкам заработной платы, сохраняя позицию поддержки (хотя бы потенциальной) собственников (только на значительно поздних этапах установило ответственность работодателей за задержки). Работодатели и здесь получили свободу действий, использовали МРОТ, ПМ как основание для низкого уровня оплаты труда, практиковали невыплаты заработка, неоплату простоев, надбавок, увода заработной платы в «тень», непроведение индексации заработной платы, произвольное определение ее размера и др. Здесь также администрация стремилась преодолеть трудности кризиса, обеспечить выживание, успех предприятий за счет наемных работников. Наемные работники, как известно, проявили активность в сфере оплаты, но только протестную, не конструктивную как со-субъекта построения систем вознаграждения за труд. А в протестной активности предметом были почти исключительно задержки зарплаты. Требования по поводу размера практически не служили причиной протестных акций. Только в начале 2000-х годов такие требования вышли на первый план.

Результатом сложения позиций субъектов были падение уровня оплаты труда, распространение произвольности, скрытости заработков, их роста за счет переработок, дополнительной работы; сильнейшая дифференциация оплаты труда.

Сходная картина и в условиях труда. Здесь также государство присутствовало, устанавливая законодательные нормы по охране труда, создавая контрольные органы — но тоже в основном незримо. Администрация в условиях кризиса экономила на охране труда, используя кризисную ситуацию для оправдания низкой заботы об условиях труда; сами работники, профсоюзы практически не протестовали против ухудшения условий, иногда проявляли встречную готовность жертвовать здоровьем ради сохранения места работы, заработка. В период стабилизации производства системы охраны труда начали восстанавливаться, но, как правило, они еще не стали объектом совместных усилий акторов. В других аспектах социально-трудовых отношений — по поводу режимов труда и отдыха, социального страхования, социального развития, повышения квалификации, профессионального роста, участия в управлении и др. — взаимодействие социальных акторов имеет схожий характер, с некоторыми специфическими чертами.

При анализе трансформаций в социально-трудовой сфере с точки зрения инновационного развития, предметом рассмотрения в

целом стали социально-трудовая составляющая инновационной деятельности, инновации в самой социально-трудовой сфере, их субъекты, социальные механизмы, значение, роль социальных инноваций, нововведений в социально-трудовых отношениях для инновационного развития производства.

В настоящее время в изучении инноваций господствует технократический подход, что отмечает и Б.Г. Тукумцев, проведший анализ исследований, деятельности по данной проблеме²². В то же время ряд исследований социологов, начиная с 1980-х гг., показывает наличие и значимость социологического аспекта инновационного развития. Это исследование социальных механизмов инновационной деятельности (Л.Я. Косалс и др.)²³, анализ интересов различных участников нововведений, совокупности формальных и неформальных правил, норм, регулирующих взаимодействие участников, исследование социальной и экономической эффективности инноваций (В.И. Кабалина и др.)²⁴, циклов инноваций, в т. ч. социальных (А.И. Пригожин),²⁵ вопросов мотивации инновационной деятельности (В.Г. Садков, О.Б. Кузнецова)²⁶; «построение баланса разноречивых интересов участников инновационного процесса» (В.Г. Зинов)²⁷ и др.; отдельно стоит отметить подход Б.Г. Тукумцева, введшего и использующего плодотворное понятие инновационной культуры²⁸.

Артикуляция субъектов, социальных механизмов, инноваций в социально-трудовой сфере появилась в такой значимой инновации, как введение нового Трудового кодекса. Число потенциальных и реальных

---

²² *Тукумцев Б.Г.* Методологические предпосылки исследования инновационной культуры в научных организациях // Наука и высшая школа в инновационной деятельности. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 22–24.

²³ *Косалс Л.Я.* Социальный механизм инновационных процессов. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1989.

²⁴ Инновации в постсоветской промышленности / Под ред. *В.И. Кабалиной*. Ч. 1. Сыктывкар, 2000; Ч. 2. М.: ИСИТО, 2001.

²⁵ *Пригожин А.И.* Современная социология организаций. М.: Интерпраксис, 1995. С. 199–200.

²⁶ *Садков В.Г., Кузнецова О.Б.* Социальные инновации в управлении процессами согласования интересов власти, бизнеса и общества // Инновации. 2007. № 8 (106). С. 45–47.

²⁷ *Зинов В.Г.* Основная проблема развития инновационной деятельности // Инновации. 2004. № 2. С. 25–27.

²⁸ *Тукумцев Б.Г.* Культура инновационной деятельности в научных учреждениях и возможность ее социологической оценки // Глобализация в российском обществе: сб. научных трудов. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 47–98.

участников (субъектов, акторов) здесь было велико. Введение Кодекса касалось, кроме работодателей, наемных работников, различных органов власти, также объединений работодателей, наемных работников, общественных, политических организаций. Важно было иметь их всех в виду, осуществлять вовлечение в подготовительную деятельность, включение в соответствии с характером, интересами субъектов, их ролью в инновационном процессе. Система взаимодействия должна была позволить каждому актору «сыграть свою роль», внести вклад, реализовать свой потенциал. Ввиду разноречивости интересов, неравноправного положения субъектов трудовых отношений, необходимы были согласование интересов, специальные усилия по вовлечению в процесс «слабых» субъектов (здесь в первую очередь — группы рабочих).

Однако на практике, при введении ТК, эти принципы не соблюдались. Даже из основных субъектов трудовых отношений не все были включены в число участников подготовки нового трудового законодательства. Роль монопольного субъекта взяло на себя государство в лице законодательной и исполнительной власти. Исполнительная власть подготовила свой вариант закона и упорно проталкивала его, игнорируя сопротивление других субъектов. При этом государство занимало одностороннюю позицию, не выступало арбитром, проявляло фактически «классовый» подход. Наемным работникам оставалась возможность осуществлять свое участие в протестной форме. В результате был принят кодекс, реализующий, по общему мнению, приоритет интересов работодателей и ущемление позиции наемных работников, их объединений, не способствующий развитию социального партнерства.

Перспективным направлением работы становится анализ социальных механизмов инновационной деятельности не только в социально-трудовой сфере, но и в сфере производства в целом, в первую очередь — в промышленности, как реализационного звена (этапа) жизненного цикла инноваций.

И.И. Травин, Е.М. Порецкина,
zhe1607@yandex.ru

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ В 1993–2001 гг.

Аннотация: В статье представлено краткое описание двух международных проектов, проведенных Сектором исследования социальной структуры совместно с финскими исследователями в 1993–2001 гг. Оба проекта были направлены на изучение влияния механизмов перехода от социалистического уклада к рыночной экономике на повседневную жизнь городского населения на различных этапах становления рынка. Описаны цели и задачи проектов, методика сбора материала, краткие характеристики полученных эмпирических данных и представлены основные выводы. На основе анализа результатов сделан вывод о том, что рыночная экономика приобретает важное значение в экономическом поведении городских семей в России.

Ключевые слова: стратегия выживания, повседневность, новые риски и новые потребности, качественные методы, полуструктурированные интервью, экономическое поведение городских семей, адаптация, рыночные отношения.

В течение 1993–2001 гг. коллектив Сектора исследований социальной структуры (ранее — Сектор изучения городского образа жизни) совместно с группой финских социологов принимал участие в реализации двух исследовательских проектов: «Структурные изменения и стратегии выживания: адаптация к рыночным отношениям в России» (1993–1996 гг.) и «Новые риски и зарождающийся средний класс в переходной России: класс, гендер и благосостояние в Санкт-Петербурге» (1998–2000 гг.).

С финской стороны в проекте участвовали доктор Тимо Пиирайнен, профессор Юсси Симпура, доктор Симо Маннила, исследователи Теела Паккасвирта и Татьяна Носова. Руководителем проекта с россий-

ской стороны был к.ф.н. И.И. Травин, секретарем — научный сотрудник Е.М. Порецкина.

Оба проекта опирались на единую эмпирическую базу, на согласованные теоретические позиции и, во многом, на сходство взглядов членов исследовательского коллектива, хотя различия национального, социального, личностного и научного опыта, безусловно, нашли отражение в конкретных текстах. Поскольку все представители финской исследовательской группы отлично владели русским языком, рабочим языком исследования был выбран русский, что значительно облегчило все задачи научного общения и подготовки совместных публикаций.

Основной целью проекта «Структурные изменения и стратегии выживания: адаптация к рыночным отношениям в России» было изучение влияния механизмов перехода от социалистического уклада к рыночной экономике на повседневную жизнь городского населения. Была поставлена задача отразить происходящие в обществе изменения изнутри: каким образом воспринимают их обычные люди и как эти изменения непосредственно воздействуют на повседневную жизнь конкретной семьи. Выбранные случайным образом отдельные Санкт-Петербургские семьи рассматривались как сознательно действующие субъекты, вырабатывающие различным образом важные для них стратегии. В исследовании эти стратегии назывались «стратегиями выживания» или «стратегиями совладания с ситуацией» (*coping strategies*). Обладая определенным набором ресурсов, семьи делают рациональный выбор с целью получения максимально возможной выгоды в условиях институциональных и структурных изменений в обществе.

Основной целью второго проекта — «Новые риски и зарождающийся средний класс в переходной России: класс, гендер и благосостояние в Санкт-Петербурге» было продолжение изучения экономической активности домохозяйств на этапе становления рынка, то есть анализ предпочтений, выборов и моделей поведения обычных семей в переходной экономике. Кроме того, было изучено восприятие населением многообразия рисков, существующих в современном обществе (экологических, криминальных, медицинских и многих др.).

Методом сбора материалов с самого начала был выбран метод полуструктурированных глубинных интервью с семьями горожан, достаточно новый для российских исследований того времени. Эмпирическим материалом явились тексты интервью, в которых анализировалось содержание и структура высказываний петербуржцев. Все интервью проходили у респондентов дома, что давало возможность интервьюерам

не только оценивать поведение респондентов в ходе беседы (отношение к интервью, полнота и искренность ответов, психологический климат в семье), но также визуально оценивать уровень благосостояния семьи и жилищные условия. Вся эта информация регистрировалась в специальном кратком отчете, прилагаемом к каждому интервью.

Обычно в интервью участвовали все взрослые члены семьи. Длительность интервью составляла от 45 минут до полутора часов. Часто после интервью завязывался оживленный разговор, также длившийся достаточно долго. Как правило, респонденты были благодарны интервьюерам за возможность выговориться, рассказать о своих проблемах, иногда по-новому взглянуть на свою жизнь, попытаться как-то ее оценить. Все интервью были записаны на аудиокассеты и полностью расшифрованы. В результате был получен уникальный массив интервью, составляющий почти 5000 страниц.

Все интервьюеры имели на руках детализированный список тем (сценарий интервью), следуя которому они и задавали свои вопросы. Точная формулировка вопросов не была предусмотрена сценарием и предоставлялась каждому интервьюеру, однако порядок тематических блоков, в основном, соблюдался. В целом, качество и наполненность интервью во многом зависели как от индивидуальных качеств интервьюера, так и от вербальных способностей респондента и его личных особенностей. Некоторые интервью выглядели почти как поток сознания, а в некоторых почти невозможно было избежать сухих односложных ответов.

Логика построения интервью представляла собой принцип развита по восходящей — от более простых вопросов о жилье, работе, доходах — к более сложным, затрагивающим социальные проблемы и экономические и политические изменения. Список основных тем для интервью включал для себя следующие:

1. Состав семьи (взрослые члены семьи, дети, старшее поколение).
2. Жилищные условия (характеристика жилья, степень удовлетворенности жилищными условиями, перспективы).
3. Работа (занятия всех членов семьи, профессия, образование и его связь с нынешней профессией, сектор занятости, место работы, режим работы, угроза безработицы, смена мест работы за последние 5–6 лет, способы поиска работы, представления о благополучной карьере).
4. Доход семьи (источники, дополнительные доходы, удовлетворенность доходом, желаемый доход).
5. Потребление (питание семьи, стратегии и приоритеты приобретения продуктов и товаров, крупные покупки, наличие запасов, обмен

товарами и продуктами, информация о товарах, реклама, новые статьи расходов).

6. Стиль жизни семьи (досуг, общение с друзьями, дачи и ее функции, проведение отпусков, значение религии в жизни семьи).

7. Дети (возраст, занятия, кружки, оплата образования, возможность эмиграции, проблемы армии для мальчиков, будущее детей в целом).

8. Социальные проблемы города.

9. Здоровье и риски (состояние здоровья членов семьи, экология, занятия физкультурой и спортом, алкоголь и курение).

10. Роль и образ мужчины и женщины (адаптационные различия, равноправие, типичные черты современных мужчин и женщин).

11. Будущее семьи (в том числе влияние политики на жизнь семьи).

12. Пример успешного жизненного сценария.

Проект «Структурные изменения и стратегии выживания...» 1993–1996 гг. включал в себя три подпроекта. Описание и анализ разнообразных стратегий, выработанных семьями в результате реакции на происходящие социальные, экономические и политические изменения в повседневной жизни горожан был дополнен двумя подпроектами. Первый касался исследования восприятия горожанами основных социальных проблем, а второй был посвящен исследованию факторов социальной поддержки, получаемой семьями через их социальные сети.

Выборка респондентов для первого проекта проводилась исходя из определенных теоретических критериев. На первой стадии сбора материала было взято 20 интервью у членов наиболее «репрезентативных» семей, а именно у полных семей, имеющих одного или двух детей, в которых оба из родителей работали и имели достаточно высокую квалификацию. После этого последовали различные вариации выбора семей для интервью по возрасту, образованию, сфере занятости, семейному составу и жилищной ситуации с использованием метода «снежного кома».

Всего в ходе первого проекта было собрано 100 интервью с петербургскими семьями (домохозяйствами), и, кроме основного массива, было проведено 20 дополнительных интервью, взятых в течение 1996 года, которые были сосредоточены, главным образом, на проблемах социальной поддержки, получаемой семьями через свои социальные сети, а также на проблемах «блата», знакомств и т. д. При проведении дополнительных интервью большая часть сценария была сохранена, что позволило в дальнейшем проводить сравнительный анализ текстов.

В ходе второго проекта «Новые риски и зарождающийся средний класс в переходной России...» 1998–2000 гг. также было собрано 100 интервью и, кроме того, было взято 20 дополнительных — «целевых». Дело в том, что время проведения проекта совпало с августовским кризисом 1998 г., и поэтому было принято оперативное решение провести в некоторых семьях краткие повторные интервью «по горячим следам», фокусированные на последствиях кризиса для семьи. Был приготовлен короткий сценарий интервью, включающий в себя такие темы, как изменение ситуации на работе и занятости; изменения в доходах и расходах семьи; деятельность, к которой прибегали в виде реакции на кризис; отношение к эмиграции, как одно из возможных решений, и в конце — общий настрой и ожидания на будущее.

Выбор семей для второго проекта был во многом задан индивидуальными интересами членов исследовательской группы. Так, первоначально предполагалось, что будет взято 30 интервью со специфическими группами населения: 15 интервью с одинокими женщинами и 15 — с одинокими мужчинами, кроме этого 70 интервью в различных семьях, в том числе 30 интервью с семьями, уже участвовавшими в предыдущем проекте (а предпочтительнее — в тех, где уже было взято по два интервью).

Однако уже в начале процесса сбора информации оказалось, что поставленная задача по формированию выборки весьма сложна и зачастую невыполнима. Если интервью с одинокими женщинами частично входили в число повторных, и еще несколько могли быть получены с помощью метода «снежного кома», то, как выяснилось, находить респондентов — одиноких мужчин оказалось значительно труднее. Поэтому было решено отказаться от прямого метода «снежного кома» и перейти к методу теоретического насыщения, используя квотный метод построения выборки. Кандидатуры возможных респондентов подбирались с помощью социальных сетей самих исследователей и систематически обсуждались на рабочих встречах.

Кроме того, в ходе второго проекта несколько расширились поставленные задачи: было решено включить в выборку семьи представителей формирующегося среднего слоя, респондентов, имеющих новые профессии, а также более состоятельные семьи. Вполне понятно, что, двигаясь методом «снежного кома» от респондентов первого опроса, исследователи, скорее всего, не смогли бы выйти за пределы определенного социального круга. Интерес к представителям формирующегося среднего класса был основан на том, что их модели поведения бо-

лее разнообразны, это наиболее динамичная и активная группа, судьба которой во многом определяет положение других групп населения.

Можно привести некоторые цифры, касающиеся полученных массивов. В первом проекте было собрано 100 интервью, в которых приняло участие 182 респондента. Был представлен весь спектр типов семей, а именно: многопоколенные, нуклеарные, семьи матерей-одиночек, бездетные и просто одинокие. Образовательный уровень респондентов оказался достаточно высоким — 111 человек с высшим образованием, 37 со средним специальным и 34 со средним образованием. Профессиональный состав респондентов был весьма разнообразным: он включал как традиционные профессии, требующие высшего образования, так и традиционные рабочие профессии. Кроме этого, в интервью принимали участие мелкие предприниматели, работники творческих профессий, безработные, пенсионеры и домохозяйки. Основная масса респондентов была занята в государственной сфере.

Число детей в опрашиваемых семьях в среднем оказалось достаточно высоким, так как первоначально планировалось брать интервью только у семей с маленькими детьми, но в процессе полевой работы это решение было отменено, и семьи без детей или со взрослыми детьми также были включены в выборку.

Во втором проекте было собрано также 100 интервью, в которых приняли участие 167 человек. Уровень образования наших респондентов вновь оказался достаточно высоким: 109 человек имели высшее образование, 31 — среднее специальное и 27 — среднее образование.

Профессиональный спектр занятости респондентов второго проекта был также достаточно широк. Кроме представителей традиционных профессий (таких, как инженеры, учителя, шоферы, воспитатели в детском саду, продавцы), были взяты интервью у представителей профессий, появившихся на рынке труда в последнее время (таких, как риэлторы, менеджеры, торговые агенты и предприниматели разных уровней). Кроме горизонтального профессионального разнообразия в массиве присутствует и вертикальное статусное разнообразие рабочих мест (от низко квалифицированных профессий типа оператора котельной до владельцев универсама, модельного агентства или председателя муниципального объединения). В отличие от респондентов первого проекта, подавляющее большинство было занято уже не в государственной сфере — респонденты работали либо в акционерных предприятиях, либо в частной сфере. Представители государственных

предприятий были представлены, в основном, силовыми структурами или учебными заведениями.

Кроме того, в ходе второго проекта 34 семьи участвовали в исследовании повторно, интервью в них были взяты во второй раз (а в 17 семьях даже в третий раз). Небольшое увеличение доли повторных интервью по сравнению с запланированным количеством связано с заинтересовавшимися исследователей изменениями, происшедшими в этих семьях. В результате в некоторых семьях интервью в общей сложности покрывают почти семь лет жизни. Сравнительный анализ текстов интервью был облегчен также тем, что большая часть сценария оставалась неизменной с 1993 г. Подобная тактика интервьюирования усилила лонгитюдный характер проекта и позволила изучать процесс развития и укрепления экономических стратегий и поведения семей в повседневной жизни на различных стадиях перехода к рыночной экономике. Можно подчеркнуть, что выбранный подход придавал исследованию панельный характер и явился его уникальной особенностью.

Таким образом, в результате проведения двух проектов исследовательский коллектив получил уникальное исследование, позволяющее всесторонне описать определенный срез жизни петербургских семей в течение длительного периода времени. То обстоятельство, что информация собиралась в течение почти восьми лет, наложило свой отпечаток и на характер полученных данных — социальная реальность от года к году претерпевала резкие изменения. Результаты, полученные в ходе анализа материалов проектов, явились убедительным доказательством того, что содержательные дискурсы также обладают свидетельской силой и могут быть подняты до уровня обобщений¹.

В целом результаты двух проектов хотя и не могли адекватно представлять генеральную совокупность — все население Санкт-Петербурга, но благодаря примененным принципам выборки могли дать представление об определенной среде, и можно с уверенностью сказать, что полученные интервью достаточно адекватно представляли интересовавшую исследователей среду, а именно, зарождающийся средний класс крупного города. Соотнеся этот слой со структурой западного общества, можно сказать, что в данном случае была представлена и описана, в основном, нижняя страта среднего класса, которая состоит из людей средних доходов, чья разнообразная занятость

---

¹ *Симпура Ю.* Post Proectum. Перелом в России и новый общественный порядок. (Обсуждение после исследования). Повседневность середины 90-х годов глазами петербуржцев. СПб.: Европейский Дом, 1999. С. 258.

не включает ручной труд. В первом проекте был включен и верхний уровень «низшего класса», а во втором — были взяты интервью у нескольких представителей высшей страты среднего класса. В целом для описания выборки больше всего подходит термин «milieu». Исследователи, в силу применяемой методики сбора материалов, не могли выйти за пределы вышеуказанного слоя и взять интервью у представителей «новых русских» и элитных слоев общества, так же как и у деклассированных категорий населения — бездомных, нищих и т. д. Тем не менее, была получена определенная стратификация семей — по доходу, профессиональному статусу, жилищным условиям. Так, в первом исследовании большинство респондентов принадлежало к так называемым «новым бедным», или, точнее, людям, живущим в состоянии относительной бедности², то есть имевшим в недалеком прошлом стабильные доходы, устойчивую профессиональную позицию, денежные накопления и уверенность в будущем. Во втором исследовании фокус исследовательских интересов был смещен на возникший и активно растущий средний класс, представленный представителями новых профессий, появившихся на рынке труда.

В качестве теоретической базы анализа эмпирических материалов были выбраны такие теории, как «grounded theory», социологические постулаты Вебера, теория рационального выбора, социально-психологические теории изучения социальных сетей, конструкционистский подход к анализу социальных проблем, теория риска Бека и Лумана и многие другие социологические теории.

Наибольшую сложность, безусловно, представляла итоговая интерпретация результатов исследований. Нестатистические, качественные методы исследования таят в себе ту опасность, что интерпретатор-исследователь невольно, а порой и намеренно, вносит оттенок субъективности в процесс анализа. Задать заранее жесткие концептуальные рамки удастся не всегда. С этим столкнулся и интернациональный коллектив — исследовательский опыт, теоретико-методологические ориентации, наконец, индивидуальные особенности различались весьма существенно. Тем не менее, серьезных разночтений удалось избежать, что явилось результатом длительных и постоянных обсуждений каждой стадии обоих проектов в ходе многочисленных семинаров и рабочих встреч участников проекта в Хельсинки и Санкт-Петербурге.

---

² Гордон Л.А. Социальная адаптация в современных условиях. Социологические исследования. 1994. № 8–9.

Каждый участник проекта имел свой собственный профессиональный интерес, результатом чего явилось написание более 50 статей на русском, финском и английском языках. Участники проекта выступили с докладами на 20 конгрессах, конференциях и семинарах, как в России, так и за рубежом. По результатам первого проекта руководитель финской части проекта Тимо Пиирайнен выпустил книгу «Transforming Structures and Everyday Life. Toward a new social order in Russia». (Adlershot: Darthmouth, 1997). Кроме того, по результатам обоих проектов были опубликованы две совместные коллективные монографии (Повседневность середины 90-х годов глазами петербуржцев. СПб.: Европейский дом, 1999. 268 с.; Новые потребности и новые риски. Реальность 90-х годов. СПб.: Норма, 2001. 284 с.).

Приведем кратко общие результаты анализа материалов, которые в более полном виде представлены в статье Тимо Пиирайнена в монографии 2001 г.³

Итак, в первом исследовании 1993–1996 гг. была разносторонне изучена деятельность домохозяйств, которые пытались справиться с резкими изменениями стратификационных моделей; при этом возникающая новая социальная структура рассматривалась как коллективный результат деятельности и выбора индивидуальных домохозяйств.

Первый проект был сфокусирован в основном на стратегиях тех домохозяйств, которые в период быстрого изменения модели социальной стратификации пытались переориентировать ресурсы, требовавшиеся старой экономике, в различные сектора новой. Этот процесс можно назвать «конверсией ресурсов». Для домохозяйств стало важным «конвертировать» старые ресурсы в необходимые для нового общества для того, чтобы занять более выгодные позиции в новой социальной структуре. Таким образом домохозяйства испытывали либо восходящую, либо нисходящую социальную мобильность.

Во втором проекте основное внимание было направлено на процесс упрочения социальных позиций на этапе дальнейшего становления рынка. На уровне установок, ориентаций и психологии рыночное окружение в последнем исследовании воспринималось с намного меньшим чувством беспокойства и неопределенности, несмотря на шок августовского кризиса 1998 г. Доминирующей для семей была приверженность однажды выбранной рыночно-ориентированной стратегии.

---

³ Пиирайнен Т. Обучаясь жить в условиях рынка. Городские домохозяйства в России между официальной и неформальной экономикой. Новые потребности и новые риски. Реальность 90-х годов. СПб.: Норма, 2001. С. 217.

На основе анализа результатов двух исследовательских проектов был сделан вывод о том, что официальная рыночная экономика приобретает важное значение в экономическом поведении городских семей в России. Этому способствовал целый ряд факторов: во-первых, после десятилетия перехода к рыночной экономике российские семьи научились получать больше информации о рынке — как о рынке товаров и услуг, так и о рынке рабочей силы — по сравнению с тем, как это обстояло в начале 1990-х. Во-вторых, рынок стал более упорядоченным и прозрачным, что смогло обеспечить развитие стабильных, долгосрочных, рыночно-ориентированных стратегий домохозяйств. В-третьих, рыночно-ориентированный жизненный стиль стал общественно признанным. В четвертых, несмотря на весьма значительные трудности, рынок, тем не менее, все чаще оказывался единственно возможной основой для жизнеспособной долгосрочной экономической стратегии семьи. И, наконец, увеличившаяся определенность относительно политического будущего России в конце 1990-х и начале 2000-го также способствовала дальнейшей рыночной ориентации домохозяйств.

В заключении можно привести цитату из монографии участников проекта 2001 г., где анализировались реалии экономического кризиса 1998 г.: «Интерес представляют выводы о том, что, несмотря на то, что августовский кризис 1998 г. стал для многих действительным шоком, население было подготовлено к нему несколько лучше, чем это было раньше — во времена первых шагов шоковой терапии начала 90-х годов. Для большинства опрошенных семей этот период стал своего рода “школой выживания”, которую они закончили, выработав ряд новых необходимых навыков:

– Выработка достаточно спокойного отношения к возможности потери работы; использование новых стратегий и расширение социальных сетей для поиска новой работы или необходимой информации о ней, осознание необходимости овладения несколькими профессиональными навыками.

– Применение комбинированной стратегии выживания, основанной на одновременном использовании множества различных видов активности для поиска доходов; появление нового набора способов жизнеобеспечения — как легальных, так и нелегальных.

– Осознание возможности потери собственности; восприятие частной экономической катастрофа в качестве новой характерной черты современной жизни, осознание необходимости поиска новых видов индивидуальных финансовых стратегий.

– Рост самооценки в результате понимания собственной значимости для выживания и жизни семьи; демонстрация большей, чем раньше, готовности к длительному процессу восстановления адекватного уровня жизни; в этом смысле — рост уровня терпения населения»⁴.

Актуальность этих суждений сегодня не просто не вызывает сомнений. Они могут составить своеобразную антикризисную программу, стать некоторым рекомендуемым набором социальных практик в постоянно повторяющихся кризисных ситуациях современной России.

---

⁴ *Симпура Ю., Еремичева Г., Евдокимова Е., Манила С., Носова Т., Паккас-вирта Т., Порецкина Е.* Есть ли предел терпению? // Петербуржцы в период экономического кризиса в августе 1998 г. Новые потребности и новые риски. Реальность 90-х годов. СПб.: Норма, 2001. С. 13–40.

А.С. Мищенко,
a_mis@mail.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УСЛОВИЙ ТРУДА УЧЁНЫХ В ИНСТИТУТАХ РАН

Аннотация: В статье обобщаются результаты проведённых автором исследований, посвящённых изучению различных аспектов деятельности учёных в институтах РАН, в ходе которых анализировались и условия труда сотрудников институтов. Раскрывается методологический подход к изучению условий труда учёных и даётся определение понятия «условия труда» применительно к научной деятельности. Рассматриваются различные сферы деятельности учёных, к которым можно применить оценку условий научного труда: организация работы научных коллективов; снабжение научных коллективов оборудованием и материалами; международные научные связи; взаимодействие научных коллективов с другими научными учреждениями и учебными заведениями; оценка результатов научной деятельности; система повышения квалификации учёных и карьерный рост; оплата труда; жилищные условия. Делаются выводы о тенденциях в изменениях условий труда учёных в институтах РАН в 2004–2008 гг.; даются рекомендации, направленные на улучшение условий труда российских учёных.

Ключевые слова: условия труда учёных; нормы, законы правила научной деятельности; эффективность научной деятельности; организация работы научных коллективов; снабжение научных коллективов; международные научные связи; повышение квалификации научных работников; карьерный рост учёных; оплата труда учёных; жилищные условия учёных; мотивация работы учёных; научный коллективизм; право собственности на результаты исследований.

Ухудшение положения российских учёных с начала 1990-х годов неоднократно отмечалось различными исследователями. Подвергались анализу: ухудшение материального положения учёных¹,

---

¹ Мирская Е.З. Российские академические учёные в зеркале социологии науки // Отечественные записки. 2002. № 7; Юревич А.В. Социологическое исследование материального положения российских ученых // Законодательство о науке. М.: Норма, 2004. С. 255–280.

проблемы старения научных кадров², эмиграция российских учёных за рубеж³.

По нашему мнению, проблема ухудшения положения российских учёных носит комплексный характер и определяется целым рядом как общесоциальных, так и частных, характерных именно для этой сферы жизни общества, факторов. Однако комплексность не исключает возможности выделения и анализа какого-то одного аспекта — например, рассмотрения условий труда учёных.

Само понятие условий труда для научных сотрудников имеет несколько иной характер, чем это принято описывать в экономике и социологии труда, где под условиями труда часто понимается совокупность факторов производственной среды и трудового процесса, оказывающих влияние на работоспособность и здоровье работника.

Под *условиями труда учёных* нами понимаются нормы, законы, правила, установленные или складывающиеся стихийно и определяющие как эффективность научной деятельности, так и социальное самочувствие научных сотрудников в различных сферах их деятельности.

Среди сфер деятельности, в которых возможна оценка условий труда учёных можно выделить следующие:

- организация работы научных коллективов;
- снабжение научных коллективов оборудованием и материалами;
- международные научные связи;
- взаимодействие научных коллективов с другими научными учреждениями и учебными заведениями;
- оценка результатов научной деятельности;
- система повышения квалификации учёных и карьерный рост;
- оплата труда;
- жилищные условия;

---

² Козлов В.В. Сохранить молодых ученых своими силами Академия не может // <http://www.polit.ru/science/2007/04/11/kozlovran.html>; Институт проблем развития науки: Сокращение числа молодых учёных погубит российскую науку // <http://www.siora.ru/ru/node/10162>; Аллахвердян А.Г., Агамова Н.С. Российская наука 90-х: радикальный спад численности кадров и роль дефолта в её стабилизации. Проблемы деятельности учёного и научных коллективов. Вып. XXII. СПб., 2006. С. 70–75.

³ Кугель С.А. Эмиграция учёных // Проблемы деятельности учёного и научных коллективов. Вып. XIX. СПб., 2003. С. 115–119; Аллахвердян А.Г., Аллахвердян В.А. Эмиграционные намерения российских учёных и студентов // Наукосведение и новые тенденции в развитии российской науки. М., 2005. С. 266–278; Зайончковская Ж.А. Трудовая эмиграция российских ученых // <http://www.migrocenter.ru/science/science06.php>

Кроме того, одним из индикаторов, характеризующих условия труда, является общая удовлетворённость работой в данном научном учреждении.

Целью данной статьи является попытка комплексного анализа условий труда учёных, работающих в институтах РАН, используя материалы эмпирических исследований, проведённых сектором Социологии науки и инноваций Социологического института РАН в 2004–2008 гг.

В ходе выполнения первого исследования в 2004 г. были собраны материалы экспертного опроса в 12-ти институтах РАН Санкт-Петербурга различного научного профиля. В качестве экспертов выступали руководители лабораторий, групп и секторов научно-исследовательских институтов СПб НЦ РАН, а также директора институтов и их заместители. Всего было опрошено 24 эксперта. Опрос проводился в институтах: физического, химического, биологического, общественного и гуманитарного профиля. Использовалась техника глубинного интервью. Вопросник носил полуформализованный характер и включал вопросы, касающиеся оценки респондентами различных аспектов жизнедеятельности институтов РАН и прогнозирования перспектив их развития.

В ходе второго исследования, осуществлённого в 2005 г., было опрошено 14 респондентов в двух институтах РАН, где были проведены глубинные интервью с различными категориями сотрудников — от директоров, до исполнителей научных тем.

В 2007–2008 гг. было проведено исследование различных аспектов научной деятельности в четырёх институтах РАН физического профиля. Было опрошено в общей сложности около 44 сотрудников — от директоров и их заместителей до непосредственных исполнителей тем.

В этих опросах, так или иначе, затрагивались условия труда сотрудников институтов. Вопросы о том, удовлетворяет ли учёных организация их труда, задавались в двух основных формах — в форме вопроса о том, что не удовлетворяет в организации труда, и в форме сравнения организации научного труда в России и за рубежом.

Снабжение научных коллективов оборудованием и материалами

В основном неудовлетворённость сотрудников РАН вызвана плохим обеспечением научным оборудованием и материалами, что связано, прежде всего, с недостаточным финансированием их при-

обретения, в том числе и по грантам. Не раз высказывались мнения, что рост зарплаты учёных может дать повышение их научной отдачи только при условии решения вопроса о достаточном финансировании приобретения оборудования и материалов для исследований. Многие респонденты отмечали также практическое отсутствие в стране (и даже исчезновение в ходе реформ) промышленного производства приборов и оборудования для научных исследований.

Ещё одной проблемой, связанной с приобретением оборудования и материалов для проведения исследований, стала чрезвычайно трудоёмкая процедура оформления документов для их получения. Оборудование и материалы требуется заказывать задолго до начала проведения исследований, и для этого выделяются соответствующие средства. Однако в ходе проведения исследований может появиться необходимость в дополнительном оборудовании и материалах, а заказать их в рамках выделенных на исследование средств практически невозможно, потому что действующие правила не позволяют выходить за рамки утверждённой сметы. Это тормозит проведение научных работ, лишая учёных возможности оперативно распорядиться средствами, выделяемыми для приобретения всего необходимого для исследований. Вообще многие из опрошенных считали, что процедура оформления заказов на оборудование и материалы, которая сейчас выполняется самими исследователями, должна быть переложена на соответствующих специалистов, которые сейчас в штате институтов просто не предусмотрены: «Я должен просто написать, что и сколько мне нужно, а все заявки пусть оформляет бухгалтерия».

Организация работы научных коллективов

На втором месте среди факторов, вызывающих неудовлетворённость условиями труда, по оценкам опрошенных, являлась явно недостаточная численность персонала, обслуживающего научные исследования: как инженерного (в т. ч. лаборантов и техников), так и вспомогательного хозяйственного персонала. Особенно остро это воспринималось респондентами в сравнении с организацией научного труда за рубежом, где учёные полностью освобождены от несвойственных им видов деятельности. Это мнение высказывалось наиболее часто теми сотрудниками, которые имеют опыт научной

работы за рубежом. Доля же таких среди опрошенных составляет не менее половины.

Сотрудникам НИИ, работавшим в зарубежных научных коллективах, задавались вопросы и о правилах и нормах, существующих в зарубежных научных учреждениях. По мнению большинства из них, для научных учреждений наиболее развитых стран характерен больший «индивидуализм» в проведении исследований, когда руководитель научного проекта набирает исполнителей-аспирантов и является обладателем всей полученной научной информации. В российской же науке, по мнению работавших в зарубежных коллективах, сохраняется «научный коллективизм», когда в решении исследовательских задач принимают участие сразу несколько учёных высокого научного статуса, работающих в одном коллективе. Проблемы же индивидуального владения научными результатами в наших условиях не возникает, так как в государственных научных учреждениях России все научные результаты принадлежат государству. По мнению респондентов, это даёт определённые преимущества таким коллективам, внутри которых существует свободный обмен идеями и коллективный поиск вариантов решения научной проблемы.

Говорилось также и о большей материальной мотивации зарубежных учёных, для многих из которых наука, по мнению части респондентов, является «просто способом зарабатывания денег». Возможно, это связано с тем, что российские учёные, оставшиеся в науке к моменту проведения исследований, руководствовались мотивацией скорее связанной непосредственно с научным интересом, поскольку в условиях недофинансирования науки те исследователи, которые имели довольно сильную материальную мотивацию, оставили научную деятельность.

Международные научные связи

Как уже упоминалось, более половины опрошенных учёных длительное время работали в зарубежных научных коллективах. Положительно саму возможность поработать за рубежом оценили большинство опрошенных. Нередко этот факт отмечался как единственно положительное изменение, которое произошло в российской науке после 1992 года. Значительное количество исследовательских коллективов в институтах, в которых проводились исследования, интегрированы

в международные исследовательские проекты. В некоторых случаях произошло своеобразное «международное разделение научного труда», когда российские учёные занимаются разработкой теории, а для проведения экспериментов, подтверждающих теоретические положения, выезжают в зарубежные научные центры, располагающие современным оборудованием. Многие из опрошенных считали, что в этом случае они «выступают на равных» с зарубежными учёными. Укреплению международных связей служит и тот факт, что в некоторых зарубежных научных центрах значительную часть сотрудников составляют наши бывшие соотечественники: «Там часто половина сотрудников лабораторий из нашего института».

Взаимодействие научных коллективов с другими научными учреждениями и учебными заведениями

Большинство опрошенных сотрудников НИИ и представители их руководства говорили о том, что связи с российскими научными учреждениями, занимающимися исследованиями в общей для них области, в целом сохранились. Хотя часть респондентов отмечала, что, по сравнению с советским периодом, эти связи значительно ослабли. Объяснялось это тем, что раньше были «большие государственные научные проекты, к которым привлекалось несколько научных учреждений».

Большинство опрошенных отмечали значительное ослабление связей и с лабораториями высших учебных заведений. Респонденты связывали это с тем, что резко сократилось финансирование вузовской науки, которое привело к отсутствию в ВУЗах современного научного оборудования. Это сказалось на качестве проводимых в ВУЗах исследований и уровне научной квалификации вузовских учёных. Наиболее частой формой сотрудничества академических НИИ и ВУЗов являлось привлечение студентов и аспирантов ВУЗов в качестве участников различных научных проектов, что являлось одной из форм подготовки научных кадров для этих институтов. Распространение практики работы в НИИ аспирантов, обучающихся в ВУЗах, связано с тем, что часто в лабораториях ВУЗов нет необходимого оборудования. Работа же аспирантов в лабораториях научно-исследовательских институтов позволяла им повысить уровень своих диссертационных исследований.

Оценка результатов научной деятельности

Одним из «больных» вопросов в ходе реформирования Российской академии наук является переход к новой системе оценки результативности учёных — системе показателей результативности научной деятельности (ПРНД). Большинство опрошенных представителей физических институтов и ученых естественнонаучного профиля высказывалось против этой оценки. Это обусловлено, в первую очередь, тем, что количество публикуемых статей может быть не связано прямо с научным результатом. В качестве примеров приводилась деятельность физиков-экспериментаторов, где публикациям предшествует длительный период проведения и подготовки экспериментов. В этом смысле многие опрошенные отмечали, что лучше бы было учитывать в стимулирующих надбавках, кроме количества статей, импакт-факторы журналов и индексы цитирования публикаций, которые более точно отражают действительные научные достижения. Опрошенными говорилось также, что в некоторых институтах и научных подразделениях сложились собственные системы оценки вклада сотрудников в разработку той или иной научной темы, которые их вполне удовлетворяли.

Система повышения квалификации учёных и карьерный рост

Деятельность исследовательских институтов РАН осложняется обострением проблемы подготовки и повышения квалификации научных кадров. Эта проблема возникла, прежде всего, с уменьшением, а в некоторых институтах — с практическим отсутствием конкурса в аспирантуру. По высказываниям руководства институтов и ведущих научных сотрудников, «молодёжь не хочет идти в науку» вследствие целого ряда факторов, прежде всего, — отсутствия конкурентной в рыночных условиях оплаты труда молодых учёных. Многими аспирантами обучение в аспирантуре и получение учёной степени рассматривается как «трамплин» для перехода в коммерческие организации, либо для получения приглашения в зарубежные исследовательские центры. Наиболее часто это происходит в институтах биологического профиля, в которых, по высказыванию руководителей научных коллективов, аспиранты второго года обучения «уезжают на стажировку за рубеж и не возвращаются». Результатом такого положения дел становится дефицит

в институтах сотрудников в возрасте 30–50 лет. В большинстве из обследованных институтов есть молодые учёные (аспиранты) и научные сотрудники старшего поколения (часто пенсионного возраста), а в средних возрастных когортах сотрудников практически нет.

Молодые сотрудники институтов часто говорили и о плохих перспективах карьерного роста: «Все ведущие должности занимают “старрики”, а мы всё ходим в младших научных сотрудниках». Это также является результатом, как существующей низкой оплаты труда учёных, так и недостаточного пенсионного обеспечения, что вынуждает учёных пенсионного возраста всеми способами оставаться на занятых ими должностях, поскольку уход на пенсию грозит резким снижением их жизненного уровня.

В связи с расширением международных связей появилась и проблема нострификации учёных степеней, полученных за рубежом. Приводились примеры того, как полученная за рубежом докторская степень, соответствующая докторской степени в России (не РНД), приравнивалась к кандидатской, что приводило к невозможности для специалиста, получившему опыт научной работы за рубежом, вернуться в институт и вынуждало его продолжить работу вне России. Трудности нострификации также нередко приводили к тому, что учёные, получившие степень РНД, не могли занять должности, соответствующие их квалификации, в российских научных учреждениях.

Оплата труда

До сих пор оплата труда российских учёных является наиболее негативным фактором, определяющим условия их труда. Результаты исследования в 2008 году показали, что даже после повышения оплаты труда учёных, значительная их часть продолжала оценивать уровень оплаты труда как неудовлетворительный. Причем к этой категории относилось подавляющее большинство молодых учёных. Это объясняется тем, что в результате повышения оплаты труда выиграли представители старшего поколения, занимающие соответствующие статусные места. Базовый же оклад младшего научного сотрудника с учёной степенью составляет немногим больше десяти тысяч рублей (данные на сентябрь 2008 г.). Заработная плата российских учёных на сегодняшний день складывается из нескольких частей: базовый оклад, надбавки за результаты научной деятельности (ПРНД), стипендии по научным

грантам, оплата работ по договорам с коммерческими организациями или государственными учреждениями. Все эти виды оплаты труда, так или иначе, проходят через бухгалтерии институтов. Поэтому нами задавался вопрос о том, имеют ли учёные доходы, которые не фиксируются в бухгалтерии института, и какую часть от общего дохода учёных они составляют. В результате ответов на эти вопросы выяснилось, что у большинства молодых учёных доходы, полученные вне институтов, составляют не менее половины от их совокупного дохода, а у части из них — больше, чем все выплаты в институте. Это говорит о том, что молодые учёные вынуждены зарабатывать на «стороне», что, с одной стороны, не может не сказываться на продуктивности их труда в институтах, а, с другой стороны, подталкивает их к кардинальному решению своих финансовых проблем — поиску места работы в коммерческих фирмах или в зарубежных научных организациях.

Часто для сохранения преемственности научных кадров руководители научных коллективов искусственно «завышают» зарплату молодым учёным: «Мы всей лабораторией поднимаем оплату нашему единственному молодому сотруднику... записываем на него часть работ, выполненных лабораторией. Он должен продолжить начатые нами исследования... Мы-то все уже пенсионного возраста, и с нами может уйти всё, что мы наработали».

Отметим, что, как правило, проведённое повышение заработной платы не коснулось инженерных кадров и научного вспомогательного персонала, что способствует усилению отмеченных выше негативных тенденций в структуре кадров. Таким образом, трудно говорить о том, что на сегодняшний день достигнута адекватная оплата труда учёных и других сотрудников институтов РАН решена.

Жилищные условия учёных

«Жилищный вопрос» на сегодня является главной проблемой для молодых учёных. Учёные старшего поколения обеспечивались государственными квартирами или вступали в ЖСК, и на сегодня в целом удовлетворены своими жилищными условиями. После начала экономических реформ государство ушло из сферы распределения жилья, заменив его рыночными механизмами. Рост стоимости жилья, наряду с низким уровнем оплаты труда учёных, к концу 2000-х годов привёл к практической невозможности для молодых учёных решить свои

жилищные проблемы самостоятельно. Характерно, что ещё в начале 1990-х, по воспоминаниям опрошенных, учёный, получивший стипендию по гранту от международных фондов, вполне мог улучшить свои жилищные условия. Это объяснялось тем, что стипендии по международным грантам начислялась в валюте, и при высоком курсе зарубежной валюты и относительно низких ценах на жильё полученной суммы вполне хватало на покупку или обмен жилья.

И опрошенными научными сотрудниками, и руководством институтов предлагались различные варианты решения жилищной проблемы молодых учёных. Один из вариантов — государственное кредитование молодых учёных для получения жилья. Однако имеющийся у некоторых институтов опыт показал, что молодые учёные, получившие такие кредиты, уходили из института, поскольку не могли выплачивать даже беспроцентные ссуды. Так или иначе, этот вопрос на сегодня не решён, и варианты его решения в рамках существующей системы не просматриваются. В результате отсутствие достойного жилья является одним из главных факторов, приводящих к потере российской академической наукой наиболее перспективных молодых кадров.

Удовлетворенность трудом в данном научном учреждении

Несмотря на перечисленные проблемы, связанные с условиями труда, большинство опрошенных учёных в целом удовлетворены содержанием своего труда и возможностью реализации своих научных интересов. Это отчасти «перевешивает» неудовлетворённость уровнем оплаты труда, его организацией и обеспечением и является основной причиной того, что они всё-таки продолжают работать в институтах РАН. Здесь необходимо упомянуть о том, что те учёные, которые были абсолютно не удовлетворены своим положением в институтах РАН, скорее всего, покинули их стены ранее и не попали в выборку наших исследований.

Основные выводы

Анализ результатов проведённых исследований позволяет сделать несколько основных выводов об изменениях в условиях труда учёных Российской академии наук.

Во-первых, несмотря на предпринимаемые государством меры по реформированию РАН и улучшению положения её сотрудников, достичь кардинального улучшения условия их труда не удалось. Современный мировой экономический кризис может привести к еще большему ухудшению этих условий.

Во-вторых, условия труда в различных сферах деятельности учёных институтов РАН менялись не одинаково. Наряду с негативными процессами, были и позитивные изменения. К позитивным изменениям в условиях труда учёных можно отнести, прежде всего, то, что российская наука «открылась миру», стала частью мировой науки, что позволило развивать и укреплять международные научные связи. Это также повысило устойчивость и «выживаемость» отечественной науки, так как работа за рубежом и обмен опытом с зарубежными коллегами во многом компенсирует ухудшение условий труда учёных в других сферах их деятельности.

В-третьих, улучшение условий труда, с точки зрения его организации, не требует больших материальных затрат, а, скорее, нуждается в административных реформах, которые могут освободить учёных от несвойственных им функций, что повысит их отдачу и создаст психологический комфорт.

В-четвёртых, без кардинального увеличения расходов на современное оборудование и материалы научная результативность институтов РАН расти не будет.

В-пятых, нуждается в дальнейшем реформировании система оплаты труда учёных, как со стороны её увеличения, так и с точки зрения адекватной оценки научных достижений сотрудников РАН.

В-шестых, нуждается в пересмотре кадровая структура институтов РАН, в которой должно быть закреплено оптимальное соотношение научных сотрудников, численность инженерно-технического и вспомогательного персонала.

В-седьмых, необходимо изменить систему финансирования обеспечения исследований оборудованием и материалами, сделав её более гибкой, с возможностью корректировки затрат в случае необходимости.

Сегодня российская академическая наука продолжает существовать в «экстремальных» условиях. И хотя приток новых научных кадров за время экономических реформ не иссяк, он значительно уменьшился. А поэтому в настоящее время российская фундаментальная наука скорее держится на «энтузиазме» учёных, для которых основ-

ным мотивом их работы в системе Российской академии наук является научный интерес к выбранной ими теме исследований и надежда на то, что рано или поздно российское государство проведёт реформу науки таким образом, что их труд получит адекватную материальную оценку, и быть учёным станет престижно.

*М.Г. Мацкевич, А.В. Родионова,
mmatskevich@yandex.ru, arodionova@yandex.ru*

ЛОКУС КОНТРОЛЯ И АТРИБУЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: общие и специфические аспекты изучения (на примере общероссийских опросов и опроса петербургских студентов)

Аннотация: В статье обосновывается возможность социологического изучения локуса контроля и атрибуции ответственности. На примере данных массовых опросов определен основной дифференцирующий фактор — возраст, но установлено, что данный фактор выступает не как календарный возраст, а как эффект принадлежности к когорте. Различия в общем локусе контроля и атрибуции ответственности (на примере выбора вуза обучения) представлены на материалах опроса студентов Санкт-Петербурга. Для однородной выборки студентов выявлено влияние на локус контроля и атрибуцию ответственности совокупного ресурса семьи.

Ключевые слова: локус контроля, атрибуция ответственности, социологические методы в исследовании локуса контроля, межпоколенческие различия, образование, социализация, студенты, вузы Санкт-Петербурга.

Изменения, происходящие в непосредственном и глобальном окружении как общества в целом, так и отдельного индивида, создают и новые возможности для развития, и новые угрозы. Для одних открывающиеся возможности являются стимулом и ориентиром, а других они заставляют смириться с новыми обстоятельствами, отказаться от инициативной деятельности и подавляют волю. Составляя планы (на день или на долгую перспективу), принимая решения, человек взвешивает, посильны ли намеченные цели для него самого или главным условием их достижения является та или иная совокупность внешних, не зависящих от него обстоятельств, и остается надеяться на судьбу или случай. Один чувствует себя хозяином судьбы, а другой считает возможным лишь «плыть по воле волн». Аналогично и

ответственность за возможный результат деятельности приписывается либо внешним силам, либо собственным способностям и стараниям.

Представление человека о причинах происходящих с ним событий, локализация этих причин в себе или во внешних обстоятельствах — одна из важнейших характеристик, определяющих личность. Если человек видит причины происходящих с ним событий по преимуществу в себе самом, объясняя их своими склонностями, характером, способностями или конкретными поступками, — это свидетельствует о наличии у него внутренней (интернальной) локализации контроля, или внутренней атрибуции ответственности (особенно если речь идет о конкретных поступках). Если же он склонен видеть причины происходящих с ним событий в судьбе или случае, в других людях, начальстве, государстве или окружающей среде, — это говорит о наличии у него внешней (экстернальной) локализации контроля, или внешней атрибуции ответственности¹.

Данное свойство личности получило название *локуса контроля*. Начало научному использованию этого термина было положено в 1960-е годы американским психологом Дж. Роттером². Самый общий (базовый) уровень интернальности-экстернальности задается индивиду характеристиками той культуры, в рамках которой происходит его социализация (ее способами миропонимания, нормативными предписаниями и ценностями). Это глубоко усвоенное представление определяет и его отношение к себе и миру, и почти все наиболее значимые намерения и поступки, и большую часть навыков повседневной жизни. Ощущение (не обязательно осознанное) доминирующей причинности собственной судьбы и ответственности самого человека за основные события своей жизни, сформировавшись в определенном возрасте, в дальнейшем почти в неизменном виде сопровождает человека практически всю жизнь.

Иначе говоря, интернальность-экстернальность задается не только, и даже не столько индивидуально-психологическими свойствами личности, сколько культурно, ценностно-нормативными характеристиками того социального пространства, в котором формируется (социализируется) личность. И уже в рамках этого формируется индивидуальная (психологическая) и групповая (социальная и социально-психологическая) дифференциация интернальности/экстернальности.

Существует несколько теорий, схожих с концепцией локуса контроля. Часть из них находится в рамках социологического подхода, но

---

¹ *Муздыбаев К.* Психология ответственности. Л., 1983.

² *Rotter J.B.* Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. Psychological Monographs. 1969. № 80 (entire No. 609).

большинство тяготеет к психологическому. Среди социологических Роттер указывает в первую очередь на работы М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Веблена и Р. Мертон. Среди психологических он называет работы Р. Уайта, Д. Макклеланда и Дж. Аткинсона, Г. Уиткина и Ж. Пиаже³.

Согласно М. Веберу, становлению духа капитализма способствовала протестантская этика. Она исходила не только из того, что человек предоставлен полностью самому себе, но и из того, что его божественное предназначение реализовывалось именно через его деятельность. Напротив, согласно восточной ментальной традиции, человек находится во власти судьбы⁴. Для рационалиста Т. Веблена вера в судьбу или случай представлялась проявлением отсталой, неэффективной общественной системы, плодом варварского отношения к жизни. Р. Мертон в этом явлении видел скорее защитный механизм, позволяющий личности с помощью внешнего локуса контроля сохранить в случае жизненных неудач самоуважение⁵.

Очевидно, что по степени локализации ответственности различаются не только отдельные личности, но и целые общества и группы⁶. Обнаружено, что наиболее развитые страны выделяются не только развитой промышленностью и экономикой, но и господствующим в них типом представления о причинности происходящего в судьбе человека. Это подтверждается в том числе эмпирическими исследованиями, проводившимися в разное время в разных странах. Наиболее фундаментальным и известным является сравнительное международное исследование Р. Инглхарта «World Values Survey». В обществах с устоявшимися демократическими институтами и развитой экономикой преобладают представления о внутренней («интернальной») причинности происходящего с человеком. В обществах, находящихся на более низком уровне экономического и социального развития, более распространены представления, приписывающие основную ответственность за происходящее с человеком внешним, не зависящим от него обстоятельствам⁷.

³ Rotte J.B., Chance J., Phares E.J. (Eds.). Applications of a social learning theory of personality. New York, 1972.

⁴ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

⁵ Merton, R.K. Mass persuasion. New York, 1946.

⁶ Хок Р. 40 исследований, которые потрясли психологию. СПб.; М., 2003. С. 264; Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. М., 1999. С. 305.

⁷ См.: Inglehart R. 1) Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, 1990; 2) Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political

Принято считать, что в конце 1980-х годов советское общество состояло преимущественно из людей, приписывающих ответственность за свою судьбу внешним обстоятельствам. Формированию такой локализации ответственности способствовал патерналистский характер как советской системы, так и доминировавшего до этого православного этоса.

С переходом к рыночной экономике практически полное отсутствие поддержки государства потребовало от граждан ответственного поведения, в первую очередь в экономической сфере. В этих условиях внутренняя локализация ответственности могла бы обеспечить более успешную адаптацию и функционирование индивида в изменившихся социальных обстоятельствах⁸. При этом локус контроля влияет не только на формы социальной активности, но и на выбор информационных каналов и способы освоения представления о социальной реальности⁹.

Для сегодняшней молодежи опора на свои собственные силы выглядит вполне естественной, а часто и безальтернативной. Более того, каждое новое поколение россиян отличается более высокой степенью интернальности, чем предыдущее¹⁰. Они в существенно большей степени усвоили ценности постсоветского общества и более активно, хотя и вынужденно, адаптировались к нему¹¹. В первую очередь это коснулось тех, кто проходил социализацию в новых российских условиях последние полтора десятка лет.

В этих изменениях отношения к внешним условиям повседневной социальной среды, в которую погружен индивид, можно увидеть лишь процесс адаптации различных социальных групп к новым условиям жизни. Действительно, смена социальных установок представляет собой процесс адаптации социальных групп к изменяющимся условиям,

---

Change in 43 Societies. Princeton, Princeton University Press, 1997; *Inglehart R., Welzel C.* Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence, Cambridge University Press, 2005.

⁸ *Мацкевич М.* Локализация ответственности и адаптация к постсоветской действительности // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2001. № 3. С. 15–20; *Кесельман Л., Мацкевич М.* Груз ответственности // Петербург — Место и время. 2003. № 1. С. 75–79.

⁹ *Климов И.* Социальные вызовы «приватизированного» телевидения // Сайт Фонда «Общественное мнение». 2005. 15 июля <http://bd.fom.ru/report/map/gur050401>.

¹⁰ *Белоусова Р., Звоновский В.* Локализация ответственности за личное материальное положение // Молодежь Самарской области в 2003 г. Самара, 2004. С. 151–169.

¹¹ *Левада Ю.* Вынужденная адаптация // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 1. С. 5–18.

но важнее то, что этот процесс демонстрирует долговременность происходящих изменений, поскольку, как показывают исследования, будучи единожды усвоенными отдельным индивидом, установки остаются присущими ему на протяжении всей жизни.

Большинство известных нам эмпирических исследований локуса контроля выполнено в рамках психологического подхода, рассматривающего атрибуцию ответственности в качестве характерологической компоненты личности. Однако уже Роттер, а затем и его последователи показали, что данная особенность человеческой психологии существенным образом зависит от культурной среды, в которой проходила социализация индивида¹². Очевидно, что для измерения локуса контроля больших социальных групп и целых обществ требуется специфически социологический инструмент.

Если для психологического теста важна высокая точность каждого отдельного измерения, то для социологической методики важна точность группового измерения, позволяющая уверенно утверждать, что в группе А измеряемое качество выражено в большей мере, нежели в группе В. Высокая точность отдельного измерения здесь, как правило, не требуется; и для обнаружения локуса контроля в той или иной группе вполне достаточно определить отношение отдельных ее членов к альтернативе, которая замыкает шкалу Роттера: «происходящее с человеком, как правило, дело его собственных рук» или «человеческая жизнь складывается независимо от его воли».

Склонные видеть основные причины происходящих с ними событий во внешних, не зависящих от них обстоятельствах, этими же внешними обстоятельствами в большинстве случаев объясняют и уровень своего благосостояния. Поэтому из всех аспектов человеческой жизни нами был выбран материальный как актуальный практически для всех социальных групп и хотя бы условно имеющий количественное выражение.

Близость общих распределений локуса контроля и материальной атрибуции ответственности не означает концептуальной или эмпирической идентичности этих феноменов. В некоторых своих проявлениях локус контроля может выступать в форме каузальных атрибуций. Но если локус контроля есть некоторая обобщенная характеристика действующего субъекта, не связанная с конкретикой отдельных ситуаций,

---

¹² См.: Дьяконова Н.А., Юртайкин В.В. Авторитарная личность в России и США: ценностные ориентации и локус контроля // Вопросы психологии. 2000. № 4. С. 51–60.

то атрибуция ответственности определяется взаимодействием личностного потенциала с объективными обстоятельствами конкретной ситуации. Те, кто усматривают в себе самих основные причины происходящего в жизни, преимущественную ответственность за свое материальное положение, как минимум, в половине случаев на себя не принимают¹³. Внешний локус контроля в принципе более кросситуативен, нежели внутренний.

Не претендуя на высокую точность каждого индивидуального измерения уровня интернальности, мы использовали простейшую шкалу реакций на вопрос: «Как вы полагаете, от чего в большей мере зависит ваше материальное положение: лично от вас (от ваших усилий, характера, трудолюбия, расчетливости) или от не зависящих от вас обстоятельств (от ситуации в стране, в вашем городе, селе, от случайностей, удачи, начальства и пр.)». Разумеется, мы далеки от утверждения, что достаточно простая шкала позволит измерить такое сложное психологическое понятие как «локус контроля» или даже более узкое — «атрибуция материальной ответственности».

В течение последних 25 лет нами накоплен большой опыт использования этой шкалы. В 1980 г. она была применена в выборочном массовом опросе студентов Куйбышевского (Самарского) политехнического института, проведенном Л. Кесельманом и Н. Тартаковским. Первый опрос, измеряющий локус контроля в данной парадигме, охватывающий все основные социальные группы городского населения, был проведен в Петербурге Центром изучения и прогнозирования социальных процессов (под руководством Л. Кесельмана) весной 1991 г.¹⁴ Было опрошено около 4 тыс. человек. В 2005 г. Фонд «Общественное мнение» опубликовал результаты исследования отношения населения страны к телевидению как средству массовой коммуникации, важным аспектом которого явился анализа влияния локуса контроля на восприятие телевизионных программ и социальной роли телевидения в жизни различных социальных групп¹⁵.

---

¹³ *Кесельман Л.* Динамика вовлеченности в политику различных социальных групп населения Петербурга // *Качество населения Санкт-Петербурга / Под ред. Б.М. Фирсова.* СПб.: СПбФ ИС РАН, 1993.

¹⁴ *Мацкевич М.* Локализация ответственности и адаптация к постсоветской действительности // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2001. № 3. С. 15–20.

¹⁵ *Климов И.* Телевидение: модальности существования // *Социологические исследования.* 2005. № 10. С. 93–99.

* * *

В сентябре 2005 г. Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) в рамках проекта «Георейтинг» провел опрос, охвативший примерно по 500 человек в каждом из 69 отобранных регионов страны. Объединенный массив, содержащий более 34500 единиц наблюдения, обеспечивает высоконадежные данные о параметрах соответствующих характеристик основных социально-демографических и социально-экономических групп российского населения.

Из четырех предлагавшихся вариантов ответа на вопрос о том, от чего в большей мере зависит собственное материальное положение, треть (34%) из всех опрошенных выбрали: «безусловно, от не зависящих от меня обстоятельств». Примерно столько же (32%) выбрали менее твердую формулировку: «скорее от не зависящих от меня обстоятельств». Предельное значение «безусловно, от меня самого» показалось близким 12% опрошенных россиян. Еще 18% согласись с более умеренным вариантом: «скорее от меня самого». Еще 4% затруднились с выбором из предлагавшихся вариантов ответа.

Таким образом, две трети (66%) жителей российских регионов считают, что их материальное положение определяется по преимуществу внешними обстоятельствами. Условно назовем их «экстерналами», имея в виду, что этот термин в данном контексте не является психологическим. Внутренний локус ответственности за свое материальное положение обнаружили почти вдвое меньшее число россиян — 30%. Принадлежащих этой группе мы будем называть «интерналами». На одного «интернала» в выборке приходится более двух «экстерналов», что свидетельствует, в частности, о доминировании патерналистских настроений, выводящих ответственность за личное благополучие за круг непосредственного влияния индивида¹⁶.

Традиционный взгляд на становление экономической независимости человека в обществе предполагает, что степень принятия им ответственности за свое материальное положение растет по мере его профессионального становления и карьеры, которая почти до выхода на пенсию идет по восходящей. Однако собранные данные однозначно опровергают эту, казалось бы, вполне естественную версию (хотя следует сделать поправку на кризис).

---

¹⁶ Подробно о результатах данного опроса см.: *Звоновский В., Мацкевич М. Локализация ответственности как фактор социального поведения // Социс. 2009. № 3. С. 45–57.*

Таблица 1. Атрибуция ответственности материального положения поколенческих (возрастных) групп, ФОМ-2005

Возраст (год рождения)	Интерналы (%)	Экстерналы (%)	Индекс интернальности	Единиц в подвыборке
18–19 лет (1986–87 г.р.)	47	48	0,98	1605
20–24 года (1981–85 г.р.)	51	46	1,11	3063
25–29 лет (1976–80 г.р.)	48	47	1,03	3391
30–34 года (1971–75 г.р.)	43	54	0,79	3039
35–39 лет (1966–1970 г.р.)	36	61	0,60	2733
40–44 года (1961–65 г.р.)	32	64	0,49	3143
45–49 лет (1956–60 г.р.)	28	69	0,40	3642
50–54 года (1951–55 г.р.)	24	73	0,32	3911
55–59 лет (1946–50 г.р.)	19	77	0,25	2612
60–64 года (1941–45 г.р.)	14	83	0,17	1523
65–69 лет (1936–40 г.р.)	11	85	0,13	2448
70 лет и старше (до 1935 г.)	10	84	0,11	3416
Все	30	66	0,46	34500

Распределение ответов на вопрос: «от чего в большей мере зависит ваше материальное положение: лично от вас (от ваших усилий, характера, трудолюбия, расчетливости) или от не зависящих от вас обстоятельств (от ситуации в стране, в вашем городе, селе, от случайностей, удачи, начальства и пр.)?» и индекс интернальности.

Как видно из таблицы 1, именно молодежь (родившиеся не позже 1976 г.) демонстрирует если не численное превосходство «интерналов», то их баланс с «экстерналами» (0,98–1,11)¹⁷. Абсолютное

¹⁷ Индекс интернальности (ИИ) — обобщающий показатель, представляющий отношение численности принимающих ответственность за свое материальное положение на себя к количеству тех, кто ответственность возлагает на внешние обстоятельства. ИИ тем выше, чем больше числитель (количество интерналов); и тем ниже, чем больше знаменатель (количество экстерналов).

численное преобладание принимающих на себя преимущественную ответственность за свое материальное благополучие наиболее заметно в группе тех, кто родился между 1981-м и 1985-м гг. (среди тех, кто родился после 1985 г., оно пока не так сильно выражено, поскольку многие из них еще учатся). Однако и среди родившихся после 1960 г. (кому сейчас меньше 45) «индекс интернальности» выше среднего по стране.

Как видим, поколения россиян демонстрируют различную степень приверженности ценностям, усвоенным ими в период социализации. Открывшиеся в новых экономических условиях возможности оказались наиболее доступными представителям младших поколений соотечественников вовсе не потому, что у них были соответствующие ресурсы экономического и финансового характера — их как раз у них и не было. Они не были отягощены «грузом прошлого» — убеждениями и ценностями, которые интернализовали их деды, отцы и старшие братья и одним из базисных элементов которых является патернализм. В целом значения «индекса интернальности», неуклонно снижаясь от группы родившихся в первой половине восьмидесятых, в поколении рожденных в первой половине тридцатых достигает своего минимума, который на порядок ниже (1,11 и 0,11 соответственно). Очевидно, не только возраст, но и принадлежность к поколениям, социализация которых происходила в принципиально разных условиях, в значительной степени определяет то, как их представители локализуют ответственность за свое материальное положение.

Описанный сдвиг произошел сегодня лишь среди тех, чье ценностное сознание и представления о социальных нормах формировались по преимуществу в период преобразований последних двадцати лет, тогда как во всех остальных возрастных когортах изменения уровня интернальности в разы меньше. Это подтверждает, что освоить новое содержание социальных норм и соответствующие им формы поведения (отвергающие, в частности, внешнюю атрибуцию ответственности) в ходе социализации заметно проще, нежели завершившим свою социализацию сменить уже усвоенные представления на противоположные.

Уровень образования — один из важнейших ресурсов индивида, и потому должен быть связан с локусом контроля и атрибуцией ответственности за материальное благополучие. Ориентированный на профессиональный или карьерный рост индивид не может строить

свои планы в расчете лишь на внешние, неподчиненные ему силы. Упование на внешние обстоятельства рано или поздно остановят его движение по социальной лестнице.

Таблица 2. Атрибуция ответственности материального положения групп по образованию, ФОМ-2005

Образование	Интерналы (%)	Экстерналы (%)	Индекс интернальности	Единиц в подвыборке
начальное или ниже	10	81	0,12	1462
неполное среднее	17	78	0,22	3794
среднее общее, ПТУ	31	66	0,47	11314
среднее специальное	32	64	0,50	13123
высшее и незаконченное высшее	41	55	0,75	4834
Всего	30	66	0,46	34500

Действительно, как видно из таблицы 2, лишь каждый десятый россиянин, имеющий только начальное образование, полагает, что он сам определяет уровень своего материального положения. Среди тех, кто имеет высшее или незаконченное высшее образование, так думают вчетверо больше. При этом значения «индекса интернальности» этих крайних образовательных групп различаются почти в 7 раз (0,12 и 0,75 соответственно).

Социальный и должностной статус человека также тесно связан с локусом контроля. Таблица 3 показывает, что в группе пенсионеров, по преимуществу не работающих, «индекс интернальности» минимален — 0,14. А вот среди учащихся, т. е. в большинстве своем людей не старше 25 лет, этот индекс больше единицы — 1,08. При этом им есть «на кого равняться». Среди их взрослых товарищей, достигших высоких должностей, ставших руководителями крупных предприятий, банков, соотношение «интерналов» и «экстерналов» 3 к 1. «Интерналы» доминируют и в среде руководителей средних и малых предприятий и их заместителей — 1,13. Среди предпринимателей, т. е. тех, кто по определению рассчитывает на свои силы и действует в известной степени против складывающихся обстоятельств, индекс «интернальности» достигает 2,5.

Таблица 3. Атрибуция ответственности материального положения в группах по роду занятий и должностному статусу, ФОМ-2005

Род занятий, положение в занятости	Интерналы (%)	Экстерналы (%)	Индекс интернальности	Единиц в подвыборке
Владельцы крупных фирм	71	24	3,00	17
Предприниматели	69	27	2,50	701
Топ-менеджеры	51	45	1,13	377
Рук. подразделения, специалисты	43	54	0,80	2372
служащие, технические исполнители	37	59	0,63	6066
Рабочие, крестьяне	33	63	0,52	7993
Фермеры	43	53	0,81	61
Пенсионеры	12	84	0,14	9737
Домохозяйки	32	63	0,50	1935
Безработные	33	62	0,54	3021
Студенты	49	46	1,08	1686
Все	30	66	0,46	34500

Сотрудники среднего звена рассчитывают главным образом на свои силы, хотя и в меньшей степени, но больше, чем средний россиянин (0,80). На внешние обстоятельства полагаются рабочие и служащие (0,52 и 0,63 соответственно), тогда как фермеры, т. е. по сути дела сельские предприниматели, опираются на свои силы в заметно большей степени, чем те, кто работает рядом с ними на земле (0,81). Вероятно, наиболее сильное влияние на оценку собственных возможностей оказывают не климатические и погодные условия, во многом создающие для земледельца основу благополучия, а обстоятельства повседневного социального окружения, создающие условия для крестьянского предпринимательства или блокирующие их.

Таблица 4. Атрибуция ответственности в группах по месту проживания, ФОМ-2005

Место проживания	Интерналы (%)	Экстерналы (%)	Индекс интернальности	Единиц в подвыборке
Москва	40	57	0,70	526
Санкт-Петербург	41	56	0,74	501
Центры региона свыше 1 млн. жит.	38	58	0,65	1994
Центры региона до 1 млн. жит.	31	65	0,48	8650
малые города,	30	66	0,45	13619
Села	27	68	0,39	9237
Всего	30	66	0,46	34500

Большой город предоставляет больше возможностей для реализации собственных планов, чем маленький, и, тем более, село. Принадлежность к специфической городской культуре, и далее — культуре большого города, мегаполиса, — создающей, с одной стороны, возможности для головокругительного роста (в том числе материального уровня), с другой, — формирующей у человека ценности жизненного успеха, достижения в карьере, с неизбежностью делают горожан, особенно жителей больших городов, «интерналами». Из таблицы 4 видно, что жители сельских населенных пунктов чувствуют себя в большей степени зависящими от внешних обстоятельств (0,39), чем горожане. В малых городах «индекс интернальности» уже заметно выше — 0,45, в «миллионниках» он достигает 0,65, а в столицах превышает «сельский» почти вдвое (0,70–0,74). Тем не менее, очевидно, что принадлежность к культуре большого города влияет на локализацию ответственности за личное благополучие куда слабее, чем образование и тем более возраст.

Таблица 5. Атрибуция ответственности материального положения в группах по доходу, ФОМ-2005

Среднемесячный доход, руб./чел.	Интерналы (%)	Экстерналы (%)	Индекс интернальности	Единиц в подвыборке
Не имеют личного дохода	38	55	0,70	860
Менее 1500	20	76	0,26	7133
От 1501 до 2500	22	75	0,29	9301
От 2501 до 3500	29	67	0,44	6613
От 3501 до 4500	38	58	0,66	2964
От 4501 до 5500	45	51	0,87	2242
От 5501 до 6500	47	51	0,93	1011
От 6501 до 7500	49	48	1,03	687
От 7501 до 8500	52	45	1,16	557
От 8501 до 10000	60	36	1,65	625
10001 и более	69	28	2,44	319
Всего	30	66	0,46	34500

Поскольку респонденты оценивали ответственность за свое материальное благополучие, следовало ожидать, что на оценку ее локализации значимо влияет достигнутый уровень этого благополучия. В рамках опроса задавался вопрос об уровне доходов. Выявилась следующая зависимость: с ростом доходов рос и «индекс интернальности»: от 0,26 в самой низкодоходной группе (до 1500 руб. личного среднемесячного дохода — на конец 2005 г.) до 2,44 среди тех, чьи доходы превышали 10000 руб. Иначе говоря, на двух «экстерналов» в самой доходной группе приходилось почти пятеро полагающихся по преимуществу на свои силы. Это подтверждает наше предположение, что экстерналы готовы возлагать ответственность на свои неудачи на внешние обстоятельства, в то время как достигшие значимых количественных результатов в личном благосостоянии берут эту ответственность на себя. Разумеется, здесь причинно-следственные связи тесно переплетены. С одной стороны, подкрепление личных усилий реальными достижениями вызывает еще большую уверенность в собственных силах. С другой, — отказ от самостоятельных действий в достижении более высоких стандартов потребления ведет к постепенному ухудшению личного благополучия.

Значительная часть россиян (около 48% на конец 2005 г.) представляла собой не просто весьма бедное население, но к тому же население, не видящее, а значит, и реально не имеющее никаких внутренних ресурсов для решения своих материальных проблем и рассчитывающее в этом вопросе главным образом на своих работодателей и государство. Естественно, эта часть россиян оказывается в той или иной степени заинтересованной в росте доли национального дохода, распределяемого через бюджет. Вплоть до конца 2008 г. наблюдалось определенное повышение уровня благосостояния этой части населения за счет увеличения расходов государства — что находило отражение в данных об абсолютных значениях семейного дохода ФОМа, Левада-центра, ВЦИОМа. Однако этот рост доходов не сопровождался заметным ростом «индекса интернальности» (в отличие от наблюдавшейся прежде закономерности).

Как и прежде, составляя арифметическое меньшинство населения страны, «интерналы» являются не только его основной потребляющей группой, но и основной производящей. Причем в данном случае под производством следует понимать не столько материальные блага, сколько саму ценность самостоятельного поведения¹⁸.

---

¹⁸ Подробнее см.: *Звоновский В., Мацкевич М.* Локализация ответственности как фактор социального поведения. С. 54–55.

Таблица 6. Атрибуция ответственности в группах по субъективной оценке материального положения, оптимизму/пессимизму и оценке социальной ситуации, ФОМ-2005

Показатели субъективной оценки	Интерналы (%)	Экстерналы (%)	Индекс интернальности	Единиц в подвыборке
Субъективная оценка материального положения				
Очень хорошее	57	38	1,51	125
Хорошее	60	35	1,73	15921
Среднее	42	54	0,77	11600
Плохое	17	79	0,22	4706
Очень плохое	12	85	0,13	232

Конечно, для различных социальных групп потребительские стандарты весьма различны, поэтому важно оценить влияние на локус не абсолютных показателей личного дохода, а его субъективного восприятия респондентом.

Как видно из таблицы 6, среди оценивших свое нынешнее материальное положение как «очень хорошее» «интерналов» в 1,51 раза больше, чем «экстерналов». Напротив, среди тех, кто назвал свое материальное положение «очень плохим», доля «экстерналов» почти в 8 раз больше доли «интерналов» («индекс интернальности» — 0,13). Очевидно, достигнутый уровень благосостояния тесно связан с локусом ответственности за него в том смысле, что внутренний локус соответствует более высокому его уровню.

Проведенный анализ позволил убедиться в том, что локализация ответственности за свое материальное положение является важным фактором, определяющим поведение не только отдельных индивидов, но и больших социальных групп в различных аспектах их поведения. Она определяется системой ценностей, усвоенной в период социализации, и поэтому во многом зависит от принадлежности к различным поколениям. С локусом контроля существенно связан образовательный и должностной статус. Ориентация на достижения и карьерный рост у выпускников вузов и занимающих статусные позиции в компаниях и на предприятиях сотрудников стала результатом усвоенной в период социализации установки на самостоятельность и ответственность. А должностной рост селектировал все более инициативных и уверенных в своих силах работников, возводя их на все более высокие позиции.

Сам же сложившийся экономический локус контроля в значительной степени формирует оптимистические или пессимистические ожидания в отношении своего материального благополучия. Рассчитывающие главным образом на собственные ресурсы оказываются гораздо более оптимистичными по сравнению со своими соотечественниками, надеющимися на внешние обстоятельства.

* * *

Выше была рассмотрена дифференциация локуса контроля населения, влияющая на различные социальные группы. Далее мы намерены рассмотреть этот показатель в группе студентов гуманитарных факультетов ВУЗов Санкт-Петербурга. В данном случае мы имеем дело с группой, однородной по возрасту — молодежь до 25 лет, месту проживания/обучения — Санкт-Петербург, образованию — студенты ВУЗов и профилю обучения — гуманитарные факультеты.

Как уже отмечалось, известно, что внутренний локус контроля растет по мере взросления подростка (т. е. он выше у молодых людей до 30 лет, чем у 14–16-летних¹⁹. В России, в старших поколениях, особенно — социализировавшихся до 80–90-х, снижается²⁰. Кроме того, выявлена корреляция между образованием и внутренней локализацией ответственности — по мере повышения уровня образования растет ориентация на собственные усилия. Данный фактор работает сходным образом на российских, европейских и американских выборках²¹. Это позволяет предположить, что в рассматриваемой нами группе внутренний локус контроля будет высоким, причем «интерналы» будут преобладать над «экстерналами». Однако насколько будет различаться локус контроля внутри рассматриваемой совокупности — студентов гуманитарных факультетов ВУЗов Петербурга?

Результаты исследований молодежи в возрасте от 14 до 30 лет, а также студентов демонстрируют, что даже внутри более или менее однородных групп может наблюдаться довольно значительная дифференциация локуса контроля. Установлено, что вариации в локусе контроля

¹⁹ *Grob, F. Little T.D., B.Wanner.* Control Judgements across the Lifespan. *International Journal of Behavioral Development.* 1999. Vol. 23 (4). P. 851.

²⁰ *Звоновский В., Мацкевич М.* Локализация ответственности как фактор социального поведения. С. 49.

²¹ *Звоновский В., Мацкевич М.* Локализация ответственности как фактор социального поведения. С. 50; *Schieman S.* Age, Education, and the Sense of Control: A Test of the Cumulative Advantage Hypothesis // *Research on Aging.* Vol. 23 No. 2. March 2001. P. 166.

коррелируют с различными видами девиантного поведения²². В частности, авторы делают вывод, что «экстернальность присуща подросткам (11–21 год. — М.М., А.Р.) с делинквентным потенциалом поведения в большей степени, чем подросткам с просоциальными наклонностями», а гендерные различия имеют меньшее значение (там же). Аналогичные закономерности отмечают и зарубежные исследователи — корреляцию с девиантным (в т. ч. делинквентным) поведением²³, а также с плохой успеваемостью, неумением справляться со стрессами и т. п.²⁴

Ряд российских исследователей отмечает связь локуса контроля и такого вида асоциального поведения молодежи, как наркопотребление²⁵. С одной стороны, среди наркопотребителей преобладают «интерналы». Это демонстрируют опросы как на репрезентативной выборке, так и на студенческой. С другой стороны, изучение направления связи на массовых выборках позволяет предположить, что в данном случае само по себе преобладание внутреннего локуса контроля связано скорее с эффектом возраста (преобладание внутреннего локуса контроля среди молодежи, которая и является основной группой риска для употребления наркотиков). Однако если рассматривать подгруппы по частоте потребления наркотиков внутри группы 16–30 лет, то отмечается преобладание как раз внешнего локуса контроля среди «регулярно употребляющих», особенно «тяжелые» виды наркотиков²⁶. Авторы исследования отмечают, что не внутренний локус контроля способствует наркотизму, а наркотизм приводит к изменению локуса контроля в сторону «внешнего» среди регулярных наркопотребителей.

---

²² Алашеев С., Быков С. Диагностика локуса контроля личности в асоциальных подростковых группах // Социологический журнал. 2003. № 1. Электронная версия: <http://www.socjournal.ru/article/533>.

²³ См., например: Murray M., Jarrett L. Young people's perception of health, illness and smoking // Health Education Journal. Jan 1985. Vol. 44. P. 18–22; Halliday C.A., Graham S. «If I Get Locked Up, I Get Locked Up»: Secondary Control and Adjustment among Juvenile Offenders // Personality and Social Psychology Bulletin. May 2000. Vol. 26. P. 548–559.

²⁴ Twenge J.M., Zhang L., Im Ch. It's Beyond My Control: A Cross-Temporal Meta-Analysis of Increasing Externality in Locus of Control. 1960–2002. Personality and Social Psychology Review. 2004. Vol. 8. No. 3. P. 308–319.

²⁵ Мацкевич М. Исследования наркотизма и проблемы профилактики // Наркотизм, наркомании, наркополитика / Под ред. проф. А.Г. Софронова. СПб.: Социологический институт РАН, Медицинский центр «Бехтерев», 2006. С. 60–62; Гурвич И.Н., Цветкова Л.А., Шур Н.В. Наркопотребление в студенческой среде: поведенческие особенности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 1. С. 124.

²⁶ Мацкевич М. Исследования наркотизма и проблемы профилактики. С. 61.

Динамику проявления локуса контроля, его дифференциации и влияния на поведение выявляли в американских исследованиях феномена авторитарной личности, в том числе среди молодежи. В рамках классических представлений, восходящих к Т. Адорно²⁷, об авторитарной личности, считалось, что такому типу личности свойственен скорее внешний локус контроля. Однако позднее американские исследователи обнаруживали скорее противоположную закономерность: внутренний локус контроля у «авторитарной личности»²⁸. Российские авторы, изучавшие локус контроля у молодежи России и США, выявили преобладание внутреннего локуса контроля у приверженцев авторитаризма у молодых американцев и отсутствие связи авторитаризма с внутренним локусом контроля у молодых россиян. Было выдвинуто предположение, что «внутренний локус контроля связан с авторитаризмом правого толка в тех культурах, где наличие чувства контроля над своей жизнью рассматривается как определенная социальная ценность»²⁹.

* * *

Как показывают результаты социологических исследований, для молодежи, и в частности, для поколения современных российских студентов, родившегося в пореформенный период, в большей мере, чем для населения России в целом, характерна внутренняя локализация ответственности за основные события, происходящие в их жизни³⁰. Здесь под «событием» мы подразумеваем как отдельные факты биографии, так и длительные процессы, характеризующиеся причинно-следственной связью. Для каждого поколения на конкретном жизненном этапе существуют свои основополагающие задачи, решение которых оптимально в ограниченные временем сроки.

Намерение продолжить образование, процесс поступления и выбор вуза являются знаковыми событиями в социализации молодых людей, одними из первых серьезных решений, определяющих направление развития личности, карьерную биографию, способ интеграции

---

²⁷ Adorno T.W. et al. The authoritarian personality. New York, 1950.

²⁸ Altemeyer B. Enemies of freedom: Understanding right wing authoritarianism. San Francisco, 1988; Altemeyer B. The authoritarian specter. Boston, 1996.

²⁹ Дьяконова Н.А., Юртайкин В.В. Авторитарная личность в России и США: ценностные ориентации и локус контроля. С. 58.

³⁰ Подробнее см.: Звоновский В., Мацкевич М. Локализация ответственности как фактор социального поведения. С. 49.

во «взрослую жизнь»³¹. Влияние локуса контроля на процесс принятия решения о выборе профессии — традиционная тематика социологических и психологических исследований в Западной Европе и США³². В частности, одним из практических применений результатов таких исследований является разработка учебных программ, ориентирующих школьников старших классов на ответственный и мотивированный выбор профессии³³.

На примере студентов очной формы обучения гуманитарных вузов Санкт-Петербурга рассмотрим, каковы локус контроля и атрибуция ответственности на этапе обучения в вузе. Исследование «Студент на рынке труда: социологический анализ» было организовано и проведено Научно-образовательным центром Социологического института РАН³⁴ среди студентов семи вузов Санкт-Петербурга, а именно: Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета; Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов; Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств; Санкт-Петербургской академии управления и экономики; Института телевидения, бизнеса и дизайна; Института внешнеэкономических связей, экономики и политики. В опросе студентов 2–5 курсов обучения по пропорциональной выборке, проведенном в октябре 2007 г., были представлены государственные и негосударственные образовательные учреждения, ориентированные на подготовку кадров по четырем группам специальностей обучения, а именно: «экономика и управление», «образование и педагогика», «гу-

³¹ *Чередниченко Г.А.* Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (опыт социологического исследования). СПб., 2004. С. 36–50.

³² *Millar R., Shevlin M.* The Development and Factor Structure of a Career Locus of Control Scale for Use with School Pupils // *Journal of Career Development*, 2007. Vol. 33. No 3. P. 224–249; *Taylor K. M., Pompa J.* An examination of the relationships among career decision making self-efficacy, career salience, locus of control, and vocational indecision // *Journal of Vocational Behavior*. 1990. 37. P. 17–31.

³³ *Walsh D.J.* Individual Variations Within the Vocational Decision Making Process: A Review and Integration // *Journal of Career Development*. 1987. Vol. 14 (1). P. 52–65; *Hotchkiss L., Borow H.* Sociological perspectives on work and career development // D. Brown, L. Brooks, & Associates (Eds.). *Career choice and development* (3rd ed. P. 281–334). San Francisco: Jossey-Bass, 1996.

³⁴ «Студент на рынке труда: социологический анализ» (науч. руководитель — И.И. Елисеева), научно-исследовательская работа по конкурсу грантов в сфере научной и научно-технической деятельности Санкт-Петербурга, 2007 г., при финансовой поддержке Правительства Санкт-Петербурга.

манитарные науки», «культура и искусство». Выбор профиля обучения студентов, подлежащих обследованию, определялся, прежде всего, тем обстоятельством, что в Санкт-Петербурге, крупнейшем научном и образовательном центре, осуществляется подготовка специалистов по примерно двадцати группам специальностей обучения, но количество обучающихся по специальностям обучения, указанным выше, составляет более половины всех обучающихся на дневных отделениях вузов Петербурга (53% — для ГОУ, 59% — НОУ)³⁵.

Практика изучения локуса контроля у разных поколений подтверждает тезис о том, что для молодежи, по сравнению с другими возрастными группами, в большей мере свойственно преобладание внутреннего локуса контроля, тогда как, например, у пенсионеров наблюдается противоположная ситуация. Как правило, локус контроля и атрибуция ответственности имеют примерно одинаковую динамику, но в случае с молодежью и, в частности, со студенчеством, как наиболее прогрессивной ее частью, обнаружено, что при общем внутреннем локусе контроля, традиционно высоком для поколений, родившихся в конце 1980-х – начале 1990-х гг., атрибуция ответственности в конкретных случаях существенно различается.

Таковыми случаями являются, например, обучение в вузе и успеваемость студентов. В нашем исследовании рассматривались общий локус контроля (в качестве индикатора использовался вопрос «Как Вы считаете, от чего в большей степени зависит то, что Ваша жизнь складывается именно так?»), атрибуция ответственности по критерию «обучение в данном вузе» (был задан вопрос «Как вы полагаете, с какими обстоятельствами связано то, что вы учитесь именно в этом вузе?»), атрибуция ответственности по критерию «успеваемость» (был задан вопрос «Как Вы полагаете, отчего зависят Ваши успехи в учебе?»). Шкала ответов состояла из следующих позиций: «главным образом, это связано с внешними обстоятельствами», «в некоторой степени, с моими усилиями, но больше — с внешними обстоятельствами», «в равной степени благодаря моим усилиям и внешним обстоятельствам», «в большей степени — с моими усилиями, но и с внешними обстоятельствами тоже», «главным образом, это связано с моими усилиями». Такие формулировки вопросов, на наш взгляд, уместны при измерении локуса контроля и атрибуции ответственности в молодежных и, в частности, — студенческих группах.

---

³⁵ Образование в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (экономический доклад). СПб., 2007. С. 20–21.

Как видно из данных таблицы 7, для студентов гуманитарных вузов характерно почти трехкратное превышение интерналов над экстерналами, что соответствует выявленной среди молодежи тенденции, согласно которой значение индекса интернальности в возрастных группах от 18 до 25 превышает 1. В то же время частные случаи атрибуции ответственности, например, по критериям «успеваемость» и «обучение в вузе», демонстрируют расхождения более чем в семь раз между уровнями внешней и внутренней атрибуции.

Таблица 7. Общее распределение характеристик локуса контроля и атрибуции ответственности студентов, Санкт-Петербург-2007

Курс обучения	Интер- налы (%)	Сбалан- сир. (%)	Экстер- налы (%)	Индекс интер- нальности	Число ед. в под- выборке
Локус контроля	48	35	17	2,95	827
Атрибуция ответственности (обучение в данном вузе)	36	26	38	0,94	821
Атрибуция ответственности (успеваемость)	60	31	9	6,65	828

Интерналы (общий локус контроля) составляют около половины всех опрошенных студентов (48%), тогда как внутренняя атрибуция ответственности по критерию «успеваемость» присутствует примерно у двух третей респондентов (60%), что почти в два раза больше, чем по критерию «обучение в вузе» (36%). Для каждого шестого опрошенного общий локус контроля является экстернальным (17%), в то время как внешняя атрибуция ответственности по критерию «обучение в вузе» — примерно для каждого третьего (38%), а по критерию «успеваемость» — лишь для каждого десятого (9%).

Таким образом, по критерию «обучение в данном вузе» у студентов преобладает внешняя атрибуция ответственности, а по критерию «успеваемость» — внутренняя (индексы интернальности, соответственно, 0,94 и 6,65).

Локус контроля рассматривается как один из обобщающих показателей, формирующийся на этапе первичной социализации и характеризующий ценностно-нормативную систему личности. На этапе вторичной социализации он фактически не изменяется. Обучение в вузе студентов дневного отделения – вчерашних выпускников школ, как

правило, связано с началом периода вторичной социализации, и динамика локуса контроля с изменением возраста/курса обучения (преимущественно от 18 до 22 лет) свидетельствует об успешности этого процесса. Обратимся к данным таблицы 8.

Таблица 8. Локус контроля студентов в группах по курсам обучения, Санкт-Петербург-2007

Курс обучения	Интерналы (%)	Сбалансир. (%)	Экстерналы (%)	Индекс интернальности	Единиц в подвыборке
2 курс	48	31	21	2,25	171
3 курс	49	31	20	2,48	157
4 курс	46	40	14	3,21	268
5 курс	52	35	13	3,87	231
Число чел.	401	290	136	-	827
Общее распределение, %	48	35	17	2,95	100

Как уже отмечалось, примерно половина студентов связывает изменения в жизни с собственными усилиями (внутренняя локализация ответственности), еще около трети полагает, что внешние обстоятельства и собственные усилия влияют на их жизнь примерно поровну. С увеличением периода обучения доля интерналов изменяется незначительно (от 48% до 52%), но от второго курса к пятому доля экстерналов сокращается более чем в полтора раза (индекс интернальности — 1,62) и составляет к пятому курсу лишь 13%, что соответствует общим тенденциям проявления локуса контроля у молодежи, которые определяются увеличением интернальности по мере перехода от подросткового возраста к юношескому³⁶.

Подчеркнем, что хотя интернальность в локусе контроля свойственна половине опрошенных, как юношей, так и девушек (49% и 48% соответственно), экстерналов среди юношей насчитывается в два раза больше, чем среди девушек (14% и 37% соответственно), что не противоречит преобладанию внешней атрибуции ответственности за факт обучения в данном вузе у юношей, как будет рассмотрено нами далее, а, наоборот, косвенно подтверждает эту тенденцию.

³⁶ Grob A., Little T.D., Wanner B. Control Judgements across the Lifespan // International Journal of Behavioral Development. 1999. 23 (4). P. 851.

Локус контроля различается у студентов в связи с формой собственности вуза и источником возмещения затрат на обучение. Как следует из данных, представленных в таблице 9, наименьшего значения индекс интернальности достигает у студентов НОУ (1,89).

Таблица 9. Локус контроля студентов в группах по форме собственности вуза и источнику возмещения затрат, Санкт-Петербург-2007

Орг.-правовая форма вуза и обучения	Интерналы (%)	Сбалансир. (%)	Экстерналы (%)	Индекс интернальности	Единиц в подвыборке
бюджет, ГОУ	52	35	13	3,85	350
платное, ГОУ	48	36	16	2,89	315
НОУ	43	34	23	1,89	162
Число чел.	401	290	136	—	827
Общее распределение, %.	48	35	17	2,94	100

Хотя доля интерналов в НОУ составляет более двух пятых (43%) против примерно одной второй в государственных вузах, доля экстерналов — в 1,8 раза больше по сравнению с ГОУ. Студенты платных отделений ГОУ занимают промежуточное положение, у них доля экстерналов также в 1,4 больше, чем на бюджетных отделениях ГОУ.

В странах, где существует устойчивая традиция платного обучения, рассматривается влияние локуса контроля и атрибуции ответственности по критерию «успеваемость» на готовность получать и возмещать оказанную финансовую помощь³⁷. Выявлено, что внешний локус контроля коррелирует с низкой успеваемостью и неадекватной оценкой перспектив собственной платежеспособности³⁸.

Наибольшего значения — 4,44 — индекс интернальности по данному параметру достигает у обучающихся по группам специальностей «образование и педагогика», чуть ниже — 3,58 — у обучающихся по

³⁷ *Davies E., Lea S.E. G.* Student attitudes to student debt // *Journal of Economic Psychology*. 1995. Vol. 16 (4). P. 663–679; *Millet C.M.* How undergraduate loan debt affects application and enrollment in graduate or first professional school // *The Journal of Higher Education*. 2003. Vol. 74 (4). P. 386–427.

³⁸ *Trent W.T., Lee H.S., Owens-Nicholson D.* Perceptions of Financial Aid Among Students of Color: Examining the Role(s) of Self-Concept, Locus of Control, and Expectations // *American Behavioral Scientist*. 2006. Vol. 49. No. 12. P. 1739–1759.

группам специальностей «культура и искусство», тогда как среди тех, кто учится по группам специальностей «экономика и управление», он составляет только 2,79. Наименьшего значения индекс интернальности достигает среди тех, кто учится по группам специальностей «гуманитарные науки» — 2,33. Иными словами, наблюдается вариация почти в два раза доли экстерналов у студентов, обучающихся по разным группам специальностей (от 11% у обучающихся по группам специальностей «образование и педагогика» до 20% — у обучающихся по группам специальностей «гуманитарные науки»). Напомним, что доля интерналов по всем группам специальностей составляет примерно половину (от 44% у обучающихся по группам специальностей «гуманитарные науки» до 50% у обучающихся по группам специальностей «экономика и управление»). Для интерпретации этих данных нужны дополнительные изыскания.

По условиям проживания внутренний локус контроля в большей мере отмечен у студентов, обладающих высокой степенью самостоятельности благодаря наличию собственной отдельной квартиры или комнаты в коммунальной квартире (индекс интернальности 6,14 и 4,00 соответственно), доля интерналов среди них составляет примерно половину, как и среди тех, кто снимает квартиру (55%). Заметим, что у студентов, проживающих с родителями, доля интерналов меньше почти в два раза (28%), тогда как доля экстерналов по сравнению с указанными группами студентов несколько выше и достигает почти одной пятой (18%), как и у проживающих в общежитии (20%). Подчеркнем, что локус интернальности является наименьшим у студентов из общежитий (2,22).

Понятно, что ответственность за собственные поступки формируется в ходе социализации, и более раннее вступление во взрослую жизнь способствует развитию самостоятельности у вчерашних школьников — сегодняшних студентов. С другой стороны, приобретение комнаты или квартиры, как правило, зависит от участия других членов семьи и определяется совокупным семейным ресурсом.

Как видно из данных таблицы 10, индекс интернальности тем выше, чем выше самооценка материального положения: у материально обеспеченных студентов доля интерналов примерно в полтора раза больше, чем у тех, кто оценивает свое положение как «трудное», тогда как у студентов, чья самооценка материального положения низкая, наоборот, насчитывается в полтора раза больше экстерналов.

Таблица 10. Локус контроля студентов в группах по самооценке материального положения, Санкт-Петербург-2007

Самооценка материального положения	Интерналы (%)	Сбалансир. (%)	Экстерналы (%)	Индекс интернальности	Единиц в подвыборке
в достатке	66	20	14	4,75	29
материально обеспечен(а)	53	32	15	3,50	158
обеспечен(а) необходимым	50	36	14	3,55	389
неплохое	42	38	20	2,12	172
трудное	40	31	29	1,39	45
бедственное	40	40	20	0,50	5
затр.ответить	38	45	17	2,25	24
Число чел.	398	288	136	-	822
Общее распределение, %	48	35	17	2,93	100

Различается локус контроля студентов в связи с вовлеченностью в трудовую деятельность. Наибольшего значения индекс интернальности, как показывают данные таблицы 11, достигает у не работающих студентов, которые не видят необходимости в совмещении учебы с работой (7,5).

Таблица 11. Локус контроля студентов в группах по вовлеченности в трудовую деятельность, Санкт-Петербург-2007

Вовлеченность в трудовую занятость	Интерналы (%)	Сбалансир. (%)	Экстерналы (%)	Индекс интернальности	Единиц в подвыборке
постоянно работающие	54	31	15	3,67	224
работающие периодически	46	36	18	2,63	368
неработающие-1 (по случаю)	44	37	19	2,32	179
неработающие-2 (нет необходимости)	55	38	7	7,5	56
Число чел.	401	290	136	-	827
Общее распределение, %	48	35	17	2,95	100

Несмотря на то, что доля интервалов среди неработающих-2 такая же, как и среди постоянно работающих, доля экстервалов меньше в два раза. Но и среди постоянно работающих интервалы преобладают почти в четыре раза. Соотношение интервалов и экстервалов среди работающих периодически и не работающих потому, что у них не было случая, примерно одинаково. Вероятнее всего, материальная независимость способствует развитию самостоятельности, причем в данном случае не имеет значения, предоставлена ли она совокупным семейным ресурсом или обеспечена результатами постоянной трудовой занятости.

В ходе сравнения локуса контроля по намерениям студентов работать / не работать по специальности обучения существенных различий выявлено.

* * *

Абитуриенту не всегда просто ответить на вопросы, связанные с выбором вуза, вследствие эмоциональных перегрузок, неопределенности относительно собственных жизненных планов и специфики процедуры поступления (по крайней мере, до введения практики приема в вузы по результатам ЕГЭ). Представляется справедливым, что по истечении некоторого времени мнение студентов о причинах выбора вуза становится более адекватным, роль семейной опеки (при наличии таковой) снижается. Неслучайно наибольший отсев студентов в вузах происходит по завершению первого года обучения.

Напомним, что студентам было предложено ответить на вопрос «Как вы полагаете, с какими обстоятельствами связано то, что вы учитесь именно в этом вузе?». Как показало исследование, у студентов в оценке обстоятельств выбора вуза внешняя атрибуция ответственности встречается чаще, чем внутренняя: почти каждый четвертый студент указал на значительное, а каждый седьмой — на умеренное преобладание внешних обстоятельств (23% и 15% соответственно). Только один человек из шести связывает обучение в вузе преимущественно с собственными усилиями (17%), и примерно один из пяти — с умеренным преобладанием собственных усилий (19%), тогда как около четверти опрошенных утверждают, что влияние собственных усилий и внешних обстоятельств на обучение в вузе примерно одинаково (26%). Это означает, что обучение в данном вузе для значительной доли студентов имеет отчасти случайный характер, а внешние обстоятельства — определяющую роль при выборе профессии. Следовательно, овладение выбранной специальностью обучения для них

не обязательно является основной целью, а получение образования рассматривается, в лучшем случае, как приращение культурного капитала и приобретение более высокого социального статуса.

В исследовании трудовых ценностей молодежи В.С. Магун еще в 1996 г. отмечал резко возросший по сравнению с 1980-ми гг. уровень притязаний молодых людей, возможность реализации которых они связывали, по преимуществу, с получением высшего образования и соответствующей квалификации, обусловленных экономическим спросом и общественным престижем³⁹.

Изменение атрибуции ответственности, более серьезное отношение к своему будущему происходит, как известно, с возрастом. На примере данных таблицы 12 видно, что к пятому курсу обучения доля экстерналов сокращается и составляет только треть (34%), тогда как доля интерналов, наоборот, увеличивается примерно до двух пятых (42%).

Таблица 12. Атрибуция ответственности (обучение в данном вузе) студентов в группах по курсам обучения, Санкт-Петербург-2007

Курс обучения	Интерналы (%)	Сбалансиров. (%)	Экстерналы (%)	Индекс интернальности	Единиц в подвыборке
2 курс	33	29	39	0,86	168
3 курс	34	21	45	0,77	157
4 курс	33	29	38	0,88	266
5 курс	42	24	34	1,23	230
Число чел.	294	212	314	-	821
Общее распределение, %	36	26	38	0,94	100

С увеличением продолжительности процесс обучения в вузе становится более мотивированным, лишь у студентов пятого курса индекс интернальности превышает 1 (1,23). Показательным, на наш взгляд, является преобладание экстерналов 1,3 раза по сравнению с интерналами у третьекурсников, период обучения которых в условиях пятилетнего образования является наиболее сложным и информационно наполненным, и индекс интернальности наименьший — 0,77.

Наиболее значимые различия в атрибуции ответственности, как видно из данных таблицы 13, выявлены между юношами и девушками.

³⁹ Магун В.С. Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи: 1985–1995 годы // Социологический журнал. 1996. № 3–4. Электронная версия: <http://www.socjournal.ru/article/303>.

Таблица 13. Атрибуция ответственности (обучение в данном вузе) студентов в группах по полу, Санкт-Петербург-2007

Пол	Интерналы (%)	Сбалансир. (%)	Экстерналы (%)	Индекс интернальности	Единиц в подвыборке
юноши	32	23	45	0,72	199
девушки	37	26	37	1,02	610
Число чел.	291	207	311	-	809
Общее распределение, %	36	26	38	0,94	100

Как видим, доля интерналов среди юношей несколько меньше, чем среди девушек (32% и 37% соответственно). Если доля интерналов среди девушек незначительно преобладает над долей экстерналов, то у представителей сильного пола наблюдается противоположная картина, причем количество экстерналов превосходит количество интерналов в 1,7 раза, а индекс интернальности составляет 0,72. Отчасти это обстоятельство можно объяснить более ранним «взрослением» девушек по сравнению с юношами, а также особенностями поступления в вуз на гуманитарные специальности.

Атрибуция ответственности (обучение в данном вузе) различалась у студентов государственных и негосударственных вузов, как видно из данных, представленных в таблице 14.

Таблица 14. Атрибуция ответственности (обучение в данном вузе) студентов в группах по форме собственности вуза и источнику возмещения затрат, Санкт-Петербург-2007

Орг.-правовая форма вуза и обучения	Интерналы (%)	Сбалансир. (%)	Экстерналы (%)	Индекс интернальности	Единиц в подвыборке
бюджет, ГОУ	45	28	27	1,65	349
платное, ГОУ	31	27	42	0,72	311
НОУ	27	18	55	0,50	161
Число чел.	294	212	314	-	821
Общее распределение, %	36	26	38	0,94	100

Как оказалось, в большей мере внутренняя атрибуция ответственности характерна для студентов бюджетных отделений государственных вузов: их доля в полтора раза превышает долю студен-

тов платных отделений ГОУ и в 1,7 раза — студентов негосударственных вузов. В то же время внешняя атрибуция ответственности отличает более половины студентов НОУ, а их доля в два раза превосходит долю экстерналистов среди студентов бюджетных отделений и в 1,4 раза — долю студентов платных отделений государственных вузов. Отметим, что среди студентов негосударственных вузов наименьшая доля «сбалансированных» (18%), то есть полагающих равное влияние собственных усилий и внешних обстоятельств на обучение в вузе, тогда как у студентов государственных вузов она в полтора раза выше. Возможно, это обстоятельство объясняется, прежде всего, особенностями поступления в вуз: наличием конкурсных процедур, собеседований и других видов испытаний либо их отсутствием, размером платы за обучение. Как известно, абитуриенты, не прошедшие по конкурсу в наиболее предпочтительный для них вуз, стремятся все равно поступить, чтобы не терять год, и такое поступление будет иметь элемент случайности. Проблема заключается в том, станет ли случайным также и обучение в этом вузе. Трудоемкость поступления в государственные вузы на бюджетное отделение способствует тому, что некоторые молодые люди изначально делают свой выбор в пользу НОУ, но это решение демонстрирует, скорее, их осознанный выбор⁴⁰.

Выбор вуза и формы обучения непосредственно связан с предполагаемой специальностью, что тоже подразумевает наличие конкуренции. Как правило, на наиболее популярные у абитуриентов и их родителей специальности обучения не только выше конкурс (пусть и по результатам ЕГЭ) и, соответственно, предъявляемые к претендентам требования, но и мотивация, и совокупность прилагаемых усилий респондентов и членов их семей. Как следует из данных, представленных в таблице 4, внешняя атрибуция ответственности преобладает почти у половины обучающихся по группам специальностей «гуманитарные науки» (индекс интернальности составляет всего 0,51), тогда как среди обучающихся по группам специальностей «образование и педагогика» и «экономика и управление» их насчитывается только треть, то есть в полтора раза меньше.

---

⁴⁰ Родионова А.В. Изучение удовлетворенности студентов условиями обучения в высшем негосударственном образовательном учреждении (на примере одного из негосударственных образовательных учреждений Санкт-Петербурга) // Наука и высшая школа в инновационной деятельности: сб. научных работ / Отв. ред. И.И. Елисеева, Е.А. Иванова, Б.Г. Тукумцев. СПб., 2007. С. 232–252.

Таблица 15. Атрибуция ответственности (обучение в данном вузе) студентов в группах по специальностям обучения, Санкт-Петербург-2007

Группы специальностей обучения	Интерналы (%)	Сбалансир. (%)	Экстерналы (%)	Индекс интернальности	Единиц в подвыборке
образование и педагогика	35	32	33	1,08	80
экономика и управление	40	26	34	1,18	425
гуманитарные науки	25	24	51	0,51	140
культура и искусство	34	24	42	0,82	176
Число чел.	294	212	314	-	821
Общее распределение, %	36	26	38	0,94	100

Наибольшая доля интерналов отмечена у обучающихся по группам специальностей «экономика и управление» (40%), индекс интернальности наибольший — 1,18. Примерно для трети обучение в данном вузе по группам специальностей «образование и педагогика» и «культура и искусство» характеризуется внутренней атрибуцией ответственности, и лишь почти у каждого четвертого, обучающегося по указанным специальностям, наблюдается баланс между внутренней и внешней атрибуцией ответственности (соответственно 26%, 24%, 24%).

Атрибуция ответственности у студентов-петербуржцев и у студентов, приехавших на учебу из других регионов, различается. Соотношение интерналов (36,6%) / экстерналов (35,5%) среди жителей Петербурга оказалось примерно одинаковым (индекс интернальности 1,03), а среди жителей Ленинградской области — даже увеличилось в пользу интерналов (1,09). Наименьшее значение индекса интернальности наблюдается у студентов, получивших школьное образование в малых или средних городах РФ, — 0,66, а доля экстерналов среди них превосходит аналогичный показатель среди студентов Ленинградской области в 1,4 раза. Преобладание доли интерналов в больших городах, в том числе и в Петербурге, подчеркивалось исследователями и ранее, но если для жителей Ленинградской области Петербург, являясь административно-культурным центром и центром маятниковой миграции, транслирует ценностные образцы и паттерны поведения, то проживающие в Псковской, Новгородской, Вологодской, Архангельской и других областях Северо-Запада РФ подвержены такому влиянию в меньшей мере и, преимущественно, через СМИ.

Сопоставив условия проживания респондентов, отметим, что интернальность, как видно из данных таблицы 16, преобладает у иногородних студентов, которые в два раза чаще, чем владельцы отдельных квартир, обнаруживают это свойство.

Таблица 16. Атрибуция ответственности (обучение в данном вузе) студентов в группах по условиям проживания, Санкт-Петербург-2007

Условия проживания студентов	Интерналы (%)	Сбалансир. (%)	Экстерналы (%)	Индекс интернальности	Единиц в подвыборке
В кв-ре с родителями	38	26	36	1,06	476
В квартире с др.родств.	28	23	49	0,57	47
В собств. отдельной квартире	1	34	25	0,85	77
В своей комнате в ком. кв-ре	12	35	53	0,22	17
В общежитии	43	23	34	1,27	89
Снимаю квартиру	36	18	46	0,80	66
Снимаю комн.	18	21	61	0,30	38
Число чел.	289	209	312	—	810
Общее распределение, %	36	26	38	0,94	100

Данное обстоятельство объясняется, скорее всего, наличием семейных ресурсов по приобретению жилья (квартиры или комнаты), либо его наследованием, то есть значение собственных усилий респондентов, скорее всего, минимально. Доля иногородних студентов, ориентированных на собственные силы в связи с обучением в вузе, превышает даже долю петербуржцев по этому показателю, индексы интернальности составляют соответственно 1,27 и 1,06. Подчеркнем, что внутренняя атрибуция ответственности обнаруживается в ответах свыше трети студентов, снимающих квартиру (36%), то есть примерно столько же, сколько и среди проживающих с родителями.

Обучение в вузе предполагает не только определенную степень самостоятельности, но и наличие материальных условий для продолжения обучения на дневном отделении вуза. В связи с тем, что существует проблема достоверности данных о совокупном доходе студентов, а размер стипендии не обеспечивает даже уровня физиологического выживания, мы обратились к данным самооценки сту-

дентами своего материального положения. Эти данные представлены в таблице 17.

Таблица 17. Атрибуция ответственности (обучение в данном вузе) студентов в группах по самооценке материального положения, Санкт-Петербург-2007

Самооценка материального положения	Интерналы (%)	Сбалансир. (%)	Экстерналы (%)	Индекс интернальности	Единиц в подвыборке
в достатке	28	27	45	0,62	29
материально обеспечен(а)	31	30	39	0,79	155
обеспечен(а) необходимым	40	25	35	1,13	387
неплохое	33	26	41	0,81	173
трудное	40	20	40	1,00	45
бедственное	40	40	20	2,00	5
затр.ответить	27	23	40	0,68	22
Число чел.	293	213	310	–	816
Общее распределение, %	36	26	38	0,94	100

Из данных таблицы 17 видно, что высокая самооценка студентами своего материального положения не связана с атрибуцией ответственности обучения в вузе (корреляционные связи не обнаружены). Доля студентов, полагающих, что они живут в достатке, с внешней локализацией ответственности почти в два раза превышает долю тех, кто склонен к внутренней локализации ответственности. Хотя и у материально обеспеченных студентов эта тенденция сохраняется, разница представляется не столь значительной (что, возможно, определяется объемом подвыборки в том и в другом случаях).

Материальный фактор называют в числе основных причин, по которым студенты дневных отделений вузов совмещают учебу с работой, но как было выявлено в ходе данного исследования, основными мотивами совмещения студентами учебы с работой являются не только «необходимость зарабатывать деньги на жизнь», но и желание «почувствовать себя независимым человеком»⁴¹. Известно, что для

⁴¹ См. подробнее: Родионова А.В. К проблеме вовлеченности российских студентов в трудовую деятельность // Социальные проблемы труда в условиях перехода к инновационному развитию общества / Под общ. ред. П.В. Каранетяна, А.А. Русалиновой, Б.Г. Тукумцева. СПб., 2008. С. 629–634.

современного студенчества характерна высокая степень дифференциации, что определяет качественные различия как среди работающих, так и среди неработающих студентов. Из данных, представленных в таблице 18 следует, что наибольшего значения — 1,16 — индекс интернальности достигает в группе неработающих студентов, причем тех, которые не видят необходимости работать в период обучения в вузе (неработающие-2).

Таблица 18. Атрибуция ответственности (обучение в данном вузе) студентов в группах по вовлеченности в трудовую деятельность, Санкт-Петербург-2007

Вовлеченность в трудовую занятость	Интерналы (%)	Сбалансир. (%)	Экстерналы (%)	Индекс интернальности	Единиц в подвыборке
постоянно работающие	35	23	42	0,84	224
работающие периодически	35	26	39	0,90	367
неработающие-1 (по случаю)	36	30	34	1,07	175
неработающие-2 (нет необходимости)	42	20	36	1,16	53
Число чел.	293	212	314	-	820
Общее распределение, %	36	26	38	0,94	100

У студентов, не работающих потому, что у них не было случая (неработающие-1), индекс интернальности также больше 1 (1,07), а доля интерналов примерно такая же, как и у работающих студентов — около трети (36%). Но у работающих студентов в большей мере наблюдается преобладание экстерналов — это два человека из пяти, а индекс интернальности понижается до 0,84 у тех, кто работает постоянно.

Атрибуция ответственности обучения в данном вузе, по-видимому, в некоторой степени определяет намерения студентов работать или не работать по специальности после окончания вуза. Распределения ответов на вопрос «Предполагаете ли Вы в дальнейшем работать по той специальности, по которой обучаетесь?» (респондентам была предложена пятичленная шкала) были укрупнены. Как видно из данных таблицы 19, примерно два человека из пяти, собирающихся работать по специальности, характеризуются внутренней локализацией ответственности (38%).

Таблица 19. Атрибуция ответственности (обучение в данном вузе) студентов в группах по намерениям работать по специальности обучения, Санкт-Петербург-2007

Намерения работать по специальности	Интерналы (%)	Сбалансир. (%)	Экстерналы (%)	Индекс интернальности	Единиц в подвыборке
нет	30	25	45	0,65	101
затр.отв.	33	22	45	0,74	151
да	38	27	35	1,08	569
Число чел.	294	212	314	-	821
Общее распределение, %	36	26	38	0,94	100

Экстерналов среди студентов, предполагающих работать по специальности обучения, лишь немногим меньше — около трети (35%), о чем свидетельствует и индекс интернальности — 1,08. Но среди тех, кто, скорее всего, работать по специальности не будет, экстерналов в полтора раза больше, чем интерналов, и они составляют чуть менее половины всех тех, кто работать по специальности не намерен.

Мы предположили, что те студенты, которым в большей мере свойственна внутренняя атрибуция ответственности за обучение в вузе, будут испытывать более глубокий интерес к его условиям и перспективам изменения, будут стремиться сами строить свою жизнь и карьеру, используя для этого широкий спектр возможностей, в том числе и информационных, чем студенты-экстерналы, ориентированные на совокупность внешних случайных событий. Изменение условий обучения в вузе связано в настоящий момент с реформой высшего образования, по-видимому, информированность о реформе свидетельствует об активной жизненной позиции студентов. Для проверки предположения респондентам был задан вопрос «Известно ли Вам, в чем заключается содержание нынешней реформы высшего образования?». Распределения вариантов ответов («Первый раз слышу о ней», «Что-то слышал(а), но в чем конкретно не знаю», «Знаю в самых общих чертах», «В целом знаю, но без подробностей», «Знаю достаточно подробно») были укрупнены в три категории: «неинформированные», «в среднем, информированные», «информированные». Но, как видно из данных, представленных в таблице 20, это предположение не подтвердилось.

Таблица 20. Атрибуция ответственности (обучение в данном вузе) студентов в группах по информированности о реформе образования, Санкт-Петербург-2007

Информированность о реформе образования	Интерналы (%)	Сбалансир. (%)	Экстерналы (%)	Индекс интернальности	Единиц в подвыборке
неинформированные	35	23	42	0,83	435
в среднем, информированные	37	29	34	1,09	194
информированные	37	26	36	1,03	169
Число чел.	282	199	305	-	787
Общее распределение, %	36	26	38	0,94	100

Степень информированности о реформе высшего образования среди интерналов и экстерналов оказалась примерно одинакова и немногим превышала треть опрошенных (37% и 36% соответственно). Различие в долях среди осведомленных о реформе студентов, в общем, не существенно — индекс интернальности составляет 1,03, тогда как у неосведомленных студентов индекс интернальности — 0,83. Причины преобладания численности не информированных о реформе студентов над информированными в 2,6 раза здесь не рассматриваются.

Второе предположение заключалось в том, что реформа высшего образования, по оценкам самих респондентов, окажет влияние в большей мере на студентов с внешней локализацией ответственности, так как в данном случае реформа выступает в качестве внешнего фактора, оказывающего воздействие на их обучение и, возможно, дальнейшую жизнь. Реформирование системы высшего образования повлияет и на жизнь студентов с внутренней атрибуцией ответственности, поскольку им будут предоставлены новые возможности и открыты новые перспективы в обучении. С этой целью респондентам был задан вопрос «Как Вы считаете, повлияет ли нынешняя реформа высшего образования на Вашу собственную жизнь?» и предложена пятичленная шкала ответов, где наименьший ранг соответствовал позиции «никак не повлияет», а наибольший — позиции «безусловно, повлияет». В таблице 21 представлены распределения ответов на этот вопрос по атрибуции ответственности студентов.

Таблица 21. Атрибуция ответственности (обучение в данном вузе) студентов в группах по влиянию реформы образования на их жизнь, Санкт-Петербург-2007

Влияние реформы	Интерналы (%)	Сбалансир. (%)	Экстерналы (%)	Индекс интернальности	Единиц в подвыборке
не повлияет	34	25	41	0,83	359
трудно сказать	40	23	37	1,08	259
повлияет	37	26	51	0,73	169
Число чел.	282	199	305	-	787
Общее распределение, %	36	26	38	0,94	100

Около половины респондентов, полагающих, что реформа окажет влияние на их жизнь, ориентированы на внешнюю атрибуцию ответственности (51%), что в 1,4 раза превышает долю предполагающих внутреннюю атрибуцию ответственности (37%). И среди студентов, уверенных, что реформа повлияет на их жизнь, и среди тех, кто придерживается противоположной точки зрения, преобладают экстерналы, о чем свидетельствуют индексы интернальности 0,73 и 0,83, тогда как интернальность в большей мере свойственна затруднившимся с ответами, а индекс интернальности составляет 1,08.

Подведем некоторые итоги. При выборе вуза обучения у студентов присутствует, по преимуществу, внешняя атрибуция ответственности. Эта тенденция сохраняется независимо от курса обучения (индекс интернальности находится в диапазоне от 0,77 до 0,82). Атрибуция ответственности у юношей и девушек различается: если для юношей при выборе вуза в большей мере характерна внешняя локализация ответственности (0,72), то для девушек — внутренняя (1,02). Интернальность несколько преобладает у студентов из больших городов РФ (1,34), включая Санкт-Петербург (1,03), хотя у окончивших школы в Ленинградской области индекс интернальности даже чуть выше, чем у петербуржцев (1,09), тогда как у выпускников школ из российской провинции при выборе вуза чаще наблюдается внешняя атрибуция ответственности (от 0,66 до 0,90).

Студенты, считающие себя материально обеспеченными, при выборе вуза чаще следуют внешней атрибуции ответственности (от 0,62 до 0,79), что, вероятно, объясняется влиянием других членов семьи, озадаченных перспективами получения образования своих детей.

У студентов, считающих свое материальное положение неплохим, отметим также наличие внешней атрибуции ответственности (индекс интернальности 0,81). Лишь у тех студентов, кто полагает, что обеспечен всем необходимым, индекс интернальности более 1 (1,13).

Установлено, что для студентов, вовлеченных в трудовую деятельность, при выборе вуза обучения характерно преобладание внешней атрибуции ответственности (индекс интернальности 0,84 — у постоянно работающих и 0,90 — у работающих периодически), тогда как у не работающих в силу разных обстоятельств наблюдается преобладание внутренней атрибуции ответственности (от 1,07 до 1,16).

* * *

В заключение подчеркнем, что основным дифференцирующим фактором локуса контроля выступает возраст, о чем свидетельствуют и материалы общероссийских опросов. Влиянием собственно календарного возраста объясняется существенное преобладание внешнего локуса контроля у наиболее пожилых (старше 65 лет) и у подростков. Увеличение доли внутреннего локуса контроля у представителей молодого и среднего возраста связано с периодом социализации (до или после социально-экономических преобразований). Возрастное увеличение доли внутреннего локуса контроля по мере взросления подтвердилось на данных выборки студентов Санкт-Петербурга. Кроме того, для однородной выборки студентов выявлено влияние на локус контроля и атрибуцию ответственности такого фактора, как совокупный ресурс семьи.

Как показывает исследовательский опыт, на массовых выборках общие распределения локуса контроля и атрибуции ответственности, как правило, совпадают, что, разумеется, не означает их концептуальной или эмпирической идентичности. В некоторых своих проявлениях локус контроля может выступать в форме каузальных атрибуций. Но если локус контроля есть некоторая обобщенная характеристика действующего субъекта, не связанная с конкретикой отдельных ситуаций, то атрибуция ответственности определяется взаимодействием личностного потенциала с объективными обстоятельствами конкретной ситуации, что и было продемонстрировано на данных выборки студентов Санкт-Петербурга.

**СОЦИОЛОГИЯ
ДЕВИАНТНОСТИ
И СОЦИАЛЬНОГО
КОНТРОЛЯ**

Я.И. Гилинский,
yakov.gilinsky@gmail.com

КОНСТРУИРОВАНИЕ ДЕВИАНТНОСТИ: проблематизация проблемы

Аннотация: В статье с позиций современного конструктивизма рассматриваются в качестве социальных конструктов девиантность и ее проявления: преступность, организованная преступность, коррупция, наркотизм, терроризм, гомосексуализм, порнография, проституция. Названы субъекты, стадии и некоторые последствия социального конструирования.

Ключевые слова: конструктивизм; девиантность; социальный конструкт; преступность.

Девиантность создается обществом.
Говард Беккер

Классификация и оценка — основа
интеллектуальной деятельности
человека. Мы сами создаем мир
вокруг себя.
Нильс Кристи

Осознание того, что многие привычные общественные явления не что иное, как *конструкции*, более или менее искусственные, «построенные» обществом, сложилось в социальных науках лишь во второй половине XX столетия¹. «Рядовые люди в разных обществах считают само собой разумеющимися совершенно различные “реальности”»².

¹ Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. New York: Doubleday, 1966.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. С. 11.

Есть два подхода в социальных науках: 1) *объективистский* (социальные феномены и соответствующие социальные проблемы — преступность, наркотизм, проституция, коррупция и др. — существуют объективно) и 2) *интеракционистский* (социальные проблемы конструируются обществом — властью, общественным мнением, СМИ). «Внутри» интеракционистского (=конструктивистского) подхода существуют два направления. Согласно одному (*строгому, феноменологическому*), в обществе не что («*предполагаемое*»³) существует (люди убивают друг друга, воруют друг у друга, потребляют наркотики, кончают жизнь самоубийством), но *это* становится *проблемой* в результате конструирования *этого* как *проблемы*. Как верно заметил В.А. Ядов⁴, конструктивисты-радикалы мыслят в соответствии с «теоремой Томаса»: «Если ситуация определяется как реальная, то она реальна по своим последствиям»⁵. Согласно другому, мягкому (*контекстуальный конструкционизм*), конструируется проблема с учетом *социальных условий*. «Каждая социальная проблема состоит из объективного условия и субъективного определения... Социальные проблемы — это то, что люди считают социальными проблемами»⁶.

Я полагаю, что конструируются как сами социальные феномены («преступность», «наркотизм», «проституция», «терроризм», «коррупция» и др.), так и результат их осознания как проблемы («*проблематизация*» феномена). Другое дело, что конструирование происходит на основе «объективных условий». Так, в СССР были и торговля наркотиками, и их потребление («наркотизм» как конструкт), и проституция (конструкт «проституция»), и весьма развитая коррупция (конструкт «коррупция»), но по идеологическим причинам их *как бы* не было, они были якобы только в «капиталистическом обществе». Следовательно, ни проституция, ни наркотизм, ни коррупция не были *проблемами* в СССР, что усвоило общество вслед за государством и его пропагандой. Эти феномены-конструкты не были *проблематизированы*. И так — вплоть до

³ Spector M., Kitsuse J. Constructing Social Problems. Menlo Park, 1977.

⁴ Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. 2-е изд. СПб.: Интерсоцис, 2009. С. 18.

⁵ Thomas W. Das Kund in Amerika // Person und Sozialverhalten. Neuwild, 1965. S. 114.

⁶ Fuller R., Myers R. Some Aspects of a Theory of Social Problems / American Sociological Review. 1941. February. Vol. 6. P. 24–32. См. также: Tibbetts P. The Sociology of Scientific Knowledge: The Constructivism Thesis and Relativism // Philosophy of the Social Science. 1986. Vol. 16. P. 39–57.

реально-анекдотического: «У нас секса нет!». С другой стороны, теперь «Нам непрерывно навязывают многообразные конструкции российской действительности, равно как и образы врага»⁷.

Взгляд на *девиантность* и ее различные проявления как определенные *конструкты*, «изготовленные» в процессе *реагирования* общества на нежелательные виды поведения, преобладает в современной социологии девиантности и является, с нашей точки зрения, весьма продуктивным, смягчающим необоснованно жесткое противопоставление «мы» и «они». Процесс конструирования девиаций (с помощью политических решений, общественного мнения, статистики, средств массовой информации — СМИ и др.) подробно описан во многих трудах⁸. Роли СМИ в процессе конструирования девиаций посвящен раздел «Медиа и конструкция преступлений и девиантности» в сборнике статей «Социология преступности и девиантности»⁹. Более того, конструктивистский подход к социальным реалиям все чаще реализуется в иных областях социологии, например, в социологии потребления¹⁰.

Применительно к нашему предмету такое осознание было присуще еще Древнему Риму: *ex senatus consultis et plebiscitis crimina exercentur* (преступления возникают из сенатских и народных решений). Любопытное наблюдение мы встречаем у Кампанеллы. В «Городе Солнца» (1623) Томмазо Кампанеллы (1568–1639) нет частной собственности, все равны, все имеют возможность самореализации. «Поэтому, так как нельзя среди них (жителей Города Солнца. — Я.Г.) встретить ни разбоя, ни коварных убийств, ни насилий, ни кровосмешения, ни блуда, ни прочих преступлений, в которых обвиняем друг друга мы, — они преследуют у себя неблагодарность, злобу, отказ в должном уважении друг к другу, лень, уныние, гневливость, шутовство, ложь, которая для них ненавистнее чумы. И виновные лишаются в наказание либо общей трапезы,

---

⁷ Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. С. 17.

⁸ Curra J. *The Relativity of Deviance*. SAGE Publications, Inc., 2000; Goode E., Ben-Yehuda N. *Moral Panics: the Social construction of Deviance*. Blackwell Publishers, 1994; Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) *The Oxford Handbook of Criminology*. 4th Edition. Oxford University Press, 2007. P. 179–340; Petrovec D. *Violence in the Media*. Ljubljana: Mirovni Institut, 2003; Pfuhl E., Henry S. *The Deviance Process*. 3rd Edition. New York: Aldine de Gruyter, 1993.

⁹ Caffrey S., Mundy G. (Eds.) *The Sociology of Crime and Deviance: Selected Issues*. Greenwich University Press, 1995.

¹⁰ Ильин В.И. Потребление как дискурс. СПб.: СПбГУ, 2008.

либо общения с женщинами, либо других почетных преимуществ на такой срок, какой судья найдет нужным для искупления проступка»¹¹. Итак, в «переводе» на язык современной девиантологии: определенные социально-экономические условия позволяют избавиться от деяний, ныне признаваемых преступными, но тогда общество *конструирует* новый набор проступков, подлежащих наказанию; при этом меры «наказания» достаточно либеральны и не связаны ни с отнятием жизни, ни с лишением свободы. Впрочем, утопия она и есть утопия...

Преступление не является чем-то естественным по своей природе, а суть социальный конструкт, и по мнению Бенедикта Спинозы (1632–1677). «В естественном состоянии нет ничего, что было бы добром или злом по общему признанию. <...> В естественном состоянии нельзя представить себе преступления; оно возможно только в состоянии гражданском, где по общему согласию определяется, что хорошо и что дурно, и где каждый должен повиноваться государству. Таким образом, преступление есть не что иное, как неповиновение, наказываемое вследствие этого только по праву государственному; наоборот, повиновение ставится гражданину в заслугу»¹².

Однако в современной девиантологии и криминологии признание преступности и иных проявлений девиантности социальной конструкцией наступило сравнительно поздно, хотя сегодня разделится многими западными учеными¹³. Это четко формулируют германские криминологи Хесс и Шеерер¹⁴: преступность не онтологическое явление, а мыслительная конструкция, имеющая исторический и изменчивый характер. Преступность почти полностью конструируется контролирующими институтами, которые устанавливают нормы и приписывают поступкам определенные значения. Преступность — социальный и языковой конструкт.

Об этом же пишет голландский криминолог Л. Халсман: «Преступление не онтологическая реальность... Преступление не объект, но продукт криминальной политики. Криминализация есть один из многих путей конструирования социальной реальности»¹⁵.

¹¹ Кампанелла. Город Солнца. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 40.

¹² Спиноза Б. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 554.

¹³ Barkan S. Criminology: A Sociological Understanding. New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River, 1997; Caffrey S., Mundy C. (Eds.) The Sociology of Crime and Deviance. Greenwich University Press, 1995; Muncie J., McLaughlin E. (Eds.) The Problem of Crime // SAGE. 1996. P. 13.

¹⁴ Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // Kriminologische Journal. 1997. Heft 2.

¹⁵ Hulsman L. Critical Criminology and the Concept of Crime // Contemporary Crisis. 1986. № 10. P. 63–80.

«Понятие *преступность* есть ярлык, который мы применяем, определяя поведение, нарушающее закон... Ключевым является то, что преступления порождаются уголовным законом, который сочиняют люди. *Преступность* не существует в природе, это выдумка (*invented*) людей», — пишет М. Робинсон¹⁶.

Н. Кристи (Норвегия) останавливается на том, что преступность не имеет естественных природных границ. Она суть продукт культурных, социальных и ментальных процессов¹⁷. А отсюда, казалось бы, парадоксальный вывод: «Преступности не существует» (*Crime does not exist*)¹⁸.

Криминология как социология преступности — наиболее развитая отрасль (элемент) социологии девиантности (девиантологии). Поэтому не удивительно, что именно в криминологии полнее всего представлена конструктивистская парадигма.

Каковы же основные положения конструктивистских представлений о преступлении, преступности и криминологии?¹⁹

Во-первых, «преступление не онтологическая реальность», о чем говорилось выше.

Во-вторых, «криминология увековечивает миф о преступности». Думаю, все же не наука (криминология) увековечивает этот миф, а власть и общество. Хотя криминология, следуя реальности, «соучаствует» в этом.

В-третьих, «“преступность” включает много мелких проступков». Дело в том, что «преступление» — это всегда очень серьезное деяние, причиняющее значительный вред. Между тем уголовный закон криминализирует множество незначительных проступков, а их субъекты подвергаются последствиям признания их проступков «преступлением». Так, наличие ст. 130 УК РФ «Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме» превращает всех (почти всех) жителей России, включая автора этих строк, в уголовных преступников... Большинство уголовных законов в современном мире не скупится на превращение граждан в преступников. Неслучайно согласно массовым опросам населения США, от 91% до

---

¹⁶ *Robinson M.* Why Crime? An Integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2004. P. 2.

¹⁷ *Christie N.* A suitable Amount of Crime. P. 10–11.

¹⁸ *Ibidem.* P. 1.

¹⁹ См.: *Hilliard P., Pantazis Ch., Tombs S., Gordon D.* Beyond Criminology: Taking Harm Seriously. Pluto Press, Fernwood Publishing, 2004. P. 11–18.

100% респондентов подтвердили, что им приходилось в течение жизни совершать то, что уголовный закон признает преступлением (данные Уоллестайна и Уайля, Маргина и Фицпатрика, Портфельда, и др.).

В-четвертых, «“преступность” исключает (не включает. — Я.Г.) многие серьезные деяния, причиняющие тяжелый вред». В качестве примера авторы приводят многочисленные корпоративные преступления, домашнее насилие, преступления полиции и т. п., которые оказываются *de jure* или *de facto* вне уголовной ответственности. Отечественный пример: в уголовном законе современной России, милиция которой славится массовым применением пыток²⁰, отсутствует «применение пыток» в качестве самостоятельного состава преступления. Стыдливо спрятанные в ч. 2 ст. 302 УК, пытки предполагают ответственность, если они применены для «принуждения к даче показаний». А во всех остальных бесчисленных случаях их применения — из мести, по пьянке, в качестве «наказания», по садистским мотивам?

В-пятых, «сконструированность “преступлений”». Отсутствие четких (онтологических!) критериев того, что же по своему содержанию является «преступлением», приводит к тому, что оно оказывается всего-навсего «конструктом», более или менее искусственным. Канадский криминолог John Hagan рассматривает преступления и девиации как «континуум (протяженность) вариаций» (*«continuosus variable»*). Он, на основании опроса, попытался проранжировать (от 0 до 100) степень воспринимаемой населением опасности, тяжести различных видов «отклонений» и получил шкалу от «прогулов 16-летних школьников» (0,2 балла) и «бродяжничества» (0,3 балла) до «изнасилования» (52,8 балла) и «закладывания бомбы в общественное здание, в результате взрыва которой погибло 20 человек» (72,1 балла)²¹. Сколько баллов «необходимо и достаточно», чтобы признать отклонение преступлением?..

---

²⁰ Насилие в органах внутренних дел: иллюстрации к докладу. М.: Общественный Центр содействия судебной реформе. 1997; Пытки в России: Хроника 1988–1998 гг. // К праву. Информационный бюллетень. 1998. Вып. 5; Пытки в России: «Этот ад, придуманный людьми». Международная амнистия, апрель 1997; Российский «Абу-Грейб». Предварительный доклад о кризисе в системе ГУИН (весна 2004 года). М., 2004; Российский «Абу-Грейб-2» (Кровавые дни и ночи Льгова). Доклад Общероссийского общественного движения «За права человека» о состоянии содержания заключенных в России в 2004–2005 г. М., 2005; Социология насилия. Произвол правоохранительных органов глазами граждан. Нижний Новгород, 2007.

²¹ Hagan J. Modern Criminology: Crime, Criminal Behavior and Its Control. New York: McGraw Hill, 1985.

В-шестых, «криминализация и наказание причиняют боль». Это известное положение Нильса Кристи о том, что уголовное правосудие есть процесс причинения боли, и пользоваться этим допустимо лишь в крайних случаях²².

В-седьмых, ««контроль над преступностью» не эффективен». Социальная практика XX века с двумя мировыми войнами, «холодной войной», сотнями локальных войн, гитлеровскими и ленинско-сталинскими концлагерями, холокостом, геноцидом, правым и левым экстремизмом, терроризмом, фундаментализмом и т. д., и т. п. — разрушила все иллюзии и мифы относительно «порядка» и возможностей социального контроля (кто-то из современников заметил: человеческая история разделилась на «до» Освенцима и «после»). Постмодернизм в социологии конца XX в., начиная с Ж.Ф. Лиотара и М. Фуко, приходит к отрицанию возможностей социального контроля над девиантными проявлениями. «Победа порядка над хаосом никогда не бывает полной или окончательной... Попытки сконструировать искусственный порядок в соответствии с идеальной целью обречены на провал»²³. Со второй половины XX в. пришло понимание неэффективности традиционных средств и методов противодействия преступности, «кризиса наказания»²⁴. И, наконец, известное положение Н. Лумана: «Следует отказаться от надежд, связанных с иллюзией контроля».

В-восьмых, «легитимизация “преступности” ведет к экспансии контроля над преступностью». Смысл этого тезиса состоит в том, что все большая *криминализация* различных деяний (признание их преступными) и нагнетаемый популистскими политиками и СМИ «страх перед преступностью» и последующая «моральная паника»²⁵ приводят ко все большей *репрессивности* полиции и уголовной юстиции, расширению их деятельности, нередко за счет ограничения прав человека, ко все большему вовлечению людей в жернова уголовной юстиции, к росту тюремного населения, к «призонизации» поведения и сознания масс населения²⁶.

²² Кристи Н. Пределы наказания. М.: Прогресс, 1985.

²³ Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 192, 193.

²⁴ Mathisen T. The Politics of Abolition. Essays in Political action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. Oslo; London, 1974; Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. 3rd Edition. Apocalypse Publishing, Co, 1990; Hendrics J., Byers B. Crisis Intervention in Criminal Justice. Charles C. Thomas Publishing, 1996; Rotwax H. Guilty. The Collapse of Criminal Justice. New York: Random House, 1996; и др.

²⁵ Cohen S. Folk Devils and Moral Panics. St. Albans: Paladin, 1973.

²⁶ Подробнее см.: Гилинский Я. Наказание в системе социального контроля над преступностью. В: Уголовная политика и уголовное законодательство: проблемы теории и практики. СПб.: ЛГУ, 2008.

Наконец, в-девятых, «“преступность” служит поддержанию (сохранению) властных отношений». Так, уголовное право ведет к сохранению коллективной безответственности в коридорах власти при пренебрежении к индивидуальным поступкам и поведению «улицы». Это увековечивает такие структурные детерминанты нежелательного поведения, как бедность, социальная депривация (неравенство доступа к социальным благам; психологический дискомфорт, вызванный пониманием этого), огромное неравенство между богатыми и бедными, «включенными» («*included*») и «исключенными» («*excluded*») из активной экономической, политической, социальной, культурной жизни. При этом растет заинтересованность «индустрии контроля над преступностью» в криминализации деяний. Политики используют «преступность» в целях мобилизации электората для поддержки своих партий. В целом «преступность» способствует сохранению властных отношений. Криминализация все новых и новых деяний воспроизводит в массовых масштабах «козлов отпущения», столь удобных объектов реализации известной парадигмы власти — «Разделяй и властвуй». Разумеется, это относится не только к криминализации, но и ко всем видам конструирования «врагов» — наркоманов, гомосексуалистов, «лиц кавказской национальности», «понаехавших тут», бомжей и несть им числа (вспомним «безродных космополитов», «убийц в белых халатах» и просто — «врагов народа»).

Постмодернизм в криминологии не без основания рассматривает преступность как *порождение власти в целях ограничения иных, не принадлежащих власти, индивидов в их стремлении преодолеть социальное неравенство, вести себя иначе, чем предписывает власть.*

Подробно обосновывается понимание преступности и преступления как социальных конструктов, а также рассматривается процесс такого конструирования в последнем издании Оксфордского пособия (руководства) по криминологии²⁷. *The Oxford Handbook of Criminology* включает четыре главы раздела «Социальное конструирование преступности и социального контроля»:

1. *Правовое* конструирование преступности.
2. *Политики* права и порядка (группы интересов, группы давления и т. п.).
3. Сведения о преступности и *статистика*.

---

²⁷ Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) *The Oxford Handbook of Criminology*. 4th edition. Oxford University Press, 2007. P. 179–337. См. также: *Young J.* *The Vertigo of Late Modernity*. SAGE Publications, 2007.

4. Media-made criminality («медиа-делание преступности»).

Это в целом отражает этапы проблематизации и легализации конструкта «преступность».

Основные *субъекты* конструирования и проблематизации девиантности — власть (режим), «общество» (партии, общественные движения и организации и др.), СМИ.

Можно выделить несколько *этапов* в процессе конструирования девиантных проявлений: наличие множества однородных фактов; осознание их как проблемы («проблематизация»); легитимация проблемы (включая криминализацию и «деликтивизацию»); социальная реакция на феномен-проблему (социальный контроль); последствия (результаты). Определенные стадии конструирования выделяют Г. Блумер, Спектор и Китсьюз.

Как происходит конструирование одной из современных (начиная с середины 80-х гг. XX в.) разновидностей преступности — «преступлений ненависти» («*Hate crimes*»), т. е. преступных посягательств против «ненавистных» меньшинств (афро-, испано-, арабо- и азиатскоамериканцев, евреев, геев и лесбиянок и т. п.), показано в книге американских криминологов²⁸. В этом конструировании («“Hate crime” is a social construct») принимают участие СМИ и политики, ученые и ФБР. Роль политического режима в конструировании преступности и иных социальных девиаций обозначена мною в одной из работ²⁹. А участие СМИ в конструировании преступности и иных девиантных проявлений рассмотрена в монографии И.Г. Ясавеева³⁰. Процесс конструирования «коррупции» прослежен в диссертационном исследовании И. Кузнецова³¹.

Очень важно видеть и понимать *последствия* конструирования *нечто* как негативной девиации и — соответственно — социальной проблемы. Помимо названных выше (по P. Hilliard, Ch. Pantazis, S. Tombs, D. Gordon), следует назвать конкуренцию между социальными

---

²⁸ Jacobs J., Potter K. Hate Crimes: Criminal Law & Identity Politics. Oxford University Press, 1998.

²⁹ Гиллинский Я.И. Девиантность, социальный контроль и политический режим // Политический режим и преступность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 39–65.

³⁰ Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004.

³¹ Кузнецов И.Е. Коррупция в системе государственного управления: социологическое исследование. Дисс. ... канд. соц. наук. СПб., 2000.

ми проблемами (наркотизм — пьянство, «беловоротничковая преступность» — «организованная преступность»). Это нашло отражение в концепции «публичных арен» Хилгартнера, Боска (1988): конкуренция между различными определениями реальности обусловлена конфликтом стилей жизни (Бергер, Лукман), сфер компетенции (Фуко, Бурдьё). Ибо различные определения реальности представляют практическую опасность для институционального порядка, который легитимизирован при помощи определенной системы представлений о «правильном» социальном устройстве.

Конкуренцию проблем успешно использует власть в своих интересах. Так, в современной России государственные структуры, а вслед за ними послушные СМИ неустанно пугают население страшилками о наркотиках и наркоманах как «угрозе национальной безопасности». Для защиты этого лозунга уголовной ответственностью «за пропаганду наркопотребления» грозят всем, кто придерживается иной точки зрения. А о массовой алкоголизации населения предпочитают помалкивать. Между тем, именно повальная алкоголизация таит угрозу обществу: его генофонду, производительности труда, безопасности граждан (свыше 60–70% убийств, причинения тяжкого вреда здоровью, изнасилований совершается в состоянии алкогольного опьянения и 0,4–0,6% — в состоянии наркотического опьянения...).

Теоретико-эмпирические исследования, демонстрирующие и обосновывающие различия между идеологически проповедуемыми и реальными «опасностями», представлены в ряде отечественных диссертационных исследований³².

С моей точки зрения, *вся жизнь человека есть не что иное, как онтологически нерасчлененная деятельность по удовлетворению своих потребностей*. Я устал и выпиваю бокал вина или рюмку коньяка, или выкуриваю «Marlboro», или выпиваю чашку кофе, или нюхаю кокаин, или выкуриваю сигарету с марихуаной... Для меня все это лишь средства снять усталость, взбодриться. И почему первые четыре способа социально допустимы, а два последних «девиантны», а то и преступны, наказуемы — есть результат социальной *конструкции*, договоренности

³² *Мацкевич М.Г.* Наркотизм как предмет социологического исследования. Дисс... канд. социологич. наук, СПб., 2006; *Мейлахс П.А.* Социальная рефлексия наркотической ситуации в Санкт-Петербурге. Дисс. ... канд. социологич. наук, СПб., 2007; *Теплоухова О.В.* Экспертные суждения о риске потребления алкоголя, табака и наркотиков в контексте трансформации общества. Дисс. ... канд. социологич. наук, Владивосток, 2005.

законодателей «здесь и сейчас» (ибо бокал вина запрещен в мусульманских странах, марихуана разрешена в Голландии, курение табака было запрещено в Испании во времена Колумба под страхом смерти и т. д.). Иначе говоря, жизнедеятельность человека — пламя, огонь, некоторые языки которого признаются — обоснованно или не очень — опасными для других, а потому «тушатся» обществом (в случае морального осуждения) или государством (при нарушении правовых запретов).

Сказанное не означает, что социальное конструирование вообще, девиантности в частности, совершенно произвольно³³. Общество «конструирует» свои элементы на основе некоторых бытийных реалий. Так, реальностью является то, что некоторые виды человеческой жизнедеятельности причиняют определенный вред, наносят ущерб, а потому негативно воспринимаются и оцениваются другими людьми, обществом. Но реально и другое: некоторые виды криминализированных (признаваемых преступными в силу уголовного закона) деяний не причиняют вреда другим, а потому криминализированы без достаточных онтологических оснований. Это, в частности, так называемые «преступления без жертв», к числу которых автор этого термина Э. Шур относит потребление наркотиков, добровольный гомосексуализм, занятие проституцией, производство врачом аборта³⁴.

Итак, сторонники понимания девиантности как «реагирующей конструкции» исходят из того, что общество и государство, считая необходимым *реагировать* на те или иные социально значимые поведенческие формы, *конструируют* вид очередного «козла отпущения» — «мафия», «наркотизм», «гомосексуализм», «коррупция», «терроризм» и т. п.

Конечно, за этими «этикетками» скрываются некие объективные реалии, формы человеческой жизнедеятельности и их носители, субъекты действий. Но общественная или государственная оценка этих проявлений девиантности, само отнесение определенных форм деятельности к *девиантным* — результат сознательной работы властных, идеологических институтов, формирующих общественное сознание.

Рассмотрим кратко, лишь в качестве иллюстрации, некоторые вопросы конструирования отдельных видов девиантности.

³³ См., например: Оукс Г. Прямой разговор об эксцентричной теории // Теория общества: Фундаментальные проблемы. М.: Канон-Пресс-Центр, 1999. С. 292–306.

³⁴ Schur E. Crimes Without Victims. Englewood Cliffs, 1965.

Организованная преступность

Ст. 35 п. 4 УК РФ дает уголовно-правовое (и, с моей точки зрения, крайне неудачное) определение преступного сообщества (преступной организации), что совершенно недостаточно для понимания *организованной преступности* как сложного социального феномена. Насколько понятие «организованная преступность» — социальный *конструкт* и как долго не было достигнуто согласие по его поводу, свидетельствуют хотя бы следующие факты.

1) В мировой криминологической литературе есть три различных модели организованной преступности: этническая или локальная; иерархическая; организованная преступность как предпринимательство, бизнес.

2) Многие российские криминологи до конца 80-х — начала 90-х годов не признавали наличие организованной преступности в стране.

3) Профессор В. Юстицкий вообще отрицает научную обоснованность этого понятия: «В современных условиях, когда деятельность любой публичной или частной институции неизбежно связана с нарушениями уголовного закона, понятие “организованная преступность” оказывается синонимом понятий “общество”, “государство”, “социальная действительность”, “социальное явление”». И как вывод: «Понятие “организованная преступность” выполняет социальную функцию “персонификации общественного зла”». Следует отказаться от понятия «организованная преступность» как криминологического и уголовно-правового, признав его бытовым понятием³⁵. В целом с проф. Юстицким можно согласиться. Только традиция заставляет нас не отказываться от этого термина³⁶.

А разновидность преступной организации — мафия — давно стала ее синонимом, расхожим термином, применяемым преимущественно в быту.

Коррупция

Во всем мире отсутствует обоснованное и единообразно понимаемое понятие «коррупция». Имеется множество эмпирически известных ее проявлений (от взяточничества до российского блата). Различные ав-

³⁵ Юстицкий В. Организованная преступность — смена парадигм // Преступность и криминология на рубеже веков / Ред. Я. Гилинский. СПб., 1999. С. 46, 47.

³⁶ Подробнее см.: Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. С. 236–249.

торы по-разному понимают «коррупционные преступления»: понятно, что к ним относится получение взятки (ст. 290 УК РФ). А дача взятки (ст. 291 УК)? А злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК)? А превышение должностных полномочий (ст. 286 УК)? А присвоение полномочий должностного лица (ст. 288 УК)? А служебный подлог (ст. 292 УК)? Всегда ли эти деяния — проявление (или способы) коррупции? А сколько проявлений коррупции не криминализировано? Каких и почему?

Я уже не говорю о легальной коррупции — «кормлении».

Наркотизм

Наркотизм как социальное явление, выражающееся в потреблении некоторой частью населения наркотических и токсических средств и соответствующих последствиях, — классический пример *искусственного* социального конструкта. Алкоголь по своему воздействию на центральную нервную систему тоже наркотик. Почему его потребление не входит в объем «наркотизма»? Различие чисто юридическое: потребление алкоголя легально (не всегда и не везде, вспомним мусульманские страны), а наркотиков — нелегально (не всегда и не везде, напомним о современных Нидерландах).

Производные каннабиса, кокаин, галлюциногены не дают физической зависимости в отличие от алкоголя³⁷. Почему алкоголь легализован, а перечисленные наркотические средства запрещены?

Какие средства признаются наркотическим? Ведь их список меняется от страны к стране, от одного времени к другому. Сегодня потребление наркотиков в России популистскими политиками и СМИ признается едва ли не «угрозой национальной безопасности». А до мая 1928 г.в стране не было запрета на оборот *наркотиков*. Фактически существовало индифферентное отношение к наркопотреблению и наркотизму как социальному явлению. Лишь в 1934 г.устанавливается уголовная ответственность за посевы опийного мака и индийской конопли.

Еще и еще раз: власть, режим решает, что и когда объявить «незаконным», а популистские политики, некоторые общественные и религиозные организации, СМИ внедряют в сознание населения «что такое хорошо, и что такое плохо». Или — создают «козлов отпущения», на которых так удобно списывать просчеты и неудачи собственной

³⁷ *Santino U., La Fiura G. Behind Drugs. Edizioni Gruppo Abele, 1993. P. 36.*

социальной политики (о преступниках как «козлах отпущения» см. подробнее книгу А.М. Яковлева «Теория криминологии и социальная практика»³⁸).

Терроризм

И страшный терроризм — тоже социальный конструкт. Можно соглашаться или нет с определением терроризма в ст. 205 УК РФ, но сущность этого явления остается за рамками уголовного закона. На сложность и субъективизм определения терроризма обратил внимание еще W. Laqueur: «Один — террорист, другой — борец за свободу»³⁹. Че Гевара — террорист или борец за свободу? Чеченские боевики — террористы или борцы за свободу (*свою* свободу)? Сказанное не преследует цель «оправдания» терроризма и террористов, от чьих рук гибнет множество ни в чем не повинных людей. Но задуматься о сущности *терроризма*, о том, что он, как правило, является ответом на государственный *террор*, — не лишне. Я уже не говорю о том, как конструкт «терроризм» помогает властям решить свои задачи по ограничению демократических свобод.

Гомосексуализм

Хотя гомосексуальное поведение лишь разновидность сексуального поведения и, — не сопряженное с насилием, — не является преступлением, однако советское государство умудрилось долгие годы преследовать добровольный мужской гомосексуализм (мужеложство) как преступление.

После октября 1917 г. новая российская власть, для утверждения которой немало сделала демократическая, революционно настроенная студенческая молодежь и интеллигенция, пыталась какое-то время сохранить имидж прогрессивности, либерализма, демократичности. В декабре 1917 г. была отменена уголовная ответственность за гомосексуальную связь, не предусматривалась уголовная ответственность за гомосексуализм и в Уголовных кодексах 1922 и 1926 гг. В первом издании Большой Советской Энциклопедии (БСЭ) 1930 г. говорилось: «Понимая

---

³⁸ Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. М.: Наука, 1985. С. 17–29 и др.

³⁹ Laqueur W. Terrorism. London: Weidenfeld and Nicolson, 1977. P. 79.

неправильность развития гомосексуалиста, общество не возлагает и не может возлагать вину... на носителей этих особенностей... Наше общество... создает все необходимые условия к тому, чтобы жизненные столкновения гомосексуалистов были возможно безболезненнее»⁴⁰.

С постепенным утверждением в стране тоталитарного режима принципиально меняется отношение ко всем «пережиткам капитализма», «чуждым советскому народу». Резко меняется отношение и к гомосексуализму. В 1934 г. вводится уголовная ответственность за мужской гомосексуализм (с наказанием в виде лишения свободы на срок от 3 до 8 лет). В 1936 г. народный комиссар юстиции РСФСР Н. Крыленко сравнил гомосексуалистов с фашистами и иными врагами большевистского строя (надо ли напоминать, что в гитлеровской фашистской Германии гомосексуалистов уничтожали физически). Во втором издании БСЭ мы можем прочесть: «В советском обществе с его здоровой нравственностью гомосексуализм как половое извращение считается позорным и преступным... В буржуазных странах, где гомосексуализм представляет собой выражение морального разложения правящих классов, гомосексуализм фактически ненаказуем»⁴¹.

В современных цивилизованных странах преступен не гомосексуализм, а гомофобия — преследование гомосексуалистов по мотивам ненависти или вражды к представителям «нетрадиционной ориентации», наряду с другими преступлениями ненависти. У нас же гомофобия не наказуема, что позволяет властям Москвы, Санкт-Петербурга и других городов запрещать какие бы то ни было протестные действия гомосексуалистов, выступающих за равноправие и против дискриминации.

Порнография

Ст. 242 и 242.1 УК РФ предусматривают уголовную ответственность за различного рода действия, связанные с распространением порнографических материалов, предметов, изображений. При этом ни в России, ни где-либо в мире нет признанного определения понятия «порнография» и ее критериев⁴². Такого общепринятого определения

⁴⁰ Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. М., 1930. Т. 17. С. 594–598.

⁴¹ Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. М., 1952. Т. 12. С. 35.

⁴² Вот одно из определений, предлагаемое Википедией: «Порнография (с греч. *πόρνος* — разврат и *γράφω* — пишу, рисую, описываю) — непосредственное, вульгарно-натуралистическое изображение или словесное описание половых органов и полового акта (коитуса), имеющее целью сексуальное возбуждение».

и быть не может, поскольку каждое время, каждое сообщество, каждая конфессия имеет свои представления о дозволенном и недозволенном в сексуальных отношениях и их изображении. Иначе говоря, предусмотрена уголовная ответственность за то, неизвестно что...

Однако репрессивная политика властей (прежде всего Государственной Думы), подогреваемая и раздуваемая популистскими политиками и СМИ, привела к тому, что население страны готово поддерживать любые действия «против порнографии», включая запрет и уничтожение выставок произведений живописи, литературных произведений, кинопродукции.

Проституция

И это, казалось бы, такое «очевидное» явление — социальный конструкт. Так, называют «храмовую проституцию», которая вовсе не была проституцией, поскольку не преследовала цели наживы, а была религиозным ритуалом. И когда бабушки на лавочке говорят «проститутка» о девушке, у которой меняются кавалеры, они, вероятнее всего, не правы, поскольку речь, скорее всего, идет об отношениях, основанных на чувстве, а не деньгах. С другой стороны, никто не назовет «проституткой» даму, женившую на себе богатого старца. Я уже не говорю о проститутирующих политиках, журналистах, да и ученых.

И отношение к проституции в сфере сексуальных отношений различно в разных обществах и в разное время. Так, в 20-е годы в советской России вполне терпимо воспринимали *проституцию*. Меры социального контроля сводились в основном к попыткам реабилитации женщин, вовлекаемых в сексуальную коммерцию, путем привлечения их к труду и повышения образовательного и профессионального уровня. А вот в 30-е годы сворачивается система социальной реабилитации женщин, занимавшихся проституцией, на смену приходит репрессивная политика по отношению к ним. С другой стороны, поскольку проституции в советском обществе якобы нет, появился эвфемизм «женщины, ведущие аморальный образ жизни»⁴³. И никакой проституции!

В правоприменительной деятельности возникают вопросы: что такое — *непосредственное*? Что есть *вульгарно-натуралистическое*? А если цель не сексуальное возбуждение? А если эта цель не достигается? А если в результате «вульгарно-натуралистического» изображения наступает *отвращение*, а не возбуждение?

⁴³ См., например: Горяинов К.К., Коровин А.А., Побегайло Э.Ф. Борьба с антиобщественным поведением женщин, ведущих аморальный образ жизни. М., 1976.

Наконец, еще один сюжет, связанный с проблемой конструирования девиантности в том или ином обществе. Релятивность, конвенциональность, историческая изменчивость, массовость, статистическая устойчивость — все эти свойства преступности и других видов девиантности заставляют думать о них как о культурном феномене, как об элементе культуры.

Имеется множество определений культуры. Нам представляется наиболее общим и отвечающим своему предмету понимание культуры как способа человеческого существования, способа человеческой деятельности⁴⁴. Культура включает также объективированные результаты этой деятельности. Культура служит наиболее общим внебиологическим механизмом накопления (аккумуляции), хранения и передачи (трансляции) информации, выполняя тем самым функцию социального наследования.

Для нашей темы важно, что при таком — не аксиологическом — понимании культура включает не только «позитивные», одобряемые способы деятельности, но и «негативные», порицаемые, не только «образцы культуры» со знаком «+», но и со знаком «-». В культуру входят способы технического, научного, художественного творчества, но и способы взлома квартиры (с помощью «фомки» или «слоника» или путем отжима ригеля), нормы христианской морали, но и нормы воровской культуры (субкультуры), не только лучшие образцы мирового зодчества, но и надписи на заборах...

Каждое общество имеет ту преступность (виды преступлений, их качественное своеобразие), те разновидности девиантности, которые соответствуют культуре данного общества, являются ее элементом. В современных странах Западной Европы вряд ли кто из психически нормальных людей воспользуется таким способом убийства, как колдовство, или таким способом причинения вреда здоровью, как «сглаз». Компьютерные преступления возможны только в обществах соответствующей «информационной» культуры. В российскую культуру традиционно интегрирована культура «блатная», тюремная (начиная от знаменитых «Гоп-со-смыком» и «Мурки» и кончая творчеством С. Есенина, В. Высоцкого, А. Галича и др.). Культура «подсказывает» образцы поведения, образцы разрешения конфликтов, жизненных коллизий (перестать встречаться, «выяснить отношения», вызвать на дуэль, по-

---

⁴⁴ Маркарян Э.С. 1) Очерки теории культуры. Ереван: АН Армянской ССР, 1969. С. 66; 2) Теория культуры и современная наука: (логико-методологический анализ). М., 1983.

кончить жизнь самоубийством, запить, украсть, поменять место работы и др.). Культурно обусловлены не только характер и способы совершения преступлений, но и применяемые обществом меры социального контроля, включая наказание.

Конечно, конструктивизм в девиантологии — не единственно возможный концептуальный подход. Очевидно, принципиально невозможна разработка «единственно правильной» теории. Вообще я сторонник мультипарадигмальности в науке. Но конструктивизм эвристичен, позволяет по-новому оценивать те или иные девиантные проявления, а также стратегию и тактику социального контроля над ними.

М.М. Русакова,
maia@ngostellit.ru

ВЛИЯНИЕ ПЕРЕНЕСЕННОГО В ДЕТСТВЕ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ НА ВОВЛЕЧЕНИЕ ЖЕНЩИН В ПРОСТИТУЦИЮ

Аннотация: Статья посвящена проблеме взаимосвязи сексуального насилия, перенесенного в детстве, и последующего вовлечения женщин в проституцию. Представлен обзор современных научных публикаций по данной теме, а также результаты авторского эмпирического исследования среди женщин, вовлеченных в проституцию, в двух российских городах. Сравнивается распространенность насилия в детстве в группах проституток и «обычной» молодежи.

Ключевые слова: проституция, сексуальное насилие, вовлечение, фактор.

Проституция как один из видов девиантного поведения изучалась на протяжении нескольких веков представителями различных наук. Большой вклад в попытку объяснения данного феномена внесли врачи, юристы, психологи, историки, криминологи и социологи.

С точки зрения представителей современной российской социологии, проституция является одним из видов девиантного поведения и определяется как «вступление за плату в случайные внебрачные сексуальные отношения, не основанные на личной симпатии, влечении»¹ или как «оказание сексуальных услуг за вознаграждение»². Близкое по содержанию определение дают А.В. Меренков и М.Н. Никитина³:

---

¹ Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / Под ред. Я.И. Гилинского. СПб.: Алетейя, 2000. С. 59.

² Дьяченко А.П., Синельникова Н.А., Шлык С.В. Эксплуатация проституции в России. М., 1999. С. 5.

³ Меренков А.В., Никитина М.Н. Социальный портрет современной проститутки // Социологические исследования. 2000. № 5. С. 47.

«Проституция выступает как особая форма отношений между субъектом сексуальных потребностей и тем, кто может её удовлетворить за соответствующую плату». Согласно С.И. Голоду, проституция — это «форма внебрачных сексуальных отношений, которые не основываются на личной склонности или чувстве влечения»⁴, при этом, хотя для одной из сторон важным стимулом является заработок, определяющим фактором является именно мера духовно-эмоциональной вовлечённости в сексуальные отношения.

На современном этапе развития общественных наук при обсуждении данной тематики, помимо термина «проституция», все чаще используется термин «сексуальный бизнес», т. е. продажа сексуальных услуг, под которыми подразумевается не только участие в половом акте, но и сексуально окрашенное общение, мастурбация, выставление интимных частей тела напоказ и т. п. за плату⁵. При этом для обозначения лиц, вовлеченных в проституцию, используют менее морально окрашенный термин «сексуальные работники» / «сексуальные работницы».

Один из центральных вопросов дискуссии вокруг феномена — причины вовлечения в проституцию и факторы, способствующие этому. Активно изучались экономические, социальные, психологические факторы. В течение последних 50 лет, в частности, активно обсуждается роль перенесенного в детстве насилия на вовлечение женщин в проституцию.

Многочисленные исследования показали, что психические травмы детства оказывают влияние на всю последующую жизнь человека, формирование его характера, психическое и физическое здоровье. С начала 1960-х годов внимание исследователей все больше привлекает феномен жестокого обращения и внутрисемейного насилия по отношению к детям. В конце 1970-х годов на основе клинических характеристик был выделен так называемый «синдром избиваемого ребенка»⁶. Важным этапом эмпирического изучения насилия по отношению к детям стало первое американское национальное исследование проблемы⁷. Одним

---

⁴ Голод С.И. Социально-психологические проблемы проституции (Выступление на Всесоюзном семинаре «Задачи и пути совершенствования антиалкогольной и антинаркотической пропаганды» 20 ноября 1987 года). № 8 (38). М.: Знание, 1989. С. 4.

⁵ Jeffrey S. The Idea of Prostitution. North Melbourne: Sphinx Press, 1997. P. 10.

⁶ Kempe C.H., Helfer R.E. Child Abuse and Neglect: The Family and the Community. Cambridge, MA: Ballinger, 1976.

⁷ Gil D. Violence against children: Physical Child Abuse in the United States. Cambridge: Harvard University Press, 1973.

из наиболее значимых выводов исследования было то, что насилие по отношению к детям не является редким или необычным в американском обществе и не запрещается культурными нормами.

В настоящее время выделяют следующие основные формы жестокого обращения с детьми: эмоциональное отвержение, депривацию, физическую жестокость, сексуальное злоупотребление и небрежное отношение. Наиболее скрытым типом жестокого обращения с детьми является сексуальное насилие, которое нередко приводит к возникновению специфических расстройств.

Сексуальное насилие над детьми (СНД / Childhood Sexual Abuse / CSA) определяется как «вовлечение функционально незрелых детей и подростков в сексуальные действия, которые они совершают, полностью их не понимая, на которые они не способны дать согласие или которые нарушают социальные табу семейных ролей»⁸.

Вопрос взаимосвязи между СНД и вовлечением в проституцию впервые был поднят в конце XIX — начале XX века. Следует отметить, что отношение к детям, а также к ранним бракам и сексуальным посягательствам, существенно менялось на протяжении последнего столетия. В настоящий момент, согласно Международной Конвенции о правах ребенка, ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее.

Вопросам распространенности и влияния сексуального насилия в детском возрасте на жизнь вовлеченных в проституцию женщин посвящено значительное число исследований⁹. В этих работах было вы-

---

⁸ *Kempe C.H., Helfer R.E.* Child Abuse and Neglect: The Family and the Community. P. 34.

⁹ *Giobbe E.* Confronting Liberal Lies About Prostitution // *The Sexual Liberals and the Attack on Feminism*. 1990. P. 78; *Dalla R.L.* Exposing the “pretty woman” myth: A qualitative examination of the lives of female streetwalking prostitutes // *The Journal of Sex Research*. 2000. № 37 (4). P. 344–353; *Farley M., Barkan H.* Prostitution, violence and posttraumatic stress disorder // *Women & Health*. № 27 (3). 1998. P. 37–49; *Farley M., Kelly V.* Prostitution: A critical review of the medical and social sciences literature // *Women and Criminal Justice*. 2000. № 11 (4). P. 29–64; *Faugier J., Cranfield S.* Making the Connection: health care needs of drug using prostitutes // *Department of Nursing: University of Manchester*. 1994; *Nadon S.M., Koverola C., Schludermann E.H.* Antecedents of prostitution: Childhood victimization // *Journal of Interpersonal Violence*. 1998. № 13 (2). P. 206–221; *Silbert M.H., Pines A.M.* Entrance into prostitution // *Youth and Society*. 1982. № 13 (4). P. 471–500; *Valera R.J., Sawyer R.G., Schiraldi G.R.* Violence and posttraumatic stress disorder in a sample of inner city street prostitutes // *American Journal of health Studies*. 2000.

явлено следующее: (а) широкая распространенность СНД среди женского населения, часто со стороны нескольких злоумышленников; (б) более частые случаи СНД у женщин, вовлеченных в проституцию, чем в популяции женщин; и (в) неубедительность предложенных выводов о взаимосвязи между СНД и вовлеченностью в проституцию. Также исследования убедительно показывают, что заметная часть, если не большинство проституток (от 44 до 90%) подвергались СНД, часто со стороны нескольких преступников.

Наиболее точные оценки распространенности сексуального насилия в отношении женщин в целом среди населения Соединенных Штатов получены в ходе Национального Опроса по сопутствующим заболеваниям (NCS). Согласно им, 12,2% женщин подвергались в течение жизни сексуальным домогательствам, а 9,2% стали жертвами изнасилования. И, хотя эти исследования не являются абсолютно эквивалентными измерениями, на основании которых можно было бы сравнивать положение женщин, вовлеченных в проституцию, с положением женщин в среднем по населению, они, тем не менее, подтверждают, что первые значительно чаще подвергаются сексуальному насилию в детстве, чем вторые.

Два исследования свидетельствуют о том, что СНД может являться причиной последующего вовлечения в занятия проституцией. Исследование контингента подвергавшихся насилию или брошенных детей в сравнении с контрольной группой с учетом возраста, расы, пола и социальной принадлежности показало, что «только большая вероятность

---

16 (3). 149–155; *Farley M., Baral I., Kiremire M., Sezgin U.* Prostitution in Five Countries: Violence and Posttraumatic Stress Disorder // *Feminism & Psychology*. 1998. № 8 (4). P. 415–426; *Mallory C.M.* Women on the outside: The threat of HIV and marginalized women // *Dissertation Abstracts International: The Science and Engineering*. 1999. № 59. P. 4729B; *McClanahan S.F., McClelland G.M., Abram K.M., Teplin L.A.* Pathways into prostitution among female jail detainees and their implications for mental health service // *Psychiatric Services*. 1999. № 50. P. 1606–1613; *Molitor F., Ruiz J.D., Klausner J.D., McFarland W.* History of forced sex in association with drug use and sexual HIV risk behaviors, infection with STDs, and diagnostic medical care: Results from the Young Women Survey // *Journal of Interpersonal Violence*. 2000. № 15. P. 262–278; *Potter K., Martin J., Romans S.* Early developmental experiences of female sex workers: A comparative study // *Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*. 1999. № 33. P. 935–940; *Sanders T.* Female street workers, sexual violence, and protection strategies // *Journal of Sexual Aggression*. 2001. № 7. P. 5–18; *Schissel B., Fedec K.* The selling of innocence: The Gestalt of danger in the lives of youth prostitutes // *Canadian Journal of Criminology*. 1999. № 41. P. 33–56; *Simmons R.V.* Child sexual trauma and female prostitution // *Dissertation Abstracts International*. 2000. № 61 (2). P. 1096B.

заниматься проституцией отличает группу людей, брошенных или подвергавшихся насилию в детстве, от представителей контрольной группы, не имеющих зарегистрированных случаев насилия»¹⁰. Корреляция между опытом СНД и началом занятия проституцией показана в исследовании, в котором приняли участие 40 взрослых женщин, покинувших свой дом, и 95 бездомных женщин: о вовлеченности в проституцию сообщили, соответственно, 10% и 11% обследованных¹¹.

Одним из открытых вопросов является следующий: что приводит человека, пережившего СНД, к проституции? В ответ обычно приводится три различных, но не обязательно взаимоисключающих соображения.

Согласно первому и наиболее распространенному из них, СНД вынуждает некоторых девушек убежать из дома, что делает их восприимчивыми к экономическим факторам. Согласно второй точке зрения, степень жестокости СНД рассматривается в качестве фактора, определяющего склонность жертв СНД к началу занятия проституцией. И, наконец, последняя точка зрения предполагает, что промискуитет является промежуточным звеном между СНД и вовлечением в проституцию. Рассмотрим аргументы в пользу каждого из этих подходов.

Некоторые исследователи считают, что вовсе не СНД само по себе подталкивает женщин заниматься проституцией, но поведенческая реакция на домашнее насилие, заставляющая убежать из дома, делает девушку восприимчивой к финансовым причинам проституции. В частности, сообщается, что хотя СНД и является важной предпосылкой для вовлечения в проституцию, именно побег из дома является промежуточным звеном между детской сексуальной виктимизацией и началом занятия проституцией¹². В другом исследовании также отмечается, что хотя и существует корреляция между случаями СНД и последующей вовлеченностью в проституцию, СНД лишь косвенно увеличивает шансы женщины начать заниматься проституцией, так как такое насилие повышает для нее вероятность убежать из дома¹³. Такие данные

---

¹⁰ *Widom C.S., Kuhns J.B.* Childhood victimization and subsequent risk for promiscuity, prostitution, and teenage pregnancy: A prospective study // *American Journal of Public Health.* № 86 (11). 1996. P. 1607–1612.

¹¹ *Simons R.L., Whitbeck L.B.* Sexual abuse as a precursor to prostitution and victimization among adolescent and adult homeless women // *Journal of Family Issues.* 1991. № 12 (3). P. 361–379.

¹² *Widom C.S., Kuhns J.B.* Childhood victimization and subsequent risk for promiscuity, prostitution, and teenage pregnancy: A prospective study. P. 1607–1612.

¹³ *Simons R.L., Whitbeck L.B.* Sexual abuse as a precursor to prostitution and victimization among adolescent and adult homeless women. P. 361–379.

характерны как для выборок подростков, убегающих из дома, так и для выборок взрослых бездомных женщин. И, наконец, результаты интервьюирования 45 девушек-подростков, вовлеченных в проституцию, и 37 девушек, не занимающихся проституцией, однако проживающих в сходных условиях, показали, что хотя девушки-проститутки и чаще сталкивались с СНД, чем девушки непроститутки, это различие незначительно — 68% и 57% соответственно¹⁴. С другой стороны, две эти группы отличаются по частоте побегов из дома. Значительно большее число девушек, вовлеченных в проституцию, можно классифицировать как «беглянок» — 87% по сравнению с 61% для девушек, не вовлеченных в проституцию.

В исследовании подростков, убежавших из дома, по уровню родительской заботы, обнаружена связь этого уровня с риском сексуальной эксплуатации, включая проституцию¹⁵. В другом исследовании выявлена связь между бездомностью, выживанием на улице и проституцией в США в исследовании среди бездомных подростков¹⁶. Подобные исследования проводили также в Великобритании¹⁷ и в Канаде¹⁸.

Исследование случаев побегов из дома среди бездомных женщин показало, что раннее сексуальное насилие повышает вероятность вовлечения женщины в проституцию, независимо от причины побега из дома¹⁹. В другом исследовании приводятся аргументы в пользу того, что побег из дома и ранее сексуальное насилие ведут к проституции двумя отдельными друг от друга путями²⁰. В то время как побег из дома приводит к началу занятия проституцией в раннем подростко-

---

¹⁴ Nadon S.M., Koverola C., Schludermann E.H. Antecedents of prostitution: Childhood victimization // Journal of Interpersonal Violence. № 13 (2). 1998. P. 206–221.

¹⁵ Biehal N., Wade J. Taking a chance? The risk associated with going missing from substitute care // Child Abuse Review. 1999. № 8. P. 366–376.

¹⁶ Walters A.S. HIV prevention in street youth // Journal of Adolescent Health. 1999. № 25. P. 187–198.

¹⁷ Christian J., Gilvarry E. Specialist services: The needs for multi-agency partnership // Drug and Alcohol Dependence. 1999. № 55. P. 265–274.

¹⁸ DeMatteo D., Major C., Block B., Coates R., Fearon M., Goldberg E. Toronto street youth and HIV/AIDS: Prevalence, demographics and risks // Journal of Adolescent Health. 1999. № 25. P. 358–366.

¹⁹ Simons R.L., Whitbeck L.B. Sexual abuse as a precursor to prostitution and victimization among adolescent and adult homeless women // Journal of Family Issues. 1991. № 12 (3). P. 361–379.

²⁰ McClanahan S.F., McClelland G.M., Abram K.M., Teplin L.A. Pathways into prostitution among female jail detainees and their implications for mental health service // Psychiatric Services. 1999. № 50. P. 1606–1613.

вом возрасте, детское сексуальное насилие почти вдвое по сравнению с побегами увеличивает случаи вовлечения в проституцию.

Сходные результаты получены также в исследовании, проведенном среди 149 подростков-беглецов, живших в приюте²¹. Авторы выяснили, что ушедшие из дома девушки чаще мальчиков получают со стороны взрослых предложения денег в обмен на сексуальные услуги. Так, 82% девушек, ушедших из дома более чем на один год, сообщают о приставаниях со стороны взрослых. Девушки, находящиеся вне дома меньший промежуток времени, также часто подвергаются приставаниям: 64% девушек, находящихся вне дома меньше одного месяца, и 59% девушек, находящихся вне дома от месяца до года. И хотя побег от домашнего насилия может делать девушку более склонной к занятию проституцией, указанное исследование говорит также о том, что «возможность начать» (предложение) также может играть важную роль в последующем начале занятия проституцией.

Все эти исследования подтверждают точку зрения, что СНД само по себе не способствует вовлеченности женщин в проституцию. Скорее, это побег из дома является тем событием, которое ставит девушек и женщин в такие условия, когда они вынуждены искать способы обеспечить насущные потребности, делая их более склонными к возможному занятию проституцией.

Результаты когортного исследования последствий СНД среди 136 афроамериканок, подвергавшихся СНД, показывают, что жестокость может влиять на последующую вовлеченность женщин в проституцию²². Авторы исследования выявили, что женщины, подвергавшиеся «контактному» СНД (т. е. сексуальному насилию, включавшему применение физической силы или пентрацию), сообщают о более частых случаях сексуальной ревиктимизации во взрослом возрасте, чем женщины, прошедшие через «неконтактные» формы СНД. Так, было выявлено, что женщины, сообщавшие о сексуальной ревиктимизации во взрослом возрасте, в три раза чаще начинали заниматься проституцией, чем женщины, не подвергавшиеся подобной ревиктимизации. Важным ограничением данного исследования является то, что женщин не спрашивали, происходила ли ревикти-

²¹ Hartman C.R., Burgess A.W., McCormack A. Pathways and cycles of runaways: A model for understanding repetitive runaway behavior // Hospital and Community Psychiatry. 1987. № 38 (3). P. 292–299.

²² West C.M., Williams L.M., Siegel J.A. Adult sexual revictimization among black women sexually abused in childhood: A prospective examination of serious consequences of abuse // Child Maltreatment. 2000. № 5 (1). P. 49–57.

мизация во время или до начала занятия проституцией. И хотя его результаты подсказывают, что женщины, которые испытали более жестокие случаи СНД, чаще оказываются вовлеченными в проституцию, достаточно трудно определить, связано ли начало занятия проституцией с жестокостью СНД, последующей ревиктимизацией, или с обоими факторами.

Другой вывод исследования насилия среди афроамериканок говорит о том, что начало занятия проституцией может быть связано с сексуальным поведением, сформированным под влиянием СНД. Так, например, авторы сообщают о том, что женщины, испытавшие жесткие случаи СНД, более склонны (а) вступать в добровольные сексуальные отношения (включая коитус) в более раннем возрасте, (б) иметь большее число сексуальных партнеров, и (в) продолжать отношения меньший промежуток времени по сравнению с девушками, подвергавшимися менее жестокому насилию. Авторы также предполагают, что отношения некоторых жертв СНД одновременно с несколькими партнерами могут в итоге принять форму проституции.

В канадском исследовании выборка из 45 женщин, в прошлом занимавшихся проституцией, сравнивалась с двумя контрольными группами — группой из 45 женщин, выбранных случайным образом по возрастному признаку из базы данных местного муниципального исследования психического здоровья, и с группой из 36 женщин из базы данных местного муниципального исследования психического здоровья, сообщивших о случаях СНД²³. Было выяснено, что женщины, когда-либо вовлеченные в проституцию, значительно чаще подвергались СНД, чем женщины из случайной контрольной группы — 72,3% и 28,9% соответственно.

Хотя и женщины, имевшие опыт проституции, и участницы контрольной группы, испытавшие СНД, подвергались насилию со стороны людей одного и того же типа, было отмечено несколько отличий в их опыте СНД. Так, женщины, имевшие опыт проституции и испытавшие СНД, чаще подвергались (а) сексуальному насилию со стороны нескольких злоумышленников, (б) сексуальному насилию со стороны биологического отца, (в) более часто и продолжительному сексуальному насилию в более раннем возрасте, (г) большему набору различных насильственных действий, и (д) более жестокому насилию по сравнению с жертвами СНД из контрольной группы.

---

²³ Bagley C., Young L. Juvenile prostitution and child sexual abuse: A controlled study // Canadian Journal of Community Mental Health. 1987. № 6 (1). P. 5–26.

Дополнительные факторы, которые также могут влиять на вовлечение в проституцию жертв СНД, выявляются при анализе профиля женщин из той же выборки, имевших опыт проституции. Представительницы этой группы, испытавшие СНД, более склонны (а) начинать половую жизнь в более раннем возрасте, чем женщины, не имевшие опыта СНД, и (б) до начала занятия проституцией иметь половые отношения с четырьмя и более юношами/мужчинами. Более того, 28,9% женщин всей выборки, имевших опыт проституции, говорят о том, что вступали в половые сношения с 20 или более юношами/мужчинами до начала занятия проституцией. В школе многие из этих женщин впоследствии заслужили репутацию «потаскушек» или девушек «легкого поведения». Авторы исследования считают, что подобная репутация может облегчить последующее вовлечение в проституцию.

Эти исследования подтверждают, что СНД скорее норма, чем исключение, для жизненного опыта женщин, вовлеченных в проституцию. Однако, СНД само по себе не является тем фактором, который приводит женщин к занятию проституцией — этому способствуют контекст происходящего насилия и/или его последствия. Случаи более жестокого СНД, дальнейшие беспорядочные сексуальные связи или побег от домашнего насилия — все это может быть охарактеризовано как возможные промежуточные факторы, ведущие к началу занятия проституцией. Также отмечается, что появление самой возможности продажи секс-услуг в тяжелой финансовой ситуации может служить фактором вовлечения в проституцию.

Существует и иная точка зрения на детерминацию вовлечения в проституцию обстоятельствами раннего сексуального опыта. Например, сравнение группы 45 подростков с опытом проституции с группой из 37 подростков, не занимавшихся проституцией, показало, что фактор насилия (с насилием между родителями, слабым чувством собственного достоинства и употреблением алкоголя и наркотиков в качестве контрольных переменных) не позволил провести разграничительную черту между двумя группами²⁴. В обзоре исследований (в основном 1980-х и более поздних годов), «также не удалось установить, что инцест способствует началу проституции»²⁵. Авторы обзора приводят аргументы в пользу того, что существует совокупность условий, которые часто ассоцииру-

---

²⁴ Nadon S.M., Koverola C., Schludermann E.H. Antecedents of prostitution: Childhood victimization // *Journal of Interpersonal Violence*. 1998. № 13 (2). P. 206–221.

²⁵ Brannigan A., Van Brunschot E.G. Youthful prostitution and child sexual trauma // *International Journal of Law and Psychiatry*. 1997. № 20. P. 348.

ются с приходом в проституцию, включая физическое и сексуальное насилие, дисфункциональную семью, преждевременное сексуальное развитие. Дополнительный анализ их собственных данных, при сравнении 42 подростков, вовлеченных в уличную проституцию, с 57 студентами колледжа, показал, что члены обеих групп сбежали из дома лишь в связи с плохой жизнью дома и преждевременным сексуальным развитием. Авторы заключили, что для девочек-подростков «разрыв семейных связей влечет за собой повышенный риск ранней вовлеченности в сексуальную жизнь; в рамках половых различий в сексуальном развитии это толкает их к значительно более старшим партнерам и к значительно большему числу контактов. Эти факторы помогают объяснить роль дисфункционального прошлого при начале занятия проституцией, не включая роль ненаблюдаемых травм и психиатрических нарушений»²⁶.

В современных публикациях отмечается методическое несовершенство исследований, изучающих факторы детского и подросткового периода в детерминации вовлечения в проституцию²⁷. Все они заостряют внимание исключительно на каком-то одном факторе вовлечения, тогда как правильно было бы учитывать весь комплекс возможных влияний, таких как личностные факторы, семейное окружение, сверстников, ситуативные факторы (опыт насилия, употребления наркотиков, бездомности, экономические условия жизни и пр.).

Исследования в данной сфере часто имеют методологические ошибки и, более того, представляют сомнительные данные. Например, в одной из публикаций заявляется, что в Японии наиболее важным мотивом к «малолетней секс-преступности» является любопытство к сексу, а на втором месте находятся денежные цели²⁸. Исследование, проведенное в Скандинавии, также показало, что девушки начинают заниматься проституцией на временной основе: неполный рабочий день для пополнения кошелька, получая удовольствие или удовлетворяя любопытство²⁹. Опыт исследований автора показывает, что подобные результаты могут быть получены при недостаточной проработке методи-

²⁶ *Brannigan A., Van Brunschot E.G.* Youthful prostitution and child sexual trauma. P. 351.

²⁷ *Shaw I., Butler I.* Understanding young people and prostitution: A foundation for practice? // *British Journal of Social Work*. 1998. № 28. P. 177–196.

²⁸ *Akahori S., Sakaue M., Miyakoshi M., Ishii Y., Tsukada N., Fukuda T.* Social pathology and sexual delinquency in Japan // *International Medical Journal*. 1999. № 6. P. 33–37.

²⁹ *Boggs V.W.* Prostitute's occupational continuum: A blueprint for research // *Nordic Sexologi*. 1991. № 9. P. 31–43.

ческого аппарата (ограничение шкал вопросника), а также при ошибках на полевом этапе. В частности, причиной получения подобных данных может быть отсутствие контакта и доверительных отношений между исследователем и респондентом.

В 2007–2008 гг. под руководством автора было проведено репрезентативное исследование проституток в Санкт-Петербурге ($n=665$) и Оренбурге ($n=231$), в котором, в частности, изучался аспект перенесенного сексуального насилия в детском и подростковом возрасте.

В суммарную выборку попали женщины, занятые преимущественно в уличной проституции. Эта группа является высокочастотной для Санкт-Петербурга ($p<0,001$) наряду с проституцией на выезде ($p<0,05$) и в массажном салоне ($p<0,001$). В Оренбурге наибольшую долю в выборке составили женщины, вовлеченные в гостиничную проституцию ($p<0,001$) и проституцию в банях или саунах ($p<0,001$), а также на выезде.

По базовым социально-демографическим характеристикам группы проституток в Санкт-Петербурге и Оренбурге несколько отличаются друг от друга. Типичные представители контингента проституток Оренбурга принадлежат к значительно более молодой возрастной подгруппе (25–29 лет), в сравнении с петербургской выборкой (в среднем 30–34 года, $p<0,001$). Хотя основная доля проституток (более 70% суммарной выборки) являются уроженками Российской Федерации и с рождения проживают в городах, где проводилось исследование, в Оренбурге несколько выше доля мигрантов ($p<0,001$).

Значительная часть проституток, вне зависимости от места проведения исследования, не замужем (находятся в разводе или, что наиболее типично, никогда и не состояли в зарегистрированном браке). Об официально зарегистрированном замужестве сообщила каждая десятая женщина, причем в большинстве случаев в петербургской выборке ($p<0,01$). Лишь каждая третья обследованная проститутка в суммарной выборке сообщила о наличии актуального постоянного партнера, т. е. человека, с которым в течении последних 6 месяцев сохраняются устойчивые сексуальные отношения и, хотя бы частично, общий бюджет.

В отношении полового созревания и начала половой жизни женщин, вовлеченных в проституцию, необходимо отметить некоторые региональные отличия, которые, очевидно, обусловлены общим отличием половой культуры в Санкт-Петербурге как столичном городе. Основной отличительной особенностью детско-подростковой сексуальности проституток Санкт-Петербурга является более высокая степень сексуальной раскрепощенности. Они значительно чаще сообщают об опыте всех возможных

видов сексуальных контактов (перечислены в порядке снижения частоты упоминания): совместное с лицами противоположного пола проведение досуга, объятия, поцелуи, петтинг, половой акт ($p < 0,001$ во всех случаях). Среди петербургских проституток, в сравнении с проститутками Оренбурга, достоверно больше женщин, практиковавших мастурбацию до начала половой жизни (29,5% против 14,7%) ($p < 0,001$). При этом первых отличает и более ранний возраст начала мастурбаций (у подавляющего большинства — ранее 15 лет, а в Оренбурге — в 16 лет и позже, $p < 0,05$).

В свою очередь, оренбургских проституток характеризует более раннее развитие эмоциональной составляющей полового созревания — об опыте первой влюбленности в возрасте до 11-ти лет сообщает каждая пятая женщина в оренбургской выборке, в то время как в петербургской выборке — только каждая десятая ($p < 0,001$). Это, очевидно, может свидетельствовать о преимущественно платоническом характере взаимоотношений между полами в детско-подростковом возрасте среди оренбурженок и более строгих провинциальных нормах половой жизни.

Однако, по таким базовым индикаторам половой жизни, как возраст первой половой связи и тип первый полового партнера, региональных отличий не выявлено. Средний возраст первого гетеросексуального полового контакта в суммарной выборке проституток составляет 15–17 лет. В большинстве случаев партнером являлся кто-то из компании сверстников (в Санкт-Петербурге — из числа соучеников, в Оренбурге — не из числа товарищей по учебе).

Более чем в половине случаев основным мотивом вступления в первый половой контакт являлась влюбленность. Среди иных мотивов доминируют любопытство и страх перед физическим воздействием (побоями, насилием); кроме того, часто обследованные женщины упоминали о состоянии субъективной готовности к половому акту («просто пришло время») или об утере контроля над собой.

Важно отметить, что эмоциональная окраска первого гетеросексуального полового акта, согласно обобщенной оценке, тяготеет к отрицательной: почти половина всех проституток, охваченных исследованием, отмечают чувство боли или разочарования, примерно в каждом десятом случае упоминается унижение и чувство ненависти к партнеру. Положительные оценки менее представлены и более противоречивы: петербургские проститутки достоверно чаще сообщают о чувстве приятной расслабленности, удовольствия, сопровождающих первый гетеросексуальный опыт ($p < 0,001$ в обоих случаях), в то время как оренбургские, по собственному свидетельству, чаще ощущали гордость за себя ($p < 0,01$).

Исследование выявило высокий уровень распространенности насильственных действий сексуального характера в детско-подростковом возрасте. Так, почти каждая третья проститутка в суммарной выборке (26,8% в Санкт-Петербурге, 27,7% в Оренбурге) подвергались в период детского или подросткового возраста каким-либо действиям сексуального характера. В большинстве случаев это было половое сношение и практически у половины — прикосновение к телу, совершавшееся определенным образом (лапанье). Кроме того, достаточно часто упоминалось принуждение к рассматриванию или ласкам чужих половых органов, вовлечение в оральный и, значительно реже, анальный секс. Описанные действия сексуального характера в подавляющем числе случаев совершались под влиянием уговоров, давления или применения силы (более характерно для выборки петербургских проституток, $p < 0,01$).

Оренбургские проститутки в период детства или подросткового возраста подвергались действиям сексуального характера по принуждению большее число раз: среди них чаще встречаются лица, с которыми это происходило неоднократно ($p < 0,05$). Средний возраст первого вступления в сексуальное взаимодействие под давлением или по принуждению у большинства составляет от 12 до 16 лет, однако практически в каждом пятом случае это произошло до достижения респондентом 11-летнего возраста, в том числе в 9,3% случаев — в возрасте 7 лет и младше. Типичный субъект сексуальных посягательств — посторонний мужчина среднего возраста, реже — молодой человек более старшего, в сравнении с респондентом, возраста.

В момент сексуальных посягательств в половине случаев «насильник» находился в состоянии алкогольного опьянения, опьянение жертвы отмечено в 7,7% случаев. Наиболее часто используемые методы принуждения: угрозы (52,7%), удерживание (45,6%) и побои (30,2%); кроме того, примерно в 20% случаев использовались уговоры или обман. Стоит при этом отметить, что петербургские проститутки значительно чаще подвергались удерживанию с целью сексуального принуждения ($p < 0,001$), в то время как оренбургские в момент сексуальных посягательств чаще находились под воздействием авторитета ($p < 0,01$) или были доведены до состояния опьянения психоактивными веществами ($p < 0,01$).

Возможность с кем-либо обсудить случившееся была лишь у половины обследованных проституток, подвергавшихся сексуальному принуждению в детско-подростковом возрасте. Наиболее часто в качестве собеседника в подобной ситуации выступал кто-то из сверстников или мать, родная или приемная, в последнюю очередь потерпевшие

прибегали к помощи специалистов, работающих с детьми и подростками. Каждый пятый случай был доведен до медицинских властей, руководителей социальных служб или милиции, что очевидно указывает на тяжесть ситуации и ее последствий.

Ревиктимизация, т. е. уровень сексуального насилия (изнасилования), также чрезвычайно высок в изученных группах женщин. В среднем каждая третья обследованная за период в проституции хотя бы однажды подверглась изнасилованию (несколько чаще в Оренбурге — 39,8%, чем в Санкт-Петербурге — 29,2%), еще примерно столько же — два и более раз (34,4% в Санкт-Петербурге, 23,8% в Оренбурге). Сексуальное насилие, как и другие формы насильственных действий, более свойственно для петербургской выборки ($p < 0,01$), что может быть связано с более широкой занятостью этой группы в уличной проституции.

Для того, чтобы выявить, насколько уровень и характеристики насилия, перенесенного проститутками в детско-подростковом возрасте, являются специфичными, на примере петербургской выборки было проведено сравнение с результатами подростково-молодежного исследования (Санкт-Петербург, 2004 г.). Для сравнительного анализа из общей выборки была отобрана группа лиц женского пола ($n = 179$).

Полученные результаты показывают, что вовлеченность в сексуальные действия в детском и подростковом возрасте существенно более распространена среди проституток по сравнению с молодежью. Проститутки чаще были вовлечены в ласкание чужих половых органов (6,1% против 3,8%, $p \leq 0,05$), половое сношение (16,3% против 9,3%, $p \leq 0,001$), оральный секс (8,0% против 4,2%, $p \leq 0,001$).

Проституток отличает существенно более младший возраст вовлечения в действия сексуального характера. Так, среди имеющих такой опыт, в возрасте 12–14 лет им подверглись 50% проституток и 31% молодежи, в возрасте 15–16 лет — 22,5% проституток и 38,8% молодежи ($p \leq 0,001$).

В случае проституток обидчиком чаще выступал член семьи — отец (2,7% против 1,0%), отчим (7,0% против 0,5%), родной брат (5,5% против 1,0%), у подростков, напротив, обидчиком чаще был знакомый человек, не являющийся членом семьи (23,6% против 15,4%) ($p \leq 0,001$). С одинаковой частотой и проститутки, и подростки подверглись представлениям со стороны постороннего незнакомого человека (56%).

В случае подростков такие действия в большинстве случаев носили однократный характер (77,3%), реже — 2–5 раз (22,7%), среди проституток эти действия происходили существенно чаще (более 5-ти раз — 14,3%) ($p \leq 0,001$).

В ситуации сексуальных действий в детстве молодежь чаще сообщает о собственном алкогольном или наркотическом опьянении (27,1% против 7,7%, $p \leq 0,001$). Как у проституток, так и у молодежи с одинаковой частотой обидчик пребывал в алкогольном или наркотическом опьянении.

Форма уговоров или насилия, которую использовал обидчик, отличается у проституток большей жестокостью. Проститутки чаще сообщают о том, что были обмануты (20,9% против 11,0%, $p \leq 0,01$), в отношении них применялись угрозы (52,7% против 0,9%, $p \leq 0,001$), насильственное удерживание (45,6% против 16,3%, $p \leq 0,001$), побой (30,2% против 5,9%, $p \leq 0,001$). Подростки чаще сообщили о том, что их «накачали алкоголем» (26,2% против 3,3%, $p \leq 0,001$).

О возможности обсудить с кем-либо то, что случилось, чаще общались проститутки (45,6% против 27,5%, $p \leq 0,001$). Проститутки чаще же обсудили эту ситуацию с матерью (38,6% против 11,7%, $p \leq 0,001$), отцом (14,5% против 3,0%, $p \leq 0,001$). У проституток существенно чаще этот случай был доведен до специалистов — медиков, социальных служб, милиции (20,5% против 1,2%, $p \leq 0,001$). Несомненно, тот факт, что проститутки чаще обращались к родителям и специалистам, является исходом большей травматичности перенесенного ими сексуального насилия по сравнению с подростками.

Подводя итоги проведенного анализа, необходимо отметить следующее. Связь проституции с перенесенным в детстве сексуальным насилием является одной из актуальных гипотез в современной науке, которая как подтверждается, так и опровергается различными исследователями. Анализ данных о сексуальном насилии, полученных в ходе репрезентативного исследования среди проституток в двух российских городах (Санкт-Петербурге и Оренбурге), показал высокий уровень виктимизации в детстве и ревиктимизации во взрослой жизни. Сравнительный анализ не выявил значимой региональной специфики по этим показателям. Важно отметить также и большую распространенность сексуального насилия в детстве, в т. ч. в более тяжелых формах, в группе проституток по сравнению с общей подростково-молодежной популяцией. Все это объективно подтверждает результаты целого ряда западных исследований: перенесенное в детстве сексуальное насилие действительно является важным фактором вовлеченности в проституцию. Проблема требует дальнейшего детального изучения, т. к. имеет не только научную, но и социальную значимость.

И.Н. Гурвич,
iosif@bk.ru

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ В РОССИИ: методические и организационные проблемы установления уровня и оценки динамики¹

Аннотация: Представлено обобщение многолетней исследовательской работы по изучению употребления ПАВ в Российской Федерации. Проанализированы методологические и организационные проблемы оценки уровня и динамики употребления ПАВ. Сформулированы основные сложности дальнейшего изучения данной проблемы, в том числе в связи с потребностями ведомств.

Ключевые слова: психоактивное вещество, латентность, уровень и динамика употребления.

Установление преваленса и инцидента употребления психоактивных веществ в популяции является, как это справедливо и для всех других, как латентных или слабовыраженных, так и для выражено болезненных форм нервно-психической патологии, «ключевой» проблемой эпидемиологии психических расстройств. Если в США и странах Западной Европы в период после Второй мировой войны быстрее и интенсивное развитие получили методы, преимущественно опросные, предназначенные для определения подобных расстройств среди населения, в бывшем Советском Союзе, в полном соответствии с застойными тенденциями в науке и обществе в целом необходимость использования соответствующих методов, в частности, в социальной наркологии, агрессивно отрицалась.

Аргументировалось это тем, что совершенная, по сравнению с западной, система оказания наркологической помощи, основанная на

---

¹ В подготовке фактологического материала статьи принимали участие кандидаты социологических наук Р.Г. Хлопушин и А.А. Яковлева.

диспансеризации наркологических больных, обеспечивает практически полный учет всех лиц с наркологической патологией, имеющих в населении. Следует отметить, что подобное заключение было возможно только при игнорировании наличия среди населения широкого спектра латентных (асимптоматических) и слабовыраженных форм расстройств, к которым в наркологии можно отнести все виды злоупотребления, а по наркотическим препаратам — и вообще их употребления, включая спорадическое.

Тем не менее, и в это время в советской науке раздавались голоса, предупреждавшие об опасности подобного сужения предмета исследовательских усилий в этой области. Действительно, исключение из предмета рассмотрения ранних и «предболезненных» форм наркологических расстройств приводило, несмотря на декларирование профилактической направленности советского здравоохранения, к отсутствию какой-либо возможности создания научной эмпирической базы для первичной профилактики этих состояний.

Неуклонное нарастание уровня употребления алкоголя и обусловленного им уровня «учтенной» наркологической патологии заставило советских специалистов в области общественного здоровья все же обратиться к методам исследования употребления психоактивных веществ населением. Однако эти исследования строились по прежнему либо на клинических выборках, таких как госпитализированные по «скорой помощи», доставленные в т. н. «медицинские вытрезвители», либо охватывали ограниченные, чаще всего организованные группы населения, вроде рабочих промышленных предприятий. Необходимо указать, что практически все эти работы, за редким исключением, базировались на данных медицинской документации.

Даже те исследования, в которых, хотя бы ограниченно, применялись опросные методы, не дали таких результатов, которые могли бы быть оценены и интерпретированы в контексте современного понимания социальной эпидемиологии наркологических расстройств и использованы в целях первичной профилактики. Этому были две основные причины:

а) все эти исследования выполнялись в рамках т. н. «социально-гигиенического» подхода, т. е. базировались исключительно на биомедицинской модели болезни. Только этот подход и признавался научным, и, конечно, подразумевал в качестве своего предмета лишь развернутые болезненные состояния, в полном соответствии с концепцией трехстадийного течения алкоголизма Б.М. Сегала, которая была впоследствии распространена и на наркоманию.

Любопытно, что когда советская наука стала осваивать достижения американской социальной наркологии, где в популяционных исследованиях обнаруживался некий спектр переходных состояний от здоровья к болезни, советские ученые стали выискивать и описывать здесь соответствующие клиническому пониманию болезни «донозологические расстройства»;

б) категорически отрицалась и признавалось «ненаучной» вся эпидемиология неинфекционных заболеваний, что, естественно, распространялось и на сферу наркологии.

Таким образом, к широко известной «горбачевской» антиалкогольной кампании советская наука подошла вообще без каких-либо знаний о закономерностях употребления опьяняющих веществ населением страны, что во многом предопределило как провал самой этой кампании, так и ее тяжелейшие социально-политические последствия. Здесь практически была применена позиция, высказывавшаяся великим русским физиологом И.П. Павловым в его дискуссии с В.М. Бехтеревым на рубеже XIX и XX веков. Согласно ей, любое исследование алкоголизации — шарлатанство, поскольку о ней и так все хорошо известно, а усилия следует направлять на прямую борьбу с пьянством, которую, будто бы, также хорошо известно, как надо вести. В советской истории периоды борьбы с пьянством и алкоголизмом были, поэтому, в полном объеме и в государственном масштабе были применены все известные прямые антиалкогольные меры, возможные в условиях государственной монополии на производство и продажу алкогольных напитков, т. е. ограничения мест и времени продажи, вплоть до «талонной» системы, включая сахар-песок, используемый для самогонварения, запрет на продажу алкогольных напитков несовершеннолетним, чрезвычайно высокая стоимость алкогольных напитков в соотношении с доходами населения, уголовное преследование за изготовление алкогольных напитков в домашних условиях и вовлечение несовершеннолетних в алкопотребление, жесткие ограничения на трансграничный перевоз алкоголя, запрет рекламы алкогольных напитков, помещение злостных пьяниц на принудительное лечение по решению суда, увольнение за нахождение на рабочем месте в нетрезвом виде, запрещение продажи ректифицированного спирта населению.

Этот же подход использовался, начиная с 30-х годов XX века, и по отношению к наркопотреблению. Эксцессивный рост употребления наркотиков в стране, произошедший с началом периода реформирования, и безуспешность ужесточения ограничительных мер борьбы

с наркопотреблением заставила специалистов искать новые методы и пути профилактики наркопотребления. Особую остроту проблеме придавало начало на территории страны эпидемии ВИЧ-инфекции, причем распространение вируса на начальной стадии эпидемии, как и во многих других странах мира, происходило, главным образом, через употребление общего инструментария для инъекций инъекционными наркопотребителями.

Расширению спектра методов и путей практической деятельности в сфере социальной наркологии во многом способствовало появление в 90-х годах XX века новых организационных форм деятельности, направленной на борьбу с наркопотреблением и его исходами.

До 90-х годов на территории бывшего Советского Союза всю деятельность в сфере контроля наркопотребления и его исходов осуществляли только два типа организаций — медицинские (территориальный наркологический кабинет / диспансер) и полицейские (отделы по борьбе с незаконным оборотом наркотиков территориальных министерств / главных управлений / управлений).

В структуре советского здравоохранения амбулаторная наркологическая помощь исторически была локализована в территориальных невро-психиатрических диспансерах, где обычно имелся специализированный наркологический кабинет. Стационарная же помощь наркологическим больным осуществлялась в больницах общепсихиатрического профиля. Лишь некоторые из них имели специализированные наркологические отделения. В некоторых крупных городах имелись специализированные наркологические стационары.

В 1976 году была организована путем выделения из психиатрии самостоятельная наркологическая служба, представленная в качестве основного своего звена наркологическим диспансером. Это организационное решение было продиктовано обострением ситуации с употреблением алкоголя в стране. Действительно, уже несколькими годами ранее, по инициативе местных органов здравоохранения, в ряде областей страны начался активный поиск новых организационных форм лечения и реабилитации больных алкоголизмом. Так, появились наркологические отделения и кабинеты на промышленных предприятиях, ночные наркологические стационары в невро-психиатрических диспансерах, наркологические кабинеты в Центральном районных больницах сельских территорий. Все они впоследствии вошли в состав наркологической службы.

Самостоятельный Отдел по борьбе с наркоманией в Управлении уголовного розыска МВД СССР создается в 1973 г. После неоднократ-

ных переименований и реорганизаций в 1991 г. это специальное подразделение милиции выводится из-под юрисдикции Главного Управления уголовного розыска, и на его основе образуется Бюро по контролю за незаконным оборотом наркотиков МВД СССР, которое становится самостоятельной отраслевой службой криминальной милиции. В 1992 году, путем слияния, Бюро преобразуется в Управление по незаконному обороту наркотиков МВД Российской Федерации (с 2001 года — Главное управление по борьбе с незаконным оборотом наркотиков). Главное управление имеет самостоятельные подразделения по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в субъектах Российской Федерации.

Из этой краткой исторической справки со всей очевидностью следует, что основной реакцией государства на утяжеление ситуации, вначале с употреблением алкоголя, а затем — и наркотиков, явилось расширение и фактически непрекращающееся реформирование аппарата государственного медицинского и полицейского контроля.

Объясняется это тем, что в основе понимания причин употребления населением психоактивных веществ на государственном уровне была принята биомедицинская модель болезни. Биопсихосоциальная модель отвергалась и жестко критиковалась, прежде всего, по идеологическим причинам, хотя и существенное общее отставание советской науки от мировой играло здесь достаточно заметную роль.

С началом периода политического и социально-экономического реформирования в стране можно констатировать появление следующих новых организационных форм деятельности в сфере социальной наркологии.

Прежде всего, это частные, т. е. негосударственные учреждения наркологического профиля, осуществляющие собственно лечебную помощь наркозависимым. Поскольку оказание такой лечебной помощи вне стен государственных наркологических учреждений всегда было запрещено в России законом, официально все эти негосударственные учреждения занимаются вторичной и третичной профилактикой наркологических расстройств, и даже по своим названиям как бы не являются наркологическими лечебными учреждениями. По фискальным соображениям, т. е. в целях сокрытия фактического уровня доходов от налогообложения, негосударственные наркологические учреждения заинтересованы «недопредставлять» данные о количестве пролеченных больных. Именно с момента их возникновения государственная статистическая информация о показателях госпитализированной наркологической заболеваемости совершенно перестала отражать истинную

ситуацию с наркотиками и даже с алкоголем, то есть стала непригодной для каких-либо оценок, особенно в отношении крупных городов, где деятельность негосударственных наркологических лечебных учреждений является высоко рентабельной.

В отдельные периоды времени по ряду крупных городов России с начала 90-х годов можно даже отметить парадоксальные факты снижения уровня госпитализации при наркологических расстройствах на фоне роста уровня заболеваемости ими. Конечно, в отношении психотических состояний, в меньшей мере — наркотической природы, и в большей мере — алкогольной природы, где лечебная помощь до сих пор преимущественно осуществляется в государственных психиатрических стационарах, статистические данные в целом более надежны.

Как уже отмечалось, негосударственные лечебные наркологические учреждения весьма уязвимы с точки зрения легальности предоставляемых ими собственно медицинских услуг. Кроме того, они подвержены мощному коррупционному давлению со стороны правоохранительных и контрольных органов, пришедшего в сегодняшней России на смену давлению со стороны организованной преступности, а также со стороны местных органов управления здравоохранением.

Отсюда ряд подобных учреждений, рассчитывая на формальную или неформальную государственную институционализацию, стал распространять свою деятельность и на сферу первичной профилактики наркотической зависимости. Так, один из старейших в Санкт-Петербурге негосударственный наркологический центр «Бехтерев» открыл и в течение ряда лет финансировал кризисную психологическую подростковую службу в Приморском районе города. Одной из основных задач службы была профилактика наркотической зависимости среди подростков района. После преобразования центра в муниципальное предприятие служба была закрыта.

Реабилитационные центры, организованные в последние годы в государственных наркологических учреждениях, остаются маломощными. Так, в Санкт-Петербурге, при численности населения, равной на 1 января 2008 г. 4 млн. 581 тыс. чел., мощность реабилитационного отделения круглосуточного пребывания Городской наркологической больницы составляет всего 50 коек, и еще 119 мест имеется в пяти дневных стационарах амбулаторных наркологических реабилитационных центров. Оказываемые в них услуги, несмотря на сохраняющуюся официальную бесплатность государственной медицинской

помощи, зачастую фактически являются платными. Поэтому они не могут составить конкуренцию негосударственным (частным) реабилитационным центрам.

Со времени начала вхождения России в систему международных связей значительное развитие в стране получили негосударственные некоммерческие общественные организации. Среди них можно выделить те, которые, по существу, являются группами самопомощи для наркозависимых и те, которые приобрели черты более-менее профессиональных организаций, действующих в сфере борьбы с наркотизмом.

В Санкт-Петербурге к первому типу таких организаций можно отнести, например, группы «Анонимные наркоманы» и «Вертикаль», клуб «Оптималист», организацию «Клуб 12 шагов», «Азария» — общественное движение «Матери против наркотиков», Психотерапевтическое общество наркологических больных и их семей «Оптимист», а ко второму — благотворительный фонд «Возвращение» или благотворительную организацию «Гуманитарное действие».

Конечно, какую-то жесткую границу между двумя названными типами общественных организаций провести сегодня еще трудно. Свою деятельность они строят на различных теоретических основаниях. Те из них, руководители которых прошли подготовку в рамках профессиональных образовательных программ, проводимых международными общественными или иностранными государственными организациями, обычно придерживаются какой-либо одной теоретической ориентации, из числа принятых сегодня в странах Запада. Многие же из тех, которые образовывались на «национальной почве», зачастую имеют православно-религиозную ориентацию. В Санкт-Петербурге это реабилитационные центры «Новая жизнь» и «Дом надежды на горе». Другие же вообще имеют какую-то «доморощенную», чаще всего псевдонаучную, ориентацию, не связанную ни с одним из направлений современной науки. Все эти организации в значительной мере заняты реабилитацией наркологических больных — наркоманией и, реже, алкоголизмом.

Деятельность всех подобных общественных организаций фактически не предусматривает систематической государственной отчетности по показателям, отражающим величину и структуру контингента, которому оказывается соответствующая помощь. Государственный контроль за деятельностью таких общественных организаций осуществляется, прежде всего, в налоговой сфере, т. е. по финансовым, а не по содержательным индикаторам. Соответственно, и нет никаких,

хотя бы относительно надежных данных, показывающих «вклад» таких организаций в обеспечение помощи наркологическим больным, и косвенно — количество таких больных в населении.

Определенная информация такого рода, конечно, представляется ими грантодающим организациям, однако остается, как правило, не доступной для сводки и последующего анализа.

Важным этапом в формировании существующей сегодня в России системы борьбы с употреблением незаконных психоактивных веществ стало создание в 2003 году Государственного комитета по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ (Госнарконтрoля России). Необходимо указать, что кадровая комплектация этого нового государственного органа происходила из полицейских служб, не связанных с оборотом наркотиков — государственной безопасности и налоговой полиции. При этом подразделения территориальных органов милиции, занятые борьбой с незаконным оборотом наркотиков, не вошли в состав Госнарконтрoля и сохранили полную самостоятельность в работе.

За короткий период своего существования Госнарконтрoль пережил уже три реорганизации и переименования, и с 2007 выступает как Государственный антинаркотический комитет. В этом отношении его судьба во многом сходна с судьбой соответствующих подразделений системы Министерства внутренних дел.

Создание и деятельность Госнарконтрoля можно рассматривать как попытку воспроизвести и внедрить в современную российскую действительность модель «медицинской полиции», существовавшую в XIX в. в Германии. Однако кадровый состав, ограничение компетенции только сферой наркопотребления и сохранение дублирующих по функциям подразделений территориальной милиции делают российский вариант этой модели достаточно противоречивым и потенциально недостаточно эффективным.

Тем не менее, уже с самого момента создания на Госнарконтрoль были возложены функции организации и координации всей антинаркотической работы на территории. В последние годы эти функции стали охватывать также сбор и систематизацию статистической информации об употреблении психоактивных веществ и последствиях этого употребления. Сами конкретные характеристики наркоситуации стали официально рассматриваться как предмет ответственности Госнарконтрoля. Соответственно, на него оказались возложены и обязанности по предоставлению релевантной информации международным орга-

низациям, предусмотренные ст. 20 ратифицированной страной «Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» 1988 года.

Все это объясняет, почему получение и накопление информации, отражающей реальный уровень употребления психоактивных веществ населением, уже в первые месяцы функционирования Госнаркоконтроля было осознано руководящим звеном этой организации в качестве центрального аспекта контроля наркоситуации. Важность этой проблемы усугублялась и тем, что многочисленные программы первичной профилактики, осуществляющиеся на территории и требовавшие для своей реализации предварительного экспертного заключения сотрудников Госнаркоконтроля, без знания количественных характеристик наркоситуации не могли быть оценены с позиций их конечной эффективности.

Первые попытки создания системы мониторинга наркоситуации были связаны с привлечением российской экономической и социологической академической науки. В частности, своеобразное понимание мониторинга, разработанное экономистами Уральского отделения Российской Академии наук в содружестве с научными социологическими и наркологическими учреждениями Москвы, основывалось на концепции чрезвычайно широко понимаемой национальной безопасности. Предложенный авторами подход к мониторингу состоял в построении некоего набора эконометрических и корреляционных моделей для территорий, дополненных данными репрезентативного для всего взрослого населения территории опроса. Индикаторы вопросника не допускали никаких сопоставлений с данными международных исследований, да и вообще не описывали состояние употребления психоактивных препаратов в сколько-нибудь логически и клинически обоснованной системе.

В Северо-Западном федеральном округе, объединяющем 11 субъектов Российской Федерации, где крупнейшим городским центром является Санкт-Петербург, практически сразу же был выбран альтернативный подход к разработке системы мониторинга. Для научно-методического обеспечения проведения мониторинга были привлечены находящиеся в Санкт-Петербурге факультет психологии Санкт-Петербургского государственного университета и некоммерческая организация социальных проектов «Стеллит».

Основные методические принципы, положенные в основу процедуры мониторинга, состоят в следующем:

а) параллельное использование всех доступных и хотя бы относительно надежных источников информации о ситуации с употреблением ПАВ на территории субъектов РФ (областей);

б) применение индикаторов, используемых в мониторинге ситуации с употреблением ПАВ в США и странах Западной Европы, с целью обеспечения возможности международных сравнений;

в) максимальная экономичность оценки ситуации с употреблением ПАВ, что делало бы осуществление мониторинга экономически доступным для субъектов РФ;

г) организация мониторинга с учетом реально существующего уровня подготовленности лиц, на которых возлагается его проведение, и уровня исполнительской дисциплины, присущей сегодня российской системе государственного управления.

Остановимся на некоторых организационно-методических аспектах обеспечения названных принципов.

Методика мониторинга состоит из трех частей.

Первая часть включает анкетный опрос в подростково-молодежных подгруппах, где, в основном, сегодня сосредоточены потребители наркотиков, проводимый в местах постоянного пребывания подростков и молодежи: учебных заведениях всех основных видов (школы, учреждения начального, среднего и высшего профессионального образования) и местах лишения свободы. Построение мониторинговой выборки по этому принципу позволяет учесть весь размах вариаций в уровне употребления ПАВ. Объем выборки предусматривает, что она репрезентирует вариацию в употреблении ПАВ на территории и для населения области.

Единицы выборки размещаются пропорционально между тремя типами поселений, представленных на территории области: крупный город, которым, как правило, является областной центр, малый город, сельское поселение.

Каждое из мест постоянного пребывания подростков и молодежи рассматривается как «гнездо», внутри которого осуществляется двухступенчатый отбор: — для первой ступени — формальных групп (классов, учебных групп, отрядов), а на второй — механический систематический с постоянным шагом, который определяется, исходя из объема этих формальных групп.

Вторая часть включает экспертный опрос «ключевых фигур», занятых в сфере борьбы с употреблением ПАВ на территории области. Он направлен на решение двух основных задач:

а) отбора населенных пунктов и учебных заведений, характеризующихся максимальным и минимальным уровнями употребления ПАВ подростками и молодежью, для последующего включения в выборку мониторингового опроса (метод «экстремальных групп»);

б) описания специфических для данной области факторов (факториальных переменных), способных повлиять на уровень, структуру и динамику употребления ПАВ.

Третья часть включает сбор и систематизацию вторичной статистической информации об употреблении ПАВ на территории области с последующим построением агрегированных показателей, соответствующих международной статистической системе в этой сфере.

Описанная процедура была апробирована в ходе двух оценочных исследований, проведенных в г. Санкт-Петербурге в 2002 и 2003 гг. по заказу Администрации города.

Ответственной за проведение мониторинга на территории области является областная Администрация, из числа ответственных сотрудников которой назначается лицо, непосредственно отвечающее за данный раздел работы. Организационное сопровождение проведения мониторинга осуществляют сотрудники территориального управления Госнаркоконтроля.

Непосредственное же проведение мониторинга осуществляют сотрудники кафедр социологии или социальной психологии одного из вузов, расположенных в областном центре или специализированной социологической организации, имеющие опыт выполнения подобных исследовательских работ. Отбор сотрудников для проведения мониторингового исследования осуществлялся на основе кадровых анкет, которые собирали и высылали в Управление Госнаркоконтроля Северо-Западного федерального округа ответственные представители областной администрации. Финансирование работ осуществляется в виде государственного заказа областной администрации исследовательскому учреждению.

Перед началом проведения мониторинга проводилось обучение трех групп специалистов, участвующих в мониторинге: сотрудников областных администраций, областных управлений Госнаркоконтроля и исследовательских учреждений (подразделений) по специально разработанной программе. Кроме того, было подготовлено и издано учебное пособие по научно-методическим основам территориального мониторинга наркоситуации.

Первый год реализации мониторинга носил, в известной мере, пилотный характер, как в отношении организационной схемы обеспече-

ния его проведения, так и в отношении освоения лицами, вовлеченными в работу, методических аспектов мониторингового исследования. На втором году своего осуществления мониторинг был проведен, причем в полном соответствии с разработанной процедурой, в двух областях, входящих в состав Северо-Западного федерального округа (Новгородской и Вологодской). Однако только в одной из них (Вологодской) проведение мониторинга было доведено до стадии ввода первичных данных. Для представителей этой области был организован краткосрочный учебный цикл, содержанием которого стало обсуждение и обобщение накопленного в ходе реализации мониторинговой процедуры.

Любопытно, что в то же время и на территории той же области была предпринята попытка осуществления сплошного лабораторного обследования на содержание наркотических препаратов в биологических жидкостях учащихся старших классов общеобразовательных школ, а также учащихся средних учебных заведений, идея которого столь популярна сегодня среди политических деятелей России. Среди всего этого контингента «риска» был выявлен лишь один (!), да и то недостоверный случай употребления наркотических препаратов. Сравнение результатов лабораторного тестирования и мониторингового опросного обследования послужило чрезвычайно весомым аргументом в пользу применения опросных методов в глазах практических работников, занятых в сфере борьбы с наркотиками.

На третьем году внедрения мониторинга в практику антинаркотической работы в СЗФО предусматривалось проведение работы в полном объеме на всей территории Федерального округа с организацией централизованной математико-статистической обработки данных и сравнительного анализа полученных результатов на базе факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Основной трудностью реализации описанной процедуры явилось обеспечение ее устойчивого финансирования из областных бюджетов субъектов Федерации. По мере же того, как мониторинг стал давать практически важные для территориального управления данные, его поддержка областными Администрациями стала высокой, и соответствующие затраты начали предусматриваться областными бюджетами.

Однако в результате электорального цикла, т. е. парламентских и президентских выборов 2008 года, в реализации процедуры мониторинга возникли дополнительные трудности. Они оказались связаны, прежде всего, с отсутствием традиции преемственности при смене власти, когда нахождение во главе страны какого-либо лица означа-

ет определенную историческую эпоху, в известной мере «отрицающую» предыдущую. Отсюда во всех звеньях исполнительной власти на местах возникает неуверенность в необходимости осуществления мер, проводившихся при предыдущем правлении. И, действительно, несмотря на все намерения сохранения преемственности, в ходе политического процесса было сменено руководство Госнаркоконтроля, что, в свою очередь, привело к «вымыванию» из его структуры ряда «ключевых фигур», ответственных за проведение мониторинга. Среди части руководящих фигур Госнаркоконтроля стало распространяться представление о том, что мониторингом являются любые социально-поведенческие исследования проблемы употребления ПАВ. При этом несомненный приоритет отдается исследованиям, по существу, политической направленности, где изучается влияние восприятия населением ситуации с употреблением ПАВ на отношение к политическому руководству страны. Именно подобного рода работы осуществляет сегодня в стране ограниченный круг обслуживающих властные структуры исследовательских центров.

Все это позволяет говорить о возникновении достаточно высокой неопределенности перспектив создания и поддержания функционирования системы мониторинга ситуации с употреблением ПАВ в стране.

Подведем итоги:

1. Согласно официальной точке зрения, в России сегодня не существует системы мониторинга употребления ПАВ по показателям, допускающим международные сравнения, прежде всего, из-за отсутствия финансовых средств.

2. В действительности, по отдельным территориям и группам риска за последние почти два десятилетия накоплены значительные объемы информации об употреблении ПАВ, полученные в рамках международного финансирования. Мета-анализ всех этих данных мог бы дать достаточно полную картину ситуации с употреблением ПАВ на территории страны за весь период социального реформирования, начавшийся на рубеже 80-х и 90-х годов XX в.

3. Идеологизированная традиция, сложившаяся в российской науке об общественном здоровье в советский период, отрицает необходимость и саму возможность получения надежных эмпирических данных об употреблении ПАВ методом популяционного (субпопуляционного) или экспертного опроса, абсолютизируя значение агрегированных статистических показателей.

4. Предлагаемые сегодня подходы к определению ситуации с употреблением ПАВ не корректны методологически, не позволяют получить результаты, пригодные для практического использования как внутри страны, так и в плане международных сравнений, и не соответствуют современному уровню развития поведенческих наук.

5. Созданная для использования в Северо-Западном федеральном округе методология мониторинга ситуации с употреблением ПАВ удовлетворяет требованию возможности использования для международных сравнений, позволяет использовать результаты мониторинга для текущей антинаркотической работы на территории и дает достаточный аналитический материал для оценки динамических и пространственных аспектов употребления ПАВ населением. Схема обеспечения организации проведения мониторинга в полной мере учитывает как исторически сложившиеся, так и актуальные особенности системы государственного управления в России.

6. Несмотря на успешный опыт проведения мониторинга в соответствии с описанной методологией в некоторых областях Северо-Западного федерального округа России, возможности ее полной реализации и распространения на всю территорию страны остаются достаточно туманными, что обусловлено, прежде всего, внутривнутриполитическими факторами.

CONTEXT

Introduction 5

Methodology and History of Sociology

G.I. Saganenko. Micro- and macro-environments in methodology of empirical research 13

G.V. Kanygin. Qualitative data analysis and the problem of operation scientific terms 41

V.V. Kozlovsky. Civilizational challenges of modernity 55

R.G. Braslavsky. The network approach in the comprahansive civilizational analysis: a new paradigma 68

A.G. Schelkin. Nikolai Timasheff — enigma of Russian sociology. Innovation potential of the Timasheff's book "The Great Retreat" 83

Biographic fund: practice of line-life research

O.B. Bozjkov. Biographic fund: methodological problems of sociological analysis 93

K.S. Divisenko. Biographic fund as a resource for socio-cultural research 113

N.N. Tsvetaeva Logic of life and logic of ideology: through the soviet epoch 131

Social inequality research

G.V. Eremicheva, E.P. Evdokimova, N.R. Kornev, S.N. Ignatova, Y.M. Porezkina. Social inequality in the post-soviet countries (comparative analysis in Russia and Belaruss) 145

N.L. Rusinova, L.V. Panova, V.V. Safronov. Factors of health difference in Saint-Petersburg: social capital and economic inequality 172

T.Z. Protasenko. An experience of sociological monitoring of population's behavior in crisis situations 223

Sociological analysis in the social transformation: retrospective and up-today life

B.I. Maksimov. Twenty years of research and co-creation of transformations 241

<i>I.I. Travin, Y.M. Porezkina</i> . The research of everyday life of Saint-Petersburg citizens in 1993–2001.....	266
<i>A.S. Mischenko</i> . Sociological analysis of the working conditions of scientists at the institutes of the Russian Academy of Sciences	277
<i>M. Matskevich, A. Rodionova</i> . Locus of control and causal attribution of responsibility: general observations and specifics of study (<i>based on the Russian and St.Petersburg students surveys</i>)	289

Sociology of deviance and social control

<i>Y.I. Gilinsky</i> . The social construction of deviance: “problematization” of problem	327
<i>M.M. Rusakova</i> . The impact child sexual abuse on the following involving women into prostitution.....	345
<i>I.N. Gurvich</i> . The using of psycho-active substance in Russia: methodic and organization problems of setting-up and changing.....	360

SUMMARY

Methodology and History of Sociology

G.I. Saganenko. Micro- and macro-environments in methodology of empirical research

Abstract: The article is devoted to presentation of a new methodological idea — the statement of presence of two essentially different and additional systems of substantiation of empirical knowledge in sociology, inconsistency of their differentiation and understanding of their specificities. One system is traditional — here the essence of empirical knowledge is discussed in frameworks, in logic of some generalised sociological research. Methodological workings out are built on stages of empirical research and more likely describe the preparation “recipe” of a general decision on each one, than discuss problematical character of achievement of adequate, significant, heuristic social knowledge.

The second system which is declared by us, is connected with understanding of the basic importance of social macro-environment, “external” in relation to a direct research. We represent macro-environment through influence of such “macro-elements”: “the actual social epoch”, “sociology” and “the sociological community”; “the researcher”, “the respondent”, “the method”, “the resources”, etc.

Introduction of the importance of social macro-environment into methodological reasoning allows to reach certain completeness in comprehension

of potential and quality of sociological knowledge. Influence on an investigation of social macro-environment has universal character, comprehension of this moment is represented essentially important not only for sociology.

Keywords: micro-environment, macro-environment, empirical knowledge, actual social epoch, sociological community, researcher, method, resources.

G.V. Kanygin. Qualitative data analysis and the problem of operation scientific terms

Abstract: The shortcomings of literary theory used as a scientific tool of social research applied methodology are considered. There is proposed a synthesis of the qualitative data analysis techniques and ontological methods of knowledge management to transfer methodology of applied social research to operating scientific terms.

Keywords: tool of social research, qualitative data analysis, ontological method.

V.V. Kozlovsky. Civilizational challenges of modernity

Abstract: This article deals with problem civilization challenges of modernity for Russian society and Russian sociologists. There are discussing methodological questions of Russia civilization constructing in condition of world economic crisis and escape of problem model of modernization.

Keywords: civilization, modernization, globalization, civilization challenges of modernity, network approach

R.G. Braslavsky. The network approach in the comprehensive civilizational analysis: a new paradigm

Abstract: This article discusses the main theoretical lines of development within civilizational analysis, and change of its paradigm in connection with application of network approach.

Keywords: civilization, civilizations, network approach

A.G. Schelkin. Nikolai Timasheff — enigma of Russian sociology. Innovation potencial of the Timasheff's book "The Great Retreat"

Abstract: The article is devoted to one of unknown book of well-known Russian scientist N. Timasheff — 'The Great Retreat' (1946).

The main Timasheff's thought is about the great retreat of Stalin from... Communism in middle of 1930-s. The topic of Stalin as the gravedigger of Communism hasn't reflected in Russian sociological community and Russian society too.

Keywords: great retreat, unknown book, sociological community

Biographic fund: practice of line-life research

O.B. Bozjkov. Biographic fund: methodological problems of sociological analysis

Abstract: As well as it is designated in the name, article is devoted consideration of some methodological problems connected with activity of Biographic fund. First, it is a question on information potential of personal papers for the sociological analysis. In following section it is a question of the nature "a biographic impulse" or about motivation typology to an autobiography writing. Central (both on sense, and on volume) article part is devoted problems of the analysis of the qualitative data and a substantiation of their interpretations. Finish article some reasons concerning organizational-technical questions of replenishment and development of Biographic fund.

Keywords: Biographic fund, typology, autobiography

K.S. Divisenko. Biographic fund as a resource for socio-cultural research

Abstract: The article offers the results of scientific work at Biographical Fund of Sociological Institute of the Russian Academy of Science. The first part presents a description of the electronic database of Biographical Fund and also gives a brief quantitative analysis of biographical texts. The second part sums up the study of schoolchildren's autobiographies.

Keywords: Biographic fund, electronic database, schoolchildren's autobiographies.

N.N. Tsvetaeva. Logic of life and logic of ideology: through the soviet epoch

Abstract: The paper presents some qualitative analysis results of the Biographical collection obtained by Sociological Institute. The author exam-

ines specific features of biographical discourse produced by two generations of Soviet people. These specific features reflect links between every-day life discourse and the normative ideological scheme, which dominated in the Soviet society for many years.

Keywords: biographical discourse, generation, every-day life, normative ideological scheme.

Social inequality research

G.V. Eremicheva, E.P. Evdokimova, N.R. Kornev, S.N. Ignatova, Y.M. Porezkina. Social inequality in the post-soviet countries (comparative analysis in Russia and Belarus)

Abstract: This paper focuses on an investigation of different manifestations and aspects of social inequality (SI) in Russia and Belarus, that was conducted within the framework of international project “Social Inequality and Why it matters for the Economic and Democratic Development of Europe and Its Citizens: Post-Communist Central and Eastern Europe in Comparative Perspective”. The investigation of SI at both macro and micro levels allowed studying its influence on economies of Russia and Belarus, development of democratic institutions, social problems in two societies, and identification of common features and differences in perceptions of diverse aspects of SI manifestation by representatives of different social groups and individuals. Both qualitative and quantitative methods were used for collecting empirical data (focus-groups and mass survey). It was shown that different ways of forming the economy and social-political system in two countries led to essential differences in attitudes of population to the market and democracy as two basic components of post-communist transformation.

Keywords: Strategies of survival, everyday life, new risks and emerging needs, quantitative methods, semi-structured interviews, economic behavior of urban households, adaptation to market relations.

N.L. Rusinova, L.V. Panova, V.V. Safronov. Factors of health difference in Saint-Petersburg: social capital and economic inequality

Abstract: The present article reveals the differences in health, conditioned by the socio-economic stratification and unequal distribution of social capital resources in society. The analysis is based on the mass survey results,

conducted in St Petersburg, 2006. The results show that the socio-structural inequalities mostly linked to the income stratification, as well as in the 1990-s, are of great significance in forming the health of the population in St. Petersburg. The social capital substantially biases the social stratification of health through the material and psychological resources, procurable by entering the social nets and interaction with other people. The social capital resources, necessary for supporting health are unequally distributed in the socio-economic stratas, fixing conditioned by socio- structural factors inequalities in health.

Keywords: differences in health, social capital, economic inequality, income stratification.

T.Z. Protasenko. An experience of sociological monitoring of population's behavior in crisis situations

Abstract: The article describes results of a sociological monitoring, which began in 1982, for specific features of population's behavior in crisis situations. It gives a special attention to results of public opinion's survey that investigated population's reactions in St. Petersburg to the global economic crisis (October 2008 — June 2009). An analysis of the data helped to elucidate and describe several indicators that are the "most sensible" when describing crisis situations.

Keywords: World economic crisis, monitoring, surveys of public opinion, consumer society, socio-cultural transformations

Sociological analysis in the social transformation: retrospective and up-today life

B.I. Maksimov. Twenty years of research and co-creation of transformations

Abstract: The paper deals with an experience of Sociological Institute's researchers in investigations of social changes (transformations) and in implementation of these changes in the contemporary period of social, economic, and manufacturing reforms. It presents results of an analysis of democratization processes (including those in manufacturing process), interaction among Russian and foreign enterprises, dynamics of labor movement, and transformations in socio-working sphere (including innovative activities).

Keywords: social transformation, labor movement, innovative activities.

I.I. Travin, Y.M. Porezkina. The research of everyday life of Saint-Petersburg citizens in 1993–2001

Abstract: The paper presents a short description of two international projects (in cooperation with Finnish researchers), that were carried out by Sector of Social Structure's Investigation in 1993–2001. Both projects were devoted to the investigation of influence of transition from socialistic to market economy on everyday life of urban population at the different stages of market formation. Aims and objectives of these projects, methodology of data collection, short characteristics of received empirical data and main conclusions are presented in this paper. Based on the results of these projects it was concluded that the official market economy gained significant importance in the economic behavior of urban households in Russia.

Keywords: market economy, everyday life, urban population, transition.

A.S. Mischenko. Sociological analysis of the working conditions of scientists at the institutes of the Russian academy of sciences

Abstract: The article sums up the results of a research conducted by the author on various aspects of work done by scientists at the RAS establishments during which the scientist's working conditions have been analyzed. The methodological approach to the study of researcher's working conditions has been revealed, and the notion of "working conditions" has been defined in relation to scientific activity. Scientists' various activities, to which an evaluation of working conditions can be applied, have been examined. These areas comprise: the work organization of research teams, provision of research teams with equipment and materials, international scientific ties, cooperation of research teams with other research and academic institutions, evaluation of scientific results, further training, career path, salaries, living conditions. Problems typical of each of the above areas concerning the RAS researchers have been described. The article presents conclusions on tendencies in the changing working conditions of the RAS researchers between 2004 and 2008, recommendations are given how to improve the working conditions in RAS.

Keywords: working conditions, norm, legislation, rule of scientific activities, supply, salary, organization, international cooperation.

M.G. Matskevich, A.V. Rodionova. Locus of control and casual attribution of responsibility: general observations and specifics of study (based on the all-Russian and St.Petersburg students surveys)

Abstract: This article offers some arguments for locus of control and casual attribution being studied from a sociological perspective. The representative samples data analysis was carried out and age as a major source of variation has been identified as a cohort effect. Variations in locus of control and casual attribution in entering a specific university decision making are examined basing on the St.Petersburg students survey data. On the base of the homogeneous student sample, the assumption about an integrated family resource influence is put forward.

Keywords: Locus of control, casual attribution, responsibility, sociological methods for locus of control studies, inter-generational differences, socialization, education, students, Saint-Petersburg.

Sociology of deviance and social control

Y.I. Gilinsky. The social construction of deviance: “problematization” of problem

Abstract: In this article the author examines different kinds of deviance (crime, organised crime, corruption, narcotism, terrorism, homosexuality, pornography and prostitution) as social constructions. Author calls the subjects, stages and consequences of social designing.

Keywords: deviance, social construction, legislation

M.M. Rusakova. The impact child sexual abuse on the following involving women into prostitution

Abstract: The paper gives up to correlation between child sexual abuse and following involving into prostitution. It includes the review of modern scientific publications on this field and the results of author’s empirical research among women involving into prostitution in two Russian sites. Also the comparative analysis of the rate of child abuse among prostitutes and “normal” youths presents.

Keywords: child sexual abuse, prostitution, factor.

I.N. Gurvich. The using of psycho-active substance in Russia: methodic and organization problems of setting-up and changing

Abstract: The paper dives up the analytical results based on long-term research and methodological work on the problem of substance use in Russian Federation. Methodological and management problems of studies on prevalence and dynamic analyze. Possible difficulties of future developing of such studies especially in depends of authorities' needs formulate.

Keywords: psyho-active substance, organization, setting-up, changing.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Божков Олег Борисович — старший научный сотрудник, руководитель группы социально-культурных изменений.

Гилинский Яков Ильич — доктор юридических наук, профессор; главный научный сотрудник сектора социологии девиантности и социального контроля.

Гурвич Иосиф Наумович — доктор психологических наук, главный научный сотрудник сектора девиантности и социального контроля.

Дивисенко Константин Сергеевич — младший научный сотрудник группы социально-культурных изменений.

Еремичева Галина Васильевна — кандидат философских наук, заведующая сектором исследования социальной структуры.

Игнатова Светлана Николаевна — научный сотрудник сектора исследования социальной структуры.

Каныгин Геннадий Викторович — кандидат экономических наук, заведующий сектором теории и методологии.

Корнев Николай Ростиславович — кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник сектора исследования социальной структуры.

Максимов Борис Иванович — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник сектора социологии науки и инноваций.

Мищенко Александр Сергеевич — старший научный сотрудник сектора социологии науки и инноваций.

Панова Людмила Васильевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социологии здоровья.

Порецкина Евгения Моисеевна — научный сотрудник сектора исследования социальной структуры.

Протасенко Татьяна Захаровна — старший научный сотрудник группы социально-культурных изменений.

Русакова Майя Михайловна — кандидат социологических наук, научный сотрудник сектора девиантности и социального контроля.

Русинова Нина Львовна — кандидат экономических наук, заведующая сектором социологии здоровья.

Саганенко Галина Иосифовна — доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора социологии науки и инноваций.

Сафронов Вячеслав Владимирович — старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества.

Травин Игорь Иванович — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник сектора исследования социальной структуры.

Цветаева Нина Николаевна — научный сотрудник группы социально-культурных изменений.

Щелкин Александр Георгиевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора истории российской социологии.

Петербургская социология сегодня

Сборник научных трудов

Редактор *Г. Засыпкина*
Оригинал-макет *С. Кассина*
Дизайн обложки *С. Кассина*

Подписано в печать 14.10.2009. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ л. 24,125. Тираж 300 экз. Заказ № .

Издательство «Нестор-История»
197110, СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел.: (812) 235-15-86

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел.: (812) 622-01-23